

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History, Archeology and
Ethnography of the Caucasus*

Т. 22
№ 2. 2026

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра РАН**



ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE CAUCASUS

Т. 22

№ 2. 2026



Махачкала, 2026

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Мусеибли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Абдулвахובה Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Бабаджанов Бахтияр Мираимович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Осмаев Аббаз Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Бустанов Альфред Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Табатабаи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капанова Лейла Шамильевна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026
© Все авторы, Т. 22. №2. 2026

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

<i>Alikber K. Alikberov</i> , Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation	<i>Nadzhaf A. Museibli</i> , Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
<i>Bashir B. Bulatov</i> , Daghestan State University, Russian Federation	<i>Shain M. Mustafaeu</i> , Z. Bunyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
<i>Anatoliy P. Derevyanko</i> , The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation	<i>Vitaliy V. Naumkin</i> , Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
<i>Kimitaka Matsuzato</i> , University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan	<i>Michael A. Reynolds</i> , The Princeton University, United States

Editorial board

<i>Ramazan S. Abdulmazhidov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation	<i>Magomedkhan M. Magomedkhanov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Birlant B. Abdulvakhobova</i> , Chechen State University, Russian Federation	<i>Andrey N. Maksimchik</i> , Belarusian state University, Belarus
<i>Karim S. Alizadeh</i> , Grand Valley State University, Michigan, United States	<i>Vladimir Y. Malashev</i> , The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
<i>Tat'yana A. Anikeeva</i> , Institute of Oriental studies, Russian Federation	<i>Islam-bek T. Marzoev</i> , V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
<i>Yuriy D. Anchabadze</i> , The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation	<i>Anna V. Mastykova</i> , The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
<i>Viktoriya A. Arakelova</i> , Russian – Armenian University, Armenia	<i>Ashirbek K. Muminov</i> , L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
<i>Bakhtiyar M. Babadjanov</i> , The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan	<i>Borbala Obrušanszky</i> , Karoli Gaspar University, Hungary
<i>Tsira R. Baramidze</i> , Institute of Caucasology at Ivane Javakishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Abbaz D. Osmayev</i> , The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
<i>Vladimir O. Bobrovnikov</i> , The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Petersburg, Russian Federation	<i>Reinhold Sabine</i> , Deutsches Archäologisches Institut, Germany
<i>Alfrid K. Bustanov</i> , University of Amsterdam, Netherlands	<i>Rodrigue Barry H</i> , Symbiosis International University, India
<i>Murtazali S. Gadzhiev</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation	<i>Sevda A. Suleymanova</i> , Bunyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
<i>Teimuraz I. Gvantseladze</i> , Sukhumi State University, Georgia	<i>Seyed Hussein Tabatabayi</i> , Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
<i>Nana G. Gelashvili</i> , Ivane Javakishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Artur I. Taymazov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Emma D. Zilivinskaya</i> , N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation	<i>Alim I. Tetuev</i> , Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
<i>Michel M. Kazanski</i> , French National Centre for Scientific Research, France	<i>Shamil' S. Shikhaliev</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Ekaterina L. Kapustina</i> , Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation	<i>Vladimir R. Erlikh</i> , State Museum of Oriental Art, Russian Federation
<i>Jony J. Kvitsiany</i> , Institute of Caucasology at Ivane Javakishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Akhmet A. Yarlykapov</i> , MGIMO University, Russian Federation
<i>Svetlana G. Kudaeva</i> , Maikop State Technological University, Russian Federation	

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary Translator

<i>Leyla S. Kaplanova</i> Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation	<i>Magomedkhabib R. Seferbekov</i> The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation
--	--

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names
rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the
opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026
© All authors, V. 22. №2, 2026
Address of the editorial office: 367030, Makhachkala,
M. Yarakskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Закарияев З.Ш	АРАБСКАЯ НАДПИСЬ 1693–94 г. ИЗ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА О СТРОИТЕЛЬСТВЕ РИБАТА	236
Халаев З.А.	ГЕНЕАЛОГИЯ ДЖАРСКИХ ТУХУМОВ – КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДЖАРО-БЕЛОКАНА	249
Полчаева Ф.А.	ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ДИНАСТИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ	261
Мхитарян Г.Ж., Меликян Л.К.	ИЗ ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ АСТРАХАНИ И ЕЁ ВЛИЯНИЯ НА ВОСТОЧНУЮ ТОРГОВЛЮ В КОНЦЕ XVIII в.	269
Гезалова Н.Р.	ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ XVIII ВЕКА О НАДИР-ШАХЕ АФШАРЕ	282
Гусейнов Ю.М., Идрисов Ю.М.	СОЮЗ МУРТАЗАЛИ-ШАМХАЛА ТАРКОВСКОГО И ФАТАЛИ-ХАНА КУБИНСКОГО В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.	294
Бирюков А.М.	ПЕТРОВСК ПОД БРИТАНСКОЙ ОККУПАЦИЕЙ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	303

АРХЕОЛОГИЯ

Кириченко Д.А.	О РАЗРУШЕННОМ ПОГРЕБЕНИИ КУРО-АРАКСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА	313
Ендольцева Е.Ю., Глазов К.А.	АЛТАРНАЯ ПРЕГРАДА ЦЕРКВИ В с. ВЕСЕЛОЕ (АДЛЕРСКИЙ р-н БОЛЬШОГО СОЧИ): ПОПЫТКА ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ	326
Сергеев А.Ю., Куприянов Д.А.	РАСТИТЕЛЬНЫЕ МАКРООСТАТКИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗООГЕННЫХ ОТЛОЖЕНИЙ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ТОПЛИВА И ПИЩИ ПАСТУХОВ И ЖИВОТНЫХ	342
Маммаев М.М.	СВЕТСКИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ИСЛАМСКОГО ИСКУССТВА ДАГЕСТАНА XIII–XV вв.	357

ЭТНОГРАФИЯ

Мхитарян А.Р.	ОБЩИЕ ЧЕРТЫ КРЕЩЕНИЯ И РИТУАЛОВ ПЕРЕХОДА СРЕДИ АРМЯН	380
Петросян Э.Х.	МИСТЕРИЯ МУХАРРАМ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РИСУНКАХ В. ХОДЖАБЕКЯНА И В. ВЕРЕЩАГИНА	391
Головнева Е.В.	(АНТИ)РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ БЫТОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ГРУЗИИ В 1920-1930-е гг.	408
Атаев Б.М., Ибрагимова М.О., Магомедханов М.М.	СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ ДЛЯ МИНОРИТАРНЫХ ДАГЕСТАНСКИХ ЭТНОСОВ: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ VS ВОЗМОЖНОСТЬ (ИСТОРИКО-СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	419

ЭКСПЕДИЦИИ

Гаджиев М.С., Абдулаев А.М., Будайчиев А.Л., Таймазов А.И.	СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ КРЕПОСТИ АРКАБАШ	431
---	--	-----

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>Zakariyaev Z.Sh.</i>	ARABIC INSCRIPTION FROM SOUTHERN DAGESTAN, 1693–94 ABOUT THE CONSTRUCTION OF A RIBAT	236
<i>Khalaev Z.A.</i>	GENEALOGY OF THE DJAR TUKHUMS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF DJAR-BELOKAN	249
<i>Polchaeva F.A.</i>	THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF DAGESTANI DYNASTIES AND THE POTENTIAL OF GENETIC GENEALOGY	261
<i>Mkhitaryan G.Zh., Melikyan L.K.</i>	THE ADMINISTRATIVE AND JUDICIAL SYSTEM OF ASTRAKHAN AND ITS INFLUENCE ON EASTERN TRADE IN THE LATE 18TH CENTURY	269
<i>Gozalova N.R.</i>	EUROPEAN EIGHTEENTH-CENTURY SOURCES ON NADIR SHAH AFSHAR	282
<i>Guseynov Yu.M., Idrisov Y.M.</i>	THE ALLIANCE OF MURTAZALI-SHAMKHAL OF TARKI AND FATALI-KHAN OF QUBA IN THE RUSSIA CAUCASIAN POLICY (1760s–1780s)	294
<i>Biryukov A.M.</i>	PETROVSK UNDER BRITISH OCCUPATION: POLITICAL SITUATION AND THE DAILY LIFE DURING THE CIVIL WAR	303

ARCHEOLOGY

<i>Kirichenko D.A.</i>	EVIDENCE FROM A DISTURBED KURA-ARAXES BURIAL IN SOUTHEASTERN AZERBAIJAN	313
<i>Endoltseva E.Yu., Glazov K.A.</i>	THE ALTAR SCREEN OF THE CHURCH IN VESYOLOYE VILLAGE: AN ATTEMPT AT VIRTUAL RECONSTRUCTION	326
<i>Sergeev A.Yu., Kupriyanov D.A.</i>	PLANT MACROREMAINS FROM MEDIEVAL ZOOGENIC DEPOSITS: RECONSTRUCTION FOR SHEPHERD AND ANIMAL DIET AND FUEL USE	342
<i>Mammaev M.M.</i>	SECULAR FIGURATIVE MOTIFS IN THE ISLAMIC ART OF 13TH–15TH CENTURY DAGESTAN	357

ETHNOGRAPHY

<i>Mkhitaryan A.</i>	COMMON MANIFESTATIONS RITES OF PASSAGE AMONG THE ARMENIANS	380
<i>Petrosyan E.Kh.</i>	THE MUHARRAM MYSTERY AS REFLECTED IN THE DRAWINGS OF V. KHODJABEKYAN AND V. VERESHCHAGIN	391
<i>Golovneva E.V.</i>	ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA AND THE VISUALIZATION OF EVERYDAY RELIGIOSITY IN GEORGIA IN THE 1920S AND 1930s	408
<i>Ataev B.M., Ibragimova M.O., Magomedkhanov M.M.</i>	SCRIPT DEVELOPMENT FOR MINORITY ETHNICITIES OF DAGESTAN: FEASIBILITY VS. POSSIBILITY (HISTORICAL AND SOCIOLINGUISTIC ASPECT)	419

EXPEDITIONS

<i>Gadzhiev M.S., Abdulaev A.M., Budaichiev A.L., Taymazov A.I.</i>	RESQUE EXCAVATIONS AT THE ARKABASH FORTRESS	431
---	---	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222236-248>

Исследовательская статья

Закарияев Замир Шахбанович

д.и.н., проф. кафедры «Теория и практика перевода»

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия

zzakariyev@yandex.ru

АРАБСКАЯ НАДПИСЬ 1693–94 г. ИЗ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА О СТРОИТЕЛЬСТВЕ РИБАТА

Аннотация. В статье автором впервые вводится в научный оборот содержание ценной и информативной надписи на арабском языке, которая ныне хранится в музее высокогорного дагестанского (цахурского) селения Гельмец, а была обнаружена в соседнем цахурском селении Микик. Эта памятная надпись датирована 1105 г. хиджры (1693–94 г.). Она была составлена по случаю строительства сооружения, обозначенного в тексте термином *рибат*, что фиксируется в мусульманской эпиграфике Дагестана и России впервые. Установлено, что этот строительный объект по своему назначению носил, прежде всего, религиозный характер. Автор пришел к выводу, что под термином *рибат* следует понимать, в данном случае, суфийскую обитель, которая могла выполнять также функции караван-сарая и приюта для путников и странствующих суфиев (дервишей). О фактах существования *рибатов* в Дагестане в послемонгольское время не было известно. Находка надписи показывает, что *рибаты* продолжали строить в регионе и в конце XVII в. Строительство такого сооружения было напрямую связано с глубокими суфийскими традициями в Самурском регионе, который был очень рано исламизирован. В частности, это следует увязать с широким распространением тариката братства Халватийа, суфийские практики которого проникли в Южный Дагестан в XV–XVI вв. из соседнего Ширвана.

Надпись 1693–94 г. – одна из самых богатых в эпиграфике Дагестана по количеству приводимых в ней имен собственных (включая *насаб*). В надписи содержатся имена организатора строительства, его брата и отца, пятирх мастеров-строителей с указанием их происхождения. Отдельно указаны имена каллиграфа и резчика декоративной резьбы. Уникальный характер носит также информация надписи о том, что строительство *рибата* было осуществлено во время правления Амирхан-султана, который идентифицируется как правитель Цахуро-Илису-ского султаната – феодального владения, занимавшего верховья реки Самур в Южном Дагестане и небольшую смежную территорию Закавказья. О времени правления Амирхан-султана прежде не было известно. Кроме того, находка надписи поспособствовала решению давней научной проблемы, носившей дискуссионный характер, относительно времени переноса столицы султаната из Цахура в закавказский Илису. Перевод надписи снабжен научными комментариями.

Ключевые слова: Дагестан; арабская эпиграфика; *рибат*; Гельмец; Микик; цахуро-илисуйские султаны

Для цитирования: Закарияев З.Ш. Арабская надпись 1693–94 г. из Южного Дагестана о строительстве рибата // История, археология и этнография Кавказа. 2026. 22. No 2. С. 236–248. doi.org/10.32653/CH222236-248

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222236-248>

Research paper

Zamir Sh. Zakariyaev,
 Dr. Sci., Prof. of the Dep. of Translation Theory and Practice
 Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia
zzakariyaev@yandex.ru

ARABIC INSCRIPTION FROM SOUTHERN DAGESTAN, 1693–94 ABOUT THE CONSTRUCTION OF A RIBAT

Abstract. This article introduces into scholarly circulation for the first time a highly valuable Arabic inscription housed in the museum of the high-mountain Dagestani (Tsakhur) village of Gelmet, originally discovered in the neighboring Tsakhur village of Mikik. Dated to 1105 AH (1693–1694 CE), this commemorative inscription records the construction of a building designated as a *ribat* – marking the first documented appearance of this term in the Islamic epigraphy of Dagestan and Russia. The author establishes that the structure served a primarily religious purpose, concluding that the term *ribat* in this context denotes a Sufi monastery that simultaneously functioned as a caravanserai and shelter for travelers and wandering dervishes. Because the existence of post-Mongol invasion *ribats* in Dagestan was previously unknown, this discovery demonstrates that such institutions continued to be established in the region as late as the end of the 17th century. The construction of this *ribat* is directly linked to the deep-rooted Sufi traditions of the early Islamized Samur region, specifically the widespread influence of the Khalwatiyya tariqah, whose practices permeated southern Dagestan from neighboring Shirvan during the 15th and 16th centuries. Furthermore, the 1693–1694 inscription stands as one of the richest records in Dagestani epigraphy regarding prosopographical data, containing numerous proper names and patrilineal lineages (*nasabs*). The text identifies the construction's primary organizer, his brother, his father, and five master builders alongside their places of origin, while separately naming the calligrapher and the decorative stonecarver. The inscription reveals that the *ribat* was built during the reign of Amir Khan Sultan, identifying him as the ruler of the Tsakhur-Ilisu Sultanate – a feudal domain spanning the upper reaches of the Samur River in southern Dagestan and adjacent Transcaucasian territories. This reference provides the first historical markers for the previously unknown chronology of Amir Khan Sultan's reign. The complete translation of the inscription is presented alongside comprehensive scholarly commentary.

Keywords: Dagestan; Arabic epigraphy; Ribat; Gelmet; Mikik; Tsakhur-Ilisu sultans

For citation: Zakariyaev Z.Sh. Arabic inscription from Southern Dagestan, 1693–94 about the construction of a Ribat. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2 P. 236-248. doi.org/10.32653/CH222236-248

Богатое эпиграфическое наследие Дагестана является важным источником по истории и культуре региона. Неоценимую роль играют эпиграфические памятники при исследовании средневековой истории ислама в Дагестане. Интенсивная поисковая работа по выявлению мусульманских надписей продолжает приносить плоды. Причем это касается не только мест, прежде не охваченных полевыми исследованиями, но и пунктов, где уже работали специалисты. В полной мере это относится к горной зоне Южного Дагестана, где в свое время было выявлено множество ценных надписей разных эпох. Самые древние из них датируются специалистами X веком [1, с. 96–114].

Высокогорное цахурское селение Гельмец Рутульского района, что на крайнем юго-западе Республики Дагестан, расположено в верховьях реки Самур, на гребне горного отрога правобережья этой реки. Гельмец известен у историков-востоковедов и эпиграфистов наличием ценных эпиграфических памятников XII века, выполненных архаичным почерком «куфи» [2, с. 64; 1, с. 22–23, 28–30]. Мы посетили это селение 28 июля 2025 г. в ходе полевых эпиграфических исследований¹. Среди экспонатов небольшого краеведческого музея² Гельмеца наше внимание привлекла каменная стела с врезными арабскими надписями и декором (Рис. 1–5). Как оказалось, эта плита была обнаружена около 15 лет назад в соседнем старинном цахурском селении Микик, что на противоположном левом берегу Самура, а затем привезена в Гельмец и с тех пор бережно хранится в музее. Экспонат не был атрибутирован, а арабский текст стелы не был переведен.

Стела с расширяющимся верхом имеет высоту 58 см, при ширине 33 см в верхней части. Ширина в нижней части – 23 см. Средняя толщина – 8 см. Объемный основной текст из 15 строк помещен в прямоугольное поле в рамке и продолжается под ней. Десять строк, находящихся внутри рамки, разделены поперечными линиями, а нижние пять строк их не имеют. Прямоугольное поле увенчано декоративным заостренным шпилем, который сопровождают две вихревые розетки с концентрическими кругами. Внешний облик стелы очень напоминает надмогильный памятник, однако изучение арабского текста показало, что это не эпитафия, а строительная надпись. Она нанесена убористым почерком «наسخ» без огласовок. В ряде случаев проставлены *шадды* (надстрочные знаки удвоения согласных букв).

Основной текст стелы начинается с мусульманской вступительной формулы *басмала*, после чего следуют воззвания к Аллаху, пророку Мухаммаду и четвертому праведному халифу ‘Али б. Аби Талибу (ум. в 661 г.). Орфография арабского текста приводится без изменений.

بسم الله الرحمن الرحيم يا الله يا محمد يا علي
الحمد لله اعزّ اوليائه بالايمن والحسنات
واذلّ اعداءه بالكفر والطغيان
والصلوة والسلام على محمد خير الانام وعلى آله
الابرار واصحابه النجم الهدى اما بعد فهذا الرباط
بنى حسين علي من تركة اخيه رجب هما ابني
امير شريف زاخوري غفر الله تعالى لهم طمعا الى الجنة وخوفا
من النار واستاده درويش بن حسين وحسن بن ممي
وابلي بن سيد وعلم بن ملا عمر زاخوري وجان
محمد بن شعبان قرية قردول غفر الله تعالى لهم ولمن
اعان لهم ولجميع المومنين والمومنات والمسلمين والمسلمات
في تاريخ سنة الف ومائة وخمس من هجرة نبي محمد
صلى الله عليه وسلم في زمان ولاية اميرخان
سلطان سلمه الله تعالى في الذن
امين

Перевод:

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. О, Аллах! О, Мухаммад! О, ‘Али!

Хвала Аллаху, Который укрепил Своих угодников в вере и добрых делах,
и унизил Своих врагов неверием и беззаконием.

Да пребудут мир и благословение над Мухаммадом – лучшим из людей, его благочестивой семьей

¹ В поездке автора статьи сопровождали жители селения Ахты Ахтынского района Дагестана Ширинбег Мирзоев, Али Магомедов и Абубакр Вагабов, которых автор благодарит за оказанную помощь и ценную информацию.

² Директор музея – Асланбег Байрамович Давудов.

и сподвижниками – путеводными звездами. А затем. Этот *рибат* построил (*бана*) Хусайн-‘Али³ [на средства] из наследства своего брата Раджаба. Они оба – сыновья Амир-Шарифа из Цахура (*Захури*⁴), – да простит их Всевышний Аллах. Желая раю и в страхе перед адом. А мастера (*устад*) – Дарвиш, сын Хусайна; Хасан, сын Мама; Аблай, сын Саййида, и ‘Алим, сын *малла* ‘Умара из Цахура (*Захури*), а [также] Джан-Мухаммад, сын Ша‘бана [из] селения Курдул (*карийат Курдул*), – да простит их Всевышний Аллах, и тех, кто

помогал им, всех уверовавших мужчин и женщин, мусульман и мусульманок.

В дату – тысяча сто пятый год по *хиджре* пророка Мухаммада,

– да благословит его Аллах и приветствует, во время правления Амирхан-султана, – да хранит его Всевышний Аллах для тех, кто [скажет]:

«Аминь!»⁵.

1105 г. хиджры соответствует 01.09.1693 – 21.08.1694 г.

Подпись каллиграфа нанесена вертикально в верхнем левом углу стелы:

كتبه الحقيير الفقير عبد الجليل بن ملا حاج غفر [الله لهما] امين

Перевод:

«Написал (*катаба*) это ничтожный бедняга ‘Абд ал-Джалил, сын *малла*⁶ Хаджи, – да простит [их Аллах]. Аминь!».

Кроме того, каллиграф отдельно нанес информацию о резчике декора стелы. Вначале эту запись он начал было выводить вертикально, слева от основного текста, на уровне четвертой строки, но затем передумал и нанес одной строкой горизонтально, непосредственно над основным текстом, поперек декоративного завершающего прямоугольного поля.

فهذا ونقشه امام الرضى بن قربان علي ضاخوري امين

Перевод:

«А это высек (*накаша*) Имам ар-Рида, сын Курбан-‘Али из Цахура (*ад-Дахури*⁷). Аминь!».

Примечательно, что информацию о собственном происхождении каллиграф не приводит. Для дагестанской эпиграфики на арабском языке это характерно в ситуации, когда упоминаемое лицо является местным жителем. Обычно в строительных надписях нисба отмечается только в тех случаях, когда строитель или каллиграф не является жителем данного селения [1, с. 237, 421]. Поскольку надпись была составлена, предположительно, в Микике, можно полагать, что и каллиграф был уроженцем этого селения. Впрочем, нельзя исключать возможность того, что каллиграфом был житель высокогорного цахурского селения Курдул, которое расположено к югу от Гельмеца, буквально в нескольких километрах от подножия Главного Кавказского хребта. В одной из рукописных книг, хранящихся в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН (Ф. 14. № 1746), автором выявлена запись, которую сделал 21 раби‘ ал-ахира 1102 г. хиджры (21.01.1691 г.) ‘Абд ал-Джалил, сын *хаджжи* ‘Умара ал-Курдули. Запись сделана за 2-3 года до составления надписи 1693–94 г.

Объект строительства обозначен в этой весьма информативной и содержательной надписи арабским термином *рибат* (رباط), который встречается в мусульманской эпиграфике Дагестана впервые. В арабском языке этот термин имеет несколько значений. Одно из них – «постоялый двор», «караван-сарай», т.е. сооружение, предназначенное для путников. Отметим, что за всю историю изучения мусульманской эпиграфики в Дагестане не было ни единого случая выявления надписи о строительстве караван-сарая. Кроме того, термином *рибат*, наряду с некоторыми другими арабскими и персидскими терминами, обозначалась суфийская обитель [3, с. 18]. В определении объекта строительства и его назначения ключевую роль играет одно важное обстоятельство. Дело в том, что сообщение

3 Графическая основа первой части двусоставного имени высечена как «Хусайн», однако под буквой *йа* не проставлены точки. Не исключено, поэтому, что каллиграф хотел написать имя «Хасан-‘Али», но допустил орфографическую ошибку.

4 Нисба «Захури» добавлена над строкой. Она написана без определенного артикля, на персидский манер. Эта нисба указывает на происхождение из селения Цахур, расположенного по соседству, чуть выше по течению Самура, на его левом берегу.

5 Мольба в окончании текста включает в себя каждого, кто говорит «Аминь!» после этой мольбы.

6 В Южном Дагестане термин *малла* (знак мусульманского права и ритуала) употребляется в форме *малла*.

7 Нисба «ад-Дахури», обозначающая селение Цахур, встречается в такой форме (с буквой *ض* – *дад*) впервые. Обычно звук «ц» при написании нисбы, образованной от названия селения Цахур, передается в арабографических письменных памятниках посредством арабской буквы *за* (ز), либо аджамной литерой с дополнительными точками – ز. Примеры передачи звука «ц» арабской буквой *дад* известны в Дагестане. Например, селение Маза ныне Ахтынского района Дагестана (по-лезгински – *Маца*, *Мацар*) в письменных памятниках нередко фигурирует как «Мада», а нисба – «ал-Мади» (المضي).

о строительстве *рибата* в надписи сопровождается фразой «желая рая и в страхе перед адом» (طمعا الى الجنة وخوفا من النار). В арабской эпиграфике Дагестана эта трафаретная фраза присутствует, как правило, лишь в строительных надписях о возведении либо ремонте исламских культовых построек – мечетей и минаретов, т.е. сооружений сугубо религиозного назначения. Таким образом, фраза «желая рая и в страхе перед адом» служит своего рода маркером, отличительной особенностью строительных надписей мусульманских религиозных сооружений. Исходя из этого факта, прояснение вопроса о назначении постройки лежит, прежде всего, в религиозной плоскости. У нас нет сомнений в том, что объект, отмеченный в надписи как *рибат*, носил суфийский характер, поскольку этим термином обозначалась одна из организационных форм суфизма на средневековом Кавказе, наряду с *та'ифа*, *завийа* и *ханака*. Обстоятельный разбор этих терминов, как и обозначаемых ими суфийских общин и обителей, приводится в труде А.К. Аликберова [4, с. 236–241]. В Позднем Средневековье и в Новое время суфийская обитель обозначалась также в Южном Дагестане турецким термином *текке*. Примером этому может служить суфийская обитель в горном лезгинском селении Хлут [5, с. 337]. Дж.С. Тримингэм высказал предположение, что *рибат* был приютом или учебным центром арабского типа, в то время как *ханака*, где обучение не проводилось, была общежитием персидского типа [3, с. 28]. В другом месте Дж.С. Тримингэм отмечает, что слово *рибат* было весьма широким в смысловом отношении, так как существовали *рибаты* для душевнобольных и наряду с ними существовали *рибаты*, служившие ночлегом для суфийских паломников и странников [3, с. 140]. Впрочем, по сути, все эти термины (*рибат*, *завийа*, *ханака*, а также *халва*) означали, по его же мнению, одно и то же – суфийскую обитель [3, с. 18].

Первоначально *рибатами* назывались укрепленные поселения, форты и крепости, в которых располагались пограничные посты арабов. Согласно Корану (3:200; 8:60) и некоторым хадисам (ал-Бухари, Муслим), несение службы на границе и охрана мусульманских границ является богоугодным делом. В условиях Кавказа *рибаты* долгое время сохраняли свое военно-политическое значение, – даже после того, как их обитатели, которых стали называть *газиями*, т.е. воителями за веру, взяли на себя роль активных распространителей ислама. В суфийской энциклопедии XI–XII вв. «*Райхан ал-хака'ик ва-бустан ад-дака'ик*» дербентского ученого-богослова и суфия Абу Бакра ад-Дарбанди содержатся сведения о том, что уже к XI в. *рибаты* были подвержены значительному влиянию суфизма, принимая характерные черты религиозных общин-братств. В периферийных областях Халифата, включая Закавказье и Северный Кавказ, происходил интенсивный процесс превращения пограничных *рибатов* в *рибаты* суфийские. Практика собраний в *рибатах* распространилась во многих регионах исламского мира. На Кавказе их строительство особенно активизировалось при Сельджукидах в конце XI – начале XII в. К примеру, известно о существовании *рибата* в поселении ал-Хумайдийа⁸ [4, с. 237–238]. К сожалению, о функционировании дагестанских *рибатов* в последующем, в послемонгольский период и позже, практически ничего не известно. Находка уникальной надписи 1693–94 г. показывает, что *рибаты* продолжали строить в Дагестане и в конце XVII в.

Следует отметить, что территория бассейна реки Самур была одним из наиболее ранних и основных очагов распространения суфийских идей в средневековом Дагестане. Арабская надпись из селения Рутул⁹, расположенного ниже по течению Самура, сообщает о строительстве суфийской обители (*ханака*) в 1150 г. [2, с. 63–64, 176; 1, с. 24–28]. Известно о существовании суфийских обителей в Позднем Средневековье и Новом времени в лезгинских селениях Хлут¹⁰ и Хрюг¹¹ [5; 6]. В ряде надписей региона организаторами строительства или ремонта мечетей и минаретов указаны суфийские деятели, отмеченные терминами *шейх*, *пир*, *баба*, соответственно, арабского, персидского и тюркского происхождения. В Самурском регионе Дагестана сохранилось множество мавзолеев и захоронений, связываемых с именами местных и пришлых суфиев.

Примечательно, что *рибаты* строились, как правило, в городах, а также вдоль оживленных караванных путей и укрепленных линий. А.К. Аликберов пишет, что на Кавказе в домонгольскую эпоху они были созданы на базе сасанидских укреплений, расположенных в наиболее удобных в военно-политическом отношении поселениях-крепостях, в местах пересечения транспортных путей, у горных проходов, на стратегических высотах, в долинах рек. Выполняя функции военных

8 Ныне селение Гимейди Дербентского района Дагестана.

9 Рутульское селение Рутул – ныне райцентр Рутульского района Дагестана.

10 Селение Хлут расположено в Рутульском районе Дагестана.

11 Селение Хрюг расположено в Ахтынском районе Дагестана.

и религиозно-административных постов на всей протяженности караванных маршрутов, они служили не только домом и пристанищем, сначала для пограничных гарнизонов, а затем и для *газиев* и суфиев, живших в них и их охранявших, но и караван-сараями для всех путников и странников [4, с. 238]. Селение Микик, где была обнаружена стела с надписью 1693–94 г., расположено как раз в долине реки Самур, на оживленной дороге, соединяющей поселения верховьев этой реки, включая политический центр региона – Цахур, с населенными пунктами Среднего и Нижнего Самура, с выходом на Прикаспийскую низменность и в район Дербента. Кроме того, именно у Микика сходятся дорога по Самуру и горный путь, ведущий через Гельмец и Курдул к перевальной тропе через Главный Кавказский хребет с выходом в Закавказье (район Сарыбаша, Илису и Каха). Построенный в Микике *рибат* представлял собой, по всей видимости, укрепленное сооружение, предназначенное для обучения и проживания суфиев, совершения в нем богослужения и суфийских практик. Одновременно объект мог выполнять функции караван-сарая и приюта для странствующих суфиев (дервишей). Строительство такого сооружения было напрямую связано с глубокими суфийскими традициями в Самурском регионе, который был очень рано исламизирован. В XV–XVI вв. в Южный Дагестан из Ширвана проникает тарикат суфийского братства Халватийа, затем распространившийся далее на север [6, с. 326–327]. В верховьях Самура широкое распространение практик Халватийа связано с деятельностью таких известных суфийских деятелей XVI в., как *шейх султан* Амир ал-Мишлиши¹² [7] (ум. в 1563 г.) и его преемник *шейх* Махмуд аз-Захури. Последний происходил, как установлено автором, из отдаленного цахурского селения Аттал (ныне в Рутульском районе Дагестана) [7, с. 110].

Организатором-заказчиком строительства *рибата*, согласно надписи, был Хусайн-‘Али из Цахура, который профинансировал строительство, используя (возможно, по завещанию) наследство своего брата по имени Раджаб. В тексте указано также имя их отца – Амир-Шариф, который был, очевидно, состоятельным и влиятельным человеком. Он упоминается в надписи из Цахура, составленной летом 1668 г. по случаю восстановления мечети после землетрясения¹³. Организатором восстановления мечети надпись называет Мухаммад-Джана, сына Амир-Шарифа. Таким образом, Мухаммад-Джан был братом (вероятно, старшим) Хусайн-‘Али и Раджаба.

Селение Цахур в эпоху Позднего Средневековья было политическим центром микрорегиона верховий Самура, где в это время существовало феодальное владение Цахурский султанат. Этот дагестанский микрорегион также известен в историко-этнографической литературе под названием «Горный магал». Цахурским *султанам* во второй половине XVI – XVII вв. принадлежала и смежная территория Закавказья (ныне Кахский район Азербайджанской Республики), что хорошо прослеживается по *фирманам* (пожалованным грамотам) иранских шахов из династии Сефевидов и султанов Османской империи, опубликованным в АКАК. Впоследствии политический центр султаната переместился за южный склон Главного Кавказского хребта, в селение Илису (Елису), что на территории нынешнего Кахского района АР. Впрочем, илисуйские правители продолжали всячески подчеркивать свое происхождение из Цахура, что видно по сохранившимся эпитафиям представителей этой владетельной фамилии [9, с. 83, 84, 87, 88, 92, 94]. Последний цахуро-илисуйский правитель Даниял-султан был отстранен от власти российскими имперскими властями в 1844 г., а Илисуйское владение ликвидировано.

В рассматриваемой надписи приводятся имена и *насабы*¹⁴ сразу пятерых мастеров-строителей, непосредственно осуществивших строительство *рибата*. Имена такого количества мастеров в одной надписи встречаются в дагестанской эпиграфике по XVII в. включительно крайне редко. Они отмечены в надписи профессиональным званием *устад*. Это самый распространенный термин для обозначения строителей-профессионалов в мусульманской эпиграфике Дагестана. Звание *устад* – это не просто украшение к имени строителя. Оно не может быть применено к любому строителю вообще, а лишь к мастерам высокой квалификации [1, с. 422]. Четверо из указанных в надписи мастеров были уроженцами Цахура, а один (Джан-Мухаммад, сын Ша‘бана) был родом из селения Курдул. В надписи 1693–94 г. зафиксировано одно из самых ранних письменных упоминаний селения Курдул, которое

12 Нисба обозначает цахурское селение Мишлеш, расположенное примерно в 15 км от Микика, выше по течению Самура.

13 Речь идет о катастрофическом по масштабу жертв и разрушений землетрясении января 1668 г. Это землетрясение, охватившее обширную территорию Восточного Кавказа, упоминается во многих письменных источниках. О цахурской надписи 1668 г. кратко сообщается (без перевода и фотографии) в публикации А.Р. Шихсаидова и А.Ш. Исмаилова [8, с. 51].

14 *Насаб* – имя отца и предков по отцовской линии.

имеет многовековую историю¹⁵. Первым из мастеров указан Дарвиш¹⁶, сын Хусайна. Он упоминается в надписи 1112/1700–01 г. из селения Илису среди мастеров-строителей, построивших главную (пятничную) мечеть в правление ‘Али-султана [9, с. 83]¹⁷. Благодаря надписи 1693–94 г. стало известно имя отца Дарвиша – Хусайн. Вторым в нашем тексте указан мастер Хасан, сын Мама. Имя «Мамай» (مامي; مامي; مامي) не раз встречается в средневековых надписях с упоминанием мастеров-строителей из Цахура [11, с. 19–23; 12, с. 61–62]. Не исключено, что Хасан, сын Мама, принадлежал к ремесленной династии мастеров из Цахура, имена которых нам известны, начиная с XIV века [13, с. 143; 11]. Третьим из мастеров назван Аблай, сын Саййида. Мужское имя «Аблай» фиксируется в эпиграфике Дагестана впервые. Это имя поныне встречается у цахуров. В селении Лакит (Лекит) ныне Кахского района Азербайджанской Республики М.С. Неймат выявила эпитафию 1778 г. *хаджжи* Вали, сына *хаджжи* Аблая¹⁸ аз-Захури [9, с. 97]. Вполне возможно, что *хаджжи* Аблай аз-Захури и был одним из мастеров-строителей *рибата*. С этим предположением согласуются как нисба Аблая, так и дата эпитафии. Четвертым среди мастеров из Цахура указан ‘Алим, сын *малла* ‘Умара. Его отец был знатоком мусульманского права и ритуала, на что указывает термин *малла* перед его именем. Наконец, пятым строителем *рибата* надпись называет жителя селения Курдул Джан-Мухаммада, сына Ша‘бана.

Очень важная информация содержится в конце надписи, где говорится о том, что сооружение *рибата* произошло во время правления Амирхан-султана. Феодалный титул *султан* при имени однозначно указывает на то, что Амирхан был правителем султаната, в состав которого входил как Горный магал в верховьях Самура с центром в Цахуре, так и сопредельная территория Закавказья. Этот феодалный титул в Позднем Средневековье вначале носили правители Цахурского султаната, а позже – Илисуйского султаната, после того как центр владения переместился на смежную территорию Закавказья, за южный склон Главного Кавказского хребта, в селение Илису (Елису), что на территории нынешнего Кахского района АР. Прежде не было достоверно известно о правившем в конце XVII в. цахуро-илисуйском *султани* по имени Амирхан. Известные арабоязычные эпиграфические памятники, опубликованные персидские и турецкие фирманы не упоминают о таком правителе в 90-х гг. XVII в. Также и в списке известных тогда науке цахуро-илисуйских владетелей XVII в., составленном Л.И. Лавровым (14, с. 156), нет правителя с именем Амирхан¹⁹. Первый из цахурских правителей, по имени Ади-Курклу-бек, впервые стал известен по фирману иранского *шаха* Тахмаспа I от 1563 г. [15, с. 1085]. Его правление продолжалось не менее 35 лет. После него в XVII в. последовательно правили, наследуя власть по прямой отцовской линии, его сын ‘Али-султан I (‘Али-бек; «Сары» ‘Али-бек), внук Мухаммад-хан и правнук Халил-султан (Халил-бек). Правление последнего хорошо прослеживается по фирманам и эпиграфическим материалам с 1642 г. по 1670–71 г. Л.И. Лавров упоминает в своем списке о Мухаммад-султани, правившем, якобы, в промежутке между 1670–1696 гг., однако это мнение основано на ошибочном прочтении Лавровым даты одной из строительных надписей в селении Мишлеш [14, с. 52]. Нами доказано, что эта надпись датирована не 1136/1724 г., как считает Л.И. Лавров, а 1036/1627 г. Т.е. речь в ней идет, очевидно, о Мухаммад-хане [16, с. 43]. Достоверно известно, что в месяце раджаб 1107 г.х. (4.02.–4.03.1696 г.) правителем Цахура и Илису (впоследствии и Шекинской провинции) стал ‘Али-султан II [17, с. 774]²⁰, правление которого продлилось вплоть до 1145/1732–33 г. [9, с. 87]. Неясные сведения о правителе по имени Амирхан содержатся лишь в очень кратком материале под названием «Краткое историческое сведение о султанах Елисуйских», опубликованном в АКАК [18, с. 449]. В этом материале, составленном на основе преданий, говорится о том, что правнук ‘Али-султана I (‘Али-бека), правившего в начале XVII в., по имени Амирхан («Эмир-хан»), был первым, кто построил селение Илису и устроил там резиденцию цахурских правителей²¹. Все прежние цахуро-илисуйские *султаны*, согласно этому преданию, жили в горном Цахуре, причем Амирхан назван

15 В Курдуле автором статьи выявлены арабские куфические надписи XII–XIII вв. Селение Курдул известно также под названием Лек.

16 *Дарвиш* (перс.-тур. *дарвиш*) – термин для обозначения члена суфийского братства, синоним термина «суфий». Слово *дарвиш* употреблялось также в более узком смысле – нищенствующий бродячий аскет-мистик [10, с. 56].

17 В строительной надписи 1700–01 г. из Илису приводятся нисбы мастеров, образованные от названий сразу четырех цахурских селений – Цахур, Илису, Мишлеш и Курдул. Нисбы «Мишлиши» (میشلیشی) и «Курдули» (کردولی) были прочтены М.С. Неймат ошибочно – «М-с-л-н-и» и «Курд-Кули» соответственно.

18 Имя «Аблай» М.С. Неймат читает как «А-б-л-и».

19 В списке Л.И. Лаврова упоминается Амирхан-султан, но как правивший в 1749–50 г.

20 Дата составления фирмана ‘Али-султани II (раджаб 1107 г.х.) приходится не на 1695 г., как часто пишут, а на 1696 г.

21 Т.М. Айтберов и Ш.М. Хапизов хронологически относят эти события «примерно к 1619–1623 гг.» [19, с. 39].

«наследником» Ади-Курклу-бека, сына Мухаммад-хана, сына 'Али-бека. 'Али-султана II, правившего султанством с 1696 г., предание называет «двоюродным братом» Амирхана. Надо сказать, что генеалогия цахуро-илисуйских султанов XVII в., приводимая в материале «Краткое историческое сведение о султанах Елисуйских», не упоминает многолетнего правителя по имени Халил-султан (Халил-бек), который был, согласно эпиграфике, сыном Мухаммад-хана и братом Ади-Курклу-султана II. Последний скончался, как сообщает надпись на его надмогильном камне в Цахуре, в 1105/1693–94 г. [19, с. 68]. Правивший с 1107/1696 г. цахуро-илисуйский владетель 'Али-султан II был сыном Ади-Курклу-султана II [9, с. 87]. Что касается Амирхан-султана, то его родословная содержится в эпитафии его сына 'Али-султан-бека, который умер в 1171/1757–58 г. и похоронен в Илису [9, с. 92]. Согласно этой эпитафии, Амирхан-султан, упоминаемый в надписи о строительстве *рибата*, был сыном Халил-султана, сына Мухаммад-хана, сына 'Али-бека ('Али-султана I). Следовательно, имеющееся в материале «Краткое историческое сведение о султанах Елисуйских» упоминание о том, что Амирхан-султан приходился двоюродным братом 'Али-султану II – правителю Илису и Цахура с 1696 г., должно быть признано достоверным, поскольку их отцы – соответственно, Халил-султан и Ади-Курклу-султан II, были братьями – сыновьями Мухаммад-хана. Последний неоднократно упоминается как правитель Цахура в фирманах иранских шахов и турецких султанов [15, с. 1086–1087]. О том, что 'Али-султан II сменил во власти над султанством двоюродного брата (без упоминания его имени), говорится и в фирмане, выданном 'Али-султану II в 1696 г. сефевидским шахом Ирана Султан-Хусайном (1694–1722) [17, с. 774]. Причем в фирмане подчеркивается, что 'Али-султан утверждается правителем Цахурского султаната («Захурской провинции») «на том самом основании, на каком оно утверждено было за двоюродным его братом». Следовательно, Амирхан-султан обладал таким же фирманом и был официально утвержден в своей должности правителя султаната Сефевидами. В реальности существования такого фирмана сомневаться уже не приходится, несмотря на то, что его текст не выявлен.

Таким образом, после смерти Халил-султана, сына Мухаммад-хана, правившего с 1642 г. не менее 30 лет, цахуро-илисуйским правителем какое-то время был Ади-Курклу-султан II. После его смерти в 1105/1693–94 г. власть в султанате перешла не к его сыну, а к племяннику – Амирхан-султану, сыну Халил-султана, что согласуется как со сведениями о «наследнике» Ади-Курклу II из материала «Краткое историческое сведение о султанах Елисуйских», так и с содержанием новооткрытой надписи 1693–94 г. о строительстве *рибата*. Отныне достоверно установлено, что предшественником 'Али-султана II – правителя Илису и Цахура с 1696 г., был его двоюродный брат Амирхан-султан. За свое недолгое правление, которое продолжалось около 2–3 лет, с 1693–94 г. по 1696 г., Амирхан-султан сделал селение Илису «обыкновенным пребыванием владетелей», т.е. резиденцией султанов. Благодаря находке надписи о строительстве *рибата*, превращение Илису в резиденцию и местопребывание султанов отныне надежно датировано. Прежде этот вопрос был дискуссионным. Исследователи высказывали разные мнения относительно времени перемещения политического центра султаната из Цахура в Закавказье. К примеру, известный кавказовед Л.И. Лавров придерживался точки зрения, что это произошло «около 1720-х гг.» [14, с. 127]. Находка надписи о строительстве *рибата* позволяет, наконец, поставить точку и в этом вопросе. Информация из материала «Краткое историческое сведение о султанах Елисуйских» о переносе резиденции султанов из Цахура в Илису при Амирхан-султани должна быть признана достоверной. Поскольку надпись о строительстве *рибата* позволила установить четкие хронологические рамки правления Амирхан-султана, то и перенос резиденции султанов следует отнести ко времени между 1693–1696 гг. В «Кратком историческом сведении о султанах Елисуйских» говорится о том, что и само селение Илису было построено Амирхан-султаном, но это весьма сомнительно²². Точная дата смерти Амирхан-султана пока не известна, как не обнаружено и место его захоронения. По всей видимости, он скончался в начале 1696 г.

Сохранившаяся датированная надпись на стеле, что находится ныне в сельском музее Гельмеца, является единственным свидетельством существования суфийской обители (*рибата*) в верховьях Самура в конце XVII в. Информативность и историко-культурная значимость этой надписи позволяют отнести ее к числу наиболее ценных эпиграфических памятников Дагестана. Доподлинно неизвестно, где именно находилось несохранившееся здание *рибата* – в самом селении Микик, где была обнаружена надпись, или в его окрестностях. Нельзя исключать возможности вторичного использования

22 В Илису обнаружены эпитафии 1067/1656–57 г. и 1077/ 1666–67 г. [9, с. 82].

плиты с надписью при строительстве в селении другого, более позднего сооружения. Неизвестно также, до какого времени *рибат* продолжал функционировать. Достоверных данных об этом не сохранилось. Можно лишь предположить, что *рибат* просуществовал, как минимум, до первых походов войск иранского Надир-шаха в Дагестан в середине 1730-х гг., когда южная часть региона была им разорена. Походы Надир-шаха сопровождались не только массовой гибелью людей, но и разрушением построек, включая мусульманские культовые сооружения²³. Множество старинных построек в цахурских селениях было утрачено не только в советские годы, но и еще в середине XIX в. Дело в том, что во время Кавказской войны, в июне 1852 г. Микик, как и другие селения Горного магала, был разрушен и сожжен имперскими войсками российского генерала барона А.Е. Врангеля. Все жители микрорегиона были насильственно выселены на южные склоны Главного Кавказского хребта²⁴. Лишь через десять лет им было дозволено вернуться на родные пепелища. Тем удивительнее, что после таких трагических событий в цахурских селениях сохранилось много ценных надписей и не прекращаются их новые находки. Селение Микик не является здесь исключением. Среди выявленных здесь нами в последние годы эпиграфических памятников можно выделить надпись 1408 г. о строительстве минарета [11, с. 21–22], надпись первой половины XV в. о ремонте мечети по приказу «всемогущего правителя» (*ал-амир ал-а'изз*) Махлуджа (*مهلوج*) [60, с. 40]. Кроме того, нами установлено, что известная надпись о строительстве мечети «величайшим правителем» (*ал-амир ал-а'зам*) Бадалом, сыном Малиджа (*بدل ابن مالج*) находится не в Мишлеше, как считалось долгие годы, а в Микике. Публикацией этой надписи Л.И. Лаврова [2, с. 82–83], содержащей неточности, пользовались многие авторы. По нашему мнению, надпись датирована не 644/1247 г., как считал Лавров, а вслед за ним и другие авторы, а 744/1344 г. [16, с. 40–41].

Рассмотренная надпись о строительстве *рибата* позволяет уточнить генеалогию цахуро-илисуйских правителей XVII в. Впервые установлены годы правления цахуро-илисуйского правителя Амирхан-султана, сына Халил-султана. Находка надписи позволила надежно определить время переноса столицы султаната из Цахура в Илису. Не исключено, что накопление новых научных данных позволит в будущем пролить свет на возможную династическую связь цахуро-илисуйских правителей XVI–XVIII вв. с династией Кадиридов, правившей в цахурских селениях в XIV–XV вв. [16, с. 37–41].

23 Например, в стене мечети лезгинского селения Гельхен ныне Курахского района Дагестана автором выявлена и прочтена арабская строительная надпись 1168/1754–55 г., где сообщается о разрушении войсками Надир-шаха «наших мечетей».

24 Жители Микика были выселены в Илису, о чем сообщает выявленная нами в Микике арабская строительная надпись начала 1860-х гг.



Рис. 1. Стела с надписью 1693-94 г. о строительстве рибата. Общий вид

Fig. 1. Stele with the 1693–1694 inscription commemorating the construction of the ribat. General view



Рис. 2. Верхняя часть стелы

Fig. 2. Upper section of the stele



Рис. 3. Начало основного текста

Fig. 3. Opening section of main text

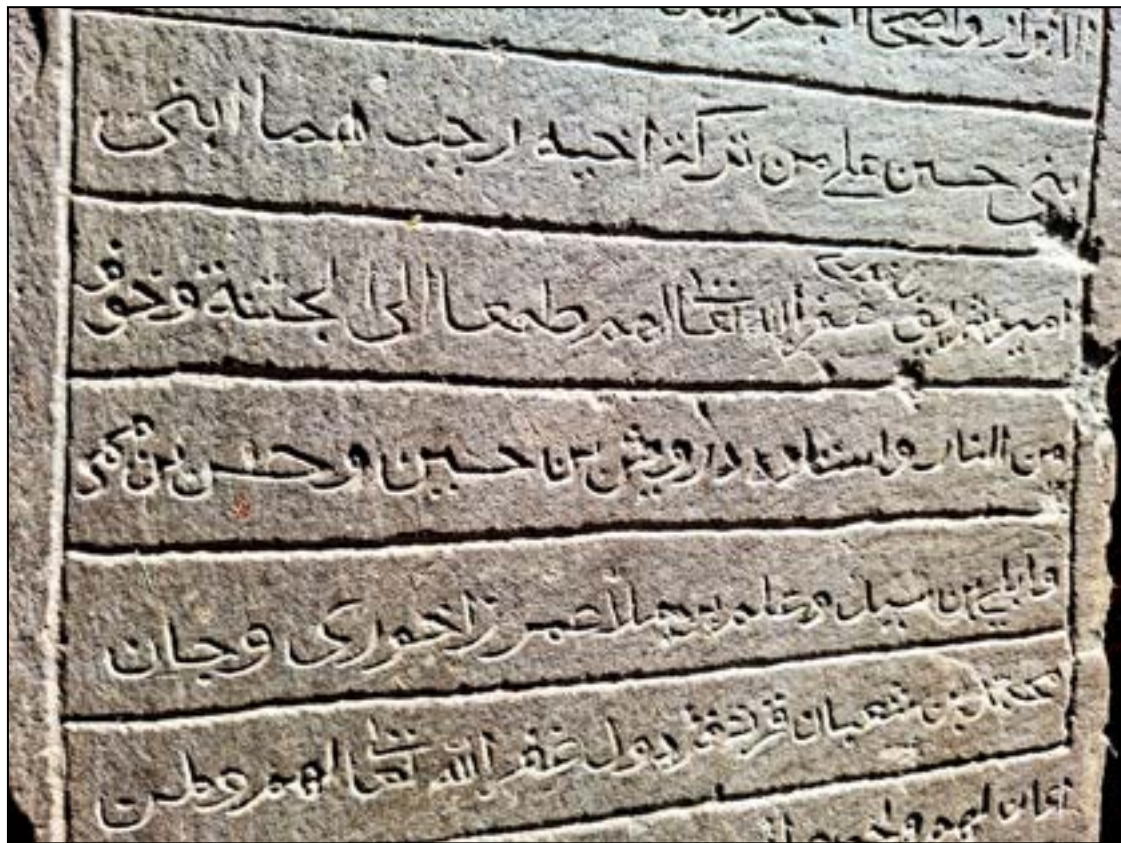


Рис. 4. Центральная часть текста

Fig. 4. Central section of the text

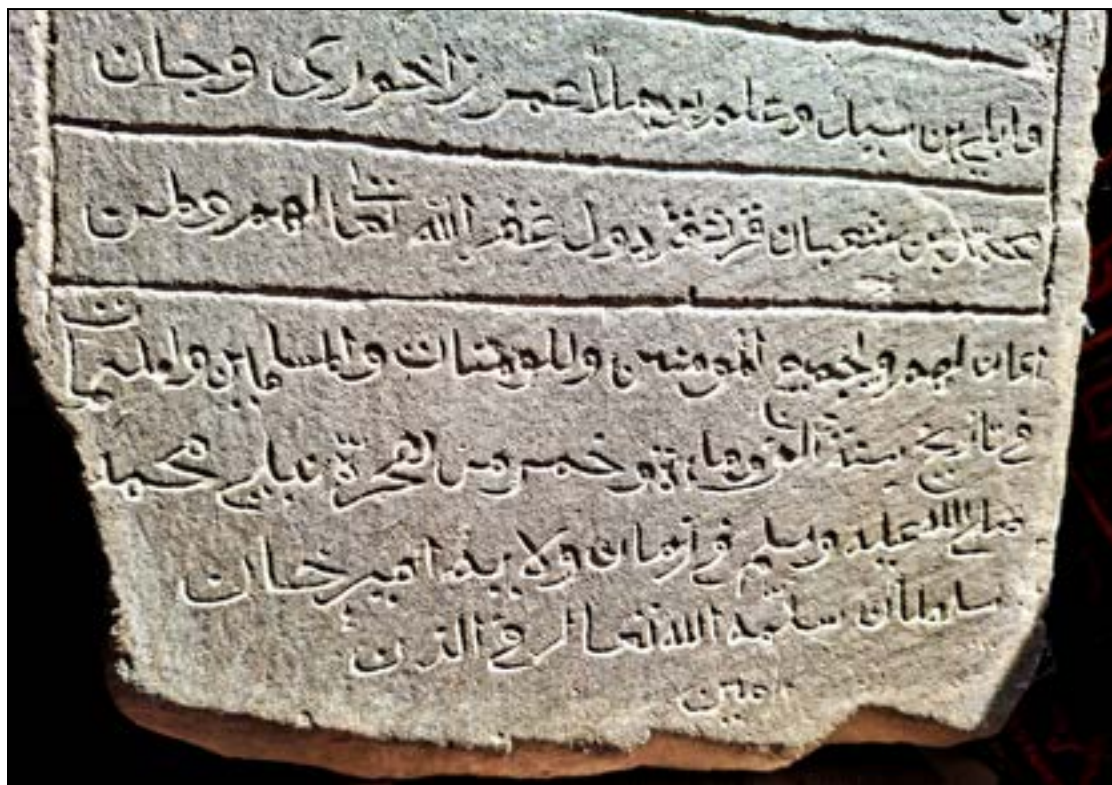


Рис. 5. Окончание текста

Fig. 5. Concluding section of the text

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. – М.: Наука, 1984.
2. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, пер., коммент. и прил. Л.И. Лаврова. – М.: Наука, 1966.
3. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. А.А. Ставиской, под редакцией и с предисл. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.
4. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). – М.: Восточная литература, 2003.
5. Закарияев З.Ш. Генеалогия и силсила суфийских шейхов братства Халватийа из лезгинского селения Хлют // История, археология и этнография Кавказа. Т. 19. № 2. 2023. С. 335–363.
6. Закарияев З.Ш. Пир суфия Раджаба и место хранения хирки пророка Мухаммада в лезгинском селении Хрюг (Арабская эпиграфика средневековых мусульманских святынь) // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. №3. С. 312–334.
7. Закарияев З.Ш. Средневековый дагестанский суфий Шейх Амир ал-Мишлеш и его зийарат в селении Мишлеш // Исламоведение. 2011. № 3. С. 105–111.
8. Шихсаидов А.Р., Исмаилов А.Ш. Анализ исторических данных о разрушительных землетрясениях середины XVII века в Южном Дагестане // Геодинамика и сейсмичность территории Дагестана. № 3 (21). Махачкала, 1979. С. 50–55.
9. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. II. Арабо-персо-тюркоязычные надписи Шеки-Закатальской зоны (XIV – начало XX в.). – Баку, 2001.
10. Большаков О.Г. Дарвиш // Ислам: Энциклопедический словарь. Отв. секр. С.М. Проzorov. – М.: Наука, 1991. С. 56.
11. Закарияев З.Ш. Династия профессиональных строителей в средневековом Цахуре (по данным арабоязычных строительных надписей XIV–XV вв.) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. №3. 2010. С. 19–23.
12. Закарияев З.Ш. Арабоязычная строительная эпиграфика Дагестана XVI – первой половины XVII века: новые находки // Вестник Дагестанского научного центра РАН. №37. – Махачкала, 2010. С. 59–67.
13. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. – М.: Мамонт, 2007.
14. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв. / Изд. текстов, пер., коммент., ст. и прил. Л.И. Лаврова. – М.: Наука, 1968.
15. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Т. 2. Тифлис, 1868.
16. Закарияев З.Ш. Средневековая строительная эпиграфика селения Мишлеш // Дагестанский востоковедческий сборник. Вып. 2. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. С. 34–49.
17. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Т. 6. Ч. 2. Тифлис, 1875.
18. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Т. 7. Тифлис, 1878.
19. Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М. Елису и Горный магал в XII–XIX вв. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2010.
20. Айтберов Т.М. Эпиграфические памятники (из полевых материалов) // журнал «Лезгистан». Махачкала, 1993. № 3–4. С. 65–76.

Поступила в редакцию 09.09.2025
Принята в печать 28.10.2025
Опубликована 30.06.2026

REFERENCES

1. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan of the 10th–17th centuries as a historical source*. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ)
2. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Pt. 1. Inscriptions of the 10th–17th centuries*. Texts, transl., comment. and append. by L.I. Lavrov. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)
3. Trimmingham, JS. *Sufi Orders in Islam. Transl. from English by A.A. Staviskaya, ed. with a preface by O.F. Akimushkin*. Moscow: Nauka. Vost. Lit. Publ., 1989. (In Russ)
4. Alikberov AK. *The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-Haqaiq" (11th–12th centuries)*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. (In Russ)
5. Zakariyaev ZSh. Genealogy and silsila of Sufi sheikhs of the Khalwatiyya order from the Lezgin village of Khlyut. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023; 19(2): 335–363. (In Russ)
5. Zakariyaev ZSh. Pir of Sufi Rajab and the depository of Prophet Muhammad's khirqa in the Lezgin village of Khryug (Arabic epigraphy of medieval Muslim shrines). *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2019; 15(3): 312–334. (In Russ)
6. Zakariyaev ZSh. Medieval Dagestani Sufi Sheikh Amir al-Mishlishi and his ziyarat in the village of Mishlesh. *Islamovedenie*. 2011; 3: 105–111. (In Russ)
7. Shikhsaidov AR., Ismailov ASH. Analysis of historical data on destructive earthquakes of the mid-17th century in Southern Dagestan. *Geodynamics and Seismicity of the Territory of Dagestan*. 1979; 21(3): 50–55. (In Russ)
8. Neymat MS. *Corpus of epigraphic monuments of Azerbaijan. Vol. II. Arabic-Persian-Turkish inscriptions of the Sheki-Zaqatala zone (14th – early 20th century)*. Baku, 2011. (In Russ)
9. Bolshakov OG. Darwish. *Islam: Encyclopedic Dictionary*, ed. by S.M. Prozorov. Moscow: Nauka, 1991, p. 56. (In Russ)
10. Zakariyaev ZSh. A dynasty of professional builders in medieval Tsakhur (based on Arabic construction inscriptions of the 14th–15th centuries). *Izvestia of the Dagestan State Pedagogical University. Social and Humanitarian Sciences*. 2010; 3: 19–23. (In Russ)
11. Zakariyaev ZSh. Arabic construction epigraphy of Dagestan from the 16th – first half of the 17th century: new finds. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the RAS*. 2010; (37): 59–67. (In Russ)
12. Krishtopa AE. *Dagestan in the 13th – early 15th centuries. An essay on political history*. Moscow: Mamont, 2007. (In Russ)
13. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Pt. 2. Inscriptions of the 18th–20th centuries*. Ed. of texts, transl., comment., articles and append. by L.I. Lavrov. Moscow: Nauka, 1968. (In Russ)
14. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 2. Tiflis, 1868*. (In Russ)
15. Zakariyaev ZSh. Medieval construction epigraphy of the village of Mishlesh. *Dagestan Oriental Studies Collection. Issue 2*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2011:34–49. (In Russ)
16. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 6. Pt. 2. Tiflis, 1875*. (In Russ)
17. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 7. Tiflis, 1878*. (In Russ)
18. Aitberov T.M., Khapizov Sh.M. *Ilisu and the Mountain Magal in the 12th–19th centuries*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2010. (In Russ)
19. Aitberov T.M. Epigraphic monuments (from field materials). *Lezgistan*. 1993; (3–4): 65–76. (In Russ)

Recieved 09.09.2025
Accepted 28.10.2025
Published 30.06.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222249-260>

Исследовательская статья

Халаев Захид Алиевич
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
za120778@mail.ru

ГЕНЕАЛОГИЯ ДЖАРСКИХ ТУХУМОВ – КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДЖАРО-БЕЛОКАНА

Аннотация. В настоящем исследовании автором проведена реконструкция генеалогии тухума (рода) Нухиял (Нухиевы) и других тухумов Джарского общества. Начальной точкой исследования является XVII в., когда в населённом пункте Голода представители рода Нухиял наряду с тухумами Чимчилал (Чимчи́лал), Тебелал (Льебелал), составляли основную массу его населения. Завершается исследование настоящим временем, показывая фамильные ответвления рода Нухиял. Исследование генеалогий исконно аварских тухумов Джарского общества, в частности, известного тухума Нухиял, является важной и неотъемлемой частью истории Джаро-Белокана. Представители этого тухума в разные исторические периоды сыграли важную роль в социально-политической и религиозной жизни этого региона. Например, Малла-Мухаммад ал-Гулуди (ум. 1696) – видный представитель тухума Нухиял в XVII в., способствовавший распространению исламских наук на Южном и Северо-Восточном Кавказе. В XVIII в. кадиями Джаро-Белокан и другими авторитетными политическими лидерами становились его потомки и ученики. В XIX в. после включения Джаро-Белокан в состав Российской империи о представителях рода Нухиял (как и других тухумов) позаботились в самом Петербурге. 30 апреля 1838г. был комплектован 3-й взвод Собственно Его Императорского Величества конвой (СЕИВК), куда первоначально вошли представители аварских тухумов Джарского общества: Нухиял, Чапарал, Тебелал, Чимчилал. В XX в. представители этого тухума также играли видную роль в общественно-политической жизни региона. Видным представителем этого тухума в XX в. был Мухаммад Наккаев – религиозный и общественный деятель, учитель истории и собиратель исторических сообщений, переписчик исторического сочинения «Джарская летопись».

Ключевые слова: генеалогия; Джаро-Белоканы; XVIII в.; общество; род; Нухиял; полевой материал; таблица

Для цитирования: Халаев З.А. Генеалогия джарских тухумов – как источник по истории Джаро-Белокана // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 2. С. 249-260. doi.org/10.32653/CH222249-260

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222249-260>

Research paper

Zahid A. Khalaev,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
za120778@mail.ru

GENEALOGY OF THE DJAR TUKHUMS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF DJAR-BELOKAN

Abstract. This study reconstructs the genealogy of the Nukhiyal (Nukhiev) tukhum (clan) alongside other tukhums of the Djar society. The chronological framework begins in the 17th century, a period when representatives of the Nukhiyal clan – along with the Chimchilal and Tebelal tukhums – constituted the core population of the Goloda settlement. The timeline extends to the present day, tracing the contemporary familial branches of the Nukhiyal lineage. Investigating the genealogies of the indigenous Avar tukhums of the Djar society, particularly the prominent Nukhiyal clan, is an essential component for understanding the broader history of the Djar-Belokan region. Across various historical epochs, members of this tukhum played significant roles in the socio-political and religious life of the area. Notably, Malla-Muhammad al-Guludi (d. 1696), an eminent 17th-century representative of the Nukhiyal clan, was instrumental in disseminating Islamic sciences throughout the Southern and Northeastern Caucasus. In the 18th century, his descendants and students consistently rose to prominence as qadis and authoritative political leaders of Djar-Belokan. Following the incorporation of Djar-Belokan into the Russian Empire in the 19th century, representatives of the Nukhiyal clan (as well as other local tukhums) garnered direct attention from St. Petersburg. On April 30, 1838, the 3rd platoon of His Imperial Majesty's Own Chancellery Escort was formed, initially drawing its ranks from the Avar tukhums of the Djar society, including the Nukhiyal, Chaparal, Tebelal, and Chimchilal. Members of the lineage maintained their socio-political prominence into the 20th century, exemplified by Muhammad Nakkaev – a religious and public figure, history teacher, collector of oral histories, and scribe of the historical manuscript known as the Djar Chronicle.

Keywords: genealogy; Djar-Belokan; 18th century; society; clan; Nukhiyal; fieldwork material; table

For citation: Khalaev Z.A. Genealogy of the Djar Tukhums as A Source on the History of Djar-Belokan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 249-260. doi. [org/10.32653/CH222249-260](https://doi.org/10.32653/CH222249-260)

Введение

Генеалогические исследования являются значимой составляющей исторических исследований и позволяют выявить важные исторические данные, обогатить наши представления о том или ином периоде изучаемого региона. В этом аспекте изучение генеалогии тухума Нухиял представляет несомненный интерес и проливает свет на историю Джаро-Белокана. Генеалогия тухумов Джаро-Белоканской зоны современного Азербайджана до сих пор не становилась предметом исследования – ни специально, ни в контексте других проблем. Это в первую очередь связано с крайней скудостью сведений письменных источников и историографического материала. В российском кавказоведении, как и в дореволюционной литературе, историография сводится к фрагментарным сведениям, как правило, поверхностным. В работах таких дореволюционных авторов, как М.О. Коцебу [1] и А. фон. Плотто [2], мы находим общие сведения об аварских тухумах Голода¹ (Гъолода) и Джаро-Белокана. Эти авторы описывают заселение представителями тухумов Нухиял, Чимчилал и Тлебелал в XVII в. предгорной части Джара и равнинной части Закатальской зоны современного Азербайджана.

Рассматривая же проблему генеалогии, дагестанские исследователи [3; 4; 5] занимались реконструкцией генеалогии дагестанских (аварских, даргинских, казикумухских, дербентско-кубинских и др.) правителей. Из дагестанских исследователей только Т.М. Айтберов и Ш.М. Хапизов уделили внимание к рассматриваемому нами вопросу. Т.М. Айтберов транслитерировал с арабского языка на русский родословную тухума Нухиял, составленную джарцем М. Наккаевым [6, с. 127–128.], Ш.М. Хапизов в своей монографии «Поселения Джарского общества» [7] подробно охарактеризовал квартальные и родовые (тухумные) структуры таких муниципалитетов как Джар, Гугам, Макав, Даначи (Динчи) Закатальского района АР. В последующем, им была написана ещё одна монография в соавторстве с Р.С. Абдулмаджидовым и Х. Г. Алибековым [8], в которой авторами были уточнены, сопоставлены и скорректированы предыдущие сведения.

За последние 10-15 лет автором статьи были выявлены письменные записи, предания, арабоязычная эпиграфика по генеалогии тухумов Джаро-Белокана в муниципалитетах Джар, Маков, Динчи (Даначи), Гугам Закатальского района АР. Эти новые данные дали возможность уточнить фамильные ответвления джарских тухумов, составить сводные генеалогические таблицы, верифицировать с исследованиями предшествующих авторов, выявить некоторые ошибки и несоответствия. Данная статья является первым опытом опубликования накопленного материала по тухумам Джаро-Белокана, и автор надеется углубить разработку данного вопроса в будущем.

Методология

Генеалогическое исследование – процесс, требующий значительного времени и усилий. Это не просто составление списка предков, а глубокое изучение истории тухума, включающее в себя поиск и анализ архивных документов, интервью с родственниками, систематизацию и интерпретацию полученных сведений. В исторической науке не существует единого универсального подхода к генеалогическим исследованиям. Методы, эффективные для изучения одного тухума, могут быть неэффективными или неприменимыми для другого. Это связано с множеством факторов, таких как исторические условия, доступность источников и архивных материалов, особенности тухумной истории и т.д. Поэтому при выработке методологических подходов к исследуемой проблеме, автор почерпнул концептуальные подходы из работ как советских, так и современных российских (дагестанских) исследователей. В статье были проанализированы и сопоставлены друг с другом сведения из различных источников и заключений исследователей. Благодаря чему были выявлены достоверные сведения, которые будут служить основой для дальнейших исследований.

¹ Голода (Гъолода) – историческое аварское поселение, расположенное на территории, входящей в состав Закатальского района Азербайджана, в 8 км севернее от г. Закатала, на высоте 1700 м, между вершинами Гунзогор и Динди. Местные аварцы называют его *Клад-роси* (авар. – «верхнее селение»).

Анализ

Как отмечалось выше, авторы XIX в. писали об известных тухумах современного Закатальского округа Российской империи. Так М. Коцебу перечисляет влиятельные тухумы Джара и Белокана. По его сведениям, в Джарском обществе были тухумы: Нухиял, Чапарал, Чимчилал, Тебелал [1, с. 257]. По сведениям другого дореволюционного автора, первоначально на горе Гунзогор были представители Нухли (Нухиял) и Чимчили (Чимчилал), которые «стали принимать к себе горцев, которые соглашались признать над собой их покровительство» [2, с. 6–12]. Не вдаваясь в подробности, отметим, что представители этих тухумов ныне проживают в муниципалитетах Джар, Макав, Гугам, Даначи (Динчи) Закатальского района Азербайджанской Республики.

В середине 60-х гг. XX в. джарцем Мухаммадом Наккаевым была составлена первая родословная тухума Нухиял. Эту родословную (Рис. 1) он разместил в переведённое им с арабского языка на джарский говор аварского языка сочинение «История Джара» Малла-Мухаммада ал-Джари Согласно родословной, сам Мухаммад Наккаев является сыном Наккава, который, в свою очередь, был сыном Малла-Мухаммада, который приходился сыном Мухаммад-амина (Ваци), который был сыном Малла-Мухаммада, сына Наккахасана², сына Наккава, сына Кушди, который в свою очередь был сыном Тахтабаша, сына Бутая, сына Шейх-Шабана, сына Мухаммада (он же Малла-Мухаммад ал-Гулуди), сына Али-бека, сына Нух-бека, от которого пошло название тухума Нухиял [9, с. 174]. Как видно из таблицы, прадедом М. Наккаева был Кушди, который был сыном Тахтабаша и потомком Малла-Мухаммад ал-Гулуди.

Потомки Тахтабаша. Мухаммад Наккаев в рукописи приводит ещё одну генеалогию тухума Нухиял, которая подтверждает сведения, содержащиеся в первой, но является более обширным вариантом. В ней даны имена других представителей и разных ответвлений этого рода. Эту родословную можно представить в сводной таблице (Таб. 1). Как мы видим, основателем тухума был Нух-бек, сыном которого был Али-бек, его сыном является Мухаммад (Малла-Мухаммад ал-Гулуди) и далее – Шейх-Шахбан, Бутай, Тахтабаш, у которого было семеро сыновей:

Таблица № 1. Представители рода Нухиял по линии Тахтабаша³.

Table No. 1. Representatives of the Nukhiyal Clan along the Takhtabash Line

Сыновья Тахтабаша						
1. Маркулав	2. Нуцабе	3. Кашда	4. Хасан Ахмад	5. Кушди	6. Кинта	7. Тахтабаш
Цетав	Абубакар	Тиндилав	Тинуч	Наккав	Малла хасан	Малла
Али	Али	Херав	Али	Наккахасан	Нурав	Асланбек
Исмаил	Цетав	Дада ага	Тинуч Махама	Малла- Мухаммад	Хаджи Сулейман	Къаракиши
	Али	Цетавага	Цахилав	Ваци- Мухаммад Амин	Малла Мухаммад	Херав
			Али	Малла- Мухаммад		
				Наккав		

² По преданию, Наккахасан жил в XVIII в., родился в конце 40-х гг. Он был крупным землевладельцем, ему принадлежали земли в квартале Наккахасан-уба (в честь него назван этот квартал) селения Динчи Закатальского района. Был участником походов в Грузию в конце XVIII в. В одном из сражений он получил ранения в лесной чаще, где и погиб. Благодаря информации старожилов в 2014 г. нам удалось обнаружить место гибели Наккахасана (Рис. 2.).

³ Таблица составлена автором по материалам книги Т.М. Айтберова «Цоралтул аваразул рагъазул тарих» («История войн закавказских аварцев»). Махачхала, 1996.

Здесь отмечу, что в переводе Т.М. Айтберова была допущена ошибка. Возможно, это ошибка самого составителя генеалогии. Дело в том, что в транслитерации имена двух сыновей Тахтабаша даны в одинаковой форме Кашда, хотя одного звали Кашда, от которого берет свое начало фамилия Кашдаевых Закатальской зоны, а другого сына звали Кушди, потомки которого и сегодня живут в квартале «Кушди-уба»⁴ Джарского муниципалитета Закатальского района АР.

Кроме представителей квартала «Кушди-уба», в Джаре есть и другое ответвление тухума Тахтабаша – Кинтаевы (*Kintalal*), которые в народе получили прозвание *ЛъикIал* («хорошие», «благодушные»). В настоящее время они живут в квартале Кинтар-уба селения Даначи (Динчи). Не исключено, что в начале XX в. они жили в Джаре, поскольку в этом селении имеется действующая *худжра* (примечетская школа) *Кинтазул* (авар. – «Кинтаевых»). Она была построена в конце XIX в. на средства представителей этой семьи – Кинта Хаджи Ахмада и Кинта Малла-Мухаммада. Хаджи Ахмад был близким соратником известного мыслителя и религиозного богослова, видного представителя этого же тухума – Малла-Хасана ал-Джари⁵.

Во время полевых исследований в 2024 г. на родовом кладбище Кинтаевых в с. Даначи (Динчи) Закатальского района была обнаружена надмогильная арабоязычная стела (Рис. 3), датированная в 1325 г.х. (1905 г.). В эпитафии приведены имена представителей этого ответвления. Согласно данной эпитафии, Малла-Мухаммад был сыном Мухаммад-вали, который был сыном Хасана, сына Али, сына Хакхани (?), сына Мухаммад-Мурада, сына Кинта, сына Мухаммада, сына Исмаила, сына Барти (?), сына Шабана, сына Нуха, сына Шейх-Шабана, сына Нух-бека, сына Амир-Ахмада, сына Хуфана (?), сына Султана, сына Масума, сына Шамхала. Как видно из списка, в нем приводятся имена представителей тухума Нухиял, которые не упомянуты в генеалогии джарца М. Наккаева.

К потомкам Тахтабаша следует отнести и фамилии Чеэровых, Алиевых (Тиновасовых), Хераевых, их прадедом является сын самого Тахтабаша, которого тоже звали Тахтабаш. В генеалогическом списке, составленном М. Наккаевым, приводятся также имена других представителей этого ответвления. Например, от Цахилава произошли Закиловы, от Абакара, вероятно, образовалось фамильное ответвление Абакаровых. О потомках других сыновей Тахтабаша – Нуцабе и Хасана-Ахмада мы продолжаем собирать сведения.

Другим сыном Тахтабаша был Кашда, сыном которого был Тиндилав, его сыном был Геров (Херов), сыном которого был Дада-ага, сыном которого являлся Цетав-ага. В семейных списках известных тухумов Закатальского округа, составленных Закатальской сословно-поземельной комиссией (ЗСПК)⁶, Дада-ага указан как самый старший в роду, которому 60 лет⁷. К этой фамилии принадлежит и 20-летний Цетов-бек Кашталов. Из биографии Цетов-бека мы знаем, что в 1899 г. он уже являлся начальником дистанционной земской стражи, был удостоен ордена Станислава III степени от 24 ноября 1899 г. и Святой Анны III степени от 3 мая 1913 г. с формулировкой «За усердную службу» [11, с. 167].

Тут следует отметить, что сведения ЗСПК были собраны в различных местах Закатальского округа, как в самом обществе Джар, так и в кварталах его низменной части (Тинавас-уба, Кинтар-уба и др.). Поэтому в материалах ЗСПК имеются другие представители рода Нухиял, которые обозначены как «Кашталов – поколение шейха Шабана»⁸. Ш. Хапизов, ссылаясь на материалы грузинского архива, отмечает, что ветвь «поколение шейха Шабана» в 1870-х годах насчитывала 83 семьи, а ныне численность представителей этого ответвления составляет от 3 до 4 тысяч человек [7, с. 83].

Представители ветви «поколение шейха Шабана» с 30-х гг. XIX в. играли важную роль в военно-политической жизни Джаро-Белокана. После его вхождения в состав России и образования Закатальского округа, о знатных аварских фамилиях позаботились в самом Петербурге. Был комплектован

4 Представители этого квартала ныне известны как *НакIкIал* («Наккаевы») и живут в квартале *НакIкIузул-уба* («квартал Наккаевых») и представлены фамилиями: Наккаевы, Алиевы, Халаевы, Магомедвасиевы.

5 Малла-Хасан ал-Джари – мусульманский ученый-богослов, родился в селении Джар. Свое образование получил в Джаре у Мухаммада Али. В начале XX века в Дагестане в типографии Магомедмирзы Мавраева была издана его книга – сборник религиозных стихов – мавлидов. В 1929 г. он был расстрелян, в 1931 г. его ближайшую родню выслали в Казахстан, где умерли все 9 членов его семьи. В 2013 г. было собрано и издано все его литературное творчество на аварском языке [10].

6 ЗСПК была учреждена в конце -60х годов XIX в. В 1870–1873 гг. члены этой комиссии фон-Плотто и штабс-капитан Циммерман представили свод данных о сословно-поземельных правах населения Закатальского округа. ЗСПК проделала большую работу по сбору материалов о нормах, регулировавших общественную и семейную жизнь местных горцев.

7 Материалы Закатальской сословно-поземельной комиссии // Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 236. Оп. 1. Д. 25. Л. 35.

8 Шейх-Шабан был сыном Малла-Мухаммада ал-Гулуди.

3-й взвод)⁹ Собственного Его Императорского Величества конвоя (СЕИВК), в который первоначально были включены 15 человек из тухумов: Нухиял (4 представителя), Чапарал (4), Тлебелал (4), Чимчилал (3). В разное время в рядах СЕИВК из ветви «поколение шейха Шабана» служили Цетовбек Кашталов, Куркна Шабан, Джунгоз Муртазали, Хушан-бек, прапорщик Дада-бек, сын Херава, майор Ахмад-ага и др. В это ответвление входили Джунгозовы, Куркнаевы, Османовы (*ДигИниял*) и Арасовы [7, с. 84]. Ярким представителем Джунгозовых в XIX в. был прапорщик Тинав Хушан-бек, сын Джунгоз-бека¹⁰ (Таб. 2). Тинав Хушан-бек служил в СЕИВК, построил дом рядом с крепостью, который был разрушен в 20-х гг. XX в. во время землетрясения. По сведениям родственников, он похоронен в с. Катех Белоканского района.

Таблица № 2. Представители рода Джунгоз¹¹.

Table No. 2. Representatives of the Dzhunghoz Clan

Прапорщик Тинав Хушан-бек, сын Джунгоз-бека. Возраст 50 лет.	Жена Марьям-ханум, дочь Ибрагима. Возраст 45 лет.	Дети: Джунгоз-бек Амирахмад-бек Нухбек	Возраст 20 17 12
---	--	---	---------------------------

Во время сбора полевого материала в 2024 г. в Закатальском районе нами была обнаружена памятная запись от 1272 г.х. (1857 г.), сделанная Мухаммадом, сыном Хажиява, во время учебы у Херова, сына Раджаба ал-Макави ал-Джари (Рис. 4). В документе отмечается, что он является сыном Малла-Мухаммада, сына Мухамада, сына Хетова, сына Мухуматали, сына Мухаммад-вали, сына Мухаммад-али, сына Джунгоз Ибрагима, сына Амир-Ахмада, сына шейха Шабана. Как видно из записи, Амир-Ахмад, заложивший башню Джунгоз-кала¹², был сыном шейха Шабана. Что касается Куркнаевых, то их видным представителем в XIX в. был 30-летний Умма-ага, сын поручика Куркна-Шабана¹³.

Что касается других фамилий (Османовы – *ДигИнизул* и Арасовы – *ГПарацазул*) «поколения шейха Шабана», то они в большинстве случаев были религиозными деятелями. Например, в последней трети XIX в. в Джаре функционировала *хужра ДигИнизул*, которая принадлежала одноименному джарскому роду. Арабоязычная надпись на стене *хужры* гласит, что ее построил Малла-Усман, сын Халила ал-Джари в 1309 г.х. (1889 г.) [11, с. 612]. Видным представителем фамилий Арасовых был паломник, посетивший обе святыни – Мекку и Медину – Хаж-Цетов (Рис. 5.), сын Мухаммад-вали, который похоронен в селении Джар. Хаджи-Цетов был учителем вышеупомянутого Малла-Хасана ал-Джари. Однако, в тухуме Нухиял есть и другая ветвь – Умраевы (*ГПумраял*), представители которой живут в селениях Мацех Закатальского района и Катех Белоканского района. В генеалогической таблице М. Наккаева данная ветвь не представлена. О принадлежности этой ветви к Нухиял пишет Т.М. Айтберов [9, с. 175.]

Во время сбора полевого материала нами были обнаружены и исследованы надмогильные надписи на стенах представителей другого джарского тухума – Давудилал (Давудовы). Следует отметить, что родословная этого тухума уже рассматривалась дагестанскими исследователями. *Согласно родословной: Малла-Давуда, прозванного Малла-Давуду, сына Мухаммад-вали, сына Давуда, сына учёного Малла-Мухаммада, сына учёного Малла-Усмана (его брат учёный, известный как Давудилав, дядя по отцу и дядя по матери тоже были учёными, дядя по матери умер в Сагнаге, был сыном учёного, упокоившегося в 1145 г. [9, с. 176; 7, с. 135].* В тексте обнаруженной нами надписи на центральном сельском кладбище говорится, что это могила Ибрахима, сына Давуда, сына Мухаммада, сына Абдуллаха, сына Давуди ал-Джари (Рис. 6). При этом датой смерти Ибрахима указан 1204 г.х. (1784 г.). Эта наиболее ранняя арабоязычная эпитафия из выявленных на данном кладбище. Надпись свидетельствует,

9 3-й взвод до 1847 г. был комплектован только из джарских аварцев, после в него стали включать и мусульман Прикаспийского края (Дербентской губернии, шамхальства Тарковского и Мехтулинского ханства).

10 Материалы Закатальской сословно-поземельной комиссии // Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 236. Оп. 1. Д. 25. Л. 35.

11 Таблица составлена автором по материалам Ф. 236. «Закатальская сословно-поземельная комиссия» Центрального государственного исторического архива Грузии.

12 В историческом источнике «Джар салнамеси» башня Джунгоз-кала называется «башней Амир Ахмада». В настоящее время на стене крепости висит табличка за инвентарным номером №5221, установленная Министерством культуры Азербайджана.

13 Материалы Закатальской сословно-поземельной комиссии // Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 236. Оп. 1. Д. 25. Л. 71.

что в последней трети XVIII в. в Джаре были похоронены представители тухума Давудал. Другая надпись (Рис. 7), была обнаружена на кладбище «Шагыдазул»¹⁴ («мучеников»), находящемся нижней части села. В надписи говорится: «1200 г.х. (1780 г.). Это могила «раба Всевышнего, аскета, алима, Малла-Давуда ал-Джари». По мнению джарцев, здесь похоронен отец известного алима, шейха Мухаммада, сына Давуда, известного в регионе как Давудил-апанди. Среди джарцев распространено предание о завещании Давудил-апанди, согласно которому он предписал своим сельчанам посещать (*зий-йара*) могилу своего первого учителя и отца Малла-Давуда ал-Джари.

Выводы

Проведённое исследование показало, что тухум Нухиял является одним из коренных джаро-белоканских тухумов. Из него происходили выдающиеся духовные и общественные лица, военные офицеры, которые сыграли значительную роль в истории региона. Данное исследование является первым шагом автора в области исследования тухумов Джаро-Белокана в контексте его военно-политической и религиозной истории. В результате исследования были выявлены новые источники, которые сообщают новые имена представителей тухума Нухиял, показывают их фамильную принадлежность. По обнаруженным эпиграфическим источникам удалось дополнить генеалогию другого джарского тухума – Давудилал, расширить их родословную новыми именами, самый ранний из которых похоронен в Джаре в 1784 г. Начатая работа по поиску и выявлению новых письменных источников, эпиграфических надписей, преданий даст возможность расширить наши знания об историческом прошлом тухумов Джара и Белокана.

14 Кладбище «Шагыдазул» («мучеников»), расположено чуть выше Джарской джума-мечети. По нашим наблюдениям, на сегодняшний день оно является самым древним из сохранившихся кладбищ Джара. Нам удалось выявить на кладбище ряд не исследованных прежде эпитафий, которые, вероятно, станут темой другого нашего исследования.



Рис. 2. Место гибели Наккахасана, представителя рода Нухиял.
Закатальский район, муниципалитет Даначи

Fig. 2. The site of the death of Nakkakhasan,
a representative of the Nukhiyal clan.
Zaqatala District, Danachi municipality



Рис. 3. Надмогильная стела с генеалогией
тухума Кинтазул – ответвления тухума Нухиял.
Закатальский район, муниципалитет Даначи

Fig. 3. Tombstone stele featuring the genealogy
of the Kintazul tukhum – a branch of the Nukhiyal tukhum.
Zaqatala District, Danachi municipality

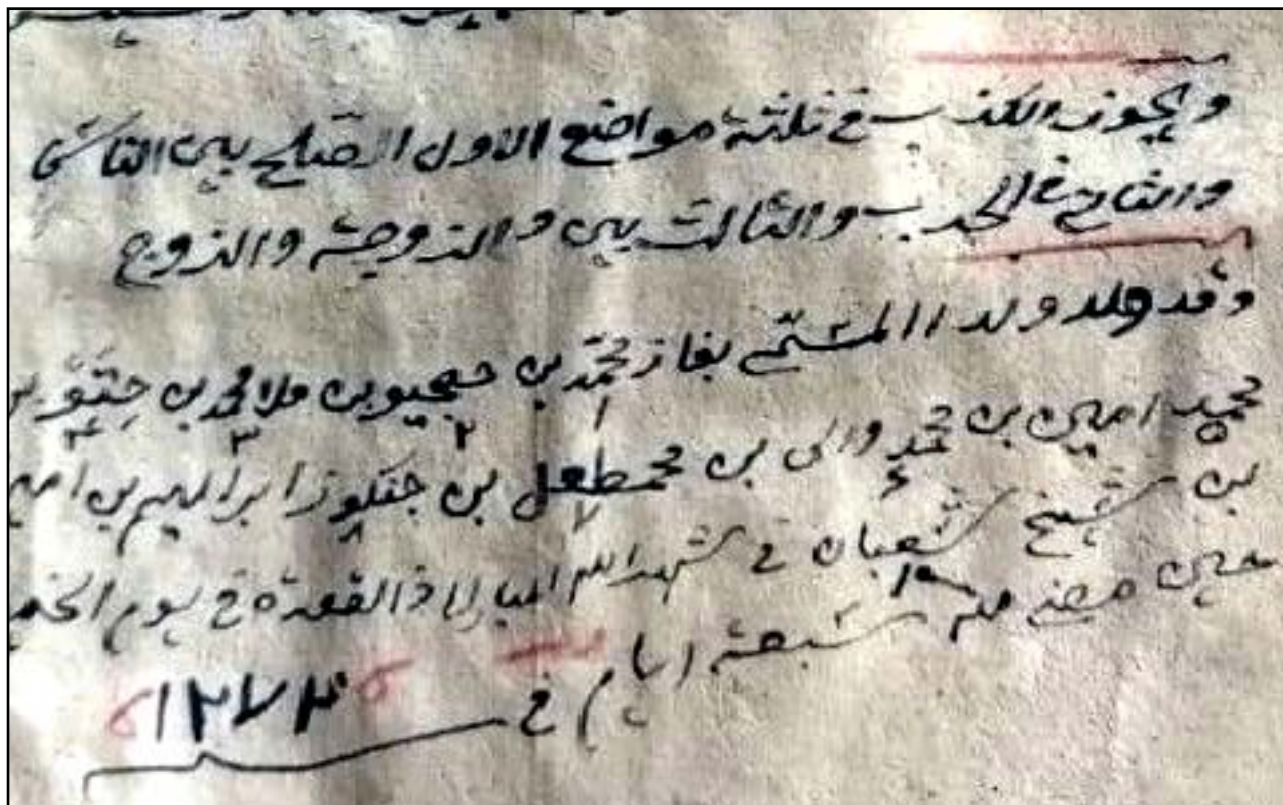


Рис. 4. Родословная Джонгозовых
– ответвления тухума Нухиял

Fig. 4. The genealogy of the Dzhohngozov family
– a branch of the Nukhiyal tukhum



Рис. 5. Арабоязычная надпись на могиле паломника двух святынь
Хаджи Зетов, сына Мухаммада-вали.
Закатальский район, муниципалитет Джар

Fig. 5. Arabic inscription on the grave of the pilgrim of the two holy
sanctuaries, Haji Zetov, son of Muhammad-wali.
Zaqatala District, Djar municipality



Рис. 6. Могила Ибрахима, сына Давуда, сына Мухаммада, сына Абдуллаха, сына Давуда аль-Джари. Закатальский район, муниципалитет Джар

Fig. 6. The grave of Ibrahim, son of Dawud, son of Muhammad, son of Abdullah, son of Dawud al-Djari. Zaqatala District, Djar municipality



Рис.7. Могила Малла-Давуда аль Джари. Закатальский район, муниципалитет Джар

Fig. 7. The grave of Malla Dawud al-Djari. Zaqatala District, Djar municipality

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коцебу М.О. Сведения о Джарских владениях 1826 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Издательство Восточной литературы, 1958. С. 252–265.
2. Фон-Плотто А.И. Природа и люди Закатальского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1869. С. 1–62.
3. Закарияев З.Ш. Генеалогия и силсила суфийских шейхов братства Халватийа из лезгинского селения Хлыт // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 2. С. 335–363.
4. Хапизов Ш. М. Хроника Алимчулал как источник по генеалогии и интеллектуальной элиты Дагестана // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Выпуск XI: сборник статей. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2019. С. 161–179.
5. Полчаева Ф.А., Мусаев М.А., Алибеков Х.Г. Генеалогия уцмийского рода по нарративу «Хроника Махмуда из Хиналу-га» // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 4. С. 934–945.
6. Айтберов Т.М. Цоралгул аваразул рагъазул тарих («История войн закавказских аварцев»). Махачхала, 1996.
7. Хапизов Ш.М. Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание микро-региона в Восточном Закавказье) Научно-справочное издание. Махачкала: «ДИНЭМ», 2011.
8. Хапизов Ш.М., Абдулмажидов Р.С., Алибеков Х.Г. Арабоязычные источники Цора (Письменные памятники Дагестана. Т. III). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН. 2023.
9. Айтберов Т.М. Закавказские аварцы: VIII – начало XVIII вв.: этнос, государственность, законы. Ч. I и II. Махачкала, 2000.
10. Лъикъазул Малла-Хасан. Шигъраби ва мавлидал / данде гъаби, цеберагъи, баянал Шунилазул (Хапизов) М.Ш. Махачхала, 2013. 248 гъ. (Малла Хасан ал-Джари. Стихи и мавлиды / сост., введ., коммент. Хапизова Ш.М.), Махачкала, 2013. – 248 с.
11. Халаев З.А., Муртазаев А.О. Взаимоотношения Джаро-Белоканских обществ и администрации Российской империи на Кавказе в 1783–1860 годах: монография. Махачкала: АЛЕФ, 2021. – 212 с.
12. Халаев З.А. Примечетские школы и тарикатские обители Джарского муниципалитета (по полевым материалам) // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 3. С. 608–619.

REFERENCES

1. Kotsebu MO. *Information on the Djar possessions in 1826. History, geography and ethnography of Dagestan in the 18th–19th centuries*, ed. by M.O. Kosven and Kh.-M. Khashev. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1958: 252–265. (In Russ)
2. von Plotto AI. Nature and people of the Zaqatala district. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. 1869; 4: 1–62. (In Russ)
3. Zakariyaev ZSh. Genealogy and silsila of Sufi sheikhs of the Khalwatiyya brotherhood from the Lezgin village of Khlyut. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023; 19(2): 335–363. (In Russ)
4. Khapizov ShM. The chronicle of Alimchulal as a source on the genealogy and intellectual elite of Dagestan. *Genealogy of the peoples of the Caucasus. Traditions and modernity. Issue XI: collection of articles*. Vladikavkaz: SOIGSI VNTS RAS, 2019:161–179. (In Russ)
5. Polchaeva FA., Musaev MA., Alibekov KhG. Genealogy of the Utsmi clan according to the narrative “Chronicle of Mahmud from Khinalug”. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023; 19(4): 934–945. (In Russ)
6. Aitberov TM. *History of the wars of the Transcaucasian Avars*. Makhachkala, 1996. (In Russ)
7. Khapizov ShM. *Settlements of the Djar society (historical geographical and ethnographic description of a microregion in Eastern Transcaucasia)*. Scientific reference edition. Makhachkala: DINEM Publ., 2011. (In Russ)
8. Khapizov Sh.M., Abdumazhidov RS., Alibekov KhG. *Arabic language sources of Tsor (Written monuments of Dagestan. Vol. III)*. Makhachkala: IHAЕ DFRC RAS, 2023. (In Russ)
9. Aitberov TM. *Transcaucasian Avars: 8th – early 18th centuries: ethnos, statehood, laws. Parts I and II*. Makhachkala, 2000. (In Russ)
10. Likiazu Malla Hasan. *Poems and mawliids, comp., introd. and comm. by Sh.M. Khapizov*. Makhachkala, 2013. (In Russ)
11. Khalaev ZA., Murtazaev AO. *Relations between the Jaro Belokan societies and the administration of the Russian Empire in the Caucasus in 1783–1860*. Makhachkala: ALEF Publ., 2021. (In Russ)
12. Khalaev ZA. Mosque schools and tariqa abodes of the Djar municipality (based on field materials). *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2020; 16(3): 608–619. (In Russ)

Поступила в редакцию 07.02.2025

Принята в печать 08.09.2025

Опубликована 30.06.2026

Recieved 07.02.2025

Accepted 08.09.2025

Published 30.06.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222261-268>

Исследовательская статья

Полчаева Фатимат Абдулнетифовна
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
polchaeva94@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ДИНАСТИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ

Аннотация. Правители таких государственных образований как Кайтагское уцмийство, Казикумухское шамхальство, Аварское нуцальство и Дербентско-Кубинское ханство, несмотря на десятилетиями ведущиеся споры относительно их происхождения, не становились предметом отдельных генеалогических исследований. Во многом это связано с недостатком традиционных для генеалогов источников: переписи населения, метрические книги, ревизские сказки и т.д. Многие из имеющихся в распоряжении историков и генеалогов свидетельств не прошли верификацию, а, следовательно, не могут быть использованы в качестве источников. Это создало необходимость поиска иных методов исследований. Так, изучение структуры генофонда населения планеты, создание генетической базы и коммерциализация ДНК-тестирования создали основу для сотрудничества историков и генеалогов с учеными генетиками для решения проблемы этногенеза народов. Новые возможности вновь актуализировали исследование застывшего ранее вопроса о происхождении дагестанских династий. Цель статьи – обоснование применения методов генетической генеалогии для изучения происхождения династий Дагестана и составлении практического плана для такого исследования на материале конкретных некрополей. В работе был использован сравнительно-исторический подход, позволивший сопоставить имеющиеся версии происхождения династий. Для оценки надежности атрибуций захоронений был применен метод критического и историко-источниковедческого анализа. Рассмотрена потенциальная возможность генетического исследования костных останков дагестанских правителей. Для чего, используя принцип репрезентативности выборки, был составлен перечень захоронений для генетического анализа. В результате исследования подготовлена практическая основа для последующего ДНК-исследования представителей четырех дагестанских династий (идентификация, локализация и отбор репрезентативных захоронений представителей династий).

Ключевые слова: генетическая генеалогия; династия; Дагестан; уцмии; шамхалы; гаплогруппа; генеалогия

Для цитирования: Полчаева Ф.А. Проблема происхождения дагестанских династий и возможности генетической генеалогии // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 2. С. 261-268. doi.org/10.32653/CH222261-268

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222261-268>

Research paper

Fatimat A. Polchaeva
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
polchaeva94@mail.ru

THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF DAGESTANI DYNASTIES AND THE POTENTIAL OF GENETIC GENEALOGY

Abstract. Despite decades of historiographical debate regarding their origins, the ruling elites of key Dagestani polities, such as the Kaitag Utsmiate, the Kazikumukh Shamkhalate, the Avar Nutsalate, and the Derbent-Quba Khanate, have long lacked systematic, independent genealogical verification. This scholarly lacuna stems primarily from the absence of traditional documentary records, such as population censuses, parish registers, or tax cadasters. Furthermore, much of the anecdotal evidence currently available to historians remains unverified, precluding its deployment as reliable source material and necessitating alternative interdisciplinary methodologies. Recent advancements in mapping the global human gene pool, the expansion of population-genetic databases, and the widespread commercialization of DNA testing have established a robust framework for collaborative research between historians, genealogists, and geneticists investigating regional ethnogenesis. These technological developments offer a new avenue to resolve long-standing debates surrounding the origins of Dagestani dynasties. Accordingly, this article substantiates the integration of genetic genealogy methods to investigate the origins of these ruling lineages and outlines a practical fieldwork strategy utilizing specific historical necropolises. Utilizing a comparative historical approach alongside rigorous source criticism, the authors assess the reliability of existing dynastic origin theories and verify the identity of specific burial sites. The paper systematically evaluates the viability of conducting archeogenetic analysis on the skeletal remains of Dagestani rulers. Applying a representative sampling strategy, the authors compile a comprehensive index of documented burials suitable for genetic testing. Ultimately, this study provides an actionable methodological foundation, encompassing the precise identification, localization, and selection of representative dynastic graves, to guide forthcoming DNA research on these four historical Dagestani lineages.

Keywords: genetic genealogy; dynasty; Dagestan; Utsmi; Shamkhals; haplogroup; genealogy

For citation: Polchaeva F.A. The problem of the origin of Dagestani dynasties and the potential of genetic genealogy. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 261-268. doi.org/10.32653/CH222261-268

Введение

В каждой области знаний существуют проблемы, решение которых считается невозможным из-за недостатка ресурсов или исчерпания собственного методологического аппарата науки. Поиск новых методов заставляет исследователей выходить за границы своего научного поля и своим запросом способствовать технологическим достижениям. В частности, подобный запрос привел к разработке в середине XX в. радиоуглеродного анализа органических останков, произведшего революцию в археологической науке [1, с. 22–23].

Долгое время поиски новых методов для исследований проводили генеалоги, так как письменных свидетельств, устных преданий и иных традиционных исторических источников недостаточно для составления полной и достоверной родословной. Подчас генеалогические исследования и вовсе прекращались из-за отсутствия данных или возможности их проверить. Этот поиск привел к использованию ДНК-тестирования для восстановления конкретных родословных связей, а впоследствии к формированию отдельной дисциплины – генетической генеалогии. В ее рамках происходит сотрудничество генетиков и специалистов гуманитарного профиля. Именно методы и возможности генетической генеалогии позволяют в будущем решить вопрос происхождения дагестанских династий, которому посвящена данная статья.

Генетическая генеалогия: основные аспекты и методы

Генетическая генеалогия – это приложение генетики к генеалогии, раздел этногеномики, основанный на сочетании ДНК-исследований с традиционными генеалогическими методами для выявления этнического происхождения и генезиса рода, выявления миграционных потоков в истории и определения родственных связей на тысячелетия вглубь веков.

На рубеже XX–XXI вв. был реализован масштабный международный проект «Геном человека». Его результатом стало создание огромного открытого (перманентно пополняемого) банка генокода, который стал референсной базой для исследований генетиков, антропологов, микробиологов, историков и генеалогов по всему миру. Благодаря этой базе были выявлены участки ДНК, по которым можно определять этнические группы, а, следовательно, этническую принадлежность исследуемого. Были определены так называемые гаплогруппы – это группы схожих наборов мутаций, которые передаются из поколения в поколение без изменений. Эти мутации являются своеобразными генетическими маркерами, которыми и пользуются генеалоги. На основе этого проекта появились компании по проведению коммерческих тестов, в частности крупнейшая в мире Family Tree DNA.

Отметим, что выделяют SNP (Single Nucleotide Polymorphism) и STR (Short Tandem Repeats) внутри гаплогрупп. SNP-субклады более стабильны и потому определяют всю гаплогруппу. Эта мутация наследуется всеми потомками гаплогруппы по мужской линии. Тем временем STR-маркеры обозначают быстрые мутации и потому они используются для выделения подгрупп внутри гаплогрупп. Так, на Кавказе доминирующей SNP гаплогруппой является J2 (J2a-M172, J1-M267) [2, с. 36].

Условное движение вверх по маркерам ветвей гаплогруппы позволяет проследить родословную по Y-хромосоме (мужской линии) и мтДНК (женской линии) и дойти до самых ранних предков. Мутации по Y-хромосоме позволяют проследить родство по линии отец–сын. Она практически не рекомбинируется с хромосомами матери, поэтому изменения в ней крайне редки. Небольшой размер популяции и практика патрилокальности усиливают генетический дрейф, что приводит к выраженной географической дифференциации Y-гаплотипов [3, с. 600].

Линия мтДНК (митохондриальная ДНК) позволяет отследить родство по женской линии. Она передается от матери как дочерям, так и сыновьям, но передать ее могут только женщины.

Традиционные генеалогические исследования, основанные на письменных источниках, позволяют восстановить часть генеалогических древ с вероятностными допущениями и напрямую зависят от наличия и сохранности письменных источников (переписных книг, ревизских сказок и др.). Генетика же предлагает нам документ, который не может быть утерян – «генетический паспорт». Он не нивелирует классическую работу генеалога, но существенно ее дополняет, в первую очередь в вопросах определения этногенеза рода.

Использование генетической генеалогии в исследовании дагестанских династий

Вопрос о происхождении правителей дагестанских государственных образований остается не решенным по нескольким причинам: наличие сразу нескольких династий на относительно небольшой территории (из чего исходят тесные связи), недостаток достоверных письменных и иных источников (что порождает различные гипотезы и теории), политизированность вопроса. Перечисленные обстоятельства, а также новые методы генетической генеалогии делают вопрос актуальным для исследования.

Существующие в историографии теории этнической принадлежности дагестанских династий подразделяют на две категории:

- теории о местном происхождении династий (автохтонные);
- теории об иноземном происхождении (аллохтонные).

Решение этого вопроса напрямую зависит от датировки возникновения династий, поскольку аллохтонные теории основаны на определении хронологических рамок первого появления (упоминания) правителей. Если предположить, что династии имели не местное происхождение, то их представители могли попасть сюда в период своего расцвета и распространения политического могущества. Либо это могли быть соседние народы, сумевшие расширить сферу своего влияния. Так или иначе, это должен быть этнос, в какое-то время присутствовавший на территории Дагестана.

Список народов, которые теоретически могли стать основателями династий местных государственных образований довольно широк: арабы, турки-сельджуки, монголы, персы и т.д. Все они в разное время оказывали определенное влияние на местные государственные образования. Потому возникли различные теории об арабском, тюркском, персидском происхождении. Самой популярной и разработанной долгое время оставалась теория об арабском происхождении. Это объясняется наличием местных письменных источников, в которых некоторые дагестанские правители возводились к арабам-курейшитам.

Суть этого политического мифа сводится к тому, что в период между VIII и IX вв. потомки Хамзы и Аббаса (дяди пророка) прибыли на территорию Кавказа, и, побывав в «стране гор», распространили свою веру и оставили править своих людей – основателей местных династий [4; 5]. Существование этой истории, переписывавшейся из источника в источник, объясняется попыткой легитимации власти посредством связывания ее с племенем курейшитов. Эта и многие другие аллохтонные версии были опровергнуты историками и возвращаться к ним мы не будем [6, с. 21; 7; 8].

Косвенными доказательствами того, что указанные народы не оставляли своих ставленников в качестве правителей являются: отсутствие захоронений периода, в который происходила экспансия потомков Хамзы и Аббаса, отсутствие каких-либо указаний на политическое влияние в источниках арабского, персидского происхождения, в монгольской, грузинской истории и пр. Интересно также то, что большая часть титулов местных правителей (майсумы, нуцалы, уцмии, шамхалы) не имеет аналогов в истории перечисленных нами народов.

Критический подход к аллохтонным теориям способствовал сосредоточению на разработке теорий о местном происхождении династий. Подтвердить их или опровергнуть на данном этапе исследований может только ДНК-исследование костных останков представителей династий. Сделать это в краткие сроки и в рамках написания одной статьи невозможно.

Для исследования выделим четыре династии: кайтагских уцмиев, казимумухских шамхалов (и казикумухских ханов), аварских нуцалов и дербентско-кубинских ханов. Выбор первых трех династий объясняется тем, что это наиболее долговременные в своем существовании родословные. Последняя выделенная нами династия дербентско-кубинских ханов требует исследования из-за ангажированности различных сторон в проблеме их этнической принадлежности.

Проведение генетико-генеалогического исследования в будущем поможет ответить на ряд вопросов, которые стоят перед исследователями дагестанских династий: этногенез династий, возможность общего корня, каково происхождение останков, захороненных в Татти-Пир, были ли ханы Дербентско-Кубинского владения в родстве с уцмиями, была ли смена династии на местную в период народного восстания и др.

В отличие от Y-ДНК, аутосомная ДНК и X-ДНК рекомбинируются (обмениваются участками), то есть наследуются в случайном порядке. Следовательно, для получения достоверных результатов необходим комплексный анализ мутаций и определенное количество тестируемых одной ветви: одной или двух могил будет недостаточно. В рамках каждой династии для обеспечения репрезентативности мы выделим от 3 до 6 могил разного периода. Результаты исследований будут сопоставлены с имеющейся базой (составленной за последние 20 лет) генетических исследований по Северному Кавказу. Этот список может быть использован в дальнейшем для проведения ряда исключительных процедур в рамках генетической генеалогии и археогенетики: эксгумация останков, извлечение ДНК-материала, проведение тестирования и работа над сопоставлением результатов по данным генетических карт.

Коллектив лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра РАН провел комплекс исследований народов Северного Кавказа. Так, были изучены представители всех ветвей северокавказской языковой семьи и ираноязычных осетин. Отдельное исследование посвящено тюркоязычным этносам, проживающим на территории Северного Кавказа. На основе этих двух проектов сделаны некоторые выводы о генофонде Кавказа. Все три мажорные гаплогруппы Кавказа (G2, J2, J1) происходят из Передней Азии как единого источника генофонда народов Кавказа [9, с. 16].

Для генофонда нахских народов Восточного Кавказа – ингушей и чеченцев – характерна гаплогруппа J-M67 (xM92). У остальных этносов Кавказа частота этой гаплогруппы не больше 9%, в среднем 3%. У народов Дагестана мажорной является группа J-M267 (xP58). Средняя ее частота равна 70%, варьируясь у аварцев, даргинцев, кубачинцев и лезгин от 44% до 99%. Она встречается также у чеченцев и ингушей с частотой не более 25% [10, с. 237]. В работах этих авторов составлены филогенетические сети, определено прямое соотношение глоттохронологического распада языков и исторического расхождения кавказских народов.

С выводами этой исследовательской группы коррелируются результаты ученых Уфимского федерального научно-исследовательского центра РАН о разнообразии генофонда народов Кавказа, обусловленного скрещиванием здесь автохтонных элементов с миграционными волнами [11, с. 750–761].

Представляют интерес сведения, полученные в результате работы группы ученых по генетическому исследованию населения Кавказа, в особенности Дагестана. Были проведены десятки генетических тестов, на основании которых сделаны выводы об исторических миграциях в регионе, определена основная гаплогруппа населения J1 и субклад J1-Z1842. Время формирования субклада – 8 тысяч лет назад [12].

Генетические базы перманентно пополняются благодаря коммерческим тестам частных лиц, результаты которых могут использовать ученые. Так, во время историко-этнографического исследования с. Урада были проведены ДНК-тестирования представителей тухумов села с целью определения их этногенеза и выявления связей. Были взяты образцы у представителей шести тухумов села по три из верхней и нижней частей. Тестирование подтвердило их принадлежность к гаплогруппе J1 (субклад J1-M267) [13, с. 133].

Коммерческие тесты прошли также несколько потомков шамхальской и нуцальской династии. Результаты показали их принадлежность к самой распространенной в Дагестане гаплогруппе J1-Z1842. Тест предполагаемого потомка Чолак-Сурхай-хана I правителя Казикумухского ханства показал его принадлежность к той же гаплогруппе (Terminal SNP: J-BY60698). А соотнесение с другими результатами показало, что шамхалы Казикумуха и Тарковские шамхалы происходят от одного предка, жившего в середине XVI в. (1580 год +/- 200 лет, что является статистически допустимым интервалом)¹.

В рамках данной статьи и на данный момент времени мы не имеем возможности провести ДНК-исследования представителей дагестанских династий. Но в ближайшей перспективе это возможно. Наша задача в том, чтобы составить схему будущего исследования:

- составление перечня приоритетных могил, необходимых для исследования после «инвентаризации» кладбищ. Для чего определены критерии пригодности: достоверность атрибуции личности, известность местоположения, сохранность могилы, минимизация риска контаминации, наличие временных интервалов (2–3 поколения) между выбранными могилами;
- отбор материала, извлечение и типирование ДНК посредством генетических анализов, необходимых для исследования: Y/mt/DNA;

¹ Субклады гаплогруппы J1 – Z1842 // Интерпретация сиквенса Next Gen. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.yfull.com/tree/J-Z1842>

- сопоставление результатов с уже опубликованными референсными базами по Кавказу (общие этнокомпонентные данные тех, кто уже сделал аутосомный тест (например, через Family Tree DNA), доступны в глобальных базах проектов Family Tree DNA и YFull), сопоставление с результатами тестов предполагаемых потомков²;

- проверка гипотез о происхождении в соответствии с полученными данными, верификация спорных захоронений.

Кайтагские уцмий

Благодаря источникам, в том числе эпиграфическим, нам известно о существовании династии уцмиев как минимум с XIV в. до 1860 г. Сам род, естественно, продолжился и после ликвидации уцмийства в 1860 г. Также из письменных источников следует, что династия имела многочисленные побочные ветви, представители которых становились правителями в других государственных образованиях.

Многие представители уцмийской фамилии похоронены на уцмийском кладбище в Кала-Корейше. Это кладбище было описано многими исследователями. Последняя из опубликованных работ представляет собой практически полное описание уцмийского кладбища [14]. Используя эту работу, выделим интересующие нас могилы.

Уцмийское кладбище в Кала-Корейше:

Ахсибар (первая половина XIII в.);

Хан-Мухаммад, сын Султан-Ахмада (ум. 1596 г.);

Ахмад-хан, сын Уллубия (ум. 1750 г.);

Амир-Риза (ум. 1803 г.).

Помимо уцмийского кладбища нас интересует кладбище Татти-Пир, расположенное на территории села Баршамай. Похороненные здесь могут иметь отношение к Дербенту. В статье М.А. Мусаева, Ш.Ш. Шихалиева и М.Г. Шехмагомедова выдвинута гипотеза о происхождении захороненных эмиров, согласно которой датировка памятников и их сходство с памятниками в Дербенте и Ширване позволяет предположить, что имела место экспансия последних ширваншахов Кесранидов (или дербентской ветви династии ширваншахов) и установление ими своих династов с титулом эмир. В пользу этого говорит факт о том, что Ибрахим Дербенди (1382–1417 гг.) в конце XIV – начале XV в. передал управление рядом селений Южного Дагестана сыну кайтагского правителя Мухаммад-беку [15, с. 41].

С кладбища Татти-Пир выделим:

Эмир Тахмаз, сын эмира Алтаву (ум. 1370 г.);

Эмир Алтаву, сын Алаза, сына Зазайна ал-Кайдаки (ум. 1382 г.);

Эмир Алтаву, сын Албайра ал-Кайдаки (ум. 1389 г.);

Неизвестный эмир (умер между 1742 и 1743 г.).

В подтверждение изложенной выше гипотезы добавим, что в «Дербенд-наме» излагается история о том, как Абу Муслим напал на Кайтаг и убил «отважного газанфера» – кайтагского правителя. Завоевав Кайтаг, он обратил большую часть его населения в ислам и назначил правителем Хамзу. Абу Муслим в местных источниках – персонаж синкретический. Существует вероятность, что под этим именем подразумевался один из Кесранидов или представитель их дербентской ветви. Результатом этой экспансии могло стать назначение представителей Кесранидов владетелями в Кайтаге, о чем свидетельствуют оставшиеся после них могилы в Татти-Пир.

Шамхалы

Большая часть известных нам могил шамхалов находится на кладбище шамхалов (XII–XVII вв.) в окрестностях Кумуха. На кладбище обнаружено 35 стел, датируемых преимущественно периодом XVI–XVII вв. Описание кладбища было выполнено А. Каяевым в 30-е годы, но не было опубликовано. Первая публикация с описанием кладбища принадлежит Л.И. Лаврову.

Могилы шамхалов находятся также в Тарках и Кафыр-Кумухе, Бойнаке, Мехельте и датируются XVII–XVIII вв. Они были исследованы В.Ф. Минорским, П.М. Дебиловым и А. Р. Шихсаидовым.

² Group Time Tree. Time Tree view of members' and subgroups Big Y results. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://discover.familytreedna.com/groups/dagestan/tree>; Dagestan DNA Project – Y-DNA SNP. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.familytreedna.com/public/dagestan?iframe=ysnp>; Dagestan DNA Project – mtDNA Test Results for Members. Доступно по ссылке: <https://www.familytreedna.com/public/dagestan?iframe=mtresults>

Выделим следующие могилы для исследования:

Будай-шамхал (ум. 1566–1567 г.);

Эльдар-шамхал (ум. 1635–1636 г.);

Сурхай-шамхал, сын Алибека (ум. 1640–1641 г.);

Муртаз-Али, сын Сурхай-хана (ум. 1741–1742 г.). Могила находится на кладбище газикумухских ханов в квартале Гъарнал-аул;

Абу-Муслим-хан (ум. 1860 г.). Могила находится в Кафыр-Кумухе;

Шамсутдин-хан Тарковский (ум. 1874 г.), сын Абу-Муслим-хана Тарковского и Солтанат-бике Аварской. Могила находится в Кафыр-Кумухе.

Нуцалы

Несмотря на наличие серьезных исследований, посвященных нуцалам Аварии [16], идентифицированных могил мало. Их география довольно обширна:

Самилав (ок. 1360–1389 гг.). Могила находится в Хунзахе;

Дугри-нуцал (ум. 1667–1668 г.). Могила находится в Хунзахе;

Ума-хан V Великий (ок. 1761–1801 гг.). Могила находится в с. Джар Закатальского района Азербайджанской Республики;

Мухаммад-нуцал IV (ум. 1774 г.). Могила находится в с. Каранай (Унцукульский район РД);

Султан Ахмед-хан Аварский (ум. 1823 г.). Могила находится в с. Нижнее Казанище (Буйнакский район РД).

Список будет неполным без указания некоторых могил некрополя рода Мехтулинских ханов в с. Нижний Дженгутай, исследование которых должно показать степень родства мехтулинских ханов с нуцалами и шамхалами.

Ахмед-хан б. Хасан-хан (ум. 1843 г.);

Мирза-бек, сын Нусал-хана (ум. 1855 г.) [17, с. 28, 39].

Дербентско-кубинские ханы

Относительно недолгая продолжительность существования этой династии позволяет нам выделить меньшее количество могил для исследования. Также нет точных сведений о месте захоронения большинства ханов династии. Некоторые из известных находятся на территории Азербайджанской Республики.

Список могил для исследования:

1. Ахмед-хан, сын Гусейн-хана (ум. 1703 г.). Похоронен в Маджалисе [18; 19, с. 96];

2. Фат-Али-хан (ум. 1789 г.). Похоронен на кладбище при шиитской мечети Биби-Эйбат в Баку [20, с. 153; 21, с. 147];

3. Ахмед-хан (1769–1791 гг.). Могила находится в мавзолее дербентских ханов в Дербенте. Могилы его братьев Гасан-хана и Шейх-али-хана не указаны в статье, так как для проведения тестирования достаточно одного образца от представителя одного поколения. Оснований для сомнения в родстве трех братьев нет, потому что нет необходимости в проведении дополнительных тестов всех трех представителей поколения;

4. Султан-Ахмед-хан, сын Шейх-Али-хана (ум. 1853 г.), похоронен в г. Ардебиль в Иране.

Заключение

Днк-тестирование костных останков дагестанских правителей позволит ответить на ряд вопросов, которые в течение десятилетий стоят перед историками: этногенез дагестанских династий, возможность общего корня, происхождение останков захороненных в Татти-Пир, являлись ли правители Дербентско-Кубинского ханства потомками ветви уцмийской династии и др.

Возможности других методов исследования по происхождению династий уже исчерпаны. Ни письменные источники, ни реконструкция точного ответа дать не могут. В связи с этим генетическая генеалогия представляется единственным способом получения достоверных результатов. Развитие технологий и рост интереса людей к генеалогическим исследованиям собственного рода приводит

к увеличению количества проводимых коммерческих ДНК-тестов. Это, в свою очередь расширяет референсную базу для использования этих сведений в исследовании истории народов Кавказа, и Дагестана в том числе. Намеченная нами схема генетико-генеалогического исследования дагестанских династий поможет в последующей работе над этой темой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых) / отв. ред. Е. Н. Черных, Т.М. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. 384 с.
2. Тюрки Кавказа: сравнительный анализ генофондов по данным о Y-хромосоме / Р. А. Схалыхо, Э. А. Почешкова, И. Э. Теучеж [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2023. № 2. С. 34–48. EDN QZDREJ
3. Jobling M.A., Tyler-Smith C. The human Y chromosome: an evolutionary marker comes of age. *Nat Rev Genet.* 2003. № 4(8). P. 598–612. doi: 10.1038/nrg1124. PMID: 12897772
4. Бакиханов А. Гюлистан-и-Ирам. Баку: Элм, 1991. – 304с.
5. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. – 302 с.
6. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 266 с.
7. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.) Махачкала: Тип. ДагФАН СССР, 1969. – 252 с.
8. Гаджиев Т.В. Государство, общество и право в Дагестане (до второй четверти XIX в.): автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 2001.
9. Дибирова Е.В., Балановская М.А., Кузнецова Х.Д. и др. Генетический рельеф Кавказа: четыре лингвистико-географических региона по данным о полиморфизме хромосомы Y // Медицинская генетика. 2010. Т. 9. № 10(100). С. 9–18.
10. Балановский О.П. Генофонд Европы. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. – 354 с.
11. Хуснутдинова Э.К., Литвинов С.С. и др. Генофонд этнических групп Кавказа по данным комплексного исследования Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и полногеномного анализа // Генетика. 2012. Т. 48. №6 (79). С. 750–761.
12. Agdzhoyan A., Iskandarov N., Ponomarev G., Pylev V., Koshel S., Salaev V., Pocheshkhova E., Kagazezheva Z., Balanovska E. Origins of East Caucasus Gene Pool: Contributions of Autochthonous Bronze Age Populations and Migrations from West Asia Estimated from Y-Chromosome Data // *Genes.* 2023. №14, 1780.
13. Хапизов Ш.М., Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г. Тысяча лет истории одного джамаата. Урада и урадинцы. Махачкала, 2021. – 528 с.
14. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше. Махачкала: Мавраевъ, 2019. 180 с.
15. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфика кладбища XIV–XV вв. «Татти-Пир» в окрестностях сел. Баршамай // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. №2. С. 33–49.
16. Хапизов Ш.М. Нуцалы Аварии (Историко-генеалогическое исследование). Махачкала, 2021. – 384 с.
17. Шихалиев Ш.Ш., Тахнаева П.И., Чмилевская И.А. Некрополь рода Мехтулинских ханов в с. Нижний Дженгутай (кладбище «Делет-къабурлар») // *Ориенталистика.* 2023. Т. 6. № 1. С. 24–54.
18. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875.
19. Магомедов М.Г., Шихсаидов А.Р. Калакорейш (Крепость курейшитов). Махачкала: Издательство «Юпитер», 2000. С. 96.
20. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1948. С. 153;
21. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. II.

REFERENCES

1. Chernykh EN., Mishina TM. (eds.). *Interdisciplinary integration in archaeology (based on lectures for postgraduate students and young scientists)*. Moscow: IA RAN, 2016. (In Russ)
2. Skhalyakho RA., Pocheshkhova EA., Teuchezh IE. et al. Turkic groups of the Caucasus: comparative analysis of gene pools based on Y-chromosome data. *Bulletin of Moscow University. Series 23: Anthropology.* 2023; 2: 34–48. (In Russ)
3. Jobling M.A., Tyler-Smith C. The human Y chromosome: an evolutionary marker comes of age. *Nature Reviews Genetics.* 2003; 4(8): 598–612. DOI: 10.1038/nrg1124.
4. Bakikhanov A. *Gulistan-i Eram*. Baku: Elm, 1991. (In Russ)
5. Shikhsaidov AR., Aitberov TM., Orazayev GM-R. *Dagestani historical works*. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ)
6. Minorov VF. *A history of Sharvan and Darband in the 10th–11th centuries*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1963. (In Russ)
7. Shikhsaidov AR. *Islam in medieval Dagestan (7th–15th centuries)*. Makhachkala: DagFAN SSSR, 1969. (In Russ)
8. Gadzhiev TV. *State, society and law in Dagestan (up to the second quarter of the 19th century)*. Author's abstract of Dr. Sci. thesis. Moscow, 2001. (In Russ)
9. Dibirova EV., Balanovska MA., Kuznetsova KhD. et al. Genetic landscape of the Caucasus: four linguistic-geographic regions according to Y-chromosome polymorphism data. *Medical Genetics.* 2010; 9(10): 9–18. (In Russ)
10. Balanovsky OP. *The gene pool of Europe*. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2015. (In Russ)
11. Khusnutdinova EK., Litvinov SS. et al. The gene pool of ethnic groups of the Caucasus according to data from a comprehensive study of the Y-chromosome, mitochondrial DNA and genome-wide analysis. *Genetics.* 2012; 48(6): 750–761. (In Russ)
12. Agdzhoyan A., Iskandarov N., Ponomarev G., Pylev V., Koshel S., Salaev V., Pocheshkhova E., Kagazezheva Z., Balanovska E. Origins of East Caucasus gene pool: contributions of autochthonous Bronze Age populations and migrations from West Asia estimated from Y-chromosome data. *Genes.* 2023; 14: 1780. DOI: 10.3390/genes14091780.
13. Khapizov ShM., Abdumazhidov RS., Shekhamagomedov MG. *A thousand years of history of one jamaat. Urada and the Uradins*. Makhachkala, 2021. (In Russ)
14. Musaev MA., Shikhaliev ShSh., Shekhamagomedov MG. *Epigraphy of the necropolis of the Utsmis in Kala-Koreysh*. Makhachkala: Mavraev, 2019. (In Russ)
15. Musaev MA., Shikhaliev ShSh., Shekhamagomedov MG. Epigraphy of the 14th–15th centuries cemetery "Ttatti-Pir" in the vicinity of Barshamay village. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus.* 2018; 14(2): 33–49. (In Russ)
16. Khapizov ShM. *The Nutsals of Avaria (Historical-genealogical research)*. Makhachkala, 2021. (In Russ)
17. Shikhaliev ShSh., Takhnaeva PI., Chmylevskaya IA. Necropolis of the Mehtuly Khans' lineage in the village of Nizhny Dzhenhutay ("Delet-qaburlar" cemetery). *Orientalistica.* 2023; 6(1): 24–54. (In Russ)
18. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 6. Pt. 2.* Tiflis, 1875. (In Russ)
19. Magomedov M.G., Shikhsaidov A.R. *Qala-Qoreysh (The fortress of the Quraishites)*. Makhachkala: Jupiter, 2000. (In Russ)
20. Leviatov VN. *Essays on the history of Azerbaijan in the 18th century*. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1948. (In Russ)
21. Lavrov LI. *Epigraphic monuments of the North Caucasus. Pt. 2.* Moscow: Nauka, 1968. (In Russ)

Поступила в редакцию 20.04.2026

Принята в печать 10.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 20.04.2026

Accepted 10.06.2026

Published 30.06.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222269-281>

Исследовательская статья

Мхитарян Гоар Жораевна
к.и.н., доцент, старший научный сотрудник
Институт востоковедения НАН РА;
Ереванский Государственный Университет;
Филиал Московского государственного университета им. М. Ломоносова в Ереване
goharmkhitaryan7@gmail.com

Меликян Лилит Камоевна
к.и.н., преподаватель
Ереванский Государственный Университет
lilit777.az@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ АСТРАХАНИ И ЕЁ ВЛИЯНИЯ НА ВОСТОЧНУЮ ТОРГОВЛЮ В КОНЦЕ XVIII в.

Аннотация. Цель статьи – проанализировать административно-судебную систему Астрахани и выявить её влияние на восточную торговлю в конце XVIII в. Автором впервые вводятся в научный оборот документы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), которые освещают некоторые подробности деятельности административных и судебных органов Астрахани конца XVIII в. Публикуемые документы касаются одного сюжета из истории русско-персидской торговли – расследования инцидента о похищении Шекинским владельцем Мамед-Усейн-ханом товаров Карабахского Мелика-Джимшида Шахназарова. Применённые методы историко-сравнительного анализа нововыявленных рукописных источников и законодательных актов Российской империи демонстрируют особенности имперского делопроизводства. Они показывают специфику повседневной работы Сената, который «немедленно» и подробно разбирался в каждом подобном деле. С другой стороны, анализ административно-судебной системы Астрахани в исследуемый период показал, что последовательная политика российского правительства была направлена на решение ряда первостепенных вопросов, «заводимых азиатцами тяжб». Принимался во внимание факт, что пограничный город Астрахань был многонациональным коммерческим центром с ярко выраженным этноконфессиональным составом. Осознание этой исторической данности и вытекающие из него трудности административно-правового характера подтолкнуло Сенат в конце XVIII в. принять компромиссное решение для тяжущихся сторон. Правительственными указами создавались разовые третейские суды под руководством губернских властей, где судопроизводство должно было производиться по российским законам. Анализируемые в статье архивные документы свидетельствуют, что существующие трудности в работе административной и правовой системе Астрахани в конце XVIII в. продолжали отрицательно влиять на восточную (русско-персидскую) торговлю, в частности халатность в астраханской таможне и бездействие Азиатского суда.

Ключевые слова: Астраханская таможня; Азиатский суд; Шекинский хан; Мелик Джимшид Шахназаров; Шуши; торговые отношения; XVIII в.

Для цитирования: Мхитарян Г.Ж., Меликян Л.К. Из истории административно-судебной системы Астрахани и её влияния на восточную торговлю в конце XVIII в. // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. No 2. С. 269-281. doi.org/10.32653/CH222269-281

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222269-281>

Research paper

Gohar Zh. Mkhitarian
 Cand. Sci., Assoc. Prof., Senior Researcher
 Institute of Oriental Studies of the NAS RA, Yerevan, Armenia;
 Yerevan State University;
 Branch of MSU in Yerevan
goharmkhitarian7@gmail.com

Lilit K. Melikyan
 Cand. Sci., Lecturer
 Yerevan State University, Yerevan, Armenia
lilit777.az@gmail.com

THE ADMINISTRATIVE AND JUDICIAL SYSTEM OF ASTRAKHAN AND ITS INFLUENCE ON EASTERN TRADE IN THE LATE 18TH CENTURY

Abstract. This article analyzes the administrative and judicial apparatus of Astrakhan during the late 18th century, evaluating its structural influence on Russia's eastern trade. Utilizing newly discovered manuscript sources from the Russian State Historical Archive (RGIA), the author introduces fresh documentary evidence into scholarly circulation to illuminate the operational realities of these regional administrative and judicial bodies. The core case study centers on an incident of cross-border merchant friction: the investigation into the seizure of goods belonging to the Karabakh Armenian Melik, Jamshid Shahnazarov, by the Sheki ruler, Muhammad Husayn Khan. By applying a comparative historical analysis to these archival manuscripts and the concurrent legislative acts of the Russian Empire, the study reconstructs the intricate specificities of imperial bureaucracy. The findings demonstrate the rigorous, granular involvement of the Governing Senate, which directly adjudicated individual trade disputes. Furthermore, the analysis reveals that the Russian government's overarching regional strategy was systematically oriented toward resolving complex "litigation brought by Asians." Crucially, imperial administrators had to account for the fact that the frontier city of Astrakhan functioned as a highly diverse, multinational commercial hub with a pronounced ethno-confessional demographic profile. Recognizing the unique administrative and legal friction generated by this diversity, the Senate devised a pragmatic compromise for international litigants at the close of the 18th century. Imperial decrees authorized the establishment of *ad hoc* arbitration courts supervised by provincial authorities, which were mandated to conduct proceedings in alignment with Russian statutory law while accommodating the multi-ethnic realities of frontier commerce.

Keywords: Astrakhan customs; Asian court; Khan of Sheki; Melik-Jamshid Shakhnazarov; Shushi; trade relations; 18th century

For citation: Mkhitarian G.Zh., Melikyan L.K. The administrative and judicial system of Astrakhan and its influence on eastern trade in the late 18th century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 269-281. doi.org/10.32653/CH222269-281

Введение

История деятельности административно-правовых органов, регулирующих юридический статус армянской и других иноземных (азиатских) слобод Астрахани в XVIII в. является востребованной научной темой для исследователей [1–11]. По итогам этих исследований, в частности, была показана эволюция административно-правового положения астраханских армян на фоне изменений функции их судебного органа. Эти научные труды раскрывают данную проблематику как следствие социально-политической борьбы между состоятельной верхушкой армянской и других иноземных колоний с представителями русского посада Астрахани, которые неоднократно обращались к российскому правительству с просьбой лишить армян прав и привилегий. Как правило, все законодательные и юридические акты Сената, поправки и другие изменения рассматривались лишь на фоне торгово-экономических интересов астраханского городского купечества.

В действительности сенатские указы и правительственные решения отражались в равной степени на приезжих купцов, следовательно, и на всю восточную (русско-персидскую) торговлю. Восточное Закавказье и северные районы Персидского государства являлись главными сухопутными и морскими отрезками восточной торговли. На этом пути ключевым пунктом, связующим Восточную Европу и прежде всего русские земли со странами Ближнего и Среднего Востока, был портовый город Астрахань [12–14]. Иностранные купцы и торговцы все свои судебные тяжбы и административные вопросы решали в астраханских судебных инстанциях и городских учреждениях. В данной статье мы попытаемся раскрыть влияние административно-судебной системы Астрахани на русско-персидскую торговлю в конце XVIII в. и шаги, предпринятые российским правительством для разрешения проблемы.

Кавказско-каспийский регион – важнейший логистический узел восточной торговли

На протяжении долгого времени в Европе считалось, что импортируемый шёлк поступал из Османской империи, но исследования восточной торговли в XVIII в. показывают, что турецкие купцы покупали шёлк именно в Ширване и в провинции Гилян [15, с. 220]. Львиная доля шёлка, экспортируемого из Сефевидской Персии, вывозилась в османское государство, где перерабатывалась, далее изготовленные из него дорогостоящие ткани продавались на восточных рынках Алеппо и Смирны, а оттуда попадали к европейскому потребителю в Лондоне, Марселе, Венеции [16, с. 471].

Однако, данный транзитный сухопутный путь преодолевался купцами «с великим трудом и изживанием на верблюдах и с опасением от разбойников столько сот миль». Закупка шёлка проводилась «близь берегов Каспийского моря в дистриктах городов персидских Шемахи, Гиляни и Дербента» и прочих мест, до которых от Астрахани морем в хорошую («доброю») погоду длилось три или четыре дня. Затем можно было «свободно и безопасно» доплыть по Волге «даже до Твери и потом каналами и озером Ладожским до Петербурга, а оттуда Балтийским морем во всю Европу» и обратно [17, с. LXXXVIII].

Основной целью восточной политики Петра I, который «гениальным инстинктом» [18, с. 300] наметил своим преемникам путь, было направить мировую торговлю между Востоком и Западом через территорию Российской империи. Необходимо было организовать беспрепятственный вывоз персидского шёлка-сырца в Россию, установить новый русско-кавказский торговый путь, соединявший Персию, Индию, среднеазиатские владения с народами, обитавшими в бассейне Куры.

Внешнеполитические ориентиры Российской империи, выстроенные в начале XVIII в., заключались в перенаправлении всего шёлкового экспорта из Восточного Закавказья и северных районов Персии на территорию Российского государства, минуя Османскую империю, что было успешно достигнуто и продолжено во второй половине столетия при императрице Екатерине II (1762–1796).

Согласно сведениям английского торгового агента Джона Ханвея в Кавказско-каспийском регионе были известны три крупных центра производства шёлка: провинция Гилян с центром в Реште, Ширван с центром в Шемахи и Арран¹ с Гянджой [19, с. 35].

¹ Под Арраном нужно понимать исторические области Великой Армении (Мец Айк, Մեծ Հայք), Арцах и Утик, расположенные к югу от реки Куры. В V в. Сасаниды создают на Южном Кавказе систему трех марзпанств (Армн-Армения, Варджан-Иверия и

В XVIII в. историческое название Арран частично совпадало с территорией владения Карабахского ханства. В указанный период Карабахское ханство активно торговало с закавказскими владениями, с Персией, Османской и Российской империями. Основным импортируемым товаром карабахских купцов были шёлк, шёлковые и бумажные материалы, а также «некоторые другие маловажные предметы, необходимые в общежитии» [20, с. 313]. Шушинские армяне покупали шёлк в Карабахской, Шекинской, Ширванской провинциях, Елисаветпольском округе, Джаро-Белоканской области и в северных провинциях Персии. Более того, один из шушинских купцов, капитал которого доходил до миллиона рублей ассигнациями, имел своих «корреспондентов» в некоторых закавказских владениях, в персидских областях и в пределах Российской империи, «занимающихся покупкою и продажей шёлка» [20, с. 313–314].

Из Карабаха в Шекинское ханство вела одна из трех крупных дорог, которые были «довольно хорошо устроены и удобны для проезда в экипажах». Из Шуши через Егермидортский магал и реку Кура дорога доходила до деревни Пиразы, где делилась на четыре направления к Шекинскому ханству. Одна из них направлялась в Нуху, другая – в деревню Вардашен, а две остальные – в деревню Падар и на дорогу Дамус соответственно [20, с. 265]. С территории Шекинского ханства карабахские торговцы отправляли свои товары в разные уголки Кавказа и в Астрахань. Здесь ежегодно устраивались ярмарки, где купцы разных народностей и конфессий активно торговали европейскими и азиатскими товарами [21, с. 11, 22, 3].

Известно, что «армян и других азиатцев [23, с. 581, 3], живущих в Астрахани», согласно указу от 5 августа 1746 г., государство записало в Астраханский магистрат и подчинило губернской канцелярии [23, с. 581–583]. Отметим, что в XVIII в. под азиатцами кроме армян имелись в виду «индийцы, бухаряне, гилянцы, агрыжанцы и другие татары, також греки, грузинцы и прочие иноземцы, которые в Астрахани исстари живут и вечно в подданстве присягали и имеют дворы, лавки, амбары, заводы и торговые промыслы и рукоделия» [23, с. 581]. Также указ регулировал судопроизводство «во всем между собою иметь по-прежнему, как доньше между ними происходило», для этого был учреждён «один Ратсгауз» (т.н. Армянский суд) [23, с. 582], где помимо судебных разбирательств городского населения рассматривались жалобы и тяжбы купцов и торговцев.

Вследствие убийства Надир-шаха (1747 г.) и распада его государства русско-персидская торговля в значительной степени приходит в упадок [24], а в астраханской таможне появляются затруднения и ряд проблем административно-организационного характера. В частности, выявляются «небрежности и взяточничество» астраханской конторы над портом, которая свободно пропускала беспаспортных пассажиров и незарегистрированных в таможне товаров. Досмотр в таможне производился «крайне небрежно», и контрабанда процветала не только между купцами, но и в среде морских офицеров на казенных судах. Последние не допускали консула для осмотра судов, «ссылаясь на то, что они такие же офицеры, как и сам консул», который против «таких злоупотреблений» был совершенно бессилён, а жалобы в адрес астраханского губернатора были бесполезны [17, с. 588].

Со временем бывшие таможенные уставы и дальнейшие поправки к ним (сенатские указы) по объективным причинам утратили «силу действия своего» и «для убежания от погрешностей» 1 декабря 1755 г. был принят новый Таможенный устав. Он регулировал работу портовых и пограничных таможен по всей империи и должен был способствовать развитию российской коммерции [25, с. 486, 462–484]. Затем, согласно императорскому указу (№ 12009) от 9 января 1764 г. коммерц-коллегии приписывалось употреблять печатные листочки о ценах товаров, «называемые прейскурант» [26, с. 491]. Следующим указом (№ 12015) 14 января того же года рассматривались некоторые моменты, приносящие вред купечеству, когда «некоторые из купцов, корабельщиков и других людей, не довольствуясь справедливыми от трудов прибытками», старались ввозить и отпускать товары, «утаивая от платежа пошлин», а иногда «похищая» принадлежащие российской казне пошлины и этим чинили «торгующим подрывы» [26, с. 495]. «Повреждение коммерции» проявлялось в таможнях, где сбор пошлин происходил не со всеми торгующими «равно по выданным тарифам». Для рассмотрения этих и других обстоятельств в «таможенных распорядках», требующих «поправления», наряду с уже действующим Морским пошлинным регламентом (1731 г.)

Ран-Албания). После упразднения царства династии Аршакидов в Армении (428 г.) сасанидские цари присоединили сначала Утик, а в 450–451 гг. и Арцах к Албанскому царству, которое, в свою очередь, входило в состав одноимённого марзпанства (Албания, Аран/Арран, Алуанк) – административной единицы, созданной в результате реформы 428 г.

и Таможенным уставом (1 декабря 1755 г.) были приняты соответствующие распоряжения. «Дабы как российские, так и иностранные купцы и все, кто товары из-за границы» ввозили и были проинформированы, «и свои меры брать могли», указ был опубликован «всенародно» [26, с. 497–499]. Архивные документы указывают, что установленный «особый порядок» в таможах для морских и сухопутных перевозок просуществовал практически до конца XVIII в.²

Советник таможенных дел и надворный советник Н. Zubov, посетивший Астраханскую портовую таможню 4 октября 1793 г., доносил некоторые подробности о состоянии дел на месте тайному советнику, сенатору и президенту коммерц-коллегии кавалеру Г.Р. Державину. Рассматривая «надлежащий таможенный порядок», который «издавна велось в сей таможне», Н. Zubov встретил «некоторые предметы, требующие особого рассуждения и решительного повеления высшего начальства».³ В частности, он заметил нарушения постановлений Морского пошлинного регламента, Таможенного устава и дополнения к ним (императорского указа 1764 г.). По существующим законам, купцы, корабельщики и пассажиры «каждой о своих собственных и адресованных к ним товарах и вещах» обязаны были подавать в таможню «особливые верные объявления», на основе этих деклараций проводились таможенные досмотры взимались установленные законом пошлины.⁴ Однако на подаваемые в Астраханскую портовую таможню товары при «осмотрах» устанавливались «примерные цены», таким же образом взимались и пошлины.⁵ Надворный советник, рассмотрев подаваемые от купцов на привозимые товары в Астрахань из Персии и из других мест объявления и увидев, что в них не указываются реальные вес и качество, а только источник ввоза, приказал призвать их в таможню и дать разъяснения.⁶ Из представленных в таможню объявлений персидских, хивинских и бухарских купцов становится ясно, что «они люди, обряду и прав коммерции европейских не ведающие и почти все безграмотные». Более того, товары очень часто «в своих странах покупают у частных людей по мелочам не деньгами, а намеру товара на товар, почему цены качества и количества в объявлениях показывать не могут». Купцы в своих объяснениях просили «притеснений не чинить и от всего сего избавя, оставить их на прежнем положении», «на котором с давних лет находились, чтобы не затруднить привоз товаров в Россию», «или совсем предать коммерцию тамошним принуждениям к обряду хранящемуся между европейскими купцами, а тем самым их не отвращать от делаемой ими казне пользы».⁷

Административно-правовая система в Астрахани в конце XVIII в.⁸ и восточная торговля

Обратимся к анализу деятельности административно-судебной системы в конце 90-х гг. XVIII в. и её влияния на русско-персидскую торговлю. В исследуемый период Астрахань оставалась важнейшим транзитным узлом на кавказско-каспийском отрезке восточной торговли [30, 31], виду чего административно-судебные разбирательства между торговцами не прекращались. На сенатских слушаниях 3 июля 1799 г. был представлен доклад № 19028 «О принесении жалоб на медленность и проволочку дел в учрежденном в Астрахани для азиатцев общем суде, Губернскому Правлению». В нём рассматривалась жалоба кизлярского жителя Перемюза Тамазова на Астраханское губернское правление, по его мнению, «неправильно наклонившее» его иск на армянина Погосова об «утайке шёлка» [33, с. 695]. Из переписки становится ясно, что Тамазов в 1796 г. в Кавказском словесном суде имел «из персидской области с нухинским армянином Теваном Погосовым в утайке сим на немалую сумму шёлку дело». Суд в течение 10 месяцев «к производству и решению» не приступал, и дело было отправлено в архив. По просьбе Тамазова, в июне дело было передано в Астраханский общий для азиатцев суд с предписанием губернатора Н.Я. Аршеневского о скорейшем решении вопроса, однако суд возвратил

2 РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 575.

3 Там же. Л. 39.

4 Там же. Л. 40.

5 Там же. 575. Л. 40об.

6 Там же. Л. 40об.

7 Там же. Л. 41–41об.

8 В статье впервые введены в научный оборот новоявленные (РГИА. Ф. 13), а также частично использованные (РГАДА. Ф. 276) архивные документы, проливающие свет на работу «азиатского суда» и в силу объективных причин, не рассматриваем деятельность астраханских судебных органов и для русского населения.

дело обратно, без производства [32, с. 696]. Отметим, что Общий суд астраханских азиатцев был создан в 1760-х гг. вследствие административно-правовых изменений. Армянские и татарские судьи заседали в разных помещениях, ибо «армяне, яко христиане, общее с татарами и индийцами, яко с магометанами и идолопоклонниками, заседание могли бы почесть себе за унижение» [33, с. 8]. В случае несогласия с решением суда стороны имели право обращаться в Губернскую канцелярию.

В итоге суд отпустил ответчика Погосова «в отчизну свою, в Персию», а сам, «продолжая дело без мала два года», причинил Тамазову убытки в размере 6656 рублей 95 копеек, «от чего пришел он в крайнее разорение» и задолжал «разным людям до 3000 рублей». В свою очередь Тамазов сам подал апелляционную жалобу, так как ему не объявили решение суда, «о чём подано от него в Астраханскую Палату Суда и Расправы явочное прошение», и поэтому он просил взыскать его убытки с присутствующих «и его удовлетворить». Жалоба поступила в Сенат 3 июня 1797 г., откуда в Астраханское губернское правление последовал указ с повелением «прислать против оной о всём показуемом рапорт» [32, с. 696].⁹ Вскоре из Астрахани были даны объяснения, что жалоба армянина Тамазова относится не к Губернскому правлению, а к Астраханскому Армянскому суду азиян, и они согласны «с тою жалобою». Выяснилось, что Губернское правление 20 октября 1797 г. «требовало от одного суда» решение по данному делу, однако его не получило. Тамазов же доносил, что его дело решено, но «не объявлено и в даче копии с него отказано» с заявлением, что «какое решение судьи сделали, то сами переменить не могут и никто за ними перевешивать и над ними господствовать не может» [7, с. 696–697].

Астраханский губернатор И.С. Захаров в своём рапорте в Сенат отмечал, что с момента его вступления на должность «никакое присутственное место столько не затрудняло его своими делами, как общий суд азиян». День ото дня увеличивалось число недовольных судом и почти ни одна просьба не оканчивалась без двух или трех предложений губернатора, так как суд «никому не подчинён», а дела его не подлежали ревизии [27, с. 697]. Жалобы армян с «однородцами» и «на других разного рода людей» подавали на апелляцию в Гражданскую палату.

В ноябре 1798 г. губернатор И.С. Захаров предлагает Палате внимать жалобам «каждого недовольного разбирательством общего суда азиян, рассматривать их дела и решить по узаконениям». Гражданской палате предписывалось из Азиатского суда принимать апелляционные дела и решать их «по законам, о чём и сенату донести». Однако Сенат, разобрав вопрос установил, что общий суд азиян в Астрахани никогда не подчинялся губернским судебным учреждениям, «не состоял под апелляцию Гражданской палаты и ниже другого какого судебного места», а свои постановления производил словесно «с единою томко о решениях своих журнальною запискою». Более того, по высочайшему указу 1 марта 1797 г. «ничего не предписано о включении одного под апелляцию Палаты Суда и Расправы», следовательно, Сенат не принимал во внимание распоряжение астраханского губернатора «о переносе сих дел по апелляции в Палату» и приводятся ряд причин [32, с. 698].

Сенат, рассмотрев выше предложенные объяснения, установил, что «недовольные решением Астраханского для азиян общего суда, должны свои иски начинать вновь и производить по установленной форме в учрежденных там судебных местах, то есть в Городовом магистрате или Уездном суде». Губернская канцелярия была упразднена. Однако если истцы и ответчики оставались недовольными решением данных судебных инстанций, то они имели право «в переносе дел по апелляции на ревизию в Палату Суда и Расправы, по изданным законам» [32, с. 699]. Фактически суд не подчинялся Губернскому правлению и, «полагаясь на мнимую свою не подчинённость», производил судебные разбирательства «по произволению» [32, с. 697].

Одновременно в Губернское правление поступало «великое множество жалоб в проволочках и несправедливых решениях дел» указанного суда. Астрахань была коммерческим городом, и дела торгующихся требовали скорого решения, «к чему без ведомостей и без взыскания за медленность тот суд довести» не мог, потому что к губернским властям не подчинялся («не имеет внимания») [32, с. 699]. «Что же касается до жалоб на медленность и проволочку, равно и непорядочное производство

9 Отметим, что указом от 26 января 1788 г. кавказскому генерал-губернатору Г. Потемкину предписывалось «армян и других азиатцев в Кавказской губернии и области Астраханской живущих, кои сами не пожелали записаться в купечество и мещанство, оставить до будущего повеления» [34, с. 1024–1025]. Это означало, что часть астраханских армян, которая записалась в купеческие гильдии, подчинялась городовому магистрату, а для остальных создавалось специальное Присутствие для не записавшихся по Городовому Положению армян. Присутствие подчинялось Губернскому магистрату, которое заменило губернскую канцелярию (1785 г.). В 1790 г. Магистрат был ликвидирован и Армянское присутствие подчинилось Кавказскому наместническому правлению [7, с. 64].

словесного разобранья в том суде, то оные следует приносить тамошнему губернскому Правлению, а от сего делать понуждение и взыскание по точной силе Учреждений о губерниях 96 и 98 статей; следственно и определение к тому суду для надсматривания над производством дел штаб или обер-офицера, назначенного в указе 1765 года, уже не нужно», – говорилось в решении Сената [32, с. 699]. Резолюция императора Павла I гласила: «Быть по сему».

С другой стороны, при рассмотрении дел суд сталкивался с затруднениями «по незнанию всех тех народов диалектов», отсутствию «способных переводчиков», что затягивало решение судебных дел. В связи с этим Сенат 19 ноября 1800 г. предлагал, если судились азиатцы с россиянином, или наоборот, то судебный процесс должен был проходить «в тех судебных местах, где россиянин подсуден», а судебная тяжба азиатца с армянином – в армянских судах. Судебные разбирательства азиатцев с татарами Агрыжанского, Бухарского и Гилянских дворов Астрахани рассматривались «в управе, для сих татар учрежденной» [35, с. 395].¹⁰

Правительствующий сенат принимал во внимание тот факт, что «город Астрахань есть пограничный и коммерческий», куда «сездаются и проживают иногда долгое время разных наций народы», но учредить для каждого из них свои судебные учреждения посчитал не нужным и затратным. Одновременно констатировалось, что защитить иностранцев общими законами Российской империи будет невозможно. Сенат выступил с предложением «всех прочих наций народы азиатские, яко то индийцы, персияне, бухарцы, хивинцы, тухменцы, заграничные чеченцы и иные», которые имели «взаимные по коммерции друг к другу притязания и иски», а также «неудовольствия в обманах и неурядицах платежей» разбирать в третейских судах. Эти судебные инстанции должны были учреждаться «только на тот раз, из них же самих, по общему тяжущихся согласию, под руководством губернского правления» и базировались на российском законодательстве. Тем самым прочие судебные места и начальство избавились бы от «беспрестанного стечения и излишества заводимых азиатцами тяжб», а сами истцы получили бы «скорейшее в их процессах удовольствие». На данное предложение Сената последовало императорское согласие [35, с. 395].

Один сюжет из истории деятельности астраханской таможни и судопроизводства

В октябре 1797 г. Мелик-Джимшид Шахназаров¹¹ [27] перевозил товары «из персидского города Шуши» в астраханскую таможню, однако они были отняты приказчиками шекинского хана. Мелик обратился к астраханскому губернатору Н.Я. Аршеневскому с просьбой об «удержании оных, обещая доказать в том, что они подлинно его собственные».¹² Напомним, что согласно указу 14 января 1764 г. в таможнях устанавливался особый порядок хранения для товаров, привозимых как морским, так и сухим путём. В частности, если хозяева не забирали быстро портящиеся товары в течение трех месяцев, а «негнелые» в течение полугода, и не платили пошлины, то разрешалось эти «товары продавать аукционным порядком, исчисляя портовые и внутренние пошлины с мелочными сборами брать в казну, а остаточные за тем деньги отдавать хозяевам с расписками» [26, с. 499].

Астраханский губернатор, рассмотрев жалобу Мелик-Джимшида, предлагает товары «отобрать от хозяина или приказчика» до предоставления сторонами соответствующих документов на их принадлежность. Дело в том, что по указу 1764 г. если купцы и другие люди, приходя с товаром в таможню и по объективным причинам («фактуры в получении иметь еще не будут»), то таможня должна «дождать подачи» этих документов, а до того времени товары оставались в таможне две недели. По истечении данного срока хозяин или его приказчик должны были «явиться в таможню», предъявить

10 РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 577.

11 Мелик-Джимшид был представителем древнего карабахского меликского рода Шахназаровых из Варанды [Матенадаран. Рукопись. № 7429. Микаэл-бек Мелик-Шахназарян. О происхождении рода Мелик-Шахназарянов]. После смерти Мелик-Шахназара II в 1792 г. законный наследник меликства Мелик-Джимшид сумел утвердиться в титуле Варандинского мелика. В период нашествия Ага-Мухаммед-шаха Каджара в Закавказье (1795 г.) Мелик-Джимшид вместе с другими карабахскими меликами удалился в Восточную Грузию. 2 июня 1799 г. императорской грамотой Павла I Мелик-Джимшид получил российское «подданство и покровительство», а от грузинского царя Ираклия II «для поселения земле» и был признан владельцем «над подвластными» им армянами [Матенадаран. Ф. Архив разных авторов. Пап. 2409. Д. 161. С. 300–301].

12 РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 171. Л. 3–4.

требуемые документы и сортировать товары, «различая гибельные с негибельными», а затем «убрать в ящик или кипу, за таможенною и хозяйскою печатью положить в безфактурной пакгаузе¹³» соответственно от трех месяцев до полугода [26, с. 499]. В назначенное время хозяин должен был представить «надлежащее объявление», заплатить пошлины и забрать товар. Однако, если в намеченный срок хозяин не появлялся, то «из негибельного товару на такую сумму, сколько потребно на пошлины, а гибельной весь продать с аукциону, и, взяв в казну пошлину, товар остаточной положить в амбар, а деньги держать в таможене, пока кто явится и докажет, что товары принадлежали ему, не назначивая сроку». Товар нужно было держать де тех пор, «пока оной амбарных денег стоить будет», для чего в таможене нужно было «иметь особливую книгу». Если же в течение двух дней никто не являлся, или приказчика и поверенного не присылал в таможеню для досмотра этих товаров и вещей, то досмотр проводился «таможенным управителем одним» [26, с. 499].

В данном случае астраханская таможня изъясняла, что дело карабахского мелика спорное, потому что «нет ни марков, ни примет, означающих имя хозяина», и предписала «тому суду, в коем следствие производимо было», принять данный товар «под свое сохранение до решения». Однако, таможня не располагала благоприятными условиями для содержания товара у себя и опасалась, что «содержать его не может по причине осеннего времени» и «по ветхости таможенных амбаров».¹⁴

В сложившейся ситуации Н.Я. Аршеневский предписывает Азиатскому суду в самом скорейшем времени обязать обе стороны перевезти спорный товар из таможни в другое безопасное место для хранения, отметив судебными печатями до окончательного решения. Астраханский губернатор «несколько раз» требовал о скорейшем окончании дела в рамках закона, но суд оставил «без всякого внимания все предписания» Н.Я. Аршеневского, и не обеспечил хранение товаров, а затем «и вовсе отклонил от себя дело сие, предоставляя тяжущимся искать суда в других местах».¹⁵ Однако таможня, «не видя никакого решения о принадлежности хранящихся у ней товаров и опасаясь дабы оные не могли подвергнуться гибели, а чрез то не последовало бы казне и хозяевам убытку, решила отдать их тем хозяевам, коих имена значились в декларации».¹⁶

Копия таможенного дела Мелик-Шахназарова вместе с докладом Астраханского гражданского губернатора, действительного советника И.С. Захарова в ноябре 1799 г. дошла до императора Павла I, который приказал направить его в Правительствующий сенат «для рассмотрения и немедленного решения».

В заголовке архивного дела, по ошибке или из-за отсутствия достаточной информации о внутриполитической ситуации в закавказских владениях, упоминается Гусейн-хан (Усейн-хан) Шекинский. Однако последний был убит в 1780 г. от рук своего дяди Хаджи-Абдулкадыра, который затем захватил власть в ханстве и правил до своей смерти в 1784 г. Сын Гусейн-хана, Мухаммед-Гасан-хан вступает в борьбу за власть с Шекинским ханом, убивает Хаджи-Абдулкадыра и сам становится ханом. Однако младший брат Мухаммед-Гасан-хана Селим-хан вступил в борьбу за власть и победил. Во время нашествия Ага-Мухаммед-шаха в Закавказье (1795 г.) он не покорился персидскому правителю [28, с. 76–84]. А в ходе Персидского похода русской армии под командованием В. Зубова в 1796 г. Селим-хан Шекинский вместе с Джават-ханом Гянджинским и Ибрагим-ханом Карабахским «через посланников изъяснили ему преданность и покорность» [29, с. 146]. Ага-Мухаммед-шах, получив известие о вступлении русских войск в Шемаху, бежал и захватил с собой некоторых кавказских владетелей, в том числе Шекинского Сулейман-хана.¹⁷ После убийства шаха в 1797 г. в Шуши, Мухаммед-Гасан-хан, заручившись военной поддержкой Ширванского Мустафы-хана, снова стал ханом и правил ещё восемь лет.

Выводы

Проведенный анализ административно-судебной системы Астрахани в конце XVIII в. приводит к мысли, что российское правительство путём принятия ряда законодательных актов стремилось всего лишь систематизировать правовое поле для иностранных купцов, обеспечить справедливые

13 Склад для быстро портящихся товаров на таможах.

14 РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 171. Л. 4.

15 РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 171. Л. 5.

16 Там же.

17 Матенадаран. Рукопись № 8822. Вардан Архиепископ Одзнец. Путешествие в Армению, Турцию и Киликию. Л. 94а.

судебные инстанции и снизить её негативное влияние на торговлю. Кроме того, принимался во внимание тот факт, что пограничный город Астрахань была многонациональным коммерческим центром с ярко выраженным этноконфессиональным составом [36]. Осознание этой исторической данности и вытекающие из этого трудности административно-правового характера подтолкнули Сенат в конце XVIII в. принять компромиссное решение для тяжущихся сторон. Правительственными указами создавались разовые третейские суды под руководством губернских властей, где судопроизводство должно было производиться по российским законам.

Резюмируя, отметим, что публикуемые в конце статьи документы касаются всего лишь одного сюжета из истории русско-персидской торговли – расследования инцидента о «похищении Шакинским владельцем Мамед-Усейн-ханом товаров Карабагского Мелика-Джимшида Шахназарова». Историко-сравнительный анализ аналогичных событий в астраханской таможне и Азиатском суде в 1797–1799 гг. на основе широкого круга документов и первоисточников вырисовывают особенности административно-правовой системы Астрахани. Они освещают не только данные события, но и проливают свет на некоторые подробности русско-персидской (восточной) торговли конца XVIII в.

Однако для восстановления полной картины деятельности астраханской таможни и развития коммерции 1790-х гг. необходима дальнейшая публикация материалов использованного нами архивного дела № 575 из фонда «Коммерц-коллегия» (№ 276) Российского государственного архива древних актов (РГАДА) под названием «По предложению правящего должность президента Коммерц-коллегии, тайного советника Державина, о представлении в Правительственном Сенате, на рассмотрение, полученных им от кавказского таможенных дел советника Зубова и директора Астраханской таможни Львова, донесении о разных происшествиях по тамошней торговле и о разногласии предписаний от начальства» (рукопись на 129 листах).

Публикуемые ниже документы извлечены из фонда № 13 «Департамента министра коммерции» Российского государственного исторического архива (РГИА). Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением стилистики оригинала.

**[Л. 1] ПО ИМЕННОМУ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОВЕЛЕНИЮ
О РАЗОБРАНИИ ДЕЛА О ПОХИЩЕНИИ ШАКИНСКИМ ВЛАДЕЛЬЦЕМ МАМЕД-
УСЕЙН-ХАНОМ ТОВАРОВ КАРАБАГСКОГО МЕЛИКА-ДЖИМШИДА ШАХНАЗАРОВА**

№ 1

[Л. 2] Государь император соизволил оказать, чтоб ваше сиятельство, войдя в рассмотрение дела о похищении Шакинским владельцем Мамед-Усейн-ханом товаров Карабагского Мелика-Джимшида Шахназарова и разобрав почему астраханская таможня выдала оные товары приказчикам похитителя, не взирая на точные предложения бывшего тамошнего гражданского губернатора тайного советника Аршеневского, наказали по законам чиновников помянутой таможни есть ли точно окажется, что выдача означенных товаров учинена без достаточных на то причин.

Гатчина

Сентября 11-го дня

1799 года

Помета: Его сиятельству кн. Гагарину

№ 2

[Л. 3] *Помета:* Его Императорское Величество повелел соизволить Сенату войти в рассмотрение и немедленное решение сего дела по законам.

к. Г. Гагарин¹⁸

г. Гатчина

ноября 25-го дня 1799 года

¹⁸ Князь Гавриил Гагарин (1745–1808) – действительный тайный советник, сенатор, президент коммерц-коллегии.

Вследствие высочайшего Вашего Императорского Величества повеления объявленного мне господином действительным тайным советником графом Ростопчиным 11-го числа прошедшего сентября, входил я в подробное рассмотрение всеподданнейшего доклада Астраханского гражданского губернатора, действительного статского советника Захарова и истребованного мною из тамошней таможни в копии дела о выдаче ею товаров, о которых производит иск карабагской Мелик-Джимшид Шахназаров и из производства оного нахожу следующее:

В октябре месяце 1797 года Мелик-Шахназаров известил о провозе в Астраханскую таможню товаров, отправленных им из персидского города Шуши и в проезде чрез город Шаки отнятых тамошним владельцем Мехмет-Усейн-ханом, просил астраханского гражданского губернатора Аршеневского [Л. 4] о удержании оных, обещая доказать в том, что они подлинно его собственные.

Губернатор по сему предложил таможне отобрать от хозяина или приказчика, в зависимости чьей товары [...] ¹⁹ какие он имеет документы на принадлежность оных ему и освидетельствовать по маркам, которые ясно покажут кому те товары принадлежат, уведомить его.

Таможня на оное изъясняя, что дело сие яко спорное до её разбирательства не следует, поелику нет ни марков, ни примет, означающих имя хозяина, просила предписать тому суду, в коем следствие производимо было, долженствует, принять оный товар под свое сохранение до решения, ибо она на страх своем содержать его не может по причине осеннего времени, а паче по ветхости таможенных амбаров.

Между тем губернатор, по вторично поданной к нему просьбе, предписал тамошнему общему Азиатскому суду в самом скорейшем времени, обязав обе стороны о перевозе того спорного товара из таможни в другое безопасное место для хранения за общими и оного [Л. 5] суда печатями до решения, приступить к сему разбирательству и поступить с возможною осторожностью, ибо малейшее упущение останется на отчете его.

После сего, подтверждая тому суду несколько раз о скорейшем дела окончании, предложил таможне снести с тем судом и в последствии того, что им учинено будет поступить по законам. Но суд оный оставил без всякого внимания все предписания губернаторские, не обеспечил товары своим хранением, не вошел ни в какое о принадлежности оных исследование и вовсе отклонил от себя дело сие, доставляя тяжущимся искать суд в других местах.

Таможня же, получив с таковыми изъяснениями отзыв от Азиатского суда, не видя никакого решения о принадлежности хранящихся у ней товаров и опасаясь дабы оные не могли подвергнуться гибели, а чрез то не последовало бы казне и хозяевам убытку, решила отдать их тем хозяевам, коих имена значились в декларации.

[Л. 6] По сравнении всех обстоятельств дела сего, явственно доказывается совершенная вина Азиатского суда, оставившего все предписания губернаторские без должного исполнения, в чём к оправданию себя не имеет он ни малейших уважения заслуживающих причин, а потому и надлежит весь иск Шахназарова обратить на один оный суд.

Впрочем, я сие мнение моё осмеливаюсь всеподданнейше предать благо рассмотрению Вашего Императорского Величества.

На подлинной подпись: Князь Гавриил Гагарин

Помета: Значащееся в сей записке дело губернатора Захарова подлинном и копии со всего таможенного производства препровождены при сообщении к господину генерал-прокурору 26 ноября 1799 года.

[Л. 7]

№ 3

Милостивый государь мой, Александр Андреевич!

По высочайшему Его Императорского Величества повелению, объявленному мне 11 числа сентября сего года господином действительным тайным советником графом Ростопчиным, рассмотрев

¹⁹ Не удалось разобрать слово.

всеподданнейший доклад Астраханского гражданского губернатора, действительного советника Захарова и истребованные мною из тамошней таможни в копии дело о выдаче его товаров, о которых производит им карабагский Мелик Шахназаров, имел счастье входить со всеподданнейшим докладом Государю Императору, вследствие которого Его Императорское Величество высочайше мне повелеть соизволил препроводить всё то в Правительствующий Сенат для рассмотрения и немедленного решения сего дела законам.

Исполняя высоко монаршую волю, имею честь доставить при сем к вашему высокопревосходительству помянутый губернатора Захарова доклад в подлинный и копию с дела таможенного. Пребывая, впрочем, с совершенным моим почтением и личною преданностью.

Милостивый государь мой!

Вашего высоко превосходительства

N 824

В Гатчине

Ноября 27 дня

1799 года

Его высоко превосходительству А.А. Беклешову²⁰

11 сентября – 27 ноября 1799 г.

РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 171. Л. 1–7. Копия.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА No 24WS-6A027.

Funding. The study was conducted with the financial support of the Committee of Science of the Republic of Armenia (Project No. 24WS-6A027).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Имашева М.М. О предпринимательстве татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов в конце XVIII – начале XIX вв. // Каспийский регион. Политика, экономика, культура. Астрахань, 2012. № 3. С. 40–50.
2. Кугрышева Э.В. История армян в Астрахани. Астрахань, 2007.
3. Мхитарян Г.Ж. Армянская община Астрахани в «Путешествии» Самуила Гмелина // Армения и Восточно-христианская цивилизация. III Республиканская конференция, посвященная 70-летию со дня рождения известного армениста-кавказоведа Павла Чобаняна (1948–2017 гг.). Ереван, 2018. С. 224–233. (на арм. яз.)
4. Мхитарян Г.Ж. Этноконфессиональная картина Астрахани по материалам «физической» экспедиции Академии наук 1768–1774 годов // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 3. С. 585–604.
5. Нажиев М.Б. Роль Астрахани в торгово-экономических контактах народов Северо-Восточного Кавказа с Россией XVIII – первой половины XIX вв. // Вестник науки и образования. 2019. № 7(61). Ч. 1. С. 57–59.

REFERENCES

1. Imasheva MM. On the entrepreneurship of the Tatars of the Bukhara, Gilyan and Agryzhan courts at the end of the 18th – early 19th centuries. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2012; (3): 40–50. (In Russ)
2. Kugrysheva EV. *History of Armenians in Astrakhan*. Astrakhan, 2007. (In Russ)
3. Mkhitarian GZh. The Armenian community of Astrakhan in Samuel Gmelin's "Journey". *Armenia and Eastern Christian Civilization. 3rd Republican Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Renowned Armenian and Caucasian Studies Scholar Pavel Chobanyan (1948–2017)*. Yerevan, 2018, pp. 224–233. (In Arm)
4. Mkhitarian GZh. Ethno-confessional picture of Astrakhan based on materials from the "physical" expedition of the Academy of Sciences of 1768–1774. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022; 18(3): 585–604. (In Russ)
5. Nazhiev MB. The role of Astrakhan in trade and economic contacts of the peoples of the North-Eastern Caucasus with Russia in the 18th – first half of the 19th centuries. *Bulletin of Science and Education*. 2019; 61(7-1): 57–59. (In Russ)

²⁰ Беклешов Александр Алексеевич (1743–1808) – государственный и военный деятель, действительный тайный советник, генерал-прокурор.

6. Пирова Р.Н. История русско-азиатской торговли и роли в ней восточного купечества в русскоязычных источниках (конец XVIII – начало XX вв.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 1(40). С. 28–40.
7. Хачатурян В.А. Административно-правовое положение астраханских армян во второй половине XVIII века // Известия Академии Наук Армянской ССР. Общественные науки. 1963. № 12. С. 58–68.
8. Хачатурян В.А. Население армянской колонии в Астрахани во второй половине XVIII века // Известия АН АрмССР. Общественные науки. 1965. № 7. С. 77–87.
9. Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 135–143.
10. Юхт А.И. Правовое положение астраханских армян в первой половине XVIII века // Известия Академии Наук Армянской ССР. Общественные науки. 1960. № 12. С. 47–60.
11. Юхт А.И. Социальная борьба в астраханской армянской колонии (середина XVIII в.) // Известия АН Армянской ССР. Общественные науки. 1979. № 6. С. 69–80.
12. Дж. Белл. Белевы путешествия чрез Россию в разные Асиятския земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Ч. 1. [Путь в Персию и Китай], перевёл с французского Михайло Попов. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1776.
13. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 2. От Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1777.
14. Архив Государственного Совета / Под ред. Н.В. Калачова, П.М. Фон Кауфмана, И.А. Чистовича, Г.Ф. Штендмана и др. Т. II. Совет в царствование императора Павла I, 1796–1801 гг. 1888.
15. George Forster. A Journey from Bengal to England, London, through the northern part of India, Kashmir, Afghanistan, and Persia, and into Caspian-sea. Vol. II. London, 1798.
16. Ferrier R. Trade from the mid-14th century to the end of Safavid period // The Cambridge history of Iran. 1986. Vol. VI. P. 412–491.
17. Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. Ч. I–II. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899.
18. Бэр А.А. История всемирной торговли. М., 1876.
19. Jonhas Hanway. An historical account of the British trade over the Caspian Sea: with a Journal of travels from London through Russia into Persia, and back again through Russia, Germany and Holland. Vol. I. London, 1753.
20. Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении. Ч. III. СПб., 1836.
21. Чулков М.Д. Словарь учреждений в России ярмарок, изданный для обращающихся в торговле. М., 1788.
22. Имашева М.М. Гостиные дворы Астрахани в конце XVIII – первой половине XIX века как форма предпринимательства персидских купцов // Вектор науки ТГУ. 2015. № 1 (31). С. 145–149.
23. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое, 1649–1825 гг. Т. XII. / Под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
24. Юхт А.И. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII века // История СССР. N 1. 1961. С. 131–146.
25. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое, 1649–1825 гг. Т. XIV. / Под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
6. Pirova RN. The history of Russian-Asian trade and the role of Eastern merchants in Russian-language sources (late 18th – early 20th centuries). *Bulletin of Maykop State Technological University*. 2019; 40(1): 28–40. (In Russ)
7. Khachaturyan VA. Administrative and legal status of Astrakhan Armenians in the second half of the 18th century. *Proceedings of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. Social Sciences*. 1963; 12: 58–68. (In Russ)
8. Khachaturyan VA. The population of the Armenian colony in Astrakhan in the second half of the 18th century. *Proceedings of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. Social Sciences*. 1965; 7: 77–87. (In Russ)
9. Yukht AI. The Indian colony in Astrakhan. *Voprosy Istorii*. 1957; (3): 135–143. (In Russ)
10. Yukht AI. Legal status of Astrakhan Armenians in the first half of the 18th century. *Proceedings of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. Social Sciences*. 1960; 12: 47–60. (In Russ)
11. Yukht AI. Social struggle in the Astrakhan Armenian colony (mid-18th century). *Proceedings of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. Social Sciences*. 1979; 6: 69–80. (In Russ)
12. Bell J. *Bell's travels through Russia to various Asian lands, namely: to Isfahan, Pekin, Derbent, and Constantinople*. Pt. 1. [The path to Persia and China], transl. from French by Mikhail Popov. St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1776. (In Russ)
13. Gmelin SG. *A journey through Russia to explore the three kingdoms of nature*. Pt. 2. From Cherkassk to Astrakhan and the stay in this city: from the beginning of August 1769 to June 5, 1770. St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1777. (In Russ)
14. Kalachov NV., Von Kaufmann PM., Chistovich IA., Shtendman GF. et al. (eds.). *Archive of the State Council*. Vol. II. The Council during the reign of Emperor Paul I, 1796–1801. St. Petersburg, 1888. (In Russ)
15. Forster G. *A journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan, and Persia, and into the Caspian-sea*. Vol. II. London, 1798.
16. Ferrier R. Trade from the mid-14th century to the end of the Safavid period. *The Cambridge History of Iran*. Vol. VI. Cambridge: Cambridge University Press, 1986:412–491.
17. Ulyanitsky V.A. *Russian consulates abroad in the 18th century*. Pts. I–II. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya, 1899. (In Russ)
18. Beer AA. *History of world commerce*. Moscow, 1876. (In Russ)
19. Hanway J. *An historical account of the British trade over the Caspian Sea: with a journal of travels from London through Russia into Persia, and back again through Russia, Germany and Holland*. Vol. I. London, 1753.
20. *Survey of Russian possessions beyond the Caucasus in statistical, ethnographic, topographical and financial relations*. Pt. III. St. Petersburg, 1836. (In Russ)
21. Chulkov MD. *Dictionary of fairs established in Russia, published for those engaged in trade*. Moscow, 1788. (In Russ)
22. Imasheva MM. Guest courts of Astrakhan at the end of the 18th – first half of the 19th century as a form of entrepreneurship of Persian merchants. *Vector of Science of Togliatti State University*. 2015; 31(1): 145–149. (In Russ)
23. Speransky MM. (ed.). *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Series, 1649–1825*. Vol. XII. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichstva Kantselyarii, 1830. (In Russ)
24. Yukht A.I. Trade of Russia with Transcaucasia and Persia in the second quarter of the 18th century. *Istoriya SSSR*. 1961; (1): 131–146. (In Russ)
25. Speransky MM. (ed.). *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Series, 1649–1825*. Vol. XIV. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichstva Kantselyarii, 1830. (In Russ)

26. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое, 1649–1825 гг. Т. XVI. / Под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
27. Мелик-Шахназаров А.А., Абрамян Р.М. Карабахский род Мелик-Шахназарянов // Эльбрус. Нальчик, 2000. № 1 (12). С. 38–40.
28. Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Труды Общества исследования и изучения Азербайджана. Вып. 47. Баку, 1926.
29. Под стягом. Сборник архивных документов / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М.: Русская книга, 1992.
30. Зубов В.А. Общее обозрение торговли с Азией. Русский архив. Кн. I. М., 1873. С. 879–894.
31. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. Т. II. Кн. III. М.: Университетская типография, 1785.
32. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое, 1649–1825 гг. Т. XXV. / Под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
33. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое, 1649–1825 гг. Т. XVII. / Под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
34. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое, 1649–1825 гг. Т. XXII. / Под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
35. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое, 1649–1825 гг. Т. XXVI. / Под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
37. Васильева Е.А. История становления полиэтничного состава населения Астраханского края // Русские древности. Сборник научных трудов. К 75-летию профессора И. Я. Фроянова / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 6. 2011. С. 328–341.
26. Speransky MM. (ed.). *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Series, 1649–1825. Vol. XVI.* St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichstva Kantselyarii, 1830. (In Russ)
27. Melik-Shakhnazarov AA., Abramyan RM. The Karabakh lineage of the Melik-Shakhnazarovs. *Elbrus. Nalchik*, 2000; 12(1): 38–40. (In Russ)
28. Bakikhanov AK. *Gulistan-i Iram*. Proceedings of the Society for the Survey and Study of Azerbaijan, Issue 47. Baku, 1926. (In Russ)
29. Sazonov AA., Gerasimova GN., Glushkova OA., Kisterev S.N. (comps.). *Under the banner. Collection of archival documents*. Moscow: Russkaya Kniga, 1992. (In Russ)
30. Zubov V.A. General overview of trade with Asia. *Russkiy Arkhiv. Book I*. Moscow, 1873: 879–894. (In Russ)
31. Chulkov MD. *Historical description of Russian commerce. Vol. II. Book III*. Moscow: Universitetskaya Tipografiya, 1785. (In Russ)
32. Speransky MM. (ed.). *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Series, 1649–1825. Vol. XXV.* St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichstva Kantselyarii, 1830. (In Russ)
33. Speransky MM. (ed.). *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Series, 1649–1825. Vol. XVII.* St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichstva Kantselyarii, 1830. (In Russ)
34. Speransky MM. (ed.). *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Series, 1649–1825. Vol. XXII.* St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichstva Kantselyarii, 1830. (In Russ)
35. Speransky MM. (ed.). *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Series, 1649–1825. Vol. XXVI.* St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichstva Kantselyarii, 1830. (In Russ)
36. Vasilyeva EA. History of the formation of the polyethnic population of the Astrakhan region. *Russian Antiquities. Collection of Scientific Papers. To the 75th Anniversary of Professor I.Ya. Froyanov. Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg State University*. Vol. 6. 2011:328–341.

Поступила в редакцию 21.06.2025

Принята в печать 08.10.2025

Опубликована 30.06.2026

Recieved 21.06.2025

Accepted 08.10.2025

Published 30.06.2026



Гезалова Нигяр Ровшан гызы
д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник
Институт Истории НАНА, Баку, Азербайджан
nigar22@gmail.com

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ XVIII ВЕКА О НАДИР-ШАХЕ АФШАРЕ

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование европейских представлений о личности и правлении Надир-шаха Афшара, сформированных в интеллектуальной и политической среде XVIII в. На основе анализа широкого круга дипломатических, мемуарных, миссионерских и историографических материалов рассматриваются механизмы конструирования образа восточного правителя в европейской культуре эпохи Просвещения. Выявляются ключевые нарративные стратегии, определившие репрезентацию Надир-шаха: от героизации «освободителя» и реформатора до создания устойчивого образа «восточного деспота», воплощающего идею неограниченной, разрушительной власти. Показано, что европейские интерпретации правления Надир-шаха формировались в рамках более широких просветительских дискурсов – критики деспотизма, роста интереса к универсальной истории, усиления колониального взгляда и попыток осмысления Востока как культурного и политического «Другого». В результате фигура Надир-шаха оказалась включена в бинарные схемы, противопоставлявшие «цивилизованный» Запад «варварскому» Востоку, что предопределило амбивалентность её трактовки в европейской историографии XVIII в. Критика «восточного деспотизма», интерес к «экзотическим» обществам и утверждение европоцентрической концепции исторического развития способствовали появлению противоречивого и амбивалентного образа Надир-шаха в европейской историографии. Сделанный анализ подчёркивает необходимость критической переоценки европейского корпуса источников с учётом их генезиса, риторических задач и широкого политико-интеллектуального контекста эпохи. Такой подход позволяет выявить механизмы, посредством которых мыслители Просвещения формировали и инструментализировали образ Надир-шаха в дискуссиях о природе власти, легитимности и цивилизационного развития. Он также даёт возможность восстановить более сложную, многослойную картину взаимных представлений и культурных проекций, определявших взаимодействие Востока и Запада в раннем Новом времени.

Ключевые слова: Надир-шах; европейские источники XVIII в.; ориентализм; биографическая традиция; просвещение; Восток в европейской мысли

Для цитирования: Гезалова Н.Р. Европейские источники XVIII века о Надир-шахе Афшаре // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. No 2. С. 282-293. doi.org/10.32653/CH222282-293

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222282-293>

Research paper

Nigar R. Gozalova
Dr. Sci., Assoc. Prof., Leading Researcher
Institute of History of ANAS, Baku, Azerbaijan
nigar22@gmail.com

EUROPEAN EIGHTEENTH-CENTURY SOURCES ON NADIR SHAH AFSHAR

Abstract. The article offers a comprehensive examination of eighteenth-century European representations of the personality and reign of Nadir Shah Afshar as they emerged within the intellectual and political milieu of the Enlightenment. Drawing on a wide range of diplomatic, memoir, missionary, and historiographical sources, it analyzes the mechanisms through which the image of an Eastern ruler was constructed in European culture of the period. The study identifies the key narrative strategies that shaped the representation of Nadir Shah— from the heroic portrayal of a “liberator” and reformer to the formation of a stable image of the “Oriental despot,” embodying the concept of unrestrained and destructive power. The article demonstrates that European interpretations of Nadir Shah’s rule took shape within broader Enlightenment discourses: critiques of despotism, the growing interest in universal history, the consolidation of a colonial gaze, and emerging attempts to conceptualize the East as a cultural and political “Other.” As a result, the figure of Nadir Shah became embedded in binary oppositions that contrasted the “civilized” West with the “barbaric” East, reinforcing the fundamentally ambivalent character of his portrayal in European historiography. Critiques of ‘Eastern despotism,’ fascination with ‘exotic’ societies, and the affirmation of a Eurocentric model of historical development contributed to the emergence of a contradictory and multifaceted image of Nadir Shah. The analysis underscores the need for a critical reassessment of this European corpus with close attention to its textual origins, rhetorical functions, and wider political-intellectual context. Such an approach makes it possible to uncover the mechanisms through which Enlightenment thinkers constructed and instrumentalized the figure of Nadir Shah in debates on political authority, legitimacy, and civilizational development. It also enables the reconstruction of a more complex, multilayered picture of the reciprocal perceptions and cultural projections that shaped interactions between East and West in the early modern period.

Keywords: Nadir Shah Afshar; eighteenth-century European sources; Orientalism; biographical tradition; Enlightenment; historiographical narratives; representation of the East

For citation: Gozalova N.R. European eighteenth-century sources on Nadir Shah Afshar. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 282-293. doi.org/10.32653/CH222282-293

Введение

Историография XVIII века, посвящённая фигуре Надир шаха Афшара (1688–1747), представляет собой многоуровневый корпус источников, в котором сочетаются политические контексты и культурные способы репрезентации Востока, отражающие особенности восприятия и оценки Надир шаха в европейской интеллектуальной традиции. Этот корпус включает широкий спектр текстов – от дипломатических отчётов, миссионерской корреспонденции и мемуаров до историографических сочинений, путевых записок, а также публикаций в периодической печати. Их значимость заключается не только в документировании событий, связанных с эпохой Надир шаха, но и в отражении механизмов культурной трансляции, через которые Европа воспринимала и интерпретировала феномен восточной власти в эпоху Просвещения.

Именно в образе Надир шаха в европейской культуре эпохи Просвещения сошлись несколько ключевых тенденций: стремление к универсальной истории, интерес к «экзотическому» Востоку, усиленный ростом колониального взгляда и стремление осмыслить фигуры власти вне рамок европейской традиции. Издания, такие как *Gazette de France*, *Gazette d'Amsterdam*, *Gazette d'Utrecht*, *The London Gazette* и *The Gentleman's Magazine*, систематически освещали его кампании, придворную политику и реформы, формируя публичное мнение и предоставляя материал для более развернутых сочинений. Эти репортажи, наряду с дипломатической перепиской, отчётами миссионеров и книгами путешественников, служили источниковой базой для авторов, формировавших амбивалентное восприятие Надир шаха – от «Тамерлана» до «варвара».

Повышенное внимание к Надир шаху в европейском интеллектуальном пространстве XVIII века было обусловлено рядом факторов: беспрецедентными масштабами его военных кампаний, восставлением кызылбашской государственности после глубокого кризиса – афганского вторжения, османской и российской интервенций, а также его исключительной военной энергией и выдающимися лидерскими качествами, проявившимися в процессе централизации власти и расширения территорий. Его личность активно обсуждалась в сочинениях французских, немецких, испанских, британских, голландских и российских авторов, где он одновременно предстаёт в двух взаимно противоречивых ролях – как «освободитель от иноземного ига» и как «восточный деспот», воплощение грубой силы и стратегической прозорливости.

Таким образом, корпус европейских источников XVIII века, посвящённый Надир шаху, – репрезентирует сложный культурно-идеологический конструкт, в котором пересекаются миссионерская риторика, просветительский дискурс, имперская стратегия и нарративные конвенции раннего Нового времени. Источники можно условно классифицировать по следующим группам: мемуары, письма, донесения очевидцев; путевые и дипломатические отчёты; хроники, биографии и переводы восточных сочинений; архивные материалы (переписка, донесения, шифровки, аналитические записки).¹

В рамках данной работы основной фокус будет сосредоточен на опубликованных сочинениях, появившихся при жизни Надир шаха или вскоре после его смерти. Их хронологический и тематический анализ позволит нам проследить, как формировался европейский образ Надир шаха, а также понять, каким образом эти представления соотносились с ключевыми идеями эпохи Просвещения – о власти, легитимности, цивилизации и инаковости.

Ранние европейские издания и формирование биографической традиции

Среди наиболее ранних европейских сочинений, посвящённых восхождению Надир шаха, особое место занимает труд немецкого публициста Давида Фассмана, изданный в Германии в 1738 году

¹ Среди европейских источников особое значение имеют отчеты, дневники и письма представителей Английской и Голландской Ост-Индских компаний (VOC). Отдельного упоминания заслуживает голландская документация, собранная и систематизированная Виллемом Флором в книге «The Rise and Fall of Nader Shah: Dutch East India Company Reports 1730–1747» [10]. Этот труд основан на материалах – рапортах, отчетах, частных письмах и торговых донесениях. Благодаря высокой степени хронологической точности, он предоставляет данные о состоянии торговли, налоговой системе, военных конфликтах и политической ситуации в регионе глазами западных наблюдателей.

под литературным псевдонимом *Pithander von der Quelle*. Обширная работа «Происхождение, жизнь и деяния монарха Шаха Надир, ранее называвшегося Кули-ханом...» (*Herkunft, Leben und Thaten des Monarchens Schach Nadyr, vormals Kuli-Chan genannt...*) [28] представляет собой одно из первых биографических описаний восхождения Надир шаха, созданное ещё до индийского похода 1739 года. Фасман опирался на французские, голландские и немецкие реляции, официальные донесения и газетные известия, объединяя их в характерном для немецкой литературы XVIII века жанре историко-публицистического жизнеописания. В его изложении уже формируется ранний европейский образ Надир шаха как «освободителя», способного восстановить государственность после глубокого кризиса, вызванного афганской интервенцией. Автор подчёркивает военный талант, личную харизму и способность Надир шаха «возродить» страну, что отражает типичный для немецкого Просвещения интерес к фигурам «энергичных монархов», преодолевающих политическое разложение.

Другим ранним и весьма влиятельным европейским сочинением, посвящённым Надир шаху Афшару, принято считать труд «История Тахмас-Кули-хана, правителя...» (*Histoire de Thamas Kouli Kan, nouveau roi de Perse*), опубликованный в 1740–1741 годах в Амстердаме и Лейпциге [6], а затем переизданный в Париже в 1742 году [3]. Так в опубликованном в 1740 г., в Амстердаме и Лейпциге издании *Histoire de Thamas Kouli Kan*, впервые в европейской исторической литературе предпринята попытка дать систематизированное изложение восхождения Надир шаха, его военной деятельности и политических реформ. Источниковая база сочинения, по всей видимости, формировалась за счёт дипломатических донесений, газетных сводок и частных рассказов. В 1741 году появляется второе, дополненное издание, в которое включено описание индийской кампании Надир шаха. Текст содержит гетеродоксальные мнения, идеализирующие религиозную терпимость шаха и изображающие его как национального героя. Двухтомная публикация, (вероятно, второй том составлен другим автором), представляет собой первую европейскую биографию Надир шаха. Эти издания быстро приобрели популярность и были восприняты как достоверные источники, несмотря на ограниченный доступ авторов к первичным материалам. Вопрос об авторстве этого текста остаётся открытым. Так, анонимное издание 1740–1741 гг., в Амстердаме и Лейпциге, традиционно, хотя и условно, приписывалось Жану-Антуану Дю Серсо. Однако данная атрибуция вызывает обоснованные сомнения, поскольку Дю Серсо скончался в 1730 году, тогда как в тексте содержатся упоминания более поздних событий – в частности, индийского похода Надир шаха. Дю Серсо нам известен как редактор сочинений иезуита Т. Крусинского² [18; 19] о падении Сефевидов (изданных в 1728 году). Более обоснованной представляется версия, предложенная Руди Матэ, который подчёркивает анонимный характер двухтомного издания *Histoire de Thamas Kouli-Kan, Sophi de Perse* и связывает его появление с быстрым распространением новостей о походе Надир шаха в Индию. Так, первые подробные сведения об этой кампании, вероятно, были составлены агентами Голландской Ост-Индской компании в Бенгалии в 1739 году. Этот отчёт, опубликованный в Голландии в 1740 году, мог стать непосредственным источником анонимного издания 1741 года, вышедшего в Амстердаме и вскоре переведённого на английский [9], итальянский [8], испанский [7] языки. [23, p.112-113]

Парижская редакция 1742 года (*Histoire de Thamas Kouli Kan, nouveau roi de Perse*) традиционно связывается с именем аббата Андре де Клаустро.[3] Парижская редакция 1742 года (*Histoire de Thamas Kouli Kan, nouveau roi de Perse*) по сравнению с амстердамским изданием, носит более оформленный, литературно и концептуально проработанный характер. Этот текст не ограничивается простым изложением событий, но стремится интерпретировать фигуру Надир шаха в русле европейской интеллектуальной традиции XVIII века. По мнению современных исследователей парижское издание *Histoire de Thamas Kouli-Kan, nouveau roi de Perse*, «не являлось ни переизданием, ни новой редакцией анонимного амстердамского издания 1740 года, а представляло собой самостоятельный труд». Различия между амстердамским изданием 1740 года и *Histoire* де Клаустро весьма существенны – не только в отношении композиции текста и вариантов изложения, но и, что особенно важно, в присутствии некоторых нетрадиционных оценок и рассуждений, содержащихся в издании 1740 года и отсутствующих в тексте де Клаустро. [24, p.107] В нём прослеживается попытка представить Надир шаха как рационального

2 Комплексный труд по истории региона начала XVIII в. иезуита Тадеуша Крусинского, отредактированный Антуаном Дю Серсо, представляет собой одну из первых попыток систематического изложения событий в Сефевидском государстве в начале XVIII в. [18]. В английской версии [19] текст снабжён картой и краткой историей династии Сефевидов. Однако он охватывает события до прихода Надир шаха к власти и ограниченно применим к периоду его правления.

правителя и реформатора, освободившего Сефевидское государство от внешнего господства и восстановившего политический порядок. Он изображён как властная фигура, способная объединить страну и навести дисциплину, что позволяет рассматривать данный образ как элемент более широкой политической типологии «восточного монарха», формировавшейся в европейском восприятии в эпоху Просвещения. Издание имело широкий резонанс: оно было быстро переведено и на русский [17] язык, что свидетельствует о высоком и устойчивом интересе к фигуре Надир шаха в контексте европейской политики, колониальной экспансии и философии Просвещения. Его влияние ощущается в последующих сочинениях Джеймса Фразера, Джона Ханвея, Жана Оттера и других, для которых издание *Histoire de Thamas Kouli Kan*, часто служило отправной точкой в осмыслении Востока и его правителей. Таким образом, корпус текстов, связанный с так называемой *Histoire de Thamas Kouli Kan*, представляет собой не просто раннее европейское изложение биографии Надир Шаха, но и важный историографический источник, демонстрирующий, как Европа адаптировала и переосмысливала восточные реалии сквозь призму собственных идеологических и политических ориентиров.

Особое место в корпусе европейских источников занимает испанская биография Надир шаха под заглавием «Жизнь Тахмас-Кули-хана: от его рождения до триумфального входа в Исфахан, после его победоносных походов против Великого Могола и Великой Бухарии» (*Vida de Thamas Kouli-Kan: desde su nacimiento, hasta su entrada triunfante en Hispahan...*) [23], изданная в Мадриде в 1741 году. Книга опубликована под псевдонимом *Le-Margne*, за которым скрывается Сальвадор Хосе Маньер (*Salvador José Mañer*, 1676–1751) – известный испанский публицист, историк и автор историко-политических сочинений. Это одно из первых испаноязычных сочинений, посвящённых фигуре Надир шаха, опубликованное вскоре после его индийского похода 1739 года, в период его наибольшего политического и военного могущества. Маньер, не будучи непосредственным свидетелем событий, компилирует известные ему сведения из вторичных источников, формируя литературный образ восточного властителя в духе героико-монархической традиции XVIII века. Биография следует жанровым канонам «жизнеописания великих мужей», объединяя элементы просветительской апологии сильной власти, милитаристского пафоса и характерной для эпохи ориенталистской стилистики.

По сравнению с британскими и французскими трактовками, текст Маньера отражает специфически испанскую – иберийскую – интерпретацию восточной государственности. Надир представлен как победоносный властитель, покоривший Великого Могола и Бухару, чья экспансия осмысливается автором не просто как факт восточной политики, но как звено в универсальной истории империй. Таким образом, испанское сочинение Маньера становится значимым примером идеологического и культурного восприятия восточной власти в католической Европе середины XVIII века.

Почти одновременно с выходом парижского издания Клоэстра в британской историографии появляется труд Джеймса Фразера – «История Надир шаха, ранее известного как Тахмасп Кули хан» (*The History of Nadir Shah, formerly called Thamas Kuli Khan*, 1742) [11], ставший первой англоязычной биографией Надир Шаха. Автор стремился соединить элементы нарративной историографии с фактическим материалом, полученным из британских и восточных источников. Несмотря на заявленное в предисловии стремление к «достоверности» и использованию «сведений из первых рук», сам Фразер никогда не бывал в регионе и не имел личного контакта с Надир шахом. Его деятельность в 1730-х годах была сосредоточена в пределах Индии, где он служил в факториях Ост-Индской компании, включая Сурат, Камбей и Ахмедабад. Ключевым источником информации для Фразера стал неназванный британский агент, находившийся в государстве Афшаров и лично знакомый с шахом. На основании архивных изысканий Л. Локкарта с высокой степенью достоверности можно утверждать, что этим агентом был Вильям Коккелл – представитель Ост-Индской компании в Исфахане в первой половине 1730-х годов и позднее – агент в Гомбруне (Бендер-Аббасе). Его официальные донесения, письма и отчёты, вероятно, направленные в адрес Фразера после перевода Коккелла в Бомбей в 1737 году, легли в основу описания раннего периода правления Надир шаха. Особое значение в работе Фразера имеют включённые в текст переводы с персидского писем и мемуарных записей, приписываемых Мирзе Заман-хану, в которых освещаются события индийского похода 1739 года, включая взятие и разграбление Дели. [22, с.370–371] Эти материалы, независимо от степени их достоверности, оказали значительное влияние на восприятие фигуры Надир шаха в европейском пространстве, формируя образ правителя, сочетающего исключительные военные способности с жёсткими методами управления покорёнными территориями. С позиций современной историографии, работа Фразера представляет собой не только

биографическое изложение, но и один из наиболее содержательных и информативных ранних источников по истории Надир Шаха. Благодаря взвешенному стилю изложения и опоре на документальные свидетельства, сочинение Фразера до настоящего времени сохраняет исследовательскую ценность.

Важным свидетельством европейского восприятия фигуры Надир шаха в период его фактического правления является труд Джеймса Спилмана «Путешествие через Россию в Персию...» (*A Journey Through Russia into Persia...*) [30] опубликованного в Лондоне в 1742 г. Автор – Джеймс Спилман (1680–1763), влиятельный купец Московской компании и член Лондонского королевского общества, торговавший в России и сыгравший ключевую роль в заключении англо-российского торгового договора 1734 года. В своей книге он излагает сведения об экспедиции, предпринятой капитаном Джоном Элтоном (ум. 1751) и купцом Манго Грэмом (ум. ок. 1747), сосредоточенной на разведке торговых маршрутов через Каспий. В приложении к основному тексту содержится краткий очерк о восхождении Надир шаха к власти и его военных успехах. [30, р. 51-60] Источник представляет интерес как раннее европейское свидетельство о политической ситуации в регионе и о репрезентации восточного правителя в контексте британских стратегических интересов на Кавказе и в Передней Азии.

Значительный вклад в формирование представлений о правлении Надир Шаха в европейской интеллектуальной среде XVIII века принадлежит французскому дипломату, ориенталисту и путешественнику Жану Оттеру, автору сочинения *Путешествие в Турцию и Персию с описанием экспедиций Тахмас-Кули-хана*, (*Voyage en Turquie et en Perse, avec une relation des expéditions de Tahmas Kouli-Khan*, 1748).³ [27] В предисловии к своему труду Оттер указывает, что основу исторических сведений составили устные рассказы, мемуары и рукописи, полученные от непосредственных участников или свидетелей событий. Среди его информаторов были представители афшарской элиты – в частности, Абдул-Баги-хан, посол при османском дворе, а также члены его свиты, с которыми Оттер сопровождал дипломатическую миссию из Стамбула в Иран в 1736–1737 годах. Дополнительные сведения он собирал от жителей Исфахана и других городов. Особое внимание автор уделяет индийскому походу Надир Шаха 1739 года, опираясь, по его утверждению, на ныне утраченный источник – *Relation en langue persane écrite à Dilli l'an 1153 de l'hégire* (1740 г.). [22, с.372] Несмотря на декларируемую опору на первоисточники, исторический раздел сочинения демонстрирует значительное сходство с работой Джеймса Фразера (*The History of Nadir Shah*, 1742), особенно в изложении происхождения Надир шаха, его ранних кампаний и захвата Дели. Это позволяет предположить, что Оттер, хотя и не ссылается напрямую, использовал труд Фразера как модель для реконструкции биографии шаха.

Наибольшую ценность работа Оттера представляет в тех частях, где он опирается на собственные наблюдения. Он подробно описывает маршрут путешествия от османских территорий до Исфахана, где провёл около полутора лет, а также последующую поездку в Басру и возвращение через территорию современного южного Ирака. Благодаря знанию языков и с помощью переводчиков, Оттер активно контактировал с представителями различных сословий, включая чиновников, духовенство и простое население. Особое внимание в его описаниях уделено социальному и экономическому положению в государстве Афшаров в 1739 году – нищете, депопуляции, разрушенной инфраструктуре. Также содержатся ценные сведения о правлении Ахмеда-паши в Багдаде, его политике в отношении арабских племён и отношениях с шахом. [22, с.373] Таким образом, несмотря на ограниченность источниковой базы и определённую литературную стилизацию, труд Жана Оттера⁴ представляет собой важный текст для анализа социальной и политической ситуации в регионе периода Надир Шаха, а также для изучения процессов формирования ориенталистского дискурса в европейской культуре XVIII века.

Одним из наиболее обстоятельных трудов французской историографии, посвящённых политическим и военным трансформациям в регионе в первой половины XVIII века, является трёхтомное сочинение Луи-Андре де Ла Мами-Клерака «История Персии с начала этого века» (*Histoire de Perse, depuis le commencement de ce siècle*), опубликованной в Париже в 1750 г. [4] Эта работа представляет собой попытку систематического описания событий в Сефевидском государстве от начала афганского восстания и падения династии Сефевидов до возвышения Надир шаха, с охватом периода вплоть до 1739 года. Несмотря на то, что сам автор не посещал территорию Ирана – он находился в Стамбуле

3 Книга была издана в год смерти автора – Оттер скончался 26 сентября 1748 года, и до сих пор остаётся неясным, увидела ли книга свет до или после его смерти.

4 Интересно что рукописные версии *Журнала Оттера*, хранящиеся в Национальной библиотеке Франции, содержат текстологические расхождения с опубликованным вариантом и включают дополнительные материалы, в том числе сведения о Надир шахе, Персидском заливе и британском влиянии в регионе [22, с.373].

в 1724–1727 годах – его труд опирается на широкий корпус документальных и нарративных источников, собранных через дипломатические каналы, переписку с французскими консулами, а также рассказы европейских путешественников. Наиболее обширная часть труда охватывает события до 1730 г. и посвящена главным образом борьбе между афганскими завоевателями и кызылбашским сопротивлением, возглавленным шахом Тахмаспом II (1723–1732) и полководцем Надир шахом. [22, с.373–374] В третьем томе приводятся документы мемуарного характера, включая дипломатическую переписку и отчёты очевидцев, в которых отражены важнейшие эпизоды освобождения Сефевидского государства от афганского господства. Образ Надир шаха в трактовке Ла Мами-Клерака отличается сбалансированностью: он представлен как полководец и реформатор, сумевший восстановить централизованную власть, провести военные и административные реформы, обеспечить внешнеполитическое могущество и частично стабилизировать внутреннее положение страны. При этом подчеркивается его политический прагматизм, религиозная гибкость и способность к мобилизации ресурсов в условиях кризиса. Надир шах представлен как правитель, чья власть опиралась не только на военные достижения, но и на способность к организационному обновлению государства.

Особое место в корпусе европейской литературы XVIII века о Надир шахе Афшаре занимает сочинение Жан-Пьера де Бугенвиля – «Сопоставление похода Александра с завоеваниями Тахмасп-Кули хана⁵ в Индии» (*Parallèle de l'expédition d'Alexandre dans les Indes avec la conquête des mêmes contrées par Thamas-Kouli-Kan*) [2], написанное секретарём Академии надписей и изящной словесности и опубликованных в Париже в 1752г. Это произведение представляет собой философскоисторическое эссе, в котором автор предлагает концептуальное сопоставление двух великих завоевателей – Александра Македонского и Надир шаха. Однако речь идёт не столько о параллели, сколько о жёстком контрасте: фигура Надир шаха предстаёт в резком антагонизме к образу «просвещённого» античного полководца. Бугенвиль с самого начала устанавливает дистанцию между своими героями, подчёркивая, что для Александра завоевания были следствием «избыточной страсти к славе», тогда как действия Надир шаха диктовались разрушительной жадностью власти и богатства. [2, р. 9–10] В этом контексте он называет шаха «бедствием Азии» и отвергает его претензии на звание «второго Александра». [2, р. 84] Особенно резко автор осуждает индийский поход Надир шаха, характеризуя его не как военную экспедицию, а как «набег», проведённый с жестокостью и варварством. Разрушение Дели, по словам Бугенвиля, лишают Надира права на историческое оправдание: «резня в Дели делает его объектом ужаса для всего человечества» [2, р. 133–134]. Ключевое различие между двумя завоевателями, по мысли автора, заключается не только в мотивации, но и в последствиях: Александр оставил города, науку и инфраструктуру, тогда как Надир не создал ничего долговечного: его правление завершилось новым циклом насилия и дестабилизации. С этой точки зрения его походы оцениваются как несущие разрушение, а не как вклад в укрепление порядка и культуры. Бугенвиль отказывает Надиру в исторической легитимности, выводя его из круга героев и помещая в разряд тиранов и разрушителей [2, р. 141].

Таким образом, сочинение Бугенвиля представляет собой пример не только просвещённой критики восточного деспотизма через сопоставление с фигурами классической античности, но и характерное выражение европоцентрического взгляда XVIII в. В этом сопоставлении Александр Македонский выступает не просто как исторический контрапункт Надир шаху, а как символ «просвещённого» Запада, наделённого рациональностью, моральной дисциплиной и созидательной энергией. Восток же, воплощённый в фигуре Надир шаха, предстает в глазах автора пространством варварства, произвола и разрушения. [23, р.118–122] Такая оппозиция задаёт не только концептуальные рамки аргументации Бугенвиля, но и отражает один из ключевых структурных принципов дискурса французского Просвещения – представление об универсальной иерархии цивилизаций, в которой Европа выступает как носитель рационального порядка, морального прогресса и исторической нормативности, тогда как Восток репрезентируется как пространство культурной отсталости и политического произвола.

Среди британских авторов XVIII в., писавших о фигуре Надир шаха Афшара, особое место занимает Джонас Ханвей – дипломат, коммерсант и путешественник, автор четырехтомного труда «Исторический отчет о британской торговле через Каспийское море» (*An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: with a Journal of Travels through Russia into Persia*), впервые изданного в Лондоне в 1753 году (второе, значительно дополненное издание – 1762). [13] Эта работа приобрела широкую

5 В названии сочинения имя «Тахмасп-кули хан» («раб Тахмаспа») обозначает будущего Надир шаха Афшара; это имя он принял после вступления на службу к шаху Тахмаспу II.

известность как в Британии, так и на континенте, став одним из важнейших европейских источников о внутренней и внешней политике государства Афшаров, торговой активности Ост-Индской компании и российско-сефевидских отношениях. Труд Ханвея неоднороден по степени достоверности. Его личные наблюдения, в частности описание лагеря Надир шаха, который он посетил в связи с попытками добиться компенсации за понесённые торговые убытки, или свидетельства о волнениях в Астрабаде, имеют ценность как первичные источники. Однако обобщающие суждения, основанные на устных рассказах и переработанных европейских публикациях, требуют осторожного и критического прочтения. Первые два тома содержат путевые записки, включающие ценные наблюдения очевидца, в том числе подробное описание лагеря Надир шаха, сообщения различного характера об истории и о состоянии британской торговли с Востоком через Россию, повествования о поездках, предпринятых самим Ханвеем и иными лицами. Последние два тома представляют собой историю региона за период с 1722 по 1749 год, в значительной мере основанную на более ранних трудах. Значимым вкладом Ханвея стала публикация отрывков из трудов и писем таких фигурантов, как Джон Элтон, Вудруф, Томпсон и фон Мьероп – европейцев, находившихся в регионе в годы правления Надир шаха. [22, с.376] Эти документы могли бы быть утрачены, если бы не редакторская работа Ханвея. Кроме того, значительная часть сведений о Надире во время индийской кампании 1739 года заимствована из сочинения Джеймса Фразера, Луи-Андре де Ла Мами-Клерака, а также из труда Жана Оттера. После 1741 года автор дополнял свои материалы сведениями, полученными от европейцев, проживавших в государстве Афшаров, в том числе от католического священника и личного врача Надир шаха – Луи Базена, а также, возможно, от доктора Джона Кука – участника российского дипломатического посольства под руководством М. М. Голицына в 1746 году. [22, с.376]⁶ Одной из характерных особенностей сочинения Джона Ханвея является трактовка Надир шаха как узурпатора, движимого прежде всего стремлением к власти и личному обогащению. Для Ханвея Надир воплощает «искусство жестокости», ставшее в глазах Европы символом Ирана после падения Сефевидов. [24, р.114] Несмотря на указанные ограничения сочинение Джона Ханвея сохраняет значение как важный исторический источник британского коммерческого и дипломатического присутствия на Каспии, и занимает одно из ключевых мест в историографии XVIII века.

Среди источников, созданных непосредственными современниками Надир шаха Афшара, особый интерес представляют свидетельства французского иезуита Луи Базена [1] – миссионера и врача, находившегося в регионе в 1730–1740-х годах. Получив богословское и медицинское образование во Франции, Базен прибыл в регион около 1735–1736 годов в составе католической миссии. По его собственным сообщениям, в 1740-х годах он неоднократно находился вблизи мест, связанных с военными и придворными перемещениями Надир шаха, и стал свидетелем ряда событий, предшествовавших его смерти в 1747 году. Хотя свидетельств о личных встречах с шахом не сохранилось, наблюдения Базена ценны как взгляд европейского участника, находившегося в регионе в последние годы правления Надир шаха.

Наиболее значимые письменные свидетельства Базена – два письма, датированные 2 февраля 1751 года и отправленные из Бендер-Аббаса Пьеру Роджеру (*Procureur général des Missions du Levant*). Эти письма были опубликованы в составе авторитетной серии *Lettres édifiantes et curieuses*, представляющей собой важный корпус миссионерской корреспонденции XVIII века.⁷ Первое письмо содержит краткий обзор биографии Надир шаха и политической ситуации до 1741 года, но основная часть повествования начинается с Дагестанской кампании. [1, pp. 277–321] Описания Базена обладают высокой степенью детализации, характерной для наблюдателя, близкого к кругам, сопровождавшим шаха, что придаёт источнику особую ценность. Наибольший интерес представляет изложение событий, связанных с гибелью Надир шаха. Автор указывает, что находился в военном лагере в момент убийства, и приводит свидетельства, позволяющие реконструировать обстановку и атмосферу последних дней правления шаха. Приложенный к письму план лагеря также служит важным визуальным источником,

6 Мемуары Джона Кука, шотландского врача из Гамильтона, безусловно представляют интерес для изучения истории региона. Он в качестве врача сопровождал посольство князя Голицына ко двору Надир шаха. Подробнее о посольстве князя Голицына смотри Гезалова Н.Р. [12, р. 238] Однако, поскольку на момент его приезда Надир шах уже был убит, в рамках настоящего исследования мы не рассматриваем его наблюдения как непосредственный источник о правлении Афшара. Тем не менее в своём труде Кук уделяет значительное внимание оценке личности Надир шаха и подчёркивает преимущественно негативные стороны его характера, описывая его как человека кровожадного и необразованного [4, Vol. 2, p. 508].

7 См.: Мусаев М. А., Абакаров И. М. [26, р. 556–572].

уточняющим пространственную организацию военного стана. Второе письмо содержит сведения о событиях после смерти Надир шаха, в частности о борьбе за власть, низложении и казни Адиль шаха в 1749 году. [1, pp. 322–353] Несмотря на сжатость, корреспонденция Базена позволяет судить не только о политических процессах, но и о настроениях при дворе и восприятии шаха его окружением в завершающий период Афшаридской эпохи.

Британский востоковед Уильям Джонс стал одной из ключевых фигур в формировании британской ориенталистской традиции второй половины XVIII века и оказал значительное влияние на репрезентацию Востока в европейской научной и политической мысли.⁸ Значительный вклад в формирование позднего европейского взгляда на фигуру Надир-шаха внёс перевод, выполненный Джонсом по заказу датского королевского двора, хроники, известной под названием «Тарих-и Надири» (*Tārīkh-e Nāderī*)⁹. Этот труд представлял собой адаптацию оригинальной персидской хроники, составленной Мирзой Мехди-ханом Астрабади – придворным историографом и секретарём самого Надир шаха. Хроника, охватывает основные этапы жизни и правления монарха, включая его военные походы, административные реформы и внешнюю политику. Сначала она была издана на французском языке под заглавием «История Надир шаха, известного под именем Тамаса-Кули-хана, императора Персии» (*Histoire de Nader Chah, connu sous le nom de Thamas Kouli Khan, empereur de Perse*) в Лондоне в 1770г. [15], а затем – на английском языке как «История жизни Надир шаха, короля Персии» (*The History of the Life of Nader Shah, King of Persia*) в Лондоне в 1773г. [16] Несмотря на апологетический стиль текста, в комментариях Джонса прослеживаются попытки ввести элементы просвещённой критики: концентрация власти, милитаризм и риторика насилия рассматриваются как проявления «инаковости» восточной государственности³. Эти акценты соответствуют логике ориенталистского дискурса, в рамках которого Восток одновременно восхищает и тревожит, являясь экзотическим и иррациональным «Другим». Как справедливо указывает Эдвард Саид, подобные переводы и трактовки Востока выполняли не только познавательную, но и идеологическую функцию, формируя образ Востока как пространства деспотии, подлежащего изучению, интерпретации и, в перспективе, управлению [28, p. 3].

Значимым эпистемологическим источником эпохи Просвещения, в котором формируется концептуализированный образ Востока и, в частности, фигуры Надир шаха, являются статьи Луи де Жокура в *Энциклопедии, или Разумном словаре наук, искусств и ремёсел* (*Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*), редактируемой Дени Дидро и Жаном Лероном д'Аламбером. Особенно показательные характеристики Востока содержатся в статьях «Отечество» (*Patrie*) и «Персидская империя» (*Empire de Perse*), опубликованных в XII томе энциклопедии (1765). [14] В статье «Персидская империя» Надир шах представлен как фигура, символизирующая крушение легитимной власти и утрату устойчивости государства. Его приход к власти трактуется не как проявление реформаторского гения или национального возрождения, а как насильственная узурпация, разрушающая преемственность династии. Афшарская монархия, по Жокуру, – это воплощение восточной деспотии, где государство зиждется не на праве и общественном договоре, а на милитаризованном произволе правителя. В статье «Отечество» Жокур развивает более широкую философско-политическую позицию, противопоставляя Восток Европе как пространство, лишённое подлинного гражданского сознания. По его мнению, в условиях неограниченной власти, основанной на страхе и подавлении, невозможно существование подлинного отечества и гражданской добродетели. Надир шах здесь выступает как антипод гражданского правителя, разрушитель общественных связей и морали. Он не законодатель и не созидатель, а симптом системной деспотии. [25, p.117-118] Таким образом, Жокур, выступая в русле просветительской критики восточного деспотизма, использует фигуру Надир шаха не как объект исторического анализа, а как риторический ресурс, с помощью которого утверждается нормативная модель европейской государственности. Его трактовка – не столько попытка понять Восток, сколько способ очертить границы допустимого для «цивилизованной» политики. Это демонстрирует, как философский дискурс *Энциклопедии* использовал конкретные фигуры – в том числе Надир

8 Одним из первых его трудов стала грамматика персидского языка, опубликованная вскоре после окончания Оксфорда, в период начала юридической карьеры. Эта работа обучала персидскому языку на основе аутентичных литературных текстов и содержала раздел «Каталог наиболее ценных книг на персидском языке» (*Catalogue of the Most Valuable Books in the Persian Language*). Поскольку персидский язык продолжал оставаться официальным языком судопроизводства в Британской Индии вплоть до середины XIX века, издание Джонса приобрело практическое значение для подготовки кадров Ост-Индской компании.

9 В годы правления короля Кристиана VII 1766–1808 гг.

шаха – для аргументации универалистских моделей власти, где Восток служит негативным фоном для просвещённой Европы.

Заключение

Период правления Надир шаха Афшара отличается необычайной насыщенностью с точки зрения источниковедения. Как справедливо отмечают современные исследователи, первая половина XVIII века представляет собой поворотный момент в истории Ирана и народов Южного Кавказа. Правление Надир шаха Афшара (1736–1747) стало временем институциональных и культурных трансформаций, последствия которых ощущались ещё многие десятилетия. Исследования, посвящённые этой эпохе, начались ещё при жизни шаха и продолжают по сей день, формируя богатейшую библиографию на разных языках. В сравнении с предшествующими столетиями, он представляет собой наиболее полно освещённый этап в истории Ближнего Востока раннего Нового времени. Хотя официальные архивные материалы – такие как фирманы, указы, налоговые реестры, переписные книги и прочие административные документы – дошли до нас лишь фрагментарно, компенсировать этот пробел позволяют многочисленные иностранные свидетельства. Наибольшую ценность среди них составляют в том числе и европейские источники, как официальные, так и частные, созданные как при жизни шаха, так и вскоре после его смерти.

XVIII век был эпохой не только политического, но и эпистемологического перелома – временем, когда Европа стремилась осмыслить Восток как часть собственной интеллектуальной географии. В этом контексте фигура Надир шаха выступает как точка пересечения восточных политико-религиозных традиций и европейских представлений о Востоке. Особый интерес представляют сочинения, непосредственно посвящённые Надир шаху и появившиеся ещё при его жизни. Эти тексты, несомненно, формируют важнейший корпус знаний о шахе и его эпохе. Однако интерпретация их содержания требует предельной критичности, поскольку они возникали в контексте складывающейся в XVIII веке идеологической оптики европейского восприятия Востока. В этот период европейские государства, движимые промышленной революцией и стремлением к внешнему господству, активно расширяли свои границы на юг и восток, превращаясь в колониальные державы. Их экспансия сопровождалась не только военной, но и интеллектуальной экспансией: формировался дискурс, противопоставлявший «цивилизованный Запад» и «варварский Восток», где восточные правители, несмотря на признание их достижений, всё чаще представлялись как деспоты, воплощавшие иррациональное насилие и жестокость.

Надир шах, достигший вершины политической и военной власти, стал объектом именно такой двойственной репрезентации. Его образ, с одной стороны, вызывал восхищение масштабом реформ, военным гением и энергией, а с другой – подвергался риторической демонизации: акцент делался на его суровости и якобы патологической жестокости. Во многих текстах эти черты не только преувеличивались, но и порой основывались на косвенных свидетельствах, не всегда полученных из первых рук. Это создаёт необходимость пересмотра ряда интерпретаций с учётом более широкой контекстуализации и критического анализа нарративных стратегий.

Следует особо подчеркнуть, что жесткость и суровость, приписываемые Надир шаху как в европейских, так и в некоторых восточных источниках, вряд ли выходили за пределы политической и военной нормы своего времени. Эпоха XVIII века, особенно в условиях военных конфликтов и смены династий, характеризовалась высокой степенью насилия, воспринимаемого как допустимый инструмент управления и консолидации власти. На Востоке традиционные формы государственности зачастую основывались на личной военной доблести, способности к мобилизации ресурсов и демонстрации силы как средства удержания и легитимации власти. Лидерство в подобных условиях предполагало не только административную эффективность, но и умение поддерживать личную репутацию через серию успешных военных кампаний и публичных актов возмездия, что воспринималось как необходимое условие стабильности и порядка в обществе. В этом контексте многие действия Надир шаха – включая подавление мятежей, восстановление контроля над Афганистаном, военную кампанию в Индии и усилия по централизации власти – не представляли собой исключение, но, напротив, укладывались в устойчивую

политическую парадигму, характерную для региональной модели правления раннего нового времени.

Надир шах, бесспорно, входит в число трёх величайших полководцев Востока наряду с Чингисханом и Тамерланом. Его стремительная военная карьера, позволившая ему из простого офицера выдвинуться на вершину власти, а затем осуществить ряд масштабных военных кампаний от Багдада до Индии, делает его фигурой, сопоставимой по размаху и последствиям с вышеупомянутыми завоевателями. При этом, в отличие от своих предшественников, Надир шах действовал в условиях глубокой политической фрагментации и институционального распада, ставших следствием кризиса позднесефевидской государственности. Тем не менее, его деятельность выходила за рамки роли полководца: он проявил себя как прагматичный и целеустремлённый правитель, стремившийся восстановить управляемость, укрепить централизованную власть, модернизировать армию и выстроить устойчивые механизмы контроля над подчинёнными регионами. Таким образом, сложившийся в европейской историографии негативный образ Надир шаха – не просто следствие объективного анализа его деятельности, но результат функционирования идеологически нагруженных репрезентаций. Эти нарративы оказали долговременное влияние на восприятие Надир шаха как фигуры, чья историческая роль нуждается в переосмыслении с опорой на критическое источниковедение, сравнительную политическую теорию и постколониальную оптику.

Современная историография, как и востоковедение в целом, стоит перед необходимостью устранения искажённых интерпретаций, накопленных за два с половиной столетия. Расширение корпуса источников – включая недавно введённые в научный оборот голландские, русские и османские документы – открывает возможность для более комплексного, сравнительного анализа. Важнейшая задача исследователя – сопоставить все типы источников: нарративные, дипломатические, эпистолярные – и на этой основе выработать целостное понимание роли Надир шаха в истории региона. Только при таком подходе возможно объективное осмысление его наследия – не как «восточного деспота» или «завоевателя», а как исторического архитектора эпохи, чья деятельность определила траекторию развития Ближнего Востока в XVIII веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bazin L. Lettres du Père Bazin sur les derniers jours de Nadir Shah. In: Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères, par quelques missionnaires de la Compagnie de Jésus. Nouvelle édition. T. IV: Mémoires du Levant. Paris: J.-G. Mériqot le jeune, 1780. С. 277–321; 322–353.
2. Bougainville J.-P. de. Parallèle de l'expédition d'Alexandre dans les Indes avec la conquête des mêmes contrées par Thamas-Kouli-Kan. Paris: H.-L. Guérin, 1752.
3. Claustre A. de. Histoire de Thamas-Kouli-Kan, surnommé Nadir-Schah, roi de Perse. Paris: Briasson, 1742.
4. Clairac L.-A. de. Histoire de Perse, depuis le commencement de ce siècle. Paris: Jombert, 1750.
5. Cook J. Voyages and Travels through the Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia. Edinburgh: for the Author, 1770–1778. 2 vols.
6. Du Cerceau J.-A. Histoire de Thamas Kouli-Kan, Sophi de Perse. Amsterdam; Leipzig: Arkstée et Merkus, 1740–1741. 2 vols.
7. Du Cerceau J.-A. Historia de Thamas Kouli-Kan, Sophi de Persia. Madrid: Oficina de los herederos de Juan de Ariztia, 1742.
8. Du Cerceau J.-A. Istoria di Thamas-Kouli-Kan, Sofi di Persia. Venezia, 1740–1741. 2 vols.
9. Du Cerceau J.-A. The History of Thamas Kouli-Kan, Sophi of Persia. London: J. Brindley; J. Hodges; C. Corbett; A. Millar; J. Nourse, 1740.
10. Floor W. The Rise and Fall of Nader Shah: Dutch East India Company Reports, 1730–1747. Washington: Mage Publishers, 2009.
11. Fraser J. B. The History of Nadir Shah, formerly called Thamas Kuli Khan, the Present Emperor of Persia. London: A. Millar, 1742.

REFERENCES

1. Bazin L. *Letters of Father Bazin on the final days of Nadir Shah. In: Edifying and curious letters, written from foreign missions, by some missionaries of the Society of Jesus. New edition. Vol. 4: Memoirs of the Levant.* Paris: J.-G. Mériqot le jeune, 1780, pp. 277–321; 322–353.
2. Bougainville J.-P. de. *Parallel of Alexander's expedition to the Indies with the conquest of the same regions by Thamas-Kouli-Kan.* Paris: H.-L. Guérin, 1752.
3. Claustre A. de. *History of Thamas-Kouli-Kan, nicknamed Nadir-Shah, King of Persia.* Paris: Briasson, 1742.
4. Clairac L.-A. de. *History of Persia, since the beginning of this century.* Paris: Jombert, 1750.
5. Cook J. *Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary, and part of the Kingdom of Persia.* Edinburgh: for the Author, 1770–1778. 2 vols.
6. Du Cerceau J.-A. *History of Thamas Kouli-Kan, Sophi of Persia.* Amsterdam; Leipzig: Arkstée et Merkus, 1740–1741. 2 vols.
7. Du Cerceau J.-A. *History of Thamas Kouli-Kan, Sophi of Persia.* Madrid: Oficina de los herederos de Juan de Ariztia, 1742.
8. Du Cerceau J.-A. *History of Thamas-Kouli-Kan, Sophi of Persia.* Venezia, 1740–1741. 2 vols.
9. Du Cerceau J.-A. *The history of Thamas Kouli-Kan, Sophi of Persia.* London: J. Brindley; J. Hodges; C. Corbett; A. Millar; J. Nourse, 1740.
10. Floor W. *The rise and fall of Nader Shah: Dutch East India Company reports, 1730–1747.* Washington: Mage Publishers, 2009.
11. Fraser JB. *The history of Nadir Shah, formerly called Thamas Kuli Khan, the present Emperor of Persia.* London: A. Millar, 1742.

12. Gozalova, N.R. Russian diplomatic representatives in the Afshars' state // *Historia i Świat*. 2025. № 14. С. 231–242. DOI: 10.34739/his.2025.14.14.
13. Hanway J. *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: With a Journal of Travels through Russia into Persia*. London: Dodsley, 1753. Vol. 1–4.
14. Jaucourt L. de. *Empire de Perse; Patrie*. In: *Encyclopédie...* T. XII. Paris: Briasson, 1765. С. 178–180; 501–507.
15. Jones W. *Histoire de Nader Chah*. London: Elmsly, 1770.
16. Jones W. *The History of the Life of Nader Shah*. London: Cadell, 1773.
17. Клостр А. де. *История о персидском шахе Тахмас Кулыхане*. Санкт-Петербург: При Шляхетном кадетском корпусе, 1762.
18. Krusiński T. J. *Histoire de la dernière révolution de la Perse*. Amsterdam: Gross & Neaulme, 1728. Vol. 1–2.
19. Krusinski T. J. *The History of the Late Revolutions of Persia*. 2nd ed. London: J. Osborne, 1740. 2 vols.
20. La Mamie de Clairac L.-A. *Histoire de Perse, depuis le commencement de ce siècle*. Paris: C. A. Jombert, 1750.
21. Lockhart L. *Nadir Shah: A Critical Study Based Mainly Upon Contemporary Sources*. London: Luzac & Co., 1938.
22. Локкарт Л. *Надир шах. Критическое исследование...* Пер. Н. П. Гезаловой. Баку: Ганун, 2004.
23. Mañer S. J. *Vida de Thamas Kouli-Kan: desde su nacimiento, hasta su entrada triunfante en Hispahan, después de sus victoriosas empresas contra el Gran Mogol, y la grande Buckaria*. Madrid: Imprenta del Reyno, en casa de Juan del Castillo, 1741.
24. Matthee R. The wrath of God or national hero? Nader Shah in European and Iranian historiography // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2024. Т. 34, № 1. С. 109–127. DOI: 10.1017/S1356186322000694.
25. Minuti R. *Oriental patriotism? Eighteenth-century French representations of Nadir Shah // Persia and the Enlightenment / Eds. C. Masroori, W. Mannies, J. C. Laursen*. Oxford: Voltaire Foundation; Liverpool University Press, 2021. (Oxford University Studies in the Enlightenment 2021:09). С. 101–124.
26. Мусаев М. А., Абакаров И. М. *Джонас Хенвей и Луи Базен о Дагестанском походе Надир-шаха 1741–43 гг. // История, археология и этнография Кавказа*. 2019. Т. 15. № 4. С. 556–572.
27. Otter, J. *Voyage en Turquie et en Perse: avec une relation des expéditions de Tahmas Kouli-Khan*. Paris: Freres Guérin, 1748.
28. Pithander von der Quelle (Fassmann D.). *Herkunft, Leben und Thaten des Monarchens Schach Nadyr, vormals Kuli-Chan genannt, samt historischen Erzählungen und Nachrichten, so das weitläufftige Reich und seine gehabten Fata, sonderlich aber die letztere grosse Revolution, unter denen dreyen Haupt-Rebellen, Miriweys, Maghmud und Eschref, wie auch die Regierungs-Art, Religion, Gebräuche und Gewohnheiten betreffen*. Leipzig; Rudolstadt: [s. n.], 1738.
29. Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.
30. Spilman J. *A Journey Through Russia into Persia: By Two English Gentlemen, Who Went in the Year 1739, from Petersburg, in Order to Make a Discovery How the Trade from Great Britain Might Be Carried On from Astracan over the Caspian. To Which is Annex'd, a Summary Account of the Rise of the Famous Kouli Kan, and His Successes, Till He Seated Himself on the Persian Throne*. London: R. Dodsley, 1742.
12. Gozalova NR. Russian diplomatic representatives in the Afshars' state. *Historia i Świat*. 2025; (14): 231–242.
13. Hanway J. *An historical account of the British trade over the Caspian Sea: with a journal of travels through Russia into Persia*. London: Dodsley, 1753. Vols. 1–4.
14. Jaucourt L. de. *Persian Empire; Homeland*. In: *Encyclopédie...* Vol. 12. Paris: Briasson, 1765: 178–180; 501–507.
15. Jones W. *History of Nader Shah*. London: Elmsly, 1770.
16. Jones W. *The history of the life of Nader Shah*. London: Cadell, 1773.
17. Claustre A. de. *History of the Persian Shah Tahmas Kouli-Khan*. St. Petersburg: At the Noble Cadet Corps, 1762. (In Russ)
18. Krusiński T. J. *History of the latest revolution in Persia*. Amsterdam: Gross & Neaulme, 1728. Vols. 1–2.
19. Krusiński T. J. *The history of the late revolutions of Persia*. 2nd ed. London: J. Osborne, 1740. 2 vols.
20. La Mamie de Clairac L.-A. *History of Persia, since the beginning of this century*. Paris: C. A. Jombert, 1750.
21. Lockhart L. *Nadir Shah: a critical study based mainly upon contemporary sources*. London: Luzac & Co., 1938.
22. Lockhart L. *Nadir Shah. A critical study... Translated by N. P. Gezalova*. Baku: Ganun, 2004. (In Russ)
23. Mañer S. J. *Life of Thamas Kouli-Kan: from his birth until his triumphant entry into Isfahan, after his victorious campaigns against the Great Mogul and Greater Bucharia*. Madrid: Imprenta del Reyno, at the house of Juan del Castillo, 1741.
24. Matthee R. The wrath of God or national hero? Nader Shah in European and Iranian historiography. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2024; 34(1): 109–127.
25. Minuti R. *Oriental patriotism? Eighteenth-century French representations of Nadir Shah. Persia and the Enlightenment / C. Masroori, W. Mannies, J. C. Laursen (eds.)*. Oxford: Voltaire Foundation; Liverpool University Press, Oxford University Studies in the Enlightenment. 2021;09: 101–124.
26. Musaev MA., Abakarov IM. Jonas Hanway and Louis Bazin on the Dagestan campaign of Nadir Shah in 1741–43. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2019; 15(4): 556–572. (In Russ)
27. Otter J. *Voyage to Turkey and Persia: with an account of the expeditions of Tahmas Kouli-Khan*. Paris: Frères Guérin, 1748.
28. Pithander von der Quelle (Fassmann D.). *Origin, life and deeds of the monarch Shah Nadyr, formerly called Kuli-Chan, along with historical narratives and news regarding the vast empire and its fates...* Leipzig; Rudolstadt, 1738.
29. Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.
30. Spilman J. *A journey through Russia into Persia: by two English gentlemen, who went in the year 1739, from Petersburg, in order to make a discovery how the trade from Great Britain might be carried on from Astracan over the Caspian...* London: R. Dodsley, 1742.

Поступила в редакцию 01.12.2025

Принята в печать 10.02.2026

Опубликована 30.06.2026

Recieved 01.12.2025

Accepted 10.02.2026

Published 30.06.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222294-302>

Исследовательская статья

Гусейнов Юсуп Магомедович
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
g.usup@mail.ru

Идрисов Юсуп Магомедович
кандидат исторических наук, лектор-экскурсовод
Исторический парк «Россия-моя история», Махачкала, Россия
markes06@mail.ru

СОЮЗ МУРТАЗАЛИ-ШАМХАЛА ТАРКОВСКОГО И ФАТАЛИ-ХАНА КУБИНСКОГО В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Аннотация. Целью статьи является анализ влияния союзнических отношений тарковского шамхала Муртазали и его наследника – Баммата с правителем Кубинского ханства Фатали на корректировку кавказской политики высшими лицами Российской империи и её непосредственными представителями на Кавказе в 1760–1780-е гг. На основе критического анализа источников и специальной литературы авторы показывают, что союз, порожденный наличием у обоих правителей общих политических конкурентов, способствовал смягчению давления со стороны последних на каждого из них, а также позволял проводить обоим активную политику не только в Западном, но и в Южном Прикаспии. Методологическую основу статьи составили главные принципы исторической науки: объективность и историзм, предполагающие изучение событий и фактов в конкретных исторических условиях. Опираясь на них, авторы пришли к выводу, что тарковский шамхал Муртазали на протяжении более 20 лет выступал самым надежным союзником Фатали-хана и умелым посредником в его отношениях с Российской империей. В свою очередь, сотрудничество с политическим альянсом Муртазали-шамхала и Фатали-хана позволяло Петербургскому двору и его непосредственным представителям в регионе: во-первых, отстаивать собственные интересы в Закавказье, избегая прямого столкновения с Османской империей и Персией, во-вторых, не превращать свою кавказскую политику в заложницу экспансионистских проектов грузинского царя Ираклия II и других местных владетелей, в-третьих, лучше узнавая местную специфику и расширяя своё экономическое присутствие в регионе, начать подготовку почвы для его последующей интеграции с Россией.

Ключевые слова: Муртазали-шамхал; Фатали-хан; Тарковское шамхальство; Кубинское ханство; Российская империя; Кавказ, Западный Прикаспий; Дагестан; Персия; Дербент; Кайтаг; азербайджанские ханства

Для цитирования: Гусейнов Ю.М., Идрисов Ю.М. Союз Муртазали-шамхала Тарковского и Фатали-хана Кубинского в кавказской политике Российской империи во второй половине XVIII в. // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 2. С. 294-302. doi: [org/10.32653/CH222294-302](https://doi.org/10.32653/CH222294-302)

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222294-302>

Research paper

Yusup M. Guseynov
 Dr. Sci., Leading Researcher
 Institute of the History of Archeology and Ethnography
 Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
g.usup@mail.ru

Yusup M. Idrisov
 Cand. Sci., Lecturer and Tour Guide
 Historical Park "Russia – My History", Makhachkala, Russia
markes06@mail.ru

THE ALLIANCE OF MURTAZALI-SHAMKHAL OF TARKI AND FATALI-KHAN OF QUBA IN THE CAUCASIAN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

Abstract. This article analyzes how the alliance between the Tarki Shamkhals (Murtazali and his successor, Bammat) and the ruler of the Quba Khanate, Fatali Khan, influenced the calibration of Caucasian policy by the Russian Empire's high officials and regional representatives during the 1760s–1780s. Utilizing a critical analysis of primary sources and specialized literature, the authors demonstrate that this alliance, forged to counter mutual political rivals, mitigated external pressures on both principalities, enabling them to pursue active geopolitical strategies across the Western and Southern Caspian regions. The study's methodological framework is grounded in the core principles of objectivity and historicism, examining historical facts and events within their specific contemporary contexts. Based on these principles, the authors conclude that for over twenty years, Shamkhal Murtazali served as Fatali Khan's most reliable ally and a skilled mediator in the khan's relations with the Russian Empire. In turn, strategic engagement with the Murtazali-Fatali alliance allowed the St. Petersburg court and its regional representatives to achieve several key diplomatic and geopolitical objectives. First, it enabled Russia to defend its interests in Transcaucasia while avoiding direct military confrontations with the Ottoman Empire and Persia. Second, it prevented Russia's Caucasian policy from becoming hostage to the expansionist ambitions of the Georgian King Erekle II and other regional potentates. Finally, by fostering a deeper comprehension of local dynamics and expanding Russia's economic footprint, this cooperation effectively laid the groundwork for the region's subsequent integration into the Russian Empire.

Keywords: Murtazali Shamkhal; Fatali Khan; Shamkhalate of Tarki; Quba Khanate; Russian Empire; Caucasus; Western Caspian region; Dagestan; Persia; Derbent; Kaitag; Azerbaijani khanates

For citation: Guseynov Yu.M., Idrisov Y.M. The Alliance of Murtazali-Shamkhal of Tarki and Fatali-Khan of Quba in The Caucasian Policy of the Russian Empire in the second half of the 18th century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 294-302. doi: [10.32653/CH222294-302](https://doi.org/10.32653/CH222294-302)

Введение

Союзнические отношения тарковских шамхалов и кубинских ханов вносили определенную коррективку в кавказскую политику Российской империи. Вообще, изучение истории народов Кавказа второй половины XVIII в. представляет несомненный научный интерес в контексте исследования предпосылок последующего процесса присоединения региона к Российской империи. Если в позднесоветский период в научных кругах была популярна идея о преимущественно добровольном вхождении кавказских народов в её состав, то в 1990-е гг. в республиках Северного Кавказа напротив превалировала расстановка акцентов на негативных, насильственных аспектах истории присоединения их территорий к России.

Данный дискурс в еще более ярких своих проявлениях получил широкое распространение в современной историографии стран Закавказья [1, с. 111; 2, с. 11–12]. Обе точки зрения, на наш взгляд, упрощают многоаспектный, противоречивый и совершенно нелинейный процесс интеграции, обусловленный религиозно-этнической и политической пестротой региона, его сложным рельефом, а также регулярным отвлечением внешнеполитического вектора России на западное и юго-западное (крымское) направления. Очевидно, что столь сложные явления требуют взвешенного объективного анализа на основе активного использования новых методологических подходов. Одним из них, на наш взгляд, является более пристальное внимание к роли личности в исторических процессах, а также личному взаимодействию политических деятелей прошлого. В последние годы российскими историками написаны интересные труды, позволяющие через изучение судьбы конкретных политических деятелей осветить широкий контекст эпохи, а также по-новому взглянуть на уже давно известные факты и документы.

Среди них, в частности, отметим книги «Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век)» В. Дегоева и «Цицианов» В. Лапина [3; 4]. Несомненно, значительную перспективу для многомерной реконструкции прошлого кавказского региона представляет и исследование взаимоотношений местных политических деятелей друг с другом и с правителями таких держав как Российская империя, Турция и Персия.

Основная часть

В середине XVIII в. после гибели иранского шаха Надира и начала многолетней смуты в Персии произошли масштабные метаморфозы в социально-политической системе восточной части Закавказья, в результате которых возник ряд новых независимых азербайджанских ханств. Крупнейшими и активнейшими из них вначале были Карабахское и Шекинское, но с конца 1750-х гг. политическое лидерство в регионе перехватывает молодой кубинский хан Фатали (1758–1789), происходивший от лишившейся в XVII в. власти маджалисской ветви кайтагского уцмийского дома. Изначально под его властью находились только сравнительно небольшие Кубинское ханство и Сальянское владение. Первое из них занимало пространство от реки Самур на севере до Апшеронского полуострова на юге, а второе располагалось вокруг низовьев р. Куры. Находившиеся на выгодном торговом пути вдоль каспийского побережья, они, однако, не образовывали единой компактной территории, так как между ними простиралось Ширванское ханство, что и обусловило вражду Фатали-хана с последним, стремившегося соединить оба свои владения. Уже в первые годы правления он смог присоединить к своим владениям Дербентское ханство и установить собственный сюзеренитет над правителями Бакинского, Талышского и в меньшей степени Шекинского ханств [5, с. 111]. Большой интерес к внешнеполитической деятельности молодого, но активного уже в тот период хана проявляла и российская дипломатия. Основным источником информации для нее служили сообщения редких русских агентов в Закавказье и переписка с местными владельцами, в том числе с тарковским шамхалом.

К моменту восшествия на кубинский престол Фатали-хана Тарковское шамхальство, занимавшее пространство между реками Сулак и Орусай-Булак, было охвачено противоборством двух претендентов на престол – родного племянника умершего в апреле 1759 г. шамхала Хасбулата Тишсиз-Баммата и его двоюродного брата Махди. Помимо них в усобице участвовали и их союзники: кайтагский уцмий Амир-Гамза (1751–1787) и кубинский хан Фатали на стороне первого и казикумухский хан Мухаммад и акушинский кадий Гусейн на стороне второго. Причиной конфликта послужило стремление шамхала Хасбулата в обход традиционной «лествичной» системы передать власть не старшему

в роде – двоюродному брату по отцу Махди, а своему ближайшему кровному родственнику. Победив на первом этапе усобиц и заняв престол, Махди вскоре передал власть своему старшему сыну Муртазали, что породило уже второй этап противостояния, на этот раз уже между ним и Тишсиз-Бамматом.

В 1764 г., добившись примирения с уцмием и Фатали-ханом, Муртазали одержал окончательную победу над противником, удалившимся в собственный удел – Бамматула в верховьях реки Шура-озень. В 1765 г. шамхалу удалось расколоть союз Фатали и Амир-Гамзы, окончательно переманив первого в стан своих верных союзников [6, с. 178, 180].

Крепости вновь созданного союза способствовали исторические и экономические связи Тарковского шамхальства с Кубинским ханством. Еще в те времена, когда правители последнего были вассалами Сефевидов, на его территории располагались сёла, с которых шамхал получал доходы в счёт шахского жалования за охрану северных границ. Сами эти владения также связывали тесные торгово-экономические отношения, в частности, из Тарков к пристани Кубинского ханства периодически плыл специальный струг для закупки пшеницы и риса [7, с. 38; 8, с. 273]. Впрочем, наличие этих объективных предпосылок союза не отменяло и факта личной дружбы, без которой сотрудничество владетелей вряд ли бы выдержало испытание временем и бурными событиями исследуемой эпохи.

В.Н. Левиатов утверждал, что Муртазали и Фатали заключили союз под влиянием российского правительства [9, с. 103]. Однако введенные в последующие десятилетия в научный оборот источники свидетельствуют, что Фатали к союзу с шамхалом непосредственно подтолкнул конфликт с кайтагским уцмием, вступившим было в Дербент. Жители последнего призвали Фатали, значительную помощь которому в изгнании кайтагских сил из города оказал шамхал [10, с. 94]. В благодарность Муртазали был поощрён ханом доходами с ряда селений в Мюшкюрском и Шабранском магалах Кубинского ханства [11, с. 183].

Союзники не ограничились оборонительными действиями. В декабре 1767 г. Темир Хамзин докладывал кизлярскому коменданту ген.-м. Н.А. Потапову о том, что шамхал и Фатали-хан совместными усилиями изгнали уцмий из его столицы – селения Башлы¹. Отношение России к тарковско-кубинскому союзу в этот период было скорее нейтрально-настороженным. Так, местная военная администрация в лице коменданта Кизлярской крепости всячески препятствовала вовлечению в конфликт на чьей бы то ни было стороне напрямую вассальных от России северокумыкских владетелей – князей Айдемировых, Хамзиных, Эльдаровых, Каплангереевых (Каплановых) и других [6, с. 181].

В преддверии начинавшейся Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. крымские эмиссары посетили Фатали-хана Кубинского и Муртазали-шамхала Тарковского, предложив перейти им на сторону турецкого султана. Оба правителя ответили вежливым отказом². Их нейтралитет объясним пассивностью России в регионе, руководство которой имело крайне смутные представления о кавказских владениях. Об этом, например, свидетельствуют запросы Екатерины II российскому командованию на Северном Кавказе на составление карты границ Грузии и о наличии у неё портов на Каспийском море [8, р. 134]. В годы войны позиция России в отношении тарковско-кубинской коалиции становится значительно более благожелательной.

В 1768 г. Фатали-хану удалось, заключив союз с шекинским ханом Гусейном, захватить столицу Ширванского владения Шемаху. Однако вскоре недавние союзники вступили в жестокое противоборство при дележе захваченной ими территории. Шекинский хан вступил в союз с аварским владетелем Нуцал-ханом и Ибрагим-ханом Карабахским. Их также поддержал свергнутый ширванский хан Агаси с оставшимися преданными ему сторонниками [13, с. 244–245].

Захват Фатали-ханом Ширванского ханства и гибель в 1771 г. в борьбе с ним сыновей аварского хана, вызвали выступление против него новой еще более представительной коалиции в лице Нуцал-хана Аварского, Амир-Гамзы Кайтагского, Мухаммад-хана Казикумухского, Али-Султана Мехтулинского и Тишсиз-Баммата Казанищенского, опасавшихся дальнейшего роста его могущества. Не прочь к этому союзу были примкнуть и вассалы Российской империи – владетели Эндиреевского и Костековского княжеств Темир Хамзин и Хамза Хамзаев, но им это было строго запрещено кизлярским комендантом Ф.И. Паркером. Шамхал Муртазали оказывал Фатали активную поддержку в его политических акциях, периодически направляя в помощь ему свои войска во главе с братом – буйнакским крым-шамхалом (титул официального наследника) Бамматом, а порой и лично выступая во главе их

¹ Дагестано-русские отношения в XVIII– начале XIX вв. / Сб. док. под ред. Гаджиева В.Г. 1974. // Научный архив Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1.Д. 278. Лл. 468–469.

² Сношения России с Грузией // Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 110. 1768–1774 гг. Д. 7. Л. 86 об-87.

[6, с. 180–181, 192]. Известно, что Фатали выделял шамхалу по 30 рублей на каждого воина, участвующего в военных операциях в Восточном Закавказье [14, с. 124].

1772–1773 гг. были пиком могущества коалиции тарковского шамхала и кубинского хана. Вместе с тем, их усиление объединило против них ряд ранее конкурировавших между собой владельцев. 6 февраля 1772 г. шамхал Муртазали сообщал губернатору Н.А. Бекетову: «А ныне аварский владелец и женгутейский Али Солтан, и Тишсиз Бамат намерение де имеют чинить нападение на вышеописанного состоящего к стороне российской монархии верностью кубинского хана» [15, с. 139]. Их противники также пытались добиться покровительства и помощи у России. 2 марта 1772 г. аварский хан направил письмо кизлярскому коменданту Ф.И. Паркеру, прося его повелеть аксаевскому и эндириевским владельцам оказать ему помощь, а шамхалу Муртазали, «чтоб жил на своём месте с покоем»³.

К антикубинской коалиции в это время примкнул и грузинский царь Ираклий II. Тем не менее, в этот период русское правительство благоволило к Фатали-хану. В Петербурге понимали, что победа противной Фатали-хану коалиции, даже несмотря на наличие в ней союзной Грузии, существенно ослабит позиции России в каспийских ханствах и, наоборот усилит влияние Турции. Дело в том, что Ибрагим-хан, который в случае победы становился хозяином положения в ханствах, являлся активным сторонником проосманской ориентации [16, с. 160]. Ярким свидетельством поддержки Петербургом Фатали является угроза Мухаммад-хану Казикумухскому направить против него войска, в случае если его отряды не покинут пределы Кубинского ханства. Мухаммад-хан был вынужден принять ультиматум и вывести войска [17, с. 81].

В 1773–1774 гг. российское правительство было отвлечено от Кавказа боевыми действиями на Дунае и восстанием Емельяна Пугачёва. Воспользовавшись этим, антикубинская коалиция перешла в наступление против Фатали-хана. В июле 1774 г. Фатали-хан в результате объединенных действий дагестанских владельцев Амир-Гамзы, Рустама-кади Табасаранского, Умма-хана Аварского, Али-Султана Мехтулинского, Тишсиз-Баммата Казанищенского и их азербайджанских союзников потерпел поражение в Гавдушанской битве и отступил на юг своих владений в Сальяны. Войска Амир-Гамзы тем временем осадили Дербент, обороняемый от него его же сестрой – женой Фатали-хана Тути-бике. На подступах к Дербенту кайтагцы захватили в плен российского ученого-натуралиста академика Г.С. Гмелина. Союзник Фатали-хана Муртазали запросил помощь дербентцам у русских властей. Взятие и разграбление Дербента войсками кайтагского уцмья могло бы нанести значительный ущерб русской торговле на Каспии. Кроме того, у российской военной администрации на Кавказе был и другой повод активного военного вмешательства – вышеупомянутое пленение уцмием Г.С. Гмелина [18, с. 146; 19, с. 62].

Здесь поясним, что уцмий Амир-Гамза уже два десятилетия требовал от непосредственного главы российской администрации в Западном Прикаспии – кизлярского коменданта – содействия в возвращении ему бежавших из Кайтага еще при его отце уцмие Ахмед-хане в Засулакскую Кумыкию терекмейских и еврейских семей. Русские власти уклонялись от вмешательства в его споры с принявшим беглецов к себе кумыкским воеводой Алишем Хамзиным, имевшим чин бригадира российской армии. Разочарованный их действиями уцмий неоднократно пытался захватить в баранту кого-либо из русских подданных и обменять их на беглых крестьян и ремесленников. Барантой на Кавказе называли захват имущества для принуждения выплаты долга или выполнения других обязательств [20, с. 211]. Именно в качестве объекта такой баранты и рассматривал Г.С. Гмелина уцмий Амир-Гамза. Но преждевременная смерть молодого академика 27 июля 1774 г. от малярии разрушила его планы [21, с. 55].

Еще до прихода русских сил войска Муртазали-шамхала дважды пытались прорвать кольцо окружения и оказать помощь осажденным со всех сторон дербентцам. Об этом свидетельствуют современники, майоры русской службы Фромгольд и А. Черкасский, находившиеся в Тарках в январе 1775 г.

По их сведениям, в урочище Бугам войско союзников Кубы «немало имело» сражений. Несмотря на то, что таркинцам и буйнакцам не удалось прорвать блокаду, они отбили пленных кубинских и дербентских жителей и, оттянув на себя значительные силы противника, облегчили положение дербентцев, выдержавших девятимесячную осаду [22, с. 539]. По словам советского историка Г.Б. Абдуллаева, на решение русской администрации помочь Фатали-хану повлияло не только желание покарать уцмья за гибель Г.С. Гмелина, но и данная ему Муртазали характеристика «как преданного России человека, что имело несомненное значение в усилении расположения русского двора к государству Фатали-хана, так как самому шамхалу русская власть доверяла» [22, с. 540].

3 Переводы писем андреевских, кабардинских владельцев и Тарковского шамхала о состоянии дел в Кабарде, о краже лошадей, происшествиях и др. // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 1. Д. 852. Л. 86.

В начале марта 1775 г. де Медем выступил из Кизляра с 5-тысячным отрядом по направлению к Дербенту, который уже девять месяцев осаждался войсками уцмий. К наступающим войскам присоединились и отряды шамхала Муртазали. 28 марта де Медем достиг урочища Иран-Хараб. Уцмий, оставив осаду Дербента, направил свои силы на де Медема, но был разбит и с большими потерями обращен в бегство. Фатали-хан прибыл в русский лагерь и также присоединил свои силы к корпусу де Медема для продолжения борьбы против Амир-Гамзы. Вскоре силы майора Криднера и Фатали-хана разбили уцмий и его союзника казикумухского Мухаммад-хана [23, с. 134; 24, с. 42].

Таким образом, Фатали-хан с помощью России нейтрализовал своих противников, восстановил собственное пошатнувшееся положение и усилил влияние на Восточный Кавказ. Фатали-хан послал Екатерине II в Петербург ключи от Дербента и просил принять его под покровительство России. Это была попытка получить с помощью России гарантии независимости от притязаний Персии на его земли. Однако в 1770-х годах русское правительство еще не могло и не желало нарушать установившийся в Закавказье порядок и менять в регионе расстановку политических сил. В ответ на просьбу Фатали-хана Коллегия иностранных дел дипломатично ответила, что кубинский хан не имеет ни малейшего права отклоняться «от персидской зависимости» и «подчинения сей державе» по причине их «единой природы и единоверия» [16, с. 160]. Петербургу было невыгодно обострять отношения с Персией, с территории которой в Россию поступал ряд ценных товаров и в первую очередь шёлк. Кроме того, в ней традиционно видели противовес османскому влиянию в регионе. Вследствие этого отряд де Медема был отозван.

Россия пыталась примирить между собой конфликтующие стороны, усилить собственное влияние в регионе и не допустить вмешательство Стамбула. Российскому командованию на Кавказе удалось дважды организовать встречи местных владетелей: 24 марта и в середине апреля 1776 г. В них участвовали Фатали-хан Кубинский, кайтагский уцмий Амир-Гамза, шамхал Муртазали Тарковский, буйнакский владетель Бамат, табасаранский кадий Рустам, казикумухский Мухаммад-хан, акушинский кадий и другие владетели. Российскую сторону представлял майор Фромгольд. Под давлением России уцмий Амир-Гамза был вынужден пойти на заключение мира с Фатали-ханом [25, с. 26]. Последствия экспедиции де Медема были вполне ощутимы и спустя годы. Так, когда в 1785 г. аварский владетель Умма-хан попытался организовать отряды против Фатали, то, согласно рапорту брагунского князя, он не смог собрать достаточное число людей для их формирования⁴.

После того как в 1779 г. скончался фактический правитель Персии Керим-хан Зенд, в стране началась ожесточенная борьба за власть между его племянником Али-Мурадом и лидером могущественного клана Каджар Ага-Мухаммед-ханом [14, с. 133]. Свои виды на персидское политическое пространство были и у фаворита российской императрицы князя Г. Потёмкина. Статс-секретарь Екатерины II А. Храповицкий утверждал, что Г. Потёмкин разработал секретный проект по захвату Дербента, Баку и Гиляна и образованию из них нового государства – Албания, «для будущего наследия Великого князя Константина» [26, с. 228]. Воплотить проект в жизнь должен был протеже князя А.В. Суворов. В 1780 г., по приезде в Астрахань, Суворов инициировал тайные переговоры с гилянским правителем Гедает-ханом, предложив ему вступить в русское подданство [26, с. 228]. Капитан Марко Войнович даже основал русский форт на персидском берегу близ Астрабада. Под его влиянием Фатали-хан, стремившийся к укреплению отношений с Россией, согласился на уступки русским купцам, обещая в скором будущем даже вовсе отменить пошлины с них. Однако отряд М. Войновича был вынужден покинуть Персию под давлением Ага-Мухаммада Каджара [27, с. 120; 28, с. 25].

Кроме вышеотмеченных, граничащих с откровенной авантюрой политических проектов Г. Потёмкина, живейший интерес российской Коллегии иностранных дел в описываемые годы вызывали практические интересы русской торговли на Востоке. Пример процветания Ост-Индской компании убедил европейские дворы в чрезвычайной выгоде торговли с Индией. В свою очередь, владетели государственных образований Восточного Кавказа также были крайне заинтересованы в развитии экономических отношений с Россией, переживавшей во второй половине XVIII в. очередной расцвет мануфактурного производства [28, с. 110, 113]. Эти факторы также не могли не способствовать сглаживанию взаимных противоречий.

Ага-Мухаммад изгнал Гедает-хана из его владения, который в ответ призвал на помощь кубинцев, кайтагцев и шамхальцев. Совместными усилиями им удалось вытеснить из Гилянского ханства войска будущего основателя династии Каджаров [29, с. 92].

4 Делопроизводство за 1786 г. // Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 24. Л. 46.

Фатали-хан понимал, что усиление Ага Мухаммед-хана, претендовавшего на объединение всей Персии, угрожало его независимости и оказал помощь сопернику Ага-Мухаммеда, его брату Муртаза-Кули-хану в завоевании в 1787 г. Решта [30, с. 37].

В начале 1780-х гг. интересы тарковско-кубинского союза вступили в противоречие с устремлениями Петербурга по укреплению власти грузинского царя Ираклия II. При содействии Турции конкурировавший за власть с Ираклием царевич Александр установил связь с некоторыми владельцами Дагестана. Узнав, что в Кубе собираются войска для борьбы против Кахетино-Картлийского царства и Карабахского ханства, 27 августа 1782 г. в сопровождении группы своих приверженцев царевич приехал в Дербент к Фатали-хану. Из сообщения Фатали-хана Екатерине II «... после прибытия Александра в Дагестан приехали в Дербент Муртазали шамхал, Амир Гамза – уцмий Кайтагский, Али-Султан Дженгутаевский со всеми дагестанскими старшинами и все уговаривали Фатали-хана взять с собою Александра хана и итти войною на Ираклия хана и его из Тефлиса выгнать, а на его место поставить Александра хана» [10, с. 154]. Впрочем, для обострения отношений с Ираклием II Фатали-хану не были нужны чьи-либо уговоры. Их политические интересы объективно вступали в противоречие. Фатали-хан стремился к захвату Гянджи, Карабаха и Тавриза и видел себя правителем могущественного государства, наследующего северные провинции Сефевидского Ирана, одной из которых некогда была и Восточная Грузия. В свою очередь, Ираклий, уже имевший в подчинении ряд населенных азербайджанцами территорий, также стремился к расширению собственного государства в восточном направлении.

В декабре 1782 г. грузинский царь направил Екатерине II письмо, в котором прямо обвинял Фатали-хана в поддержке действий Александра и просил помощи против них. Откликаясь на его просьбу, Г.А. Потёмкин начал готовить войска для захвата Дербента. Предполагалось занятие всех прикаспийских провинций вплоть до Гиляна, то есть возвращение к границам в регионе до заключения русско-персидского Рештского договора 1732 г. В Астрахани был уже заготовлен провиант на 6 тысяч солдат, но их выступление задерживалось до окончания «всех дел в Крыму и на Кубани», вызванных присоединением территорий упраздненного Крымского ханства в состав империи. Были начаты переговоры с наиболее сильными конкурентами Фатали-хана среди азербайджанских владельцев – Ибрагим-ханом Карабахским и Ахмет-ханом Хойским. Последнему на просьбу о приеме в подданство был дан совет по примеру шамхала Муртазали направить в Петербург депутацию с присягой [29, с. 143, 144–145]. Тем временем, сам Муртазали выступил в защиту своего союзника и составил специальную записку для русского командования о полной лояльности дербентского хана России. Посол Фатали-хана Мирза Садык в начале августа 1783 г. также представил записку в Коллегию иностранных дел, в которой попытался еще раз объяснить, что его хан абсолютно предан императрице, отказался от поддержки царевича Александра и якобы ждет прихода русских войск, чтобы совместно с ними завоевать для России персидские провинции на западном берегу Каспийского моря и «места даже до Индии»⁵. По итогам ознакомления с письмом шамхала и посланием самого Фатали, а также взвесив все сложности и издержки отправки войск, в частности возможное противодействие со стороны Османской империи и Персии, в Петербурге отказались от идеи нового дербентского похода.

Якоб Рейнегтс называл шамхала Муртазали «оракулом Дагестана» [31, с. 270], но, как следует из источников, его влияние выходило далеко за рамки одного только Дагестана. Так, в январе 1784 г., когда Муртазали вёл переговоры о переходе в российское подданство, он особо просил «оставить в подчинении его народ ингушевский, на прежнем основании, говоря, что на сем народе и подати его остались» [30, с. 134; 32, с. 636]. Если в 1775 г. попытки шамхала войти в российское подданство были отклонены и даже был отпущен назад в Тарки выданный им в аманаты племянник, как правителя «не принадлежащего к российской державе», то в этот раз Екатерина II благосклонно приняла прошение, что среди прочего означало отход от прежней политики нейтралитета в отношении недавних вассалов персидских шахов⁶.

К середине 1780-х гг. Фатали-хан вновь переориентировался на юг, но в 1784 г., когда его войска заняли Ардебиль, он получил приказ командующего российской армией на Кавказе генерал-поручика П.С. Потёмкина оставить названный город и был вынужден подчиниться [29, с. 141]. Весной этого года Али-Мурад Зенд обещал передать России права на кавказские владения Персии взамен её помощи

5 Переписка главноначальствующего на Моздокской линии генерал-поручика Павла Потёмкина с князем Потёмкиным-Таврическим и с подчиненными ему лицами // РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 17. Л. 468 об.

6 Рескрипт генерал-поручику Медему // АВПРИ. Ф. 121. Оп. 1. 1775. Д. 1. Л. 1; Рескрипты Екатерины II Екатерине II президенту Военной коллегии кн. Г. А. Потемкину // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 52. Оп. 2. Д. 31. Л. 3-3 об.

в его борьбе с Ага-Мухаммад-ханом [33, р. 162]. Несмотря на то, что российские дипломаты так и не дали ему положительного ответа, Петербургу было очевидно, что формирование в Юго-Западном Прикаспии нового мощного государства снижало шансы к укреплению здесь российского контроля. Дороживший отношениями с Россией и опасавшийся новых совместных действий против него Ибрагим-хана Карабахского, аварского хана и кайтагского уцмья кубинский хан был вынужден уступить нажиму П.С. Потемкина. Не могла не повлиять на принятое им решение и весть о смерти его самого преданного союзника – шамхала Муртазали.

Об устойчивости и неслучайном характере тарковско-кубинских союзнических отношений говорит тот факт, что они пережили смерть Муртазали-шамхала и сохранялись при его преемнике – брате Бамате, в 1788 г. оказавшем помощь Фатали в отражении похода Умма-хана Аварского и в подчинении Шекинского ханства [15, с. 203]. Тем не менее, смерть самого Фатали-хана в 1789 г. и приход к власти его куда менее талантливых наследников, озабоченных удержанием власти в собственных пределах, нежели продолжением отцовской экспансионистской политики, привела к распаду многолетней коалиции.

Заключение

Союз между Муртазали Тарковским и Фатали Кубинским был обусловлен общностью политических интересов на Восточном Кавказе, а не влиянием соседних держав. Вместе с тем, оба правителя, будучи хорошо информированы о политическом и экономическом состоянии соседних с Кавказом держав, сделали ставку на укрепление многообразных отношений, прежде всего именно с Россией, как наиболее передовой из них. Их дипломатические контакты с Петербургом смягчили политику его представителей в Западном Прикаспии, а всё расширяющиеся экономические отношения с Россией оказывали положительное воздействие на общий рост благосостояния их подданных.

Без учета этого позитивного потенциала российско-кавказских отношений во второй половине XVIII в. невозможно понять все аспекты последующих интеграционных процессов начала XIX столетия. Изучение долговременных дружественных отношений между кавказскими владельцами представляет значительный научный интерес, способствуя расширению познавательных горизонтов и углублению исследовательского ракурса, отказу от одномерного восприятия прошлого и неверных стереотипов, чем оно несомненно благотворно воздействует на развитие межнациональных отношений на современном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нацваладзе М.А. Русская драматургия убийств европейских послов Ираклия II // Научный журнал. № 4(59). 2021. С. 29–41.
2. Искандарова М.С. Российская политика в Азербайджане в первой трети XVIII века (современный взгляд) // Colloquium-journal. 2022. №11 (134). С. 9–14.
3. Дегоев В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.: Издатель Модест Колеров, 2013. – 256 с.
4. Лапин В.В. Цицианов. М.: Молодая гвардия, 2011. – 542 с.
5. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Южного Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 2001. – 321 с.
6. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. М.: Таус, 2008. – 293 с.
7. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские государственные образования в кавказской политике России (вторая половина XVI – первая половина XVIII в.): дисс... д.и.н. Саранск, 2022. – 517 с.
8. Успенский В.Л., Яхонтова Н.С. Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ // Тибетология в Санкт-Петербурге: сборник статей. Вып. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. С. 267–292.
9. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. – 228 с.
10. Магомедов Н.А. Дербентско-Кубинское ханство и его влияние на политическое положение и экономическое развитие Дагестана (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Махачкала, 2012. – 326 с.

REFERENCES

1. Natsvaladze MA. Russian dramaturgy of the murders of Heracles II's European ambassadors. *Scientific Journal*. 2021; 59(4): 29–41. (In Russ)
2. Iskandarova MS. Russian policy in Azerbaijan in the first third of the 18th century (a modern view). *Colloquium-Journal*. 2022; 134(11): 9–14. (In Russ)
3. Degoev V. *Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and his time (18th century)*. Moscow: Publisher Modest Kolerov, 2013.
4. Lapin VV. *Tsitsianov*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2011. (In Russ)
5. Aliev B.G., Umakhanov M.-S.K. *Historical geography of Southern Dagestan: 17th – early 19th centuries*. Makhachkala, 2001. (In Russ)
6. Feodaeva FZ. *Russian-Dagestani relations in the second half of the 18th – early 19th centuries*. Moscow: Taus, 2008.
7. Abdusalomov M-PB. *Kumyk state formations in the Caucasian policy of Russia (second half of the 16th – first half of the 18th century)*. Doctoral Diss. Saransk, 2022. (In Russ)
8. Uspensky VL., Yakhontova NS. Letters of Kalmyk rulers from the early 18th century in the Library of St. Petersburg State University. *Tibetology in St. Petersburg: collection of articles. Issue 2*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2021: 267–292. (In Russ)
9. Leviatov VN. *Essays on the history of Azerbaijan in the 18th century*. Baku, 1948. (In Russ)

11. Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958. С. 173–196.
12. Davies B.L. The Russo-Turkish war, 1768–1774. Bloomsbury Academic, 2016. – 340 p.
13. Мерквиладзе Д. Противостояния между кавказскими ханами в 1768–1774 гг. и Эрекле II // Amirani XXXVI. Montreal-Tbilisi, 2022. С. 242–255.
14. Mustafazade T.T. Quba xanlığı. Bakı, Elm, 2005. – 480 s.
15. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов / Отв. ред. В. Г. Гаджиев М., 1988. – 355 с.
16. История внешней политики России: В 5 т. Т. 2. XVIII век. М.: Парадигма, 2018. – 293 с.
17. Курбанов А.Д. Деятельность Мухаммад-Хана Гази-Кумухского в 40–80-х годах XVIII в. в контексте борьбы держав за господство на Северо-Восточном Кавказе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (74). Ч. 3. С. 80–83.
18. Атаев Р.А. Бамматулинское владение в XVII – начале XIX в.: социально-экономическое развитие и политическое положение: дисс... к.и.н. Махачкала, 2010. – 191 с.
19. Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гулистан. М.: Книжный Мир, 2014. – 384 с.
20. Гусейнов Ю.М. Эволюция и корреляция мусульманского права и адата у кумыков в XVIII–XXI вв. Махачкала, 2024. – 399 с.
21. Абдусаламов М.-П.Б. Жизнь, отданная российской науке (к памяти выдающегося немецкого ученого Самуила Георга Готлиба Гмелина) // Страна – наука – люди: к 300-летию Российской академии наук. Материалы всероссийской научной конференции. СПб., 2023. С. 55–56.
22. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку: Изд-во АН Аз. ССР, 1965. – 621 с.
23. Бакиханов А.-К. Гулистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. – 304 с.
24. Муртазаев А.О. Поход русских войск под командованием Де Медема в Дагестан в 1775 г.: причины и последствия // Вестник Института ИАЭ. 2007. № 1. С. 36–47.
25. Муртазаев А.О. Особенности взаимоотношений дагестанских владетелей в 50–80-х гг. // Вестник Института ИАЭ. 2008. № 2. С. 16–33.
26. Памятные записки А. Храповицкого статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М.: Университетская типография, 1862. – 294 с.
27. А.В. Суворов. Сборник документов. Т. 2. М.: Воениздат, 1951. – 688 с.
28. Гёзалова Н.Р. Вопросы истории Азербайджана XVIII в. (на основе сведений англоязычных источников и историографии). М.: ООО «ИРИС ГРУПП», 2010. – 244 с.
29. Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. II. – 602 с.
30. Мустафаев Дж.М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – начало XIX вв.). Баку: Элм, 1989. – 128 с.
31. Рейнеггс Я. Историческое и географическое описание Кавказа // Дагестан в известиях русских и европейских авторов. Махачкала, 1992. С. 249–289.
32. Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И. Новые арабоязычные источники по истории взаимоотношений шамхала Махди-Хана Тарковского и Бийбулата Таймиева // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 3. С. 626–641.
33. Farroch K. Iran at war 1500–1988. Oxford: Osprey Publishing, 2011. – 480 pp.
10. Magomedov NA. The Derbent-Quba Khanate and its influence on the political situation and economic development of Dagestan (second half of the 18th – early 19th century). Makhachkala, 2012. (In Russ)
11. Serebrov AG. Historical and ethnographic description of Dagestan. 1796. *History, Geography and Ethnography of Dagestan*. Moscow, 1958:173-196. (In Russ)
12. Davies B.L. *The Russo-Turkish war, 1768–1774*. Bloomsbury Academic, 2016.
13. Merkviladze D. Confrontations between Caucasian khans in 1768–1774 and Erekle II. *Amirani XXXVI*. Montreal-Tbilisi, 2022: 242-255. (In Russ)
14. Mustafazade T.T. *Quba xanlığı*. Bakı: Elm, 2005.
15. *Russian-Dagestani relations in the 18th – early 19th century: collection of documents*, ed. by V.G. Gadzhiev. Moscow, 1988.
16. *History of Russian foreign policy: in 5 vols. Vol. 2. 18th century*. Moscow: Paradigma, 2018. (In Russ)
17. Kurbanov AD. Activities of Muhammad Khan of Gazi-Kumukh in the 40s–80s of the 18th century in the context of the struggle of powers for dominance in the North-Eastern Caucasus. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*. 2016; 74(12): 80-83. (In Russ)
18. Ataev RA. *The Bammatala possession in the 17th – early 19th century: socio-economic development and political status*. Cand. Sci. Diss. Makhachkala, 2010. (In Russ)
19. Airapetov OR., Volkhonsky MA., Mukhanov VM. *The road to Gulistan*. Moscow: Knizhny Mir, 2014. (In Russ)
20. Guseynov YuM. *The evolution and correlation of Islamic law and adat among the Kumyks in the 18th–21st centuries*. Makhachkala, 2024. (In Russ)
21. Abdusalomov M-PB. A life given to Russian science (to the memory of the outstanding German scholar Samuel Georg Gottlieb Gmelin). *Country – Science – People: to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. St. Petersburg, 2023: 55-56. (In Russ)
22. Abdullaev GB. *Azerbaijan in the 18th century and its relations with Russia*. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Az. SSR, 1965. (In Russ)
23. Bakikhanov A-K. *Gulistan-i Iram*. Baku: Elm, 1991. (In Russ)
24. Murtazaev AO. The campaign of Russian troops under the command of De Medem to Dagestan in 1775: causes and consequences. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2007; 1: 36-47. (In Russ)
25. Murtazaev AO. Features of relations between Dagestani rulers in the 50s–80s. *Bulletin of the Institute of IIAE*. 2008; 2: 16-33. (In Russ)
26. *Memoirs of A. Khrapovitsky, State Secretary of Empress Catherine the Second*. Moscow: Universitetskaya Tipografiya, 1862. (In Russ)
27. A.V. Suvorov. *Collection of documents. Vol. 2*. Moscow: Voenizdat, 1951. (In Russ)
28. Gezalova NR. *Questions of the history of Azerbaijan in the 18th century (based on English-language sources and historiography)*. Moscow: Iris Group, 2010. (In Russ)
29. Butkov PG. *Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803. Pt. II*. St. Petersburg, 1869. (In Russ)
30. Mustafaev DzhM. *Northern khanates of Azerbaijan and Russia (late 18th – early 19th centuries)*. Baku: Elm, 1989. (In Russ)
31. Reineggs J. Historical and geographical description of the Caucasus. *Dagestan in the Accounts of Russian and European Authors*. Makhachkala, 1992: 249-289. (In Russ)
32. Idrisov YuM., Khanmurzaev II. New Arabic-language sources on the history of relations between Shamkhal Mahdi Khan Tarkovsky and Beibulat Taimiev. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022; 18(3): 626-641. (In Russ)
33. Farrokh K. *Iran at war 1500–1988*. Oxford: Osprey Publishing, 2011.

Поступила в редакцию 02.06.2025

Принята в печать 16.11.2025

Опубликована 30.06.2026

Recieved 02.06.2025

Accepted 16.11.2025

Published 30.06.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222303-312>

Исследовательская статья

Бирюков Андрей Михайлович

аспирант

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

konseleyru88@yandex.ru

ПЕТРОВСК ПОД БРИТАНСКОЙ ОККУПАЦИЕЙ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Целью исследования является прояснение истории британской оккупации г. Петровск (ныне Махачкала) и взаимоотношений английских интервентов с местными политическими силами и населением. Опираясь на принцип историзма, историко-генетический и историко-сравнительный подходы, а также метод индукции, автор показывает связь политики британцев в Дагестане с их геополитическими интересами на Ближнем и Среднем Востоке. Отдельно проанализированы причины ухода англичан из Петровска. Новизна работы состоит в том, что впервые проблема британской интервенции в Дагестане рассматривается одновременно на макро- и микроуровне, что позволяет лучше проанализировать такое сложное явление, как гражданская война, в ходе которой личные мотивации, симпатии и предпочтения участников, играют большую роль, чем при внешних конфликтах. В научный оборот вводятся новые источники, в том числе англоязычные, позволяющие прояснить ранее неизвестные детали пребывания Петровска под британской оккупацией, из которых были почерпнуты конкретные примеры взаимоотношений интервентов с гражданскими организациями в городе, а также с присутствовавшими здесь деникинскими силами во главе с генералом М.А. Пржевальским. Затронута также тема антивоенной агитации среди англичан большевистскими подпольщиками. Результаты исследования подводят к выводу о несостоятельности взгляда на деникинские Вооружённые силы юга России (ВСЮР) как сугубо подчинённую английским интервентам структуру. Также в ходе исследования установлен факт параллельного сосуществования весной 1919 г. в Петровске нескольких конкурирующих центров власти. Население Петровска, занятое проблемами выживания, относилось к англичанам крайне холодно, видя в них очередных захватчиков.

Ключевые слова: Петровск; Гражданская война; англичане; оккупация; интервенты; большевики; деникинцы; Дагестан; Прикаспий

Для цитирования: Бирюков А.М. Петровск под британской оккупацией: политическая ситуация и повседневность Гражданской войны // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 2. С. 303-312. doi.org/10.32653/CH222303-312

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222303-312>

Research paper

Andrey M. Biryukov
Postgraduate Student
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
konseleyru88@yandex.ru

PETROVSK UNDER BRITISH OCCUPATION: POLITICAL SITUATION AND THE DAILY LIFE DURING THE CIVIL WAR

Abstract. This study elucidates the history of the British occupation of Petrovsk (modern-day Makhachkala) and analyzes the interactions between British forces, local political factions, and the civilian population. Grounded in historicism, historical-genetic and historical-comparative methodologies, and inductive reasoning, the paper demonstrates the systemic link between British policy in Dagestan and broader geopolitical interests in the Near and Middle East. Additionally, it provides a distinct analysis of the strategic factors underlying the British withdrawal from the city. The primary novelty of this work lies in its simultaneous macro- and micro-level examination of the British intervention in Dagestan. This dual approach offers a more nuanced evaluation of the Russian Civil War as a complex phenomenon wherein personal motivations, sympathies, and individual choices often superseded institutional external conflict dynamics. Furthermore, this study introduces newly uncovered English-language and regional sources into scholarly circulation, clarifying previously obscure details of Petrovsk's tenure under foreign occupation. These documents provide concrete examples of the friction and cooperation between British forces, municipal civilian organizations, and the Volunteer Army units stationed there under General M.A. Przhevalsky. The paper also examines Bolshevik underground anti-war agitation targeting British troops. Ultimately, the research findings demonstrate that characterizing Denikin's Armed Forces of South Russia (AFSR) as a mere proxy entirely subordinate to British interventionists is historically untenable. The study establishes that multiple competing power centers coexisted precariously in Petrovsk during the spring of 1919. Preoccupied with fundamental survival, the local population remained deeply alienated from the British troops, viewing them not as liberators, but as yet another occupying force.

Keywords: Petrovsk; Civil War; English occupation; interventionists; Bolsheviks; Denikin Armed Forces; Dagestan; Caspian Region

For citation: Biryukov A.M. Petrovsk under British occupation: the political situation and the everyday life of the Civil war. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 303-312. doi.org/10.32653/CH222303-312

Введение

Русско-английские отношения имеют давнюю традицию и сложную, противоречивую динамику развития. Будучи союзниками по антинаполеоновским коалициям рубежа XVIII–XIX вв., а затем в двух мировых войнах, на остальных этапах своей истории (за исключением кратких периодов разрядок), Россия и Великобритания традиционно являлись геополитическими соперниками. Напряжёнными русско-английские отношения остаются и сегодня. В этой связи возрастает значимость исследований, посвящённых истории русско-британских отношений в Новое и Новейшее время. Одной из наименее исследованных страниц этих отношений является история британской интервенции на Кавказе. Между тем без её учёта, на наш взгляд, невозможно понять внутреннюю логику развития Гражданской войны на всём Юге России. Именно вмешательство иностранных государств заметно увеличило продолжительность войны, обусловив последующие разруху и голод в прежней зоне боевых действий.

Проблема тем актуальнее, что в последние годы в научный оборот введено большое количество источников, особенно личного характера, как на русском, так и на английском языках, позволяющих по-новому взглянуть и на многие аспекты, казалось бы, давно исследованной темы.

При написании статьи мы опирались на принципы объективности и историзма, предполагающие изучение событий и фактов в конкретных исторических условиях. Поскольку основное место в нашей работе занимает тема городской повседневности в период английской оккупации, поясним, что в нашем понимании история повседневности является отраслью исторического знания, исследующей сферу человеческой обыденности в ее социально-экономическом, историко-культурном и политико-событийном аспектах. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» [1, с. 38].

Основная часть

Существовал целый спектр причин, вызвавших британскую интервенцию на территорию бывшей Российской империи. Это и стремление предотвратить расширение зоны влияния Германии и Турции на Бакинские нефтепромыслы и Центральную Азию. Это и желание восполнить потери от произведенной большевиками национализации предприятий с британским капиталом. Но прежде всего это естественное желание победы над большевиками, в это время активно продвигавшими в Европе и Азии идеи «мировой революции», представлявшими угрозу для самого существования Британской империи [2, р. 783–784; 3, р. 522]. Наиболее активным сторонником идеи захвата Каспия был начальник Имперского Генерального штаба Британской империи Г. Вильсон, видевший в контроле над ним надёжную гарантию от проникновения немцев и турок в Среднюю Азию и далее на соединение с мятежными афганцами [4, с. 57]. В августе 1918 г. британцы установили свой протекторат над сменившей Бакинскую Коммуну Диктатурой Центрокаспия и заняли значительную часть территории и Закаспийской области [5, с. 336, 351, 353].

Параллельно с занятием Баку англичане проявляли повышенный интерес и к Петровску, как к возможной военно-морской базе, удобной для оттеснения большевиков с Северо-Восточного Кавказа, а в перспективе и из Астрахани. На первом этапе присутствия в регионе они сделали ставку на возвращавшиеся с Персидского фронта Первой Мировой войны силы генерала Лазаря Бичерахова, выделив ему 6 млн руб. на их содержание. В начале сентября 1918 г. ему удалось занять Петровск, но почти сразу же он столкнулся с наступлением турецких войск, захвативших 15 сентября Баку [6, с. 144]. Согласно докладу А. Гришина-Алмазова, посетившего Петровск в октябре 1918 г., в окружении Л. Бичерахова преобладали эсеры, сформировавшие Кавказско-Каспийское правительство, а сам он не проявлял энтузиазма к идее присоединения к Добровольческой армии, видя свою задачу лишь в сдерживании турецкого наступления на Северный Кавказ¹.

Под нажимом турок Л. Бичерахов эвакуировал свои силы в Баку [7, с. 217–218]. Однако, 17 ноября 1918 г. турки, подчиняясь статьям Мудроского перемирия² и передав значительную часть оружия

1 Доклад генерал-майора, бывшего военного министра Временного Сибирского правительства А. Н. Гришина-Алмазова на Яском совещании о военном и политическом положении в Сибири // РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 163. Л. 19–20.

2 Мудроское перемирие, заключенное между Великобританией и Османской империей 30 октября 1918 г. в бухте Мудрос (о. Лемнос), зафиксировало фактическую капитуляцию второй и, соответственно, её выход из Первой Мировой войны.

сформированному в первых числах того же ноября правительству Горской республики, покинули территорию Дагестана. В столицу республики г. Темир-Хан-Шуру выехала английская миссия во главе с полковником Ф. Роуландсоном. Горское правительство, выразив лояльность интервентам, заявило о согласии продолжить дальнейшую подготовку к борьбе с большевиками [8, с. 68].

Англичане использовали Горское правительство как удобный предлог для своего дальнейшего присутствия на территории Дагестанской области, в первую очередь в её наиболее крупном промышленном центре – в Петровске. В связи с этим, нельзя не сказать и о том, что привлекало британцев в самом Петровске. В его окрестностях располагались промыслы, принадлежавшие «Англо-русскому акционерному обществу». Немаловажным фактором была возможность контроля над транспортировкой через Петровск грозненской нефти. В городе также располагались крупнейшая в Западном Прикаспии текстильная фабрика «Каспийская мануфактура», а в его окрестностях – многочисленные рыбные промыслы, снабжавшие в дореволюционный период сельдью весь юг России [9, с. 96, 105]. Кроме того, местная радиотелеграфная станция входила в систему Индо-Европейского телеграфа, связывавшего Англию с её индийскими владениями³. Самый же большой интерес у англичан вызывал порт. Деникинский эмиссар в Петровске К.К. Шуберт вспоминал: «необходимо заметить, что, овладев нашим коммерческим флотом, англичане, как уже известно, лучшие пароходы вооружили. Остальные же были пущены в рейсы, причем все доходы от их эксплуатации поступали в английский карман и в значительной мере окупали их военные расходы» [10, с. 338].

Вновь обретенные «трофеи» требовали защиты. 13 января 1919 г. в Петровск прибыли генерал У. Томсон, два батальона гуркхов⁴ и 12 самолётов с экипажами [11, с. 98]. 21 января прибыли командующий Каспийской флотилии коммодор Д. Норрис и командир английского гарнизона Петровска майор Малькольм [12, р. 20].

Первая партия гидросамолетов, прибывших в Петровск, оказалась слишком громоздкой и непригодной для действий в условиях мелководья в северной части Каспийского моря, в связи с чем 12 марта в город прибыла часть 266-й эскадрильи с более подходящими 10 гидропланами и 12 моторными катерами береговой охраны под командованием Э. Робинсона. В окрестностях города был построен аэродром, рассчитанный на размещение 40 военных самолётов. Торговое судно «Алейдар Усейнов» было переоборудовано в гидросамолётоносец [11, pp. 439, 449]. В феврале-марте 1919 г. англичане неоднократно бомбили железнодорожные вокзалы Грозного и Кизляра, а также советскую военно-морскую базу в дельте Волги [13, р. 221], но никакие морские операции были еще невозможны ввиду того, что северная акватория Каспия до середины марта была покрыта льдом.

О планах англичан на долгосрочное пребывание в городе говорит их интерес к возможности углубления части гавани для входа крупнотоннажных кораблей и увеличения грузопотока, а также финансирование строительства железнодорожной ветки от Петровска-Кавказского к аэродрому⁵.

Не случайным был и подбор руководящих кадров интервентов. Так, Мария Чокай⁶, посетившая Петровск в начале 1919 г. и встречавшаяся с английским комендантом Петровска, отмечала, что он «говорил на чистейшем русском языке» [14, с. 70]. Тем не менее, как признают очевидцы событий и современные зарубежные исследователи, многие из британских офицеров, имевшие богатый опыт службы в Индии и Африке, не видели никакой разницы между своей прежней работой и задачами английской политики на Кавказе, что вызывало конфликтные ситуации с русскими офицерами и местным населением [15, с. 262; 16, pp. 135–136]. Это проявилось уже в первые дни их присутствия в Петровске, когда 15 января 1919 г. у офицеров из свиты У. Томсона возник конфликт с проводниками вагонов. Англичане требовали воду и продукты питания «во всякое время дня и ночи», что встречало ответное возмущение и протест проводников⁷.

К.К. Шуберт писал в воспоминаниях: «Всё занято англичанами, которые одновременно с эскадрой привезли сюда значительный десант, состоящий из цветных войск. Эти вооруженные силы ведут себя в городе завоевателями, по городу ходят их патрули, повсюду стоят их караулы, ими же занято

3 Переписка с начальником Владикавказского почтово-телеграфного округа // ЦГА РД. Ф. 34. Оп. 1 (доп). Д. 4 «а». Л. 53.

4 Гуркхи – отряды непальских добровольцев в составе британской колониальной армии.

5 Переписка с Особым совещанием главкома Добармии, Управлением финансов и др. о предотвращении закрытия гидрометеорологической службы Каспийского моря // ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 24. Л. 20; Переписка о высылке счетов по денежным вопросам отряда Бичерахова и Английского штаба // ЦГА РД. Ф. Р-713. Оп. 2. Д. 10. Л. 114.

6 Мария Чокай (в девичестве Горина) – жена казахского политического деятеля, идеолога независимости Туркестана Мустафы Чокая (1890–1941).

7 Ведомости взысканий, наложенных на служащих Петровского депо // ЦГА РД. Ф. 83. Оп. 4. Д. 10.

несколько лучших зданий. Матросы с эскадры бесчинствуют и пьянствуют. Набранные, по-видимому, далеко не из первосортного элемента, они продают на базаре казенное имущество, и английское командование никаких мер для прекращения этого безобразия не принимает» [10, с. 334]. Английские дебоширы пытались применять против русских приемы бокса, но были по словам полковника Г.Д. Ивицкого «приняты дружно по-русски с размаху» [17, с. 187–188].

Значительная часть местного населения, особенно рабочая, сочувствовавшая большевикам, масса, была враждебно настроена к интервентам. Капитан К. Билни вспоминал о пребывании в Петровске: «Это было печальное, гнетущее место. Мы никогда не выходили вечером в одиночку и всегда ходили с оружием, но даже тогда люди стреляли в нас из-за углов улиц. Одним вечером армейский старшина и его приятель ехали в местный кинотеатр, и кто-то бросил гранату в кабину и убил их обоих. Подобные вещи происходили постоянно»⁸. Билни отмечал высокую степень отчуждения между англичанами и местными жителями, объясняя её как языковым барьером, так и восприятием англичан как оккупантов⁹.

Не были редкостью и споры англичан с гражданскими организациями. Так, в Петровске британцы с одобрения Горского правительства реквизировали здание Гидрометеорологической станции под квартиры для офицеров-гидроавиаторов. Кроме того, они отказывались выдавать заработную плату её служащим. Всё это вызвало протест её директора профессора А.В. Вознесенского. В письме к командиру гидроавиационного отряда полковнику Ф. Боухиллу Вознесенский писал, что из-за его неуступчивости 23 работника станции – профессионалы своего дела потеряют работу, и что английские лётчики случайно могут повредить дорогую и редкую технику, стоимость которой он в контексте инфляции и невозможности её заменить оценивал в 800 тысяч рублей¹⁰.

Между начальником Петровского порта Н. Всеволодовым и английской администрацией, в частности, полковником Брауном, существовали разногласия по вопросу оплаты труда портовых служащих. Так, Браун отказывался компенсировать им дорожные расходы, полагая их излишними¹¹. Сходные проблемы у англичан возникали и с железнодорожниками. Например, когда 12 июня 1919 г. комендант железнодорожной станции капитан Грин выдал заведующему Петровской дистанции Владикавказской железной инженеру С.А. Срединому 35 943 рубля за строительство линии к аэродрому, тот, ссылаясь на инфляцию, назвал их недостаточными, требуя к тому же выделить средства и на восстановление поврежденных в ходе проведенных работ пожарных колонок, по 1 тыс. р. за каждую. Грин возражал, называя его требования чрезмерными¹².

Не было серьёзных позитивных перемен и в общественной и материально-бытовой жизни горожан. Топливо и продукты питания подорожали ещё больше, чем прежде, что, впрочем, объяснимо и истощением старых запасов [18, с. 60]. Рост цен и разгул спекуляции усугублялись кризисом денежного обращения. В Петровске одновременно имели хождение как рубли, так и бакинские боны, и «английские рупии» (так в документе. – А.Б.)¹³. При этом курс рубля стремительно падал. В 1923 г. бывший командующий английской Каспийской флотилией Д. Норрис писал: «Рубль, который в довоенное время стоил 20,3 пенса упал к январю 1919 г. до цены в 3 пенса и стоил всего две трети пенса в сентябре 1919 г.» [19, с. 97]. Следствием падения уровня жизни стали масштабные забастовки рабочих городских предприятий в апреле – начале мая 1919 г. Инициаторы забастовки на фабрике «Каспийской мануфактуры», заподозренные в связях с большевиками, были арестованы англичанами, но волнения среди рабочих и служащих продолжались вплоть до занятия Петровска Добровольческой армией, запретившей деятельность профессиональных союзов [20, с. 120–121].

Нельзя не сказать о сложных и противоречивых отношениях англичан и с офицерами ВСЮР. Возглавлявший остатки белогвардейских сил в Баку бывший командующий русским Кавказским фронтом

8 Interview with Christopher Neil Hope Bilney [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/80000002> (дата обращения 2. 09. 2025).

9 Там же.

10 Переписка с Особым совещанием главнокомандующего Доброймии, Управлением финансов и др. о предотвращении закрытия гидрометеорологической службы Каспийского моря // ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 24 Лл. 46-47, 52 об.

11 Сметы на содержание управления Петровского торгового порта, штаты и переписка об ассигновании кредитов на 1919 г. // ЦГА РД. Ф. 139. Оп. 2. Д. 24. Л. 32.

12 Переписка о высылке счетов по денежным вопросам отряда Бичерахова и Английского штаба // ЦГА РД. Ф. Р-713. Оп. 2. Д. 10. Лл. 114, 116.

13 Переписка с Управлением Великобританского водного транспорта о перевозке войска и имущества // ЦГА РД. Ф. 139. Оп. 1 доп. Д. 244. Л. 19.

Мировой войны генерал М.А. Пржевальский присягнул А.И. Деникину, после чего в начале марта 1919 г. его отряд был выдвинут из Баку в Петровск. В последнем таким образом был сформирован Петровский отряд ВСЮР, численностью до полутора тысяч штыков [21, с. 81, 83].

21 марта в гавань Петровска прибыло 76 флотских офицера во главе с капитаном 2-го ранга Б.М. Пышновым. Начался процесс создания Каспийской флотилии ВСЮР. К концу марта 1919 г. позиции деникинцев в самом городе сильно окрепли, но одновременно они всё ещё находились почти в полной изоляции, поддерживая связь с территорией подконтрольной ВСЮР преимущественно по авиации и радиотелеграфу¹⁴. Будучи не прочь использовать деникинцев против большевистской Астрахани, британцы, однако, не желали их возвращение на водные просторы Каспийского моря, что подразумевало передачу им русских кораблей, а в перспективе и бакинских промыслов. К.К. Шуберт устроил в английский штаб «русскую барышню», владевшую английским языком, которая сообщила ему содержание секретной депеши от генерал-адъютанта военного министерства Британской империи лорда Э. Сеймура Д. Норрису, в которой он советовал ему чинить всякие препятствия деникинцам в борьбе с большевиками, а в случае обострения отношений тут же идти на уступки [10, с. 347].

Параллельно с английским командиром гарнизона в городе было еще два центра власти: градоначальник, назначенный Горским правительством – полковник А. Магомедов, на которого были возложены хлопоты по удовлетворению материально-бытовых нужд горожан и контролю за правопорядком, а также всё тот же отряд генерала М.А. Пржевальского, представлявший значительную боевую единицу. Г.Д. Ивицкий называл сложившуюся в этот короткий период времени систему управления городом – «многовластием» [22, с. 59].

Англичане прилагали усилия к удалению отряда М.А. Пржевальского из Петровска, но встречали с его стороны упорное сопротивление [23, с. 106]. Споры добровольцев с англичанами Г.Д. Ивицкий был склонен объяснять «взаимным непониманием двух диаметрально противоположных наций» [17, с. 186]. Его товарищ К.К. Шуберт приводит пример одной из подобных конфликтных ситуаций. Ранней весной 1919 г. в Петровск прибыл автор текста знаменитого «Приказа №1» Временного правительства секретарь Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов меньшевик Н.Д. Соколов. Деникинцы, считая издание этого приказа фактом измены родине, попытались его арестовать, но англичане не допустили это, заявив, что он является их почетным гостем [10, с. 344]. Ещё один комический эпизод из подобных стычек запечатлела большевистская «Правда», в одном из номеров которой рассказывалось, что, когда пьяные английские офицеры в ресторане «Яр» запели национальный гимн Британской империи, по требованию русских офицеров оркестр заиграл «Боже, царя храни», что вызвало бурный восторг в белогвардейской прессе¹⁵. Имели место и более серьёзные столкновения интересов, уже экономического характера. Так, после того как Г.Д. Ивицкий сменил А. Магомедова в должности градоначальника Петровска, он реквизирует для нужд «Каспийской мануфактуры» груз хлопка, который его хозяева собирались везти в Ливерпуль для последующей выделки бязи и пошива одежды для солдат Добровольческой армии. При этом стоимость английской бязи с учетом с учетом транспортировки составила бы 40 р. за аршин. В Петровске же производство бязи обошлось бы в 16 р. за аршин¹⁶. Естественно, что и в Петровске и само собой, в целом, на Северном Кавказе, было достаточно портных, способных произвести готовую продукцию не менее качественно и в разы дешевле чем английские мастера в далёком Ливерпуле.

Ядро рядового состава британских оккупационных войск составляли сикхи¹⁷ и гуркхи. По словам, записанным со слов очевидцев И.С. Исаковым, они вели себя прилично, но, если офицеры «прикажут им стрелять в безвинных – стреляют, прикажут повесить – повесят»¹⁸. Гораздо более привлекательный их образ оставил художник Е. Лансере, писавший в письме к брату от 23 февраля 1919 г., что: «Там, в Петровске, сейчас батальон гуркосов – очень brave солдаты с великолепной выправкой. Тип монгольский – что японцы и этим объясняется долго здесь державшийся слух, что сюда пришли японцы»

14 Дневник генерала Эрдели (печатный) // ГА РФ. Ф. Р.9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 242.

15 Преображенский. В тылу у Деникина // Правда. 17 августа 1919. № 182. С. 1.

16 Interview with Christopher Neil Hope Bilney. С. 189. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/80000002> (дата обращения 2. 09. 2025).

17 Сикхи – индийская этноконфессиональная группа, представители которой активно привлекались британской администрацией Индии на военную службу.

18 Исаков И.С. «Каспий, 1920 год». Из дневника командира «Деятельного». Воспоминания. Часть 2 // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 1. Д. 1778. Л. 56.

[24, с. 85]. Отметим, однако, что по воспоминаниям самих британцев японцами дагестанцы называли не только гуркхов, но даже и англичан [16, р. 137]. Последние, зачастую также имели слабые представления о кавказских реалиях и в записках можно обнаружить упоминания, например, о якобы живущих на Кавказе потомках шотландских крестоносцев [25, с. 304]. Впрочем, настоящие, а не мифические шотландцы также были представлены в составе британских военных сил в регионе. Так, в марте 1919 г. с Македонского фронта Первой Мировой войны через Батуми в Прикаспий для участия в боях был переведен батальон королевской шотландской пехоты¹⁹. Петровских детишек в 1919 г. поразили не столько яркие тюрбаны сикхов, сколько именно вид шотландских солдат в экзотических килтах²⁰.

Индийцев привлекали не только к охране аэродромов и вокзалов, но и к ремонту железной дороги между Петровском и Грозным. 6 из них были убиты за этим занятием, в ответ англичане с аэропланов бомбили просоветски настроенные аулы²¹. Несколько «сипаев» перебежало на сторону красных и вступило в отряд командующего повстанческой армией в Терской области Н. Гикало [26, с. 58].

Английские офицеры и солдаты, устав от 4 лет Первой мировой войны, стремились вернуться на родину и оказались подвержены агитации со стороны местного петровского большевистского подполья, возглавляемого У. Буйнакским и О. Лещинским, и еще больше влиянию англоязычных передач на советском радио. Мичман Н.Н. Лишин вспоминал о его действии: «На наших английских офицеров это радио произвело сильное впечатление. Они даже стали высказывать надежду на скорое возвращение в Англию» [27, с. 105]. Их боеспособность неминуемо падала. По Петровску циркулировали слухи о попытке одной из лётных команд перелететь на сторону большевиков [28, с. 60]. Сверх того, О. Лещинский организовал порчу английских гидроаэроплановых кранов, намереваясь повредить все аэропланы [29, с. 122; 30, с. 137]²².

Дагестанские большевики работали не только над морально-психологическим разложением английского гарнизона, но и готовили восстание, направленное против британских сил в Петровске. Планировалось, что восстание поддержит морской десант из Астрахани. Но погодные условия, английские налёты и противодействие их же кораблей сорвали десантные операции. Важной проблемой для большевиков оставался дефицит военных специалистов. Последние нередко попадали под влияние антисоветской агитации и переходили на сторону белых. Не были исключением и офицеры Волжско-Каспийской военной флотилии. 7 апреля в Петровск на катере «Успех» прибыли бежавшие из Астрахани начальник подводного плавания вышеназванной флотилии капитан 2-го ранга К.Д. Ордовский-Танавский и пятеро матросов, что ослабило потенциал советских подводных сил²³.

К началу мая англичане уже определились со ставкой на ВСЮР²⁴. Вопрос был лишь о границах их контроля в Дагестанской области. Британский командующий на Балканах и Чёрном море Дж. Милн настаивал на нейтральном статусе Петровска, но позиции сторонников сотрудничества с белыми оказались сильнее. Во главе последних стоял министр авиации У. Черчилль, заявлявший, что он не желает никаких британских операций к северу от Кавказского хребта, и что занятие Петровска было направлено исключительно для вытеснения большевиков из Прикаспия, и как только денкинцы подойдут к городу, власть над ним будет передана им [30, pp. 200, 222]. Согласно вновь принятому английскому плану, демаркационная линия между ВСЮР и находившейся фактически в полной зависимости от Великобритании Азербайджанской демократической республикой должна была проходить по линии в 5 км южнее Петровска. Таким образом, британские интервенты вынашивали план расчленения Дагестанской области и передачи ее значительной части Азербайджану. В ответ А.И. Деникин послал ноту протеста «о недопустимости умаления престижа вооруженных сил Юга России», с требованием передачи всей территории Дагестанской области под его власть. В итоге предыдущее английское предложение было дезавуировано, и в вопросе о границах восторжествовала позиция А.И. Деникина [23, с. 103]. Подчеркнём чрезвычайно важный, на наш взгляд, момент – современные границы Российской Федерации и, соответственно, Республики

19 The 1-st Battalion's War [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theroyalscots.co.uk/the-1st-battalions-war/> (дата обращения 2.09. 2025).

20 Полевой материал автора: информатор Изиев Абдулла Алимпашиевич, 1961 г.р. г. Махачкала.

21 Правда. 26 апреля 1919. №88. С. 1.

22 Вагабов М.В. Дружба, закаленная в боях. Махачкала, 1966. С. 137.

23 Розин А. Подводный флот Каспийской флотилии 1919-1920 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <https://alerozin.narod.ru/Caspian19120.htm> (дата обращения 3.09. 2025).

24 Журнал заседаний Всероссийского национального центра (копии) – ген. А.И. Деникин // ГА РФ. Ф. Р539. Оп. 1. Д. 1. Лл. 56 об-57.

Дагестан с Республикой Азербайджан проходят именно по тем рубежам, которые в переговорах с англичанами отстояло руководство ВСЮР.

21 мая 1919 г. Петровск заняли силы Добровольческой армии, а в июле 1919 г. англичане начали постепенный вывод своих войск из города. 15 августа 1919 г. город покинула официальная британская администрация. Н. Всеволодов принял порт у капитана Гопкинса²⁵. Последний английский отряд покинул город уже 2 сентября. Его провожали в праздничной обстановке [26, р. 236]. Британская Каспийская флотилия прекратила свое существование, отныне борьба с большевиками на море лежала исключительно на Каспийской флотилии ВСЮР.

Был ряд причин, вызвавших отказ британцев от оккупации территорий в Прикаспии. Общественное мнение в Великобритании было настроено против участия в российской Гражданской войне. Уставшие после участия в Первой Мировой войне английские солдаты были подвержены большевистской агитации. Ещё большей проблемой были огромные расходы на помощь Белой гвардии и содержание собственных оккупационных войск. Годы спустя английский премьер-министр Дж. Ллойд-Джордж свёл причины ухода британских военных сил с Юга России к не лишённой изящности формулировке: «Когда стало ясно, что их стремление к власти обречено на неудачу и что русский народ окончательно отдаёт свои симпатии большевистскому режиму, наш уход стал неизбежен» [4, с. 98]. Остаётся дополнить его формулу словами В. Дегоева о том, что британские планы в Прикаспии потерпели крах, потому что «сложные исторические закономерности... работали на большевиков. Среди этих закономерностей – фактор решительного неприятия британских колониальных замыслов и со стороны красных, и со стороны белых» [32, с. 12].

Заключение

Историю Гражданской войны в России невозможно в полной мере понять без изучения проблемы британской интервенции. Ярким проявлением местной специфики было параллельное сосуществование в период оккупации в Петровске нескольких политических центров, каждый из которых вмешивался в социально-экономическую и политическую жизнь города. Один из них в лице британских интервентов по мере силы пытался укреплять собственное положение за счет конкуренции двух других – представителей Горского правительства и ВСЮР.

Обращение к архивным материалам и источникам личного происхождения убеждает что офицеры-добровольцы последовательно отстаивали российский суверенитет в Прикаспии, ярким свидетельством чего были их многочисленные споры с британскими военными и дипломатами о границах контроля и передача ВСЮР ранее интернированных англичанами российских судов. Подобным же образом руководители гражданских ведомств в спорах с британцами отстаивали интересы собственных работников. В целом, население Петровска предпочитало держаться от интервентов обособленно, занимаясь собственными материально-бытовыми проблемами. Вместе с тем, британско-индийский воинский контингент произвёл на оказавшихся в городе представителей русской интеллигенции и рядовых горожан яркое впечатление, породившее новые произведения искусства и городские предания, живущие до сих пор. Изучение политического и социально-экономического развития Петровска в период британской интервенции имеет несомненную научную перспективу, а также обладает и практической значимостью, так как вновь вводимые источники могут быть использованы в рамках спецкурсов, краеведческих семинаров и в экскурсионной работе.

²⁵ Материалы по приёме дел Управления Петровского торгового порта от упраздненного отделения Великобританского морского транспорта // ЦГА РД. Ф. 139. Оп. 4. Д. 8. Лл. 1. 50.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Mackinder H. General Report, with Appendices, on Situation in South Russia; Recommendations for Future Policy // Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Vol. 3. London, 1949. Pp. 783–784.
3. Hopkirk P. The Great Game: on secret service in high Asia. London: Butler & Tanner Ltd, 1990. – 562 p.
4. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М.: Госсэкономиздат, 1934–1938. Т. 6. 1937. – 252 с.
5. Миронюк С.А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. – декабрь 1919 г.) как фактор гражданской войны: этапы и особенности // Исторический вестник. 2024. Т. XLVII. С. 318–381.
6. Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. – 205 с.
7. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия (1918–1945 гг.). М.: Вече, 2007. – 512 с.
8. Каймаразова Л.Г., Каймаразов Г.Ш. К вопросу об установлении советской власти в Дагестане и образовании Дагестанской АССР // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 4. С. 63–77.
9. Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала: МавраевЪ, 2015. – 256 с.
10. Шуберт К.К. Русский отряд парусных судов на Каспийском море // Флот в белой борьбе. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. С. 317–374.
11. Halpern P. The Mediterranean Fleet, 1919–1929. Vermont: Ashgate for the Navy Records Society, 2011. – 620 pp.
12. Wright D. Churchill's secret war with Lenin. Solihull: Helion & Company, 2018. – 570 pp.
13. Kinvig C. Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918–1920 London; New York: Hambledon continuum, 2006. – 373 p.
14. Чокай М. Я пишу вам из Ножан. Алматы: Кайнар, 2001. – 208 с.
15. Дневник П.Н. Милюкова 1918–1920. М.: РОССПЭН, 2005. – 847 с.
16. Kopisto L. The British intervention in South Russia 1918–1920: academic dissertation. Helsinki, 2011. – 211 p.
17. Ивицкий Г.Д. На побережье Каспия в годы Гражданской войны // Морские записки. Т. 3. № 4. Нью-Йорк, 1945. С. 184–192.
18. Идрисов Ю.М. Петровск на изломе эпох // Махачкала. Очерки по истории и культуре города. От первых археологических находок до начала XXI века. Ростов-на-Дону, 2023. С. 50–74.
19. Norris D. Caspian Naval Expedition 1918–1919 // Journal of the Central Asian Society. Vol. X. 1923. Pp. 216–240.
20. Аликберов Г.А. Революция и Гражданская война в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. – 214 с.
21. Пыльцын Ю.С. Отряд Лазаря Бичерахова и Терское восстание 1918 г. // Регионы России в военной истории страны. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2020. С. 75–86.
22. Ивицкий Г.Д. На побережье Каспия в годы Гражданской войны // Морские записки. Т. 3. № 2. Нью-Йорк, 1945. С. 51–63.
23. Кубань и Добровольческая Армия в 1918–1919 гг. / Вводная статья, подготовка текста и комментарии В.Г. Бортневского // Русское прошлое. Вып. 5. СПб, 1994. С. 77–111.
24. Павлинов П.С. Е.Е. Лансере на Кавказе: опыт реконструкции жизни и творчества: дисс...к.иск. н. Т. I. М., 2018. – 305 с.

REFERENCES

1. Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium, 1995. (In Russ)
2. Mackinder H. General Report, with Appendices, on Situation in South Russia; Recommendations for Future Policy. *Documents on British Foreign Policy 1919–1939*. Vol. 3. London, 1949: 783–784.
3. Hopkirk P. *The Great Game: on secret service in high Asia*. London: Butler & Tanner Ltd, 1990.
4. Lloyd George D. *War memoirs*. Vol. 6. Moscow: Gossocconomizdat, 1937. (In Russ)
5. Mironyuk SA. British policy of intervention in Russia (November 1917 – December 1919) as a factor of the civil war: stages and features. *Historical Bulletin*. 2024; 47: 318–381. (In Russ)
6. Denikin AI. *Essays on the Russian turmoil*. Moscow: Mysl, 1991. (In Russ)
7. Bezugolny AYU. *Peoples of the Caucasus and the Red Army (1918–1945)*. Moscow: Veche, 2007. (In Russ)
8. Kaimarazova LG., Kaimarazov GSh. On the question of the establishment of Soviet power in Dagestan and the formation of the Dagestan ASSR. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2018; 14(4): 63–77. (In Russ)
9. Dalgat EM. *The city and urban life in Dagestan in the second half of the 19th – early 20th centuries*. Makhachkala: Mavraev, 2015. (In Russ)
10. Shubert KK. Russian detachment of sailing vessels on the Caspian Sea. *The Navy in the White Struggle*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2002: 317–374. (In Russ)
11. Halpern P. *The Mediterranean Fleet, 1919–1929*. Vermont: Ashgate for the Navy Records Society, 2011.
12. Wright D. *Churchill's secret war with Lenin*. Solihull: Helion & Company, 2018.
13. Kinvig C. *Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918–1920*. London, New York: Hambledon Continuum, 2006.
14. Chokay M. *I am writing to you from Nogent*. Almaty: Kainar, 2001. (In Russ)
15. *The diary of P.N. Milyukov 1918–1920*. Moscow: ROSSPEN, 2005. (In Russ)
16. Kopisto L. *The British intervention in South Russia 1918–1920*. Academic dissertation. Helsinki, 2011.
17. Ivitsky GD. On the coast of the Caspian Sea during the Civil War. *Morskije Zapiski (Naval Records)*. 1945; 3(4): 184–192. (In Russ)
18. Idrisov YuM. Petrovsk at the turn of epochs. *Makhachkala: essays on the history and culture of the city. From the first archaeological finds to the beginning of the 21st century*. Rostov-on-Don, 2023: 50–74.
19. Norris D. Caspian Naval Expedition 1918–1919. *Journal of the Central Asian Society*. 1923; 10: 216–240.
20. Alikberov GA. *The Revolution and the Civil War in Dagestan*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1962. (In Russ)
21. Pylytsyn YuS. The detachment of Lazar Bicherakhov and the Terek uprising of 1918. *Regions of Russia in the military history of the country. Collection of materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference*. Yoshkar-Ola, 2020: 75–86. (In Russ)
22. Ivitsky GD. On the coast of the Caspian Sea during the Civil War. *Morskije Zapiski (Naval Records)*. 1945; 3(2): 51–63. (In Russ)
23. Kuban and the Volunteer Army in 1918–1919, intro, text prep., and comm. by V.G. Bortnevsky. *Russkoe Proshloe (The Russian Past)*. 1994; (5): 77–111. (In Russ)
24. Pavlinov PS. *E.E. Lansere in the Caucasus: an experience of reconstructing life and creativity*. Cand. Sci. Diss. Vol. I. Moscow, 2018. (In Russ)

25. Амбарцумян К.Р. Политика Англии на Большом Кавказе в 1918–1920 гг. в воспоминаниях А. Роулинсона и К. Бехгофера // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 296–312.
26. СССР и Индия / А.И. Хейфец, Г.Ф. Девяткин, А.И. Юнель и др.; Отв. ред. Г.Г. Котовский. М.: Наука, 1987. – 207 с.
27. Лишин Н.Н. На Каспийском море. Год белой борьбы/ Н.Н. Лишин. Прага: Морской журнал, 1938. – 190 с.
28. Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. События Гражданской войны в Дагестане (1918–1921 гг.) через призму комического (по воспоминаниям очевидцев) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 56–63.
29. Вагабов М.В. Дружба, закаленная в боях. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966. –149 с.
30. Гаджиев А.С. Большевики – организаторы борьбы трудящихся против Деникина в 1919–1920-е гг.: дисс... к.и.н. /А.С. Гаджиев. Махачкала, 1953. – 364 с.
31. Zürrer W. Kaukasien (1918–1921). Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1977. –736 p.
32. Дегоев В. Кавказ в XX веке: итоги, уроки, намеки истории // Россия XXI. 2017. № 6. С. 6–31.
25. Ambartsumyan KR. British policy in the Greater Caucasus in 1918–1920 in the memoirs of A. Rawlinson and C. Bechhofer. *Dialogue with Time*. 2018; 64: 296-312. (In Russ)
26. Khayfets AI., Devyatkin GF., Yunel AI. et al. *The USSR and India*, ed. by G.G. Kotovsky. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ)
27. Lishin NN. *On the Caspian Sea. A year of the White struggle*. Prague: Morskoy Zhurnal, 1938. (In Russ)
28. Kaimarazov GSh., Kaimarazova LG. Events of the Civil War in Dagestan (1918–1921) through the prism of the comic (according to eyewitness memoirs). *Manuscript*. 2019; 12(10): 56-63. (In Russ)
29. Vagabov MV. *Friendship forged in battle*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1966. (In Russ)
30. Gadzhiev AS. *Bolsheviks – organizers of the workers' struggle against Denikin in 1919–1920*. Cand. Sci. Diss. Makhachkala, 1953. (In Russ)
31. Zürrer W. *Kaukasien (1918–1921). Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer*. Düsseldorf, 1977.
32. Degoev V. The Caucasus in the 20th century: results, lessons, hints of history. *Russia XXI*. 2017; 6: 6-31. (In Russ)

Поступила в редакцию 10.09.2025

Принята в печать 03.11.2025

Опубликована 30.06.2026

Recieved 10.09.2025

Accepted 03.11.2025

Published 30.06.2026

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222313-325>

Исследовательская статья

Кириченко Дмитрий Александрович
к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник
Институт археологии и антропологии,
Национальная Академия Наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
dmakirichenko@mail.ru

О РАЗРУШЕННОМ ПОГРЕБЕНИИ КУРО-АРАКСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Аннотация. В статье рассмотрено разрушенное погребение эпохи ранней бронзы, расположенное близ с. Гилар (Ярдымлинский р-н, Азербайджанская Республика). Целью работы является исследование археологического и антропологического материала из данного захоронения. Погребение было выявлено в ходе строительных работ на земельном участке местного жителя. Материал из разрушенной могилы был передан автору статьи для изучения. Скелет находился в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Инвентарь был представлен двумя керамическими сосудами. Один из которых – чаша – находилась в изголовье. Второй сосуд, к сожалению, не сохранился. Погребение следует отнести к куро-аракской культурно-исторической общности и датировать приблизительно серединой IV тыс. до н.э. Погребение относится, вероятно, к типу захоронений – каменная циста (гробница). Антропологический материал исследован в соответствии с современными методиками, применяемыми как в физической антропологии, так и судебной медицине. В научную обработку череп поступил с фрагментом нижней челюсти и фрагментами костей посткраниального скелета неудовлетворительной сохранности. Человеческие останки принадлежали женщине, в возрасте около 45+. Череп долихокраний. На краниуме отмечено травматическое повреждение продолговатой овальной формы, размерами 36×17 мм, глубиной около 5 мм, без следов заживления. Удар был нанесен с большой силой. Вероятным орудием совершения смертельного ранения выступил топор. Из патологий отмечены: *button osteoma*, поротический гиперостоз, васкулярная реакция, *cribra orbitalia*. Впервые на антропологическом материале эпохи ранней бронзы с территории Азербайджана зафиксирована *regimortem* травма, а также доброкачественная опухоль – *button osteoma* такого большого диаметра – 22 мм. Обнаружение погребения эпохи ранней бронзы значительно расширяет наше представление о бытовании куро-аракской археологической культуры в горных регионах юго-восточного Азербайджана.

Ключевые слова: Азербайджан; археология; эпоха ранней бронзы; куро-аракская культурно-историческая общность; погребения; физическая антропология; травматические повреждения; палеопатология

Для цитирования: Кириченко Д.А. О разрушенном погребении куро-аракской культурно-исторической общности из юго-восточного Азербайджана // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 2. С. 313-325. doi.org/10.32653/CH222313-325

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222313-325>

Research paper

Dmitry A. Kirichenko,
Cand. Sci., Assoc. Prof., Leading Researcher
Institute of Archaeology and Anthropology, ANAS, Baku, Azerbaijan
dmakirichenko@mail.ru

EVIDENCE FROM A DISTURBED KURA-ARAXES BURIAL IN SOUTHEASTERN AZERBAIJAN

Abstract. This article examines a partially destroyed Early Bronze Age burial site located near the village of Gilar (Yardimli District, Republic of Azerbaijan). The study aims to analyze the archaeological and anthropological materials recovered from the site, which was accidentally discovered during construction work on private property. The skeleton was interred in a flexed position on its left side, with the cranium oriented toward the east. The remaining grave goods consist of a single ceramic bowl positioned at the head of the skeleton; a second vessel, unfortunately, did not survive. Based on the material culture and a probable stone-cist (tomb) typology, the burial is attributed to the Kura-Araxes cultural-historical community and dated to approximately the mid-fourth millennium BCE. The anthropological remains were analyzed using modern methods derived from both physical anthropology and forensic medicine. The skeletal material submitted for scientific processing included a cranium, a fragment of the mandible, and poorly preserved postcranial fragments. Osteological analysis indicates the remains belonged to a woman, approximately 45+ years of age, exhibiting a dolichocranial skull type. Notably, a perimortem traumatic injury – oblong-oval in shape, measuring 36×17mm and approximately 5 mm deep – was identified on the cranium. The fracture lacks any signs of osseous healing, indicating the blow was inflicted with immense force and that an axe was the likely weapon used to deliver the fatal wound. Observed paleopathologies include porotic hyperostosis, vascular reaction, cribra orbitalia, and a button osteoma. This find marks the first documented instance of a perimortem injury in Early Bronze Age anthropological material from Azerbaijan, as well as the first recorded case of a benign button osteoma of such a significant diameter (22 mm). Ultimately, the discovery of this burial significantly expands our understanding of the geographic extent and presence of the Kura-Araxes archaeological culture in the mountainous regions of southeastern Azerbaijan.

Keywords: Azerbaijan; archaeology; Early Bronze Age; Kura-Araxes cultural-historical community; burials; physical anthropology; traumatic injuries; paleopathology

For citation: Kirichenko D.A. A destroyed burial of the Kura-Araxes cultural-historical tradition in southeastern Azerbaijan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 313-325. doi.org/10.32653/CH222313-325

Введение

В конце июля 2025 г. во время осмотра археологических памятников Ярдымлинского района Азербайджанской Республики автору публикации местным краеведом, учителем английского языка М.Г. Самедовым была сообщена информация о том, что на земельном участке жителя с. Гилар М.А. Султанова во время строительных работ выявлены археологические артефакты и человеческие останки. Автор вместе со своим коллегой к.и.н., доц. А.М. Агаларзаде осмотрели место обнаружения захоронения.

Погребение было расположено (рис. 1) на склоне горы на высоте около 100 м от грунтовой дороги, ведущей в сторону г. Ярдымлы, в 1,7 км к югу от с. Гилар и в 10 км от г. Ярдымлы.

Целью данного исследования является изучение археологического и антропологического материалов эпохи ранней бронзы из разрушенного погребения. Особое внимание уделено отмеченному на черепе травматическому повреждению летального характера.

Изучение новых материалов из юго-восточной части Азербайджана является одной из важных задач, стоящих перед исследователями, ввиду того, что в этом регионе до сих пор было изучено очень мало археологических памятников. Особое внимание следует уделить и вопросам физической антропологии, до сих пор остававшихся вне поля зрения науки, ввиду отсутствия соответствующего материала. Травматические повреждения, а также другие патологии являются одним из показателей жизнедеятельности людей, а также влияния на них окружающей среды. Все эти особенности фиксируются впервые на палеоантропологических материалах столь ранней эпохи не только с территории юго-восточного, но и всего Азербайджана.

Материал и методика исследования

В ходе работы была исследована керамическая чаша, костные останки человека из разрушенного погребения, а также приведены интерпретация самого захоронения в пределах синхронных археологических памятников и культурная атрибуция памятника.

Краниологический материал был исследован в соответствии с методикой Р. Мартина [1; 2]. Половая принадлежность определена по морфологии строения черепа [2] и тазовой кости [3], возраст – на основе облитерации черепных швов и степени стертости зубов [4].

Патологические наблюдения осуществлены в соответствии с современными методиками, широко применяемыми в антропологических исследованиях [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Травматическое повреждение изучено согласно методикам, применяемым в современной судебной медицине [12; 13; 14] и палеопатологии [15; 5; 16; 17; 18; 19; 9; 20].

Описание материала исследования

При осмотре места обнаружения погребения была зафиксирована лишь одна стенка, представляющая собой часть скалы, а также плоский пол – также скальной породы. Со слов владельца участка М.А. Султанова, скелет располагался в скорченном положении на левом боку, лицевым отделом черепа, обращенным на восток. В захоронении из инвентаря присутствовали керамическая чаша, которая находилась в изголовье скелета, второй керамический сосуд располагался в ногах; к сожалению, он не сохранился, по словам информатора, это был горшок такого же цвета, что и чаша. Ниже приводим описание керамического сосуда – чаши, обнаруженной в захоронении.

Чаша (рис. 2) полусферической формы, бежево-коричневого цвета, лепная, дно плоское, ровное, в составе глины имеется примесь песка. Размеры: высота – 6 см; максимальная ширина корпуса – 11,2 см; диаметр венчика – 9,5 см; диаметр дна – 7,2 см.

Антропологический материал представлен черепом неудовлетворительной сохранности (отсутствует практически вся лицевая часть и основание краниума) с фрагментом нижней челюсти, а также костями посткраниального скелета – фрагментами берцовой, локтевой и тазовой костей.

Череп (рис. 3) – долихокранный (указатель – 71,9), принадлежал, предположительно, женщине, на момент смерти в возрасте около 45+ лет, характеризуется средним (173,7 мм) продольным, очень малым поперечным (125 мм) и очень большим (120 мм) высотным (от *po*) диаметрами мозговой коробки. Лоб узкий (87 мм). Лицо очень узкое (110 мм), хорошо профилированное на верхнем уровне (129.7°).

На лобной кости слева отмечен вдавленный дефект продолговатой овальной формы (рис. 4) диаметром – 17 мм, высотой – 36 мм, глубиной – 5 мм, идентифицированный, как травматическое повреждение. Общая зона поражения в длину составляет 40 мм.

На краниуме помимо травматического повреждения отмечен ряд патологий. В частности, на затылочной кости слева имеется доброкачественная опухоль – *button osteoma*, диаметром 22 мм (рис. 5; рис. 6, 7). На черепе присутствуют следы поротического гиперостоза (рис. 6, 5), васкулярной реакции (рис. 6, 3), а также незначительно выраженная *cribra orbitalia* (рис. 6, 8). На краниуме отмечены и дискретно-варьирующие признаки – *foramen frontale* (рис. 6, 1), *foramen supraorbitale* (рис. 6, 1a), *sutura supranasale* (рис. 6, 2), *foramen parietale* (рис. 6, 4), *os sutura lambdoidea* (рис. 6, 6).

Обсуждение

Археологический материал. Погребальный обряд населения куро-аракской культурно-исторической общности (КИО) был разнообразным по мере ее распространения, это были – грунтовые погребения, курганы, подковообразные склепы, каменные ящики-цисты (гробницы) и склепы [21; 22; 23]. Разрушенное погребение из с. Гилар, следует, очевидно, отнести к каменным ящикам-цистам, которое было образовано скальными обнажениями, сформировавшими боковую стенку и дно, остальные части, по-видимому, представляли собой скальные плиты, раздробленные фрагменты которых были обнаружены чуть ниже захоронения, на склоне и у подножия горы.

В Ярдымлинском районе Азербайджана куро-аракские погребальные памятники представлены пока лишь подкурганскими захоронениями [24; 25]. В целом, археологические памятники куро-аракской КИО в юго-восточном регионе Азербайджанской Республики пока еще малоисследованы. Помимо курганов на яйлаге Команы (Ярдымлинский район) известны лишь Тельманкендские курганы [26] в Астарином районе, а из поселений – Мишарчай I, II, III в Джагилабадском районе [27].

Возможно, разрушенное захоронение около с. Гилар представляет собой новый региональный вариант погребений эпохи ранней бронзы, когда могила для усопшей была устроена не только по типу каменной цисты, но было и своего рода «скальным» захоронением.

О присутствии куро-аракских племен в горной части Талыша косвенно могут свидетельствовать и случайно обнаруженные в ходе сельскохозяйственных работ на земельном участке жителя с. Ханбулаг (Ярдымлинский район АР) – учителя местной школы И.И. Исаева, фрагменты переносного керамического очага-подставки подковообразной формы, а также фрагмента миски (неопубликованные материалы Д.А. Кириченко и А.М. Агаларзаде).

Чаши являлись одной из распространенных форм посуды куро-аракской КИО [21, с. 46]. Аналогии чаше из погребения около с. Гилар следует искать на юге, на археологических памятниках северо-западного Ирана (рис. 7). В частности, на поселениях Яныктепе [28; 29] и Гейотепе [30] в куро-аракских напластованиях были обнаружены сосуды похожей формы, но они (рис. 8, 2–4) немного отличались от нашего экземпляра (рис. 8, 1) обжигом, цветом изделий (серый) и формой – чаша из Гилара имеет немного загнутый внутрь борт. Цвет чаши из с. Гилар больше соответствует цвету изделий южно-кавказских образцов раннего периода существования куро-аракской КИО (сер. IV тыс. до н.э.).

Антропологический материал. При визуальном наблюдении костный дефект на левой стороне лобной кости краниума женщины из захоронения Гилар представляет собой травму – вдавленный компрессионный перелом, относящийся, к так называемым *perimortem trauma* – травмам, совершенным накануне и /или в момент смерти. О значительной силе удара свидетельствует тот факт, что при нанесении ранения кость сильно вдавилась, сломалась и из зоны повреждения пошли трещины и сколы. Вдавление наблюдается также и на внутренней поверхности кости черепа в области дефекта. При ударе, вероятно, наступила мгновенная смерть, либо же женщина скончалась в небольшой промежуток

времени после ранения. Следов заживления в области костного дефекта не обнаружено. Возможным орудием нанесения травмы мог быть топор.

Топоры в большом количестве обнаружены на памятниках куро-аракской культурно-исторической общности. Они представлены несколькими видами, изготовлены как из камня, так и бронзы [21]. Орудием убийства мог быть, предположительно, как каменный топор клиновидной формы, так и бронзовый проушный топор.

На территории Кавказа *perimortem* травмы, относящиеся к периоду ранней бронзы, насколько нам известно, в антропологической литературе не описаны.

В эпоху халколита травматическое повреждение – вдавленный перелом без следов заживления зафиксирован на черепе мужчины (7Г) из Великента (поселение Великент II, нижний слой; по указанию Р.Г. Магомедова – начальный период ранней бронзы). Характер травмы свидетельствует о получении удара в момент или незадолго до смерти [31, с. 26]. Травмы летального характера были зафиксированы в синхронное время на археологических памятниках Ближнего Востока (рис. 9). В частности, для территории Анатолии и Северной Месопотамии летальный характер ранений в период ранней бронзы был отмечен на черепах людей из Арслантепе, Икизтепе, Харманйорен, Караташ, Сарыкет-Демирчигуюк, Титриш Гуюк [32, р. 85], Башур Гуюк [33], Царского кладбища Ура [34]. Травматические повреждения были представлены проникающими ранениями, рубленными и вдавленными компрессионными переломами [32; 33; 34].

Вдавленные компрессионные переломы без следов заживления были зафиксированы в погр. 216 на Арслантепе, в слоях, относящихся к куро-аракской КИО [32]. Количество предсмертных ранений достигает 15 на 8 черепах из погр. 216. Все они округлой или овальной формы, диаметром от 27,5 до 52 мм. Компрессионные вдавленные переломы с летальным исходом зафиксированы: на левой теменной кости черепа женщины отмечено округлое вдавление диаметром 30 мм (рис. 10, 1) [35, р. 311]; на левом теменном бугре черепа мужчины отмечена травма округлой формы (рис. 10, 2), размерами 32,5×28,5 мм, образовавшаяся от удара тупым предметом, с концентрическими линиями перелома [32, fig. 2]; на левой теменной кости мужчины имеется овальное вдавление (рис. 10, 3) диаметром 27,5 мм [32, р. 313].

Характер формы и последствий травматических повреждений на черепах из Арслантепе и Гилара, возможно, свидетельствуют о схожести типов оружия, которым они наносились. Это неудивительно, учитывая общую культурную принадлежность людей, относящихся к куро-аракской КИО.

На черепе молодого мужчины (гробница PG 789) и молодой женщины (гробница PG 1237) из погребений Царского кладбища Ура отмечены округлые травматические повреждения, диаметром около 30 мм, которые можно отнести к вдавленным компрессионным переломам. Ранение было нанесено, вероятно, тупым предметом, предположительно, бронзовым киркообразным/пиковидным топором-чеканом [33].

На территории Леванта *perimortem* травма отмечена на черепе человека из погребения эпохи ранней бронзы (ЕВА IA) в Баб эд-Дра (Bab edh-Dhra', Иордания). Характер смертельного повреждения представлял собой рубленную травму [36, р. 400]. На расстоянии около 70 км южнее Баб эд-Дра в погребении Вади Файнан 100 (Wadi Faynan 100, Иордания) раннебронзового времени (ЕВА IB, 3600–3000 BC) зафиксировано рубленное ранение фатального характера на левой верхней челюсти человека [37, fig. 11. A–B].

Button osteoma – доброкачественная опухоль, отмеченная на затылочной кости женщины из Гилара, является своего рода уникальной, учитывая ее размеры. Ее размер – 22 мм – несколько впечатляет, подобные случаи в палеоантропологической литературе пока не описаны и неизвестны. Под остеомой подразумевают вид доброкачественной опухоли, образующейся на костях. Она состоит из высокодифференцированной костной ткани, имеет благоприятное течение, без агрессивного роста. Образование не становится злокачественным, не поражает соседние ткани (не считая вероятности механического сдавливания при разрастании опухоли) и не метастазирует. Появляется обычно в возрасте 5–20 лет. Относительно причин возникновения существуют две теории: они формируются из остатков эмбрионального хряща или из периоста зрелой кости. В ряде случаев возникновение остеом связывают с перенесенными воспалительным процессом или травмой. Считается, что развитию остеом также способствуют: травмы; переохлаждение; воспаление и перенесенные инфекции; некоторые заболевания (ревматизм, подагра, сифилис); генетическая предрасположенность. Остеома может долго не давать

о себе знать и не мешать, но если она вырастает слишком большой, то начинает давить на соседние ткани и кости, от чего появляется соответствующая симптоматика¹.

В описываемом случае, остеома расположена на затылочной кости, что приводило к частым головным болям и эпилептическим припадкам². Доброкачественные *button osteoma* были отмечены пока лишь на палеоантропологических материалах периода поздней бронзы – раннего железа с территории Азербайджана [38]. Находки таких патологий на материалах более раннего периода на Кавказе отсутствуют. Нам неизвестны также и публикации подобных случаев с территории Ближнего Востока, как синхронного, так и более позднего периодов.

Cribra orbitalia – индикатор анемии, проявляющийся в присутствии небольших отверстий на внутреннем крае глазниц, является результатом компенсаторного ответа организма направленным на повышенную выработку красных телец в условиях железодефицита. Известно несколько основных факторов, способствующих развитию железодефицитной анемии: климат, география, гигиена, питание, эпохальная изменчивость и хозяйственный уклад [31, с. 27]. Многие исследователи показывают, что *cribra orbitalia* (поротический гиперостоз верхней стенки глазницы) чаще встречается у женщин, нежели у мужчин, и объясняют это последствиями анемии, связанной с менструацией, беременностью и деторождением, а также вскармливанием младенцев [39, с. 154].

Трудно с уверенностью судить, что послужило проявлением этого «недуга» у женщины из Гилар, не исключаются многие приведенные выше факторы, а также, возможно, что это заболевание, как и в случае его присутствия у людей из Великента II [31], носило индивидуальную особенность.

На Кавказе для эпохи ранней бронзы Великента была приведена аргументация о связи признаков с серповидно-клеточной анемией или талассемией в зоне распространения малярийного плазмодия [40, с. 110].

Поротический гиперостоз (ПГ) представляет собой мелкие отверстия (поры) на поверхности костей черепа и рассматривается в качестве остеологического маркера, важного для оценки уровня физиологического стресса в детстве. Хотя ПГ не является симптомом каких-то определенных заболеваний, его частота дает ценную информацию о здоровье и статусе питания человеческих популяций [39, с. 151].

В нашем распоряжении пока мало антропологических материалов с территории Азербайджана, чтобы можно было провести подробное исследование проявления поротического гиперостоза и распространения анемии в древних популяциях.

Заключение

Погребальный обряд куро-аракской КИО в регионе Талышских гор был до сих пор представлен лишь подкурганскими захоронениями. Разрушенное погребение около с. Гилар, вероятно, является новым типом захоронений этого региона и представляет каменную цисту, частично вырубленную в скальном массиве. Аналогии чаши из погребения Гилар встречаются на памятниках северо-западного Ирана. Отличие артефакта от них состоит в цвете (обжиге) самого изделия, который сближает его с керамикой куро-аракской КИО Южного Кавказа.

Травматическое повреждение, отмеченное на лобной кости женщины, является пока единственным такого рода ранением со смертельным исходом – *perimortem* травмой, относящимся к эпохе ранней бронзы и известным не только на территории Азербайджана, но и Кавказа, в целом.

Летальные травмы, как было отмечено выше, были зафиксированы у населения куро-аракской КИО Восточной Анатолии (Арслантепе). Характер их был схож с травмой на черепе женщины из Гилара, что предполагает общий тип оружия, с помощью которого они были нанесены – каменный клиновидный или бронзовый проушный топор. На черепе отмечена также доброкачественная опухоль (*button osteoma*), размер которой, в настоящее время, является наиболее крупным из известных на территории Кавказа, а также, возможно, и Ближнего Востока.

Новые археологические и антропологические материалы из района Талышских гор дополняют наши представления о погребальном обряде и облике населения куро-аракской КИО, его связях с близлежащими регионами Ирана и Анатолии.

¹ Остеома // URL: <https://oncology-spb.ru/zabolevaniya/drugie-lokalizatsii/osteoma> (Дата обращения: 26.09.2025 г.).

² Там же.

Финансирование. Данная работа выполнена при финансовой поддержке Фонда науки Азербайджана, грант № AEF-MGC-2024-2(50)-16/16/5-M-16 «Биоархеологическое изучение человеческих останков, выявленных в ходе археологических раскопок, и создание Лаборатории биологической антропологии на базе Института археологии и антропологии НАНА».

Благодарности. Автор выражает свою благодарность и признательность А.М. Агаларзаде, М.Г. Самедову, Ф.Р. Махмудову и М.А. Султанову.

Funding. This work was supported by the Azerbaijan Science Foundation under Grant No AEF-MGC-2024-2(50)-16/16/5-M-16 ("Bioarchaeological study of human remains discovered during archaeological excavations and creation of a Biological Anthropology Laboratory at the base of the Institute of Archaeology and Anthropology ANAS").

Acknowledgments. The author expresses his sincere gratitude and appreciation to A.M. Aghalarzade, M.G. Samedov, F.R. Mahmudov, and M.A. Sultanov.

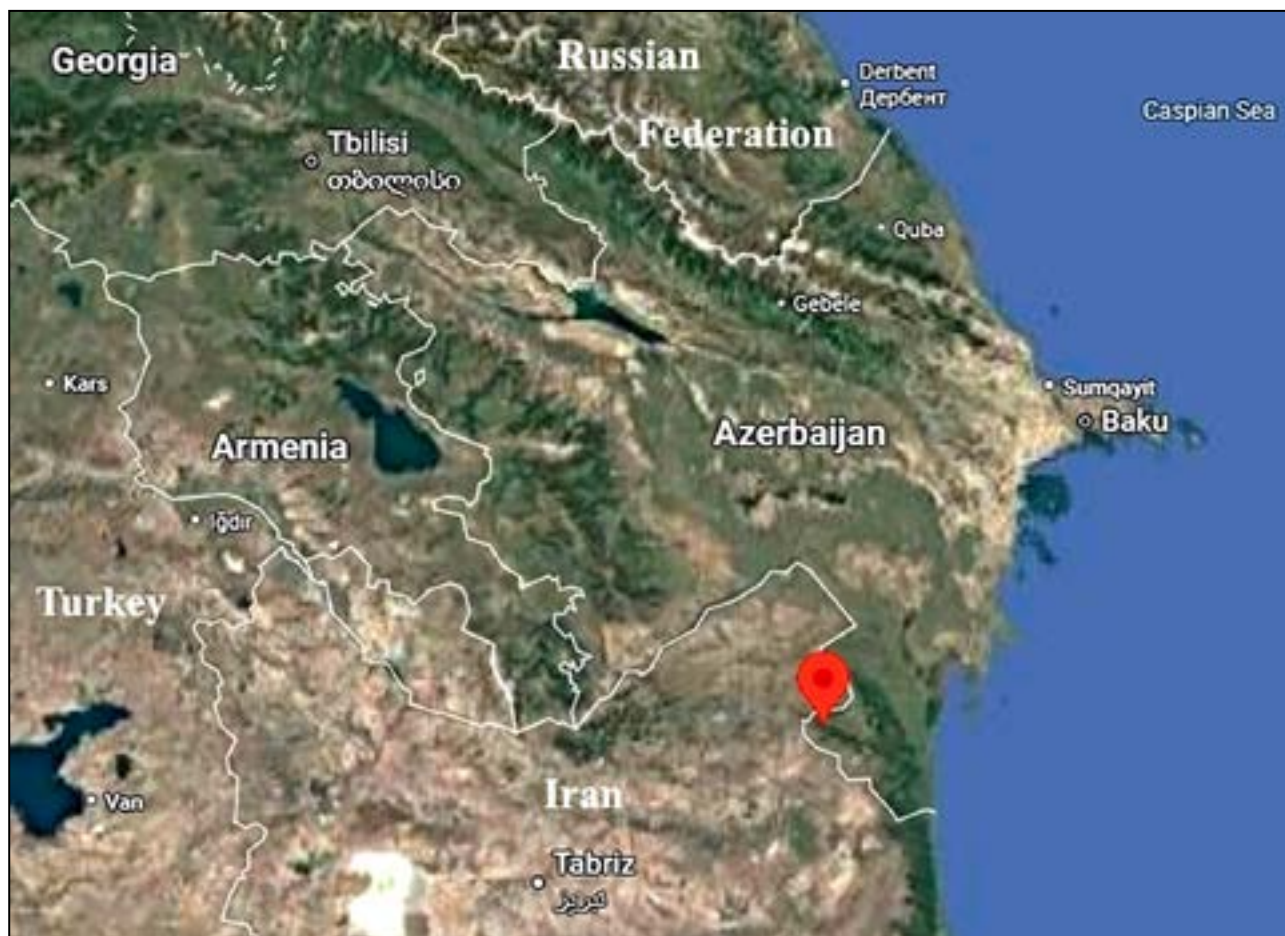


Рис. 1. Локализация погребения

Fig. 1. Geographical distribution of a burial



Рис. 2. Чаша из разрушенного погребения. Фото автора

Fig. 2. Cup from a destroyed burial. Photo by author



Рис. 3. Женский череп из разрушенного погребения. Фото автора

Fig. 3. Female skull from a destroyed burial. Photo by author



Рис. 4. Травматическое повреждение на женском черепе из Гилар. 1 – Вид снаружи; 2 – Вид изнутри. Фото автора

Fig. 4. Traumatic injury at female skull from Ghilar. 1 – outside view; 2 – inside view. Photo by author



Рис. 5. Доброкачественная опухоль на женском черепе из Гилар. Фото автора

Fig. 5. Button osteoma at female skull from Ghilar. Photo by author



Рис. 6. Патологии и дискретно-варьирующие признаки на женском черепе из Гилар. 1 – Foramen frontale; 1a – Foramen supraorbitale; 2 – Sutura supranasale; 3 – Васкулярная реакция; 4 – Foramen parietale; 5 – Поротический гиперостоз; 6 – Os suturae lambdoidea; 7 – Доброкачественная опухоль; 8 – Cribra orbitalia. Фото автора

Fig. 6. Pathologies and non-metrics traits at female skull from Ghilar. 1 – Foramen frontale; 1a – Foramen supraorbitale; 2 – Sutura supranasale; 3 – Vascular reaction; 4 – Foramen parietale; 5 – Porotic hyperostosis; 6 – Os suturae lambdoidea; 7 – Button osteoma; 8 – Cribra orbitalia. Photo by author



Рис. 7. Археологические памятники. 1 – Гилар; 2 – Яныктепе; 3 – Геойтепе

Fig. 7. Archaeological sites. 1 – Ghilar; 2 – Yanik Tepe; 3 – Geoy Tepe

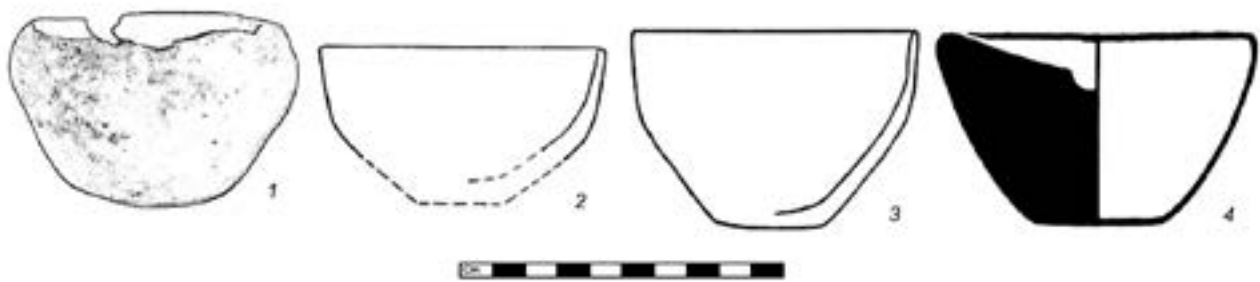


Рис. 8. Чаши: 1 – Гилар; 2-3 – Геоитепе [30, fig. 11.681, fig. 12.479]; 4 – Янык Тепе [28, plate LXXIV.57]

Fig. 8. Cups: 1 – Ghilar (present edition); 2-3 – Geoy Tepe [30, fig. 11.681, fig. 12.479]; 4 – Yanik Tepe [28, plate LXXIV.57]



Рис. 9. Археологические памятники с травмами летального характера: 1 – Сарыкет/Демирчигойук; 2 – Харманйорен; 3 – Караташ; 4 – Икизтепе; 5 – Арслантепе; 6 – Титриш Гуюк; 7 – Башур Гуюк; 8 – Баб эдх-Дхра; 9 – Вад Файнан 100; 10 – Гилар; 11 – Ур

Fig. 9. Archaeological sites with fatal traumas: 1 – Sariket/Demirchihöyük; 2 – Harmanören; 3 – Karatash; 4 – İkiztepe; 5 – Arslantepe; 6 – Titriş Höyük; 7 – Başur Höyük; 8 – Bab edh-Dhra; 9 – Wadi Faynan 100; 10 – Ghilar; 11 – Ur



Рис. 10. Травматические повреждения на черепах из Арслантепе: 1 – женский череп (Cr2); 2 – мужской череп (Cr3); 3 – мужской череп (Cr12). [35, fig. 2. b, c, f]

Fig. 10. Traumatic injuries at skulls from Arslantepe: 1 – female skull (Cr2); 2 – male skull (Cr3); 3 – male skull (Cr12). [35, fig. 2. b, c, f]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Martin R., Saller K. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung, mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden. Bd. I. Stuttgart: G. Fischer, 1957. – 518 p.
2. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропометрических исследований. М.: Наука, 1964. – 128 с.
3. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. – 251 с.
4. Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas. Arkansas archaeological research series. 44. Indianapolis: Western Newspaper Company, 1994. – 206 p.
5. Бужилова А.П. Древнее население: (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. – 198 с.
6. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях / Историческая экология человека. Методика биологических исследований / под ред. А.П. Бужилова, М.В. Козловская, М.Б. Медникова. М.: Старый Сад, 1998. С. 87–147.
7. Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 478 p.
8. Hošovskí E., Mikič Ž. Paleopatologija čoveka ilustrovana nalazima sa područja centralnog Balkana. Užice: Narodni muzej Užice, 1995. – 219 p.
9. Ortner D.J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. London: Academic Press, 2003. – 645 p.
10. Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Adline Publishing Company, 1978. – 116 p.
11. Waldron T. Paleopathology. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 298 p.
12. Крюков В.Н. Судебная медицина. М.: Медицина, 1998. – 464 с.
13. Sauer N.J. The Timing of Injuries and Manner of Death: Distinguishing Among Antemortem, Perimortem, and Postmortem Trauma. / Forensic Osteology Advances in the Identification of Human Remains. 2nd ed. (K. Reichs (eds.)). Springfield: Charles C. Thomas, 1997. P. 321–332.
14. Çeker D. İnsan iskeletlerinde travma çeşitleri ve özellikleri / D. Çeker, A. Sevim Erol, G. Plümer Küçük. Adli Antropoloji ve Kimliklendirme – Sahada ve Laboratuvarda Popüler Metodlar. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 2022. S. 235–260.
15. Мамонова Н.Н. Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V–III вв. до н.э.) // Российская археология. 1997. № 4. С. 108–121.
16. Балабанова М.А., Перерва Е.В. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов. / Вооружение Сарматов: региональная типология и хронология. (Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров (отв. ред.)). Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2007. С. 173–181.
17. Ражев Д.И. Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: Распространение, структура, интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 56–69.
18. Балабанова М.А., Перерва Е.В. Травмы как свидетельство вооруженного насилия: (по материалам могильников сарматского времени Нижнего Поволжья и Нижнего Дона) // Stratum plus. 2019. 4. С. 321–342.
19. Lovell N.C. Trauma analysis in paleopathology // Yearbook of Physical Anthropology. 1997. 40. P. 139–170.
20. Knüsel C.J. The physical evidence of warfare- subtle stigmata? / Warfare, Violence, and Slavery: Proceedings of a Prehistoric Society conference at Sheffield University (M. Parker Pearson, I.J.N. Thorpe (eds.)). Oxford: BAR Publishing, 2005. P. 49–65.

REFERENCES

1. Martin R., Saller K. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung, mit besonderer Berücksichtigung der anthropologischen Methoden. Bd. I. Stuttgart: G. Fischer, 1957.
2. Alekseev V.P., Debets G.F. Craniometry. Methodology of anthropometric research. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ)
3. Alekseev V.P. Osteometry. Methodology of anthropological research. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)
4. Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas. Arkansas Archaeological Research Series, 44. Indianapolis: Western Newspaper Company, 1994.
5. Buzhilova A.P. Ancient population: (paleopathologic aspects of research). Moscow: IA RAN, 1995. (In Russ)
6. Buzhilova A.P. Paleopathology in bioarchaeological reconstructions. Historical Human Ecology. Methodology of Biological Research, A.P. Buzhilova, M.V. Kozlovskaya, M.B. Mednikova (eds.). Moscow: Staryi Sad, 1998: 87–147. (In Russ)
7. Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
8. Hošovskí E., Mikič Ž. Paleopatologija čoveka ilustrovana nalazima sa područja centralnog Balkana. Užice: Narodni muzej Užice, 1995.
9. Ortner D.J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. London: Academic Press, 2003.
10. Ubelaker D.H. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Chicago: Adline Publishing Company, 1978.
11. Waldron T. Paleopathology. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
12. Kryukov V.N. Forensic medicine. Moscow: Meditsina, 1998. (In Russ)
13. Sauer N.J. The timing of injuries and manner of death: distinguishing among antemortem, perimortem, and postmortem trauma. Forensic Osteology: Advances in the Identification of Human Remains. 2nd ed., K. Reichs (ed.). Springfield: Charles C. Thomas, 1997: 321–332.
14. Çeker D., Sevim Erol A., Plümer Küçük G. Types and characteristics of trauma in human skeletons. Forensic Anthropology and Identification – Popular Methods in the Field and Laboratory. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 2022: 235–260.
15. Mamonova N.N. Combat injuries on skulls from the Ulan-gom burial ground (5th–3rd centuries BC). Russian Archaeology. 1997; 4: 108–121. (In Russ)
16. Balabanova M.A., Pererva E.V. Identification of weapon types by combat trauma among the Sarmatians. Armament of the Sarmatians: Regional Typology and Chronology, L.T. Yablonsky, A.D. Tairov (eds.). Chelyabinsk: CSU Publ., 2007: 173–181. (In Russ)
17. Razhev D.I. Skull traumas of the medieval population of Western Siberia: distribution, structure, interpretation. Vestnik of Archeology, Ethnography and Anthropology. 2013; 21(2): 56–69. (In Russ)
18. Balabanova M.A., Pererva E.V. Trauma as evidence of armed violence: (based on materials from the burial grounds of the Sarmatian period of the Lower Volga and Lower Don). Stratum Plus. 2019; (4): 321–342. (In Russ)
19. Lovell N.C. Trauma analysis in paleopathology. Yearbook of Physical Anthropology. 1997; 40: 139–170.
20. Knüsel C.J. The physical evidence of warfare- subtle stigmata? Warfare, Violence, and Slavery: Proceedings of a Prehistoric Society Conference at Sheffield University, M. Parker Pearson, I.J.N. Thorpe (eds.). Oxford: BAR Publishing, 2005: 49–65.
21. Munchaev R.M. The Kura-Araxes culture. The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. The Early and Middle Bronze Age of the Caucasus, O.M. Dzhaparidze, K.H. Kushnareva, V.I.

21. Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура / Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа (О.М. Джапаридзе, К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин, Т.К. Микеладзе, Р.М. Мунчаев (ред.). М.: Наука, 1994. С. 8–57.
22. Palumbi G. The Red and Black Social and Cultural Interaction between the Upper Euphrates and the Southern Caucasus Communities in the Fourth and Third Millennium BC. Roma: Grafica Cristal, 2008. – 343 p.
23. Poulmarc'h M., Pecqueur L., Jalilov B. An overview of Kura-Araxes funerary practices in the Southern Caucasus // *Paléorient*. 2014. 40-2. P. 231–246.
24. Агаларзаде А.М., Кириченко Д.А. Курганы Команы // Вестник Музея Археологии и Этнографии Пермского Предуралья. 2018. VIII. С. 16–20.
25. Агаларзаде А.М. Подкурганные захоронения раннего бронзового века горной зоны юго-восточного Азербайджана // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 2. С. 387–402. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH172387-402>
26. Mahmudov F.R. Astara rayonundaki ilk tunc dövrü kurqanları haqqında // Материальная культура Азербайджана. 1987. X. С. 16–20.
27. Махмудов Ф.Р. Культура юго-восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку: Nafta-Press, 2008. – 216 с.
28. Burney C.A. Excavations at Yanik Tepe, North-West Iran // *Iraq*. 1961. Vol. 23. No. 2. P. 138–153.
29. Burney C.A. The Excavations at Yanik Tepe, Azerbaijan, 1961 Second Preliminary Report // *Iraq*. 1962. Vol. 24. No. 2. P. 134–152.
30. Burton Brown T. Excavations in Azerbaijan, 1948. London: John Murray (Publishers) Ltd., 1951. – 279 p.
31. Медникова М.Б., Бужилова А.П., Добровольская М.В., Лебединская Г.В. Антропологические материалы из Великента (Раскопки 1995–1998 гг.) // Российская археология. 2007. № 3. С. 19–29.
32. Erdal Y.S., Erdal Ö.D. Organized violence in Anatolia: A retrospective research on the injuries from the Neolithic to Early Bronze Age // *International Journal of Paleopathology*. 2012. 2. P. 78–92.
33. Hassett B., Sağlamtimur H. Radical 'royals'? Burial practices at Başur Höyük and the emergence of early states in Mesopotamia // *Antiquity*. 2018. 92(363). P. 640–654. <https://doi.org/10.15184/aqu.2018.63>
34. Baadsgaard A., Monge J., Cox S., Zettler R.L. Human sacrifice and intentional corpse preservation in the Royal Cemetery of Ur // *Antiquity*. 2011. 85(327). P. 27–42.
35. Erdal Y.S. The population replacement at Arslantepe: reflections on the human remains // *Orini*. XXXIV. 2012. P. 301–316.
36. Gasperetti M.A., Sheridan S.G. Cry Havoc: Interpersonal Violence at Early Bronze Age Bab edh-Dhra' // *American anthropologist*. 2013. Vol. 115. No. 3. P. 388–410. DOI: [10.1111/aman.12024](https://doi.org/10.1111/aman.12024)
37. Viera O. Skeletal Trauma Analysis of an Early Bronze Age Population at Wadi Faynan 100, Jordan. Ontario: The University of Waterloo, 2025. – 95 p.
38. Кириченко Д.А. Антропологические материалы из Хошбулага (Азербайджанская Республика) // Археология Казахстана. 2022. № 4 (18). С. 133–149. DOI: <https://doi.org/10.52967/akz2022.4.18.133.149>
39. Ли Хэджин, Хонг Джонха, Слеченко С.М., Шин Донхун. Поротический гиперостоз в краниологических сериях аборигенов Сибири, русских переселенцев XVI–XIX веков и корейцев эпохи Чосон // Археология, антропология и этнография Евразии. 2022. Т. 50. № 2. С. 150–156. doi:10.17746/1563-0102.2022.50.2.150-156
40. Медникова М.Б. Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока. М.: Club Print, 2017. – 223 с.
- Markovin, T.K. Mikeladze, R.M. Munchaev (eds.). Moscow: Nauka, 1994: 8–57. (In Russ)
22. Palumbi G. *The Red and Black: social and cultural interaction between the Upper Euphrates and the Southern Caucasus communities in the fourth and third millennium BC*. Roma: Grafica Cristal, 2008.
23. Poulmarc'h M., Pecqueur L., Jalilov B. An overview of Kura-Araxes funerary practices in the Southern Caucasus. *Paléorient*. 2014; 40(2): 231–246.
24. Agalarzade AM., Kirichenko DA. Barrows of Komany. *Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals*. 2018; 8: 16–20. (In Russ)
25. Agalarzade AM. Under-barrow burials of the Early Bronze Age in the mountainous zone of south-eastern Azerbaijan. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2021; 17(2): 387–402. DOI: [10.32653/CH172387-402](https://doi.org/10.32653/CH172387-402). (In Russ)
26. Mahmudov FR. On the Early Bronze Age kurgans in the Astara district. *Material Culture of Azerbaijan*. 1987; 10: 16–20.
27. Makhmudov FR. *The culture of south-eastern Azerbaijan in the Bronze and Early Iron Ages*. Baku: Nafta-Press, 2008. (In Russ)
28. Burney CA. Excavations at Yanik Tepe, North-West Iran. *Iraq*. 1961; 23(2): 138–153.
29. Burney CA. The excavations at Yanik Tepe, Azerbaijan, 1961: second preliminary report. *Iraq*. 1962; 24(2): 134–152.
30. Burton Brown T. *Excavations in Azerbaijan, 1948*. London: John Murray (Publishers) Ltd., 1951.
31. Mednikova MB., Buzhilova AP., Dobrovolskaya MV., Lebiedinskaya GV. Anthropological materials from Velikent (Excavations of 1995–1998). *Russian Archeology*. 2007; (3): 19–29. (In Russ)
32. Erdal Y.S., Erdal Ö.D. Organized violence in Anatolia: a retrospective research on the injuries from the Neolithic to Early Bronze Age. *International Journal of Paleopathology*. 2012; 2: 78–92.
33. Hassett B., Sağlamtimur H. Radical 'royals'? Burial practices at Başur Höyük and the emergence of early states in Mesopotamia. *Antiquity*. 2018; 92(363): 640–654. DOI: [10.15184/aqu.2018.63](https://doi.org/10.15184/aqu.2018.63).
34. Baadsgaard A., Monge J., Cox S., Zettler R.L. Human sacrifice and intentional corpse preservation in the Royal Cemetery of Ur. *Antiquity*. 2011; 85(327): 27–42.
35. Erdal YS. The population replacement at Arslantepe: reflections on the human remains. *Orini*. 2012; 34: 301–316.
36. Gasperetti MA., Sheridan SG. Cry havoc: interpersonal violence at Early Bronze Age Bab edh-Dhra'. *American Anthropologist*. 2013; 115(3): 388–410. DOI: [10.1111/aman.12024](https://doi.org/10.1111/aman.12024).
37. Viera O. *Skeletal trauma analysis of an Early Bronze Age population at Wadi Faynan 100, Jordan*. Ontario: The University of Waterloo, 2025.
38. Kirichenko DA. Anthropological materials from Khoshbulag (Republic of Azerbaijan). *Archaeology of Kazakhstan*. 2022; 18(4): 133–149. DOI: [10.52967/akz2022.4.18.133.149](https://doi.org/10.52967/akz2022.4.18.133.149). (In Russ)
39. Lee H., Hong J., Slepchenko S.M., Shin D. Porotic hyperostosis in craniological series of indigenous peoples of Siberia, Russian settlers of the 16th–19th centuries, and Koreans of the Joseon Dynasty. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2022; 50(2): 150–156. DOI: [10.17746/1563-0102.2022.50.2.150-156](https://doi.org/10.17746/1563-0102.2022.50.2.150-156). (In Russ)
40. Mednikova MB. *Bioarchaeology of childhood in the context of early farming cultures of the Balkans, Caucasus and Middle East*. Moscow: Club Print, 2017. (In Russ)

Поступила в редакцию 08.10.2025

Принята в печать 11.11.2025

Опубликована 30.06.2026

Received 08.10.2025

Accepted 11.11.2025

Published 30.06.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222326-341>

Исследовательская статья

Ендольцева Екатерина Юрьевна
д.иск., ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
kat345@yandex.ru

Глазов Константин Анатольевич
младший научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
paradoxsochi@yandex.ru

АЛТАРНАЯ ПРЕГРАДА ЦЕРКВИ В СЕЛЕ ВЕСЕЛОЕ (АДЛЕРСКИЙ Р-Н БОЛЬШОГО СОЧИ): ПОПЫТКА ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация. Исследование посвящено принципам реконструкции алтарной преграды церкви в селе Веселое Адлерского района Большого Сочи. Руины церкви, преимущественно сохранившиеся на уровне фундамента, были исследованы в ходе археологических работ в зоне строительства объектов XXII Зимних Олимпийских игр. В ходе раскопок были выявлены и обнародованы шестнадцать фрагментов архитектурной декорации, среди которых есть уникальные артефакты, позволяющие выдвинуть гипотезу о первоначальном виде преграды. Фрагмент тябла с изображением «Даниила во львином рву» намекает на тип алтарных преград, характерных для Греции и Малой Азии в X – начале XI в. Это предположение подкрепляют и другие детали: предполагаемые навершия столбиков для навешивания дверец, части восьмигранных колонок от верхней половины столбиков алтарной преграды, орнаментированный плетеными орнаментами квадратный в сечении фрагмент от их нижней части и др. Для реконструкции внешнего вида преграды было отобрано 10 фрагментов резной декорации, оцифрованные с помощью фотограмметрии и прямого 3-D моделирования, которые легли в основу итоговой модели. Общие пропорции преграды выстроены, исходя из масштабированного плана здания, статистики размеров алтарных преград Греции и Малой Азии средневизантийского периода, антропометрических показателей и т.д. Получившаяся модель, интегрированная в созданную ранее 3-D реконструкцию храма в с. Веселое, демонстрирует причудливый симбиоз византийской по типу конструкции с некоторыми специфически кавказскими чертами (изображение «Даниила в львином рву» на нижней грани трапециевидного в разрезе тябла).

Ключевые слова: Абхазское царство; Большой Сочи; архитектурная декорация; средневизантийский период; алтарная преграда

Для цитирования: Ендольцева Е.Ю., Глазов К.А. Алтарная преграда церкви в селе Веселое (Адлерский р-н Большого Сочи): попытка виртуальной реконструкции // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 2. С. 326-341. doi.org/10.32653/CH222326-341

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222326-341>

Research paper

Ekaterina Yu. Endoltseva
Dr. Sci. (Art), Leading Researcher
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
kat345@yandex.ru

Konstantin A. Glazov
Junior Researcher
Subtropical Scientific Center, RAS, Sochi, Russia
paradoxsochi@yandex.ru

THE ALTAR SCREEN OF THE CHURCH IN VESYOLOYE VILLAGE: AN ATTEMPT AT VIRTUAL RECONSTRUCTION

Abstract. This study examines the principles of reconstructing the altar screen of a medieval church in the village of Vesolyoye, Adler District, Greater Sochi. Discovered and explored during archaeological excavations in the construction zone of the XXII Olympic Winter Games, the church ruins were preserved predominantly at the foundation level. The excavations yielded sixteen fragments of architectural decoration, including unique artifacts that offer critical insights into the screen's original appearance. Notably, a fragment of a *tyabla* (architrave) depicting "Daniel in the Lions' Den" suggests an altar screen typology characteristic of Greece and Asia Minor from the 10th to the early 11th century. This hypothesis is further supported by other architectural elements, including presumed pillar caps for hanging chancel doors, portions of octagonal columns from the upper registers of the altar screen pillars, and a square-section lower fragment decorated with braided ornamentation. To reconstruct the screen's appearance, ten fragments of carved decoration were selected and digitized using photogrammetry and direct 3D modeling, serving as the foundation for the final digital reconstruction. The overall proportions of the screen were determined based on a scaled plan of the building, statistical data on Middle Byzantine altar screens from Greece and Asia Minor, and anthropometric indicators. Integrated into a previously developed 3D model of the Vesolyoye church, the resulting reconstruction demonstrates a unique symbiosis of Byzantine design and distinct regional Caucasian features, as exemplified by the specific placement of the "Daniel in the Lions' Den" motif on the lower edge of the architrave's trapezoidal cross-section.

Keywords: Kingdom of Abkhazia; Greater Sochi; architectural decoration; Middle Byzantine period; altar screen

For citation: Endoltseva E.Yu., Glazov K.A. The sanctuary barrier of the church in the village of Vesolyoye (adler district of Greater Sochi): an attempt at virtual reconstruction. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 326-341. doi.org/10.32653/CH222326-341

Введение

Руины церкви находятся в восточной части Имеретинской низменности (междуречье Мзымты и Псоу, Адлерский р-н Большого Сочи) у с. Весёлое, в 0,9 км от берега Чёрного моря, на границе бывших совхозов «Россия» и «Сочинский», на территории хоздвора ГУП «Россия», примыкающего с юга к нефтехранилищу «ЛУКОЙЛ» [1, с. 72]. Впервые они были обнаружены Причерноморским отрядом Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством В.В. Бжания в 1972 г. Уже тогда храм был сильно разрушен и лишь холмообразно выделялся в рельефе. Досконально исследовать его удалось в 2010–2011 гг., когда после сплошной археологической разведки Имеретинской низменности в зоне строительства объектов XXII Зимних Олимпийских игр (в 2008 г.) храм был заново локализован и раскопан Сочинским отрядом Института археологии РАН [1, с. 72] под фактическим руководством кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела средневековой археологии ИА РАН Е.А. Армарчук. В результате этих работ были обнаружены и введены в научный оборот уникальные фрагменты архитектурной декорации, уточнена планировка храма и его внутреннее устройство [2, с. 34].

Первые предварительные публикации результатов исследований экспедиции 2010–2011 гг. [3; 4; 5; 6] вызвали большой интерес среди специалистов по архитектуре и искусству христианского Кавказа и Византийской империи периода Македонской династии. Удалось определить тип храма как «вписанного креста на 4 свободно стоящих опорах, с вимой, тремя выраженными снаружи апсидами, нартексом и тремя полуоткрытыми притворами с запада, севера и юга» [7, с. 181]. Этот архитектурный тип находит аналогии среди памятников «абхазской школы», как и выявленные особенности архитектурной декорации, что позволило А.Ю. Виноградову и Д.В. Белецкому датировать его X в. [7, с. 184].

За первыми публикациями по итогам археологических раскопок последовала подробная статья с анализом основных находок и их описанием [2]. В результате проведенных радиоуглеродных анализов останков из двух погребений удалось установить время активного функционирования храма. «AMS-даты этих погребений показывают, что храм был построен во второй половине IX в., но не позднее третьей его четверти, и действовал примерно до первой трети – середины XI в.» [2, с. 57]. Впоследствии он был оставлен и разрушался.

В последние несколько лет были проведены исследования, целью которых стала визуализация храма и создание его гипотетической трехмерной модели [1; 8]. В основе методики – сочетание графического масштабированного плана церкви, открытого в результате археологических исследований 2010–2011 гг., и анализ аналогий среди близких по территории и архитектурному типу памятников, часть которых хорошо сохранилась целиком или до уровня сводов (например, собор в Мокве, храм св. Симона Кананита в Новом Афоне и храм в с. Лыхны, а также храм в Бзыбской крепости) [1, с. 74] (рис. 1). Проводя реконструкцию внешнего и внутреннего облика храма у с. Весёлое, К.А. Глазов и И.В. Аборнев прежде всего учитывали общие черты, объединяющие храмы «абхазской» школы: крещатые подкупольные столбы, ступенчатые подпружные арки опоры барабана, полуоткрытые притворы и т.д. Основываясь на размерах и пропорциях этих деталей, сохранившихся в аналогах, исследователи получили обоснованную 3-D реконструкцию интерьера и внешнего вида храма у с. Весёлое [1, рис. 3.4]. «Важное значение для зрительного восприятия реконструируемого объекта имеют правильно подобранные текстуры отделочных материалов, которые имел памятник. Археологические исследования, проведенные на храме у с. Весёлое, показали, что наружные стены его, в отличие от храмов Абхазии, где стены были облицованы плитами, были выполнены в технике полубутовой кладки из прямоугольных и подпрямоугольных тёсаных плит песчаника средним размером 30–50×10 см на известковом растворе серого цвета с примесью песка. Крупные плиты встречаются редко. Паруса и опоры были сложены из каменных плит, арки и купол – из плинф. Поэтому в реконструкции была применена соответствующая текстура кладки, близкая к аутентичной» [1, с. 77].

Цель исследования

Целью данного исследования является реконструкция алтарной преграды церкви в с. Веселое¹ на основе материалов археологической экспедиции Е.А. Армарчук [2] и сохранившихся аналогов этого периода в других частях византийского мира, а также интеграция полученных результатов в созданную К.А. Глазовым и И.В. Аборневым 3-D реконструкцию интерьера храма у с. Весёлое [1].

Материалы и методы

В работе использованы материалы археологических исследований объекта экспедицией ИА РАН под руководством Е.А. Армарчук, фрагменты деталей архитектурной пластики, найденные при раскопках и хранящиеся в фондах Музея истории города-курорта Сочи, результаты 3-D реконструкции интерьера и внешнего вида храма в с. Веселое и широкий спектр аналогий конструкции алтарных преград в храмах средневизантийского периода. Использование метода сравнительного анализа, наличие художественных (стиль, иконография) и конструктивных аналогий помогли определить возможную структуру алтарной преграды и место каждого декоративного элемента в ней. В основе концепции – скрупулезный анализ данных, полученных при археологическом исследовании объекта (подробно опубликованы Е.А. Армарчук) [2]. В работе использовано комплексное сочетание технологий фотограмметрии и 3-D моделирования.

Основные результаты

В результате проведенных археологических исследований экспедицией ИА РАН удалось установить, что «храм относится к крестово-купольным постройкам с тремя апсидами и четырехстолпным наосом, его основной объем к западу продолжен нартексом; с трех сторон к храму примыкают открытые притворы. На уровне фундамента нартекс подстилается сводчатым склепом, вертикальная входная шахта в который находится в юго-западном углу нартекса» [2, с. 34]. Что касается находок резного камня, то они, по свидетельству Е.А. Армарчук, сделаны из известняка и происходят преимущественно из внутреннего пространства храма и нигде не сохранились в первоначальном положении. «Они залегли в основном в слое разрушения на разных отметках, а также в переотложенном состоянии в склепе» [2, с. 36]. Исследовательница опубликовала шестнадцать фрагментов, часть из них находятся ныне в фондах Музея истории города-курорта Сочи². Остальные детали в нашей реконструкции были созданы путем прямого 3-D моделирования на основе масштабированных графических проекций из публикации Е.А. Армарчук³.

В предлагаемую реконструкцию алтарной преграды было отобрано 10 оригинальных фрагментов резьбы, с которых были сделаны трехмерные виртуальные модели.

По свидетельству Е.А. Армарчук, среди находок резного камня есть обломки стволов колонок, навершия, две крупные плиты и мелкие обломки других деталей [2, с. 36]. Наибольшее значение для понимания структуры алтарной преграды имели, пожалуй, две плиты. Обе они происходят из склепа, «где лежали в слое завала непосредственно у подножия входной шахты» [2, с. 42]. Их расположение свидетельствует о том, «что они попали в склеп не случайно, а были сброшены туда или спрятаны на каком-то этапе разрушения храма, когда входная шахта была уже частично засыпана землей» [2, с. 42].

Одна из плит пятигранна в поперечном сечении с двумя гладкими и прямыми сторонами⁴ (рис. 2). Две другие грани, образующие между собой тупой угол, украшены резьбой. Длина фрагмента – 81 см, высота – 38 см, толщина – 12,6 см [2, с. 42]. На прямой лицевой грани высотой 25,5 см изображена сцена «Даниил во львином рву». Боковые стороны плиты утрачены, с одного края скол задел изображением

1 Благодарим Е.А.Д. Озеркову за помощь в работе с документами.

2 Благодарим директора Музея истории города-курорта Сочи Е.В. Галищеву за разрешение работать в фондах.

3 Благодарим А.С. Кизилову за помощь в оформлении графической части.

4 Находится в экспозиции Музея истории города-курорта Сочи.

(повреждена фигура одного из львов). С другой стороны от изображения «Даниила во львином рву» – плетеный орнамент в виде четырехконечной звезды и круга (лента плетения в три полосы). Далее угадывается квадратный участок (частично утрачен из-за скола) без изображения. Две резные грани разделены полосой орнамента типа витой жгут. На скошенной грани (высота – 15 см) вырезаны изображения переплетающихся ромбов и кругов (лента плетения в две полосы).

Даниил показан достаточно схематично с воздетыми вверх руками. Его нос, усы и борода сделаны неглубокими параллельными насечками, глаза обозначены небольшими по диаметру кружками с высверленной точкой в центре. Одевание пророка с трудом идентифицируется, на его голове – небольшая конусовидная облегающая шапочка. Львы показаны в полной рост лижущими ступни пророка. Таким образом, на изображении эти звери как бы перевернуты вверх ногами. Шкура одного из них показана короткими параллельными насечками, глаз, как и у пророка Даниила, обозначен кружком маленького диаметра с высверленной точкой по центру. Хвост другого льва загнут на спину и изображен параллельно ей. Если говорить об иконографических аналогиях, то следует, прежде всего, сослаться на рельеф из внешней декорации западной апсиды храма Мартвили (X в.) (Самегрело-Верхняя Сванетия, Грузия). Кроме того, аналогичным образом (пророк Даниил с воздетыми руками и лижущие его ноги два льва, как бы перевернутые вниз головой) эта сцена показана на резном блоке из монастыря Зарзмы (X в.). Полной аналогией розетке из Веселого является орнамент с розеткой из развалин храма в Лоо (Лазаревский район Сочи) [2, с. 53, рис. 24]. По свидетельству Е.А. Армарчук, «сразу после расчистки, до подъема плиты наверх, в ее левой части была хорошо видна розоватая окраска нимба над головой Даниила и фона, на котором высечена эта часть рельефа» [2, с. 44, 48].

Ключевым элементом для понимания концепции и конструктивных особенностей преграды является именно этот фрагмент. Его форма в сечении, пятиугольник с одной скошенной стороной и тупым углом между двумя орнаментированными плоскостями, а также характер расположения резьбы, две грани под прямым углом друг по отношению к другу с ровной и гладкой поверхностью позволяют понять, что это элемент эпистилия темплона, располагавшийся над центральным входом в алтарь. Изображение Даниила составляло центр композиции, завершавшейся двумя симметричными розетками в виде переплетающихся звезд и круга (вторая розетка с отколотой стороны легко угадывается). Неорнаментированная квадратная часть справа от имеющейся розетки, вероятно, обозначает место примыкания капители колонки преграды, которая обрамляла главный вход в алтарь. Таким образом, сцена «Даниил во львином рву» между двумя орнаментальными розетками располагалась на нижней грани балки темплона, прямо над головой священнослужителя в тот момент, когда он проходил к алтарю. Подняв глаза, он мог увидеть это метафорическое изображение молитвы, широко распространенное, начиная с раннехристианских времен. Фронтальная грань тябла в этом случае была украшена фризом, составленным из переплетающихся ромбов и кругов (рис. 3).

Такая орнаментальная концепция типична для византийских алтарных преград X – нач. XI в. Среди хрестоматийных примеров можно упомянуть эпистиль темплона центрального нефа [9, р. 146, fig. 78, 10, pl. 22] и протезиса (северный придел) кафоликона монастыря Осиос Лукас (Греция) [9, р. 172, fig. 102] или эпистиль темплона протезиса церкви Пресвятой Богородицы (Панагия) того же монастыря [9, р. 145, fig. 77], а также фрагмент эпистилия темплона из собора в монастыре Ватопед (Греция) [11, fig. 1], типичного для афонской архитектуры малых форм [11, р. 307]. Однако на византийских памятниках этого времени присутствуют в основном аниконические сюжеты, по преимуществу без антропоморфных изображений [11, р. 311]. Предпочтение явно отдано абстрактным мотивам (плетеные и растительные орнаменты, геометрические узоры, кресты) [12, с. 172]. Поэтому, например, над входом в протезис кафоликона монастыря Осиос Лукас изображен стилизованный крест (а не антропоморфная фигура, как в нашем случае) в миниатюрной сферической врезке на нижней грани балки в виде купольной формы, которая как бы осеняет вход в алтарь. Стилизованный крест в плетеном круге обрамлен симметричными плетеными розетками [9, р. 146, fig. 78].

Идентификация фрагмента с «Даниилом во львином рву» как части нижней грани темплона над входом в алтарь позволяет определить ширину проема центральных врат (длина фрагмента от начала квадратного пространства без орнамента до левого края плиты, дополненная размером второй реконструированной плетеной звезды по другую сторону от сцены с Даниилом). В нашей модели она составляет приблизительно 1076 мм, что вполне согласуется с размерами преград этого типа в Греции [11, р. 308].

Вторая плита⁵ (рис. 4) имеет прямоугольную форму, ее концы отколоты. «В длину она достигает 45,8 см, в высоту – 18 см; в поперечном сечении размерами 18×16,7 см – близка к квадрату, из-за чего ее можно назвать блоком. С тыльной стороны вдоль края на всем протяжении имеется продольная выемка прямоугольного сечения глубиной 4–5 см, вследствие чего сечение получило Г-образную форму» [2, с. 48, рис. 18]. Лицевую сторону плиты украшает фриз, обрамленный с обеих сторон трехгранными желобками, ленточный геометрический орнамент (лента плетения в две полосы). С одной из сторон от этого фриза проходит дополнительная орнаментальная полоса – обрамление, простейший профиль с порезкой типа «зубчики». Ленточный геометрический орнамент составлен из переплетающихся окружностей небольшого диаметра (петелек) с высверленным центром. Представляет собой вариант орнамента типа «в сеточку». Похожий узор встречается, к примеру, на блоках, происходящих с горы Анакопия (Новый Афон, Абхазия). Однако Анакопийский орнамент выполнен из ленты плетения в три полосы. Вариант с лентой плетения в две полосы (как на переиспользованном фрагменте в более позднем храме в Бедиа) заставляет, как кажется, задуматься о датировке преграды X веком [13, с. 343–344].

Характерная выемка-паз с одного края блока намекает на его функцию в структуре преграды. Вероятно, это нижняя часть колонки преграды, разделяющая и одновременно скрепляющая между собой резные плиты парапета. Колонки такого типа также весьма характерны для византийских алтарных преград. Обычно они состоят из двух частей: нижней – квадратной в сечении и украшенной плетеным орнаментом и верхней – граненой или круглой в сечении, завершающейся компактной капителью [10, pl. 22, 12, рис. 9–11].

Другая группа рельефных фрагментов, повлиявших на выбор структуры преграды, – навершия (3 экз.) [2, с. 39–42]. Идентификация их именно в этом качестве обоснована тем, что, если бы это были дыньки [2, с. 40], они имели бы симметричную относительно продольной оси форму. Напротив, все три фрагмента имеют округлое основание и эллипсовидное завершение, даже в том случае, когда вертушка оказалась сбита [2, с. 40].

С помощью фотограмметрии была сделана трехмерная модель одной детали [2, с. 43, рис. 12] (рис. 5) и путем прямого 3-D моделирования по масштабированным проекциям две другие [2, с. 41, рис. 10, с. 41, рис. 11]. Подробное описание этих фрагментов и обстоятельства их нахождения зафиксированы в статье Е.А. Армарчук [2, с. 39–42]. Аналогии, связанные с алтарными преградами средневизантийского периода с территории Греции и Малой Азии, помогают понять функцию этих элементов. Очевидно, их можно интерпретировать как навершия столбиков для крепления дверец при входе в алтарь. Этот элемент характеризует устройство именно византийских преград. Он последовательно присутствует в конструкции преград монастыря Оснос Лукас [10, pl. 22], храма в Дафни [12, рис. 10], монастыря Ватопед [11, p. 334, fig. 12] и др. Размеры оснований наверший не исключают подобной их интерпретации: 11,5 см, 13,5 см, 12,5 см [2, с. 40–42] соответственно. Каждое из наверший имеет общую черту, которая также подтверждает их функцию. Они плоские с тыльной и выпуклые с лицевой стороны [2, с. 40–42]. Все три навершия немного различаются по форме. Одно украшено вырезанными «узкими ложбинками глубиной до 5 мм, которые делят его лицевую поверхность на чередующиеся широкие и узкие доли – пять по 3,7 и четыре по 1,5 см шириной» [2, с. 40]. Выпуклая сторона второго навершия также разделена на семь долей, однако доли разделены чуть выступающими тонкими валиками-ребрами. Притом сами доли не одинаковы по ширине. К тому же оно имеет «слегка заостренную вершину с маленькой венчающей пуговкой» [2, с. 41] (рис. 6). Третье навершие⁶ отличается от двух других сферической формой и гладкой поверхностью [2, с. 42]. Вышеперечисленные особенности позволяют предположить, что три навершия могли находиться в трех разных проходах одной алтарной преграды, т.е. в центральном, северном и южном соответственно.

Несколько сохранившихся деталей, по трем из которых нашей группой были сделаны с помощью фотограмметрии трехмерные цифровые модели, являются фрагментами граненых колонок (верхняя часть колонок преграды) [2, с. 36–39]⁷. Все эти находки являются обломками граненых стволов. Часть из них не имеют боковых сколов и дают полное представление о толщине этих колонок, форме их поперечного сечения, близкого к правильному восьмиугольнику, и количестве граней, которых

⁵ Находится в экспозиции Музея истории города-курорта Сочи.

⁶ Находится в фондах Музея истории города-курорта Сочи.

⁷ Находятся в фондах Музея истории города-курорта Сочи.

по восемь у каждой [2, с. 36]. Первый фрагмент, обнаруженный в склепе практически на поверхности его заполнения [2, с. 36], высотой 37,8 см имеет на всем протяжении гладкий ствол без резьбы толщиной 17,3 см. Ширина его граней равна 6, 6,5 и 7 см.

Второй фрагмент отличается наличием резьбы на стволе. Его высота 32,4 см, толщина – 17,1 см, высота граней колеблется от 6,3 до 7,3 см. «На одном конце фрагмента уцелели остатки резьбы в виде поперечного витого жгута толщиной 2–3 см, выступающего на 0,8 см, обхватывающего колонку по всей окружности. Под жгутом начинается участок с прямолинейной резьбой, на который пришелся скол. Удастся разглядеть лишь угол прямоугольной рамки из тонких перспективных валиков, боковой край которой лежит на одной линии с ребром ствола» [2, с. 36].

Третий фрагмент – это скол восьмигранной колонки, сохранились только четыре из этих граней с гладкими поверхностями высотой 20,3 см и шириной 14,6 см.

В византийских, как и в грузинских алтарных преградах, встречаются восьмигранные стволы в верхней части колонок. Среди примеров – алтарная преграда кафоликона монастыря Осиос Лукас [10, pl. 22] или территориально близкая аналогия – алтарная преграда церкви в Мсыгхуа (Абхазия) [14].

Несколько миниатюрных фрагментов резьбы, описанных Е.А. Армарчук, вероятно, были частью капителей колонок этой алтарной преграды. К сожалению, нам не удалось сделать их масштабированные 3-D модели, однако они использовались при реконструкции преграды. Лицевая поверхность одного из них имеет две грани, которые смыкаются под тупым углом [2, с. 49, рис. 21]. На одной из граней четко виден орнамент «в елочку», составленный из валиков небольшой толщины. На другом фрагменте также читается орнамент «в елочку» [2, с. 51, рис. 22]. Эта деталь дает основание считать, вслед за Е.А. Армарчук, два фрагмента частями граненых капителей колонок – по аналогии с колонками алтарной преграды, обнаруженными А.К. Кация при раскопках небольшого трехапсидного храма X в. Мсыгхуа в Гудаутском районе Абхазии, в долине р. Цкуара [2, с. 52–53].

Два миниатюрных фрагмента белокаменной резьбы украшены узорами в виде плетений различного рода. Среди них один – мелкий обломок 6,4×7,9×4,8 см [2, с. 48–49, рис. 20: С, D]⁸. Примечательна его форма (рис. 7). Нижняя часть и боковые стороны отколоты, тыльная сторона неровная. Однако четко видны две грани его лицевой поверхности: прямая гладкая в верхней части и скошенная к тылу, украшенная резьбой в нижней части. Поперечное сечение фрагмента четырехугольное в виде трапеции с прямым углом [2, с. 48]. Орнамент на фрагменте реконструируется как двойная переплетающаяся косичка, лента плетения в три полосы. Анализ формы фрагмента позволяет предположить, что он мог быть частью фриза, украшавшего тязло преграды (архитрав). Похожей формы фриз с плетеным орнаментом фиксируется, например, на архитраве алтарной преграды кафоликона монастыря Осиос Лукас [10, pl. 22].

Другой фрагмент был воссоздан на основе масштабированных проекций, приведенных в работе Е.А. Армарчук. Его высота 16,5 см, длина сохранившейся части – до 17,0 см, предельная толщина равна 11,5 см [2, с. 48–49, рис. 19, 20: А, В]. Поперечное сечение близко к треугольнику, на скошенной грани нанесен орнамент с плетенкой корзиночного типа. Его верхняя и тыльная сторона ровные и гладкие, сходятся под прямым углом. Форма этого фрагмента несколько напоминает предыдущий, однако он чуть более крупный, что дало возможность предположить сходные функции. Он мог быть частью карниза парапета из резных плит, обрамляя одну из них сверху. Такая декоративная концепция также нередко встречается как в византийских, так и в грузинских алтарных преградах [10, pl. 22].

Пропорции преграды определялись исходя из размеров плана храма и его предполагаемой высоты (рис. 8). Размеры центрального нефа и центрального проема убеждают в том, что здесь была только одна пара колонн и, возможно, пара пилястр. Высота резных плит-интерколумниев высчитывалась исходя из антропометрических параметров и ориентируясь на имеющуюся статистику размеров византийских алтарных преград этого времени.

Предлагаемая схема реконструкции обладает основными атрибутами алтарных преград с территории Византии (Греция, Малая Азия): декорированное плетеным орнаментом тязло с карнизом, наверхия столбиков для навешивания небольших дверей в центральном проеме, колонки, состоящие из граненой капители, граненого гладкого ствола и квадратной в сечении нижней части,

8 Хранится в фондах Музея истории города-курорта Сочи.

разделяющей между собой резные плиты парапета, украшенной плетеным геометрическим орнаментом. Узкие боковые нефы позволяют предположить, что преграда в них по конструкции могла быть похожа, к примеру, на свой аналог в кафоликоне монастыря Осиос Лукас [10, pl. 22]. Архитектурная декорация двух церквей этого монастыря, как известно, оказала существенное влияние на развитие концепции алтарных преград в центральной Греции и за ее пределами [15, p. 89].

Таким образом, гипотетическая трехмерная виртуальная реконструкция алтарной преграды церкви в с. Веселое соответствует модели, описанной В.Н. Лазаревым: сохраняя форму традиционного портика, «... (поддерживающие архитрав колонны, между которыми размещены плиты парапета). В центре помещается ведущий в алтарь проход, фланкированный столбиками, на которые навешивались невысокие створки деревянных дверей. Высота алтарных преград колеблется от 2,45-2,56 (Осиос Лукас на острове Эвбее и Велюса) до 3,32 м (Хиландар), причем темплены центральной апсиды порою бывают несколько выше темпленов жертвенника и диаконника. Высота парапетов приближается к одному метру (Ватопед, Серры), но в более крупных темплонах доходит до 1,31 м (Хиландар). В украшении парапетов, капителей и архитравов широчайшим образом используются абстрактные орнаментальные мотивы и кресты» [12, с. 180].

Она также отражает основные художественные и конструктивные черты, описанные Н. Мелвани на материале афонских алтарных преград: «перемычки около 15 см в высоту, капители – от 30 до 40 см с каждой стороны, плиты парапета составляют от 115 до 160 см. Высота колонок в Ватопеде (275 см) близка к общей высоте колонок и баз в Ивироне (205 см + 55 см = 260 см)» [11, p. 308]. Художественная концепция алтарных преград Афона, по словам Н. Мелвани, включала в себя «архитрав, украшенный повторяющимися растительными темами, составляющими фриз, плиты парапета – в абстрактных геометрических орнаментах, таких как концентрические ромбы, периодически дополненные зооморфными фигурами или лиственными узорами. ... Декоративная концепция Афонских алтарных преград следует хорошо организованной схеме, которая характеризуется геометрическим подходом: абстрактные формы дополнены хорошо разработанными зооморфными и растительными узорами. Все растительные и геометрические темы были широко распространены по всему Византийскому миру; большая часть из них, особенно ромбы, украшавшие плиты парапета, восходят к раннехристианским моделям» [11, p. 308].

Таким образом, структура преграды и основные элементы ее украшения свидетельствуют о принадлежности к византийской художественной традиции (рис. 9). Никаких фрагментов, которые можно было бы связать с плитами парапета не сохранилось. Но, если рассуждать о том, как они могли быть украшены, можно предположить, что на них были изображены традиционные стилизованные геометризированные кресты с розетками. Учитывая вертикальный формат плит (из-за пропорций преграды), это могли быть некоторые варианты процветших крестов. Создавая стилизованный вариант преграды, мы использовали для образца вертикально ориентированную плиту из Коринфа [9, p. 147, fig. 79]. Однако результат этого этапа реконструкции следует считать весьма гипотетическим и стилизованным. О том, что плиты парапета в алтарных преградах на территории современного Сочинского района Краснодарского края могли быть украшены в византийской художественной традиции, косвенно свидетельствует плита из т.н. базилики «Южные культуры»⁹. Кроме того, небольшой обломок плиты из Лоо (прямой угол с валиками) может косвенно подтверждать это предположение уже для средневизантийского периода. В этом случае фрагмент из Лоо мог быть частью алтарной плиты, выполненной в т.н. «афонском» стиле [11, p. 330, fig. 2]¹⁰.

Однако в этих местах в X–XI вв. была распространена и другая, условно говоря, кавказская традиция, когда на плитах алтарных преград изображали фигуративные антропоморфные сюжеты (сцену Распятия или святых воинов-всадников, поражающих змея или императора Диоклетиана). Примером могут служить две плиты из Анухвы (XI в.) из коллекции Абхазского Государственного музея [13, № 8, с. 205, № 12, с. 209].

⁹ Правда, ее датируют более ранним временем.

¹⁰ Например, как в монастыре Ватопед.

Выводы

Таким образом, представленный вариант реконструкции алтарной преграды из с. Веселое удачно вписывается в художественный контекст византийской каменной пластики малых форм X – нач. XI в. Учитывая простоту рисунка и аскетичный характер плетеных орнаментов, хронологические рамки памятника, вероятно, можно сузить до X в.

Уникальной чертой этой преграды является появление сцены «Даниил во львином рву» в центральной части темплона. Аналогов такому расположению нет ни среди византийских, ни среди кавказских примеров. Византийские алтарные преграды IX–XI вв., как упоминалось выше, подчеркнута аниконичны. Допускались только изображения отдельных элементов деисуса на архитраве [12, с. 184]. В грузинской кавказской традиции, напротив, антропоморфные сюжеты, в т.ч. «Даниил во львином рву», были распространены, но обычно они изображались на алтарных плитах [16, р. 130, fig. 85, р. 157, fig. 103].

Художественные особенности алтарной преграды из церкви в с. Веселое демонстрируют удивительный симбиоз византийской и кавказской традиций каменной резьбы, свойственный памятникам Абхазского царства¹¹.

Финансирование. Исследование выполнено на средства гранта РНФ № 25-18-00669.

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation withing the framework of Project No. 25-18-00669.



1. Трехмерная модель храма в селе Веселое. К.А. Глазов

Fig. 1. 3D model of the church in Veseloye village. K.A. Glazov

¹¹ Все материалы по алтарной преграде церкви в с. Веселое будут выложены в ближайшее время на сайте arch.ivgan.ru в соответствующем разделе.



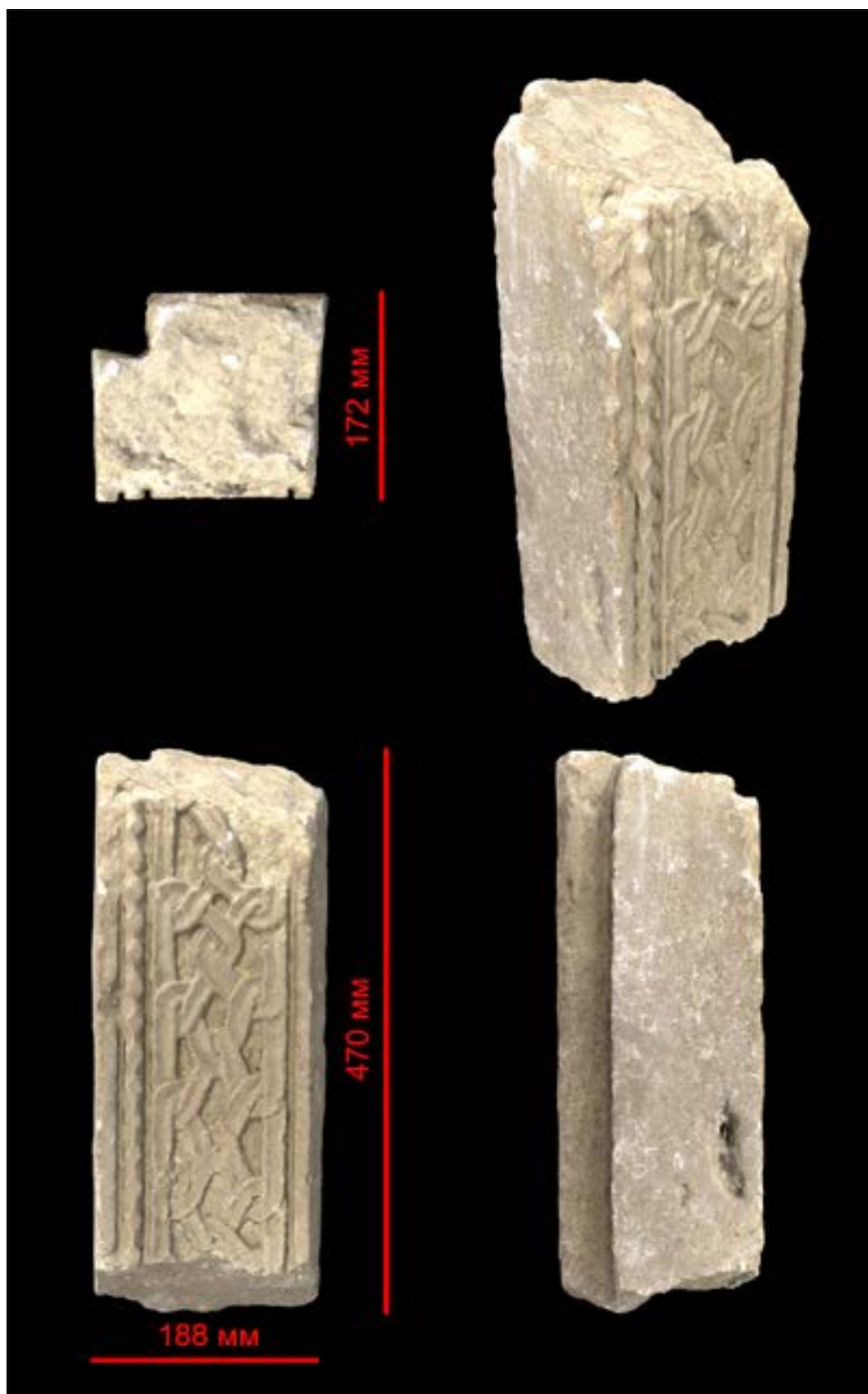
2. Трехмерная модель плиты с изображением «Даниила во львином рву». К.А. Глазов

Fig. 2. 3D model of the architrave fragment depicting "Daniel in the Lions' Den." K.A. Glazov



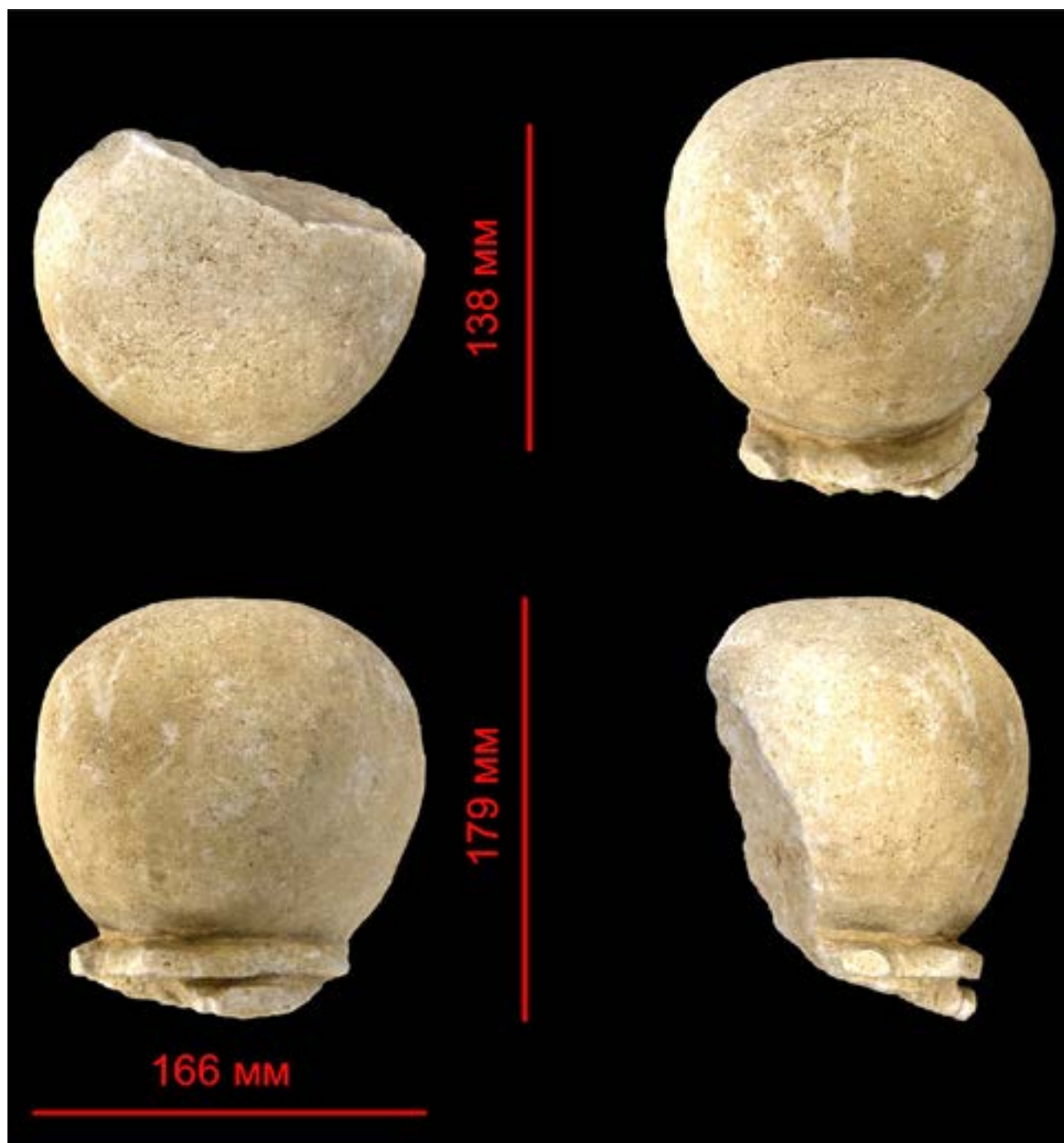
3. Трехмерная модель алтарной преграды церкви в с. Веселое. Вид на центральный вход.
Авторы концепции: К.А. Глазов, Е.Ю. Ендольцева

Fig. 3. 3D model of the altar screen of the church in Vesoloye village. View of the central entrance.
Concept authors: K.A. Glazov, E.Yu. Endoltseva



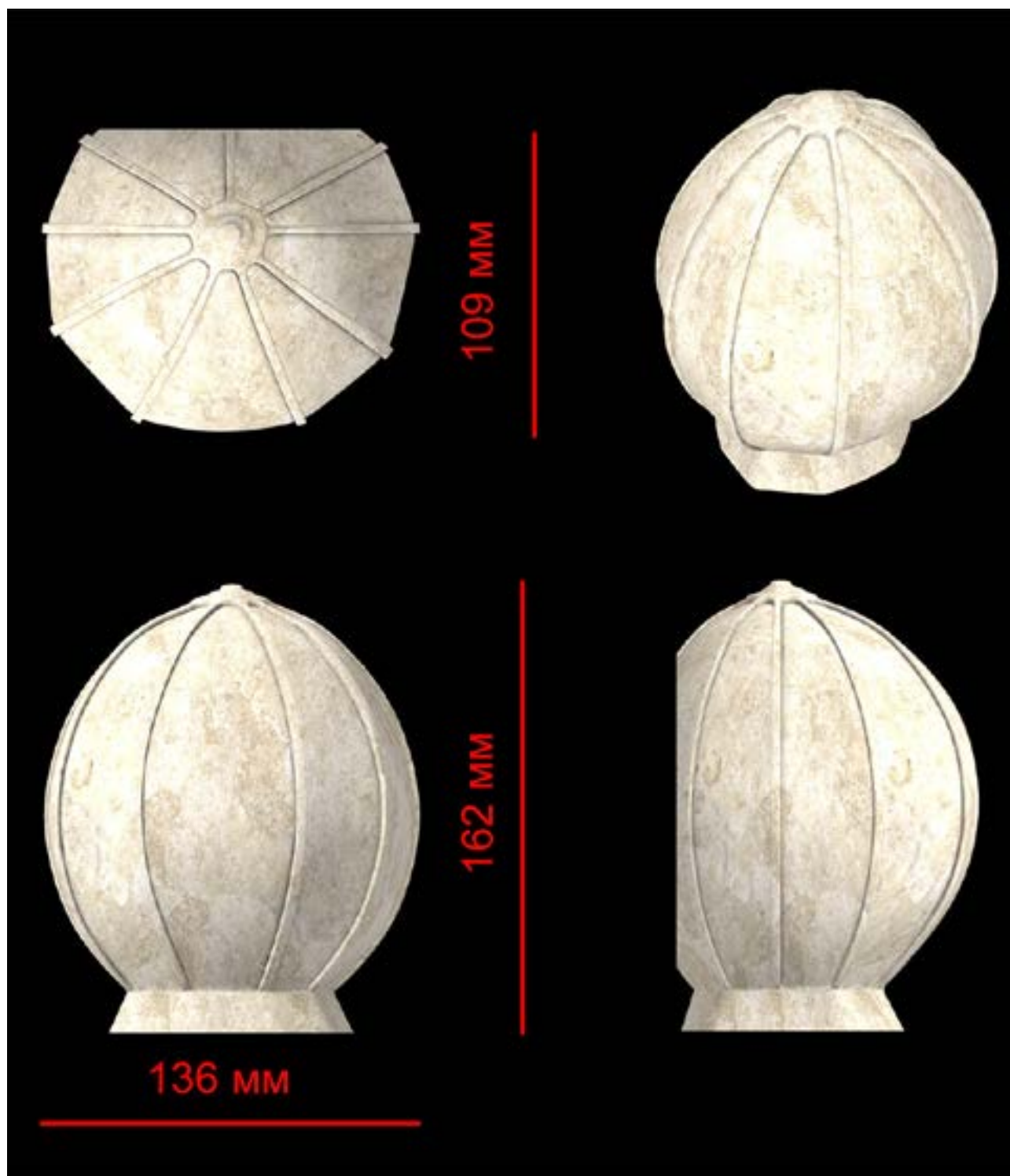
4. Трехмерная модель квадратной в сечении плиты. К.А. Глазов

Fig. 4. 3D model of the square-section pillar fragment. K.A. Glazov



5. Трехмерная модель навершия. К.А. Глазов

Fig. 5. 3D model of the finial fragment. K.A. Glazov



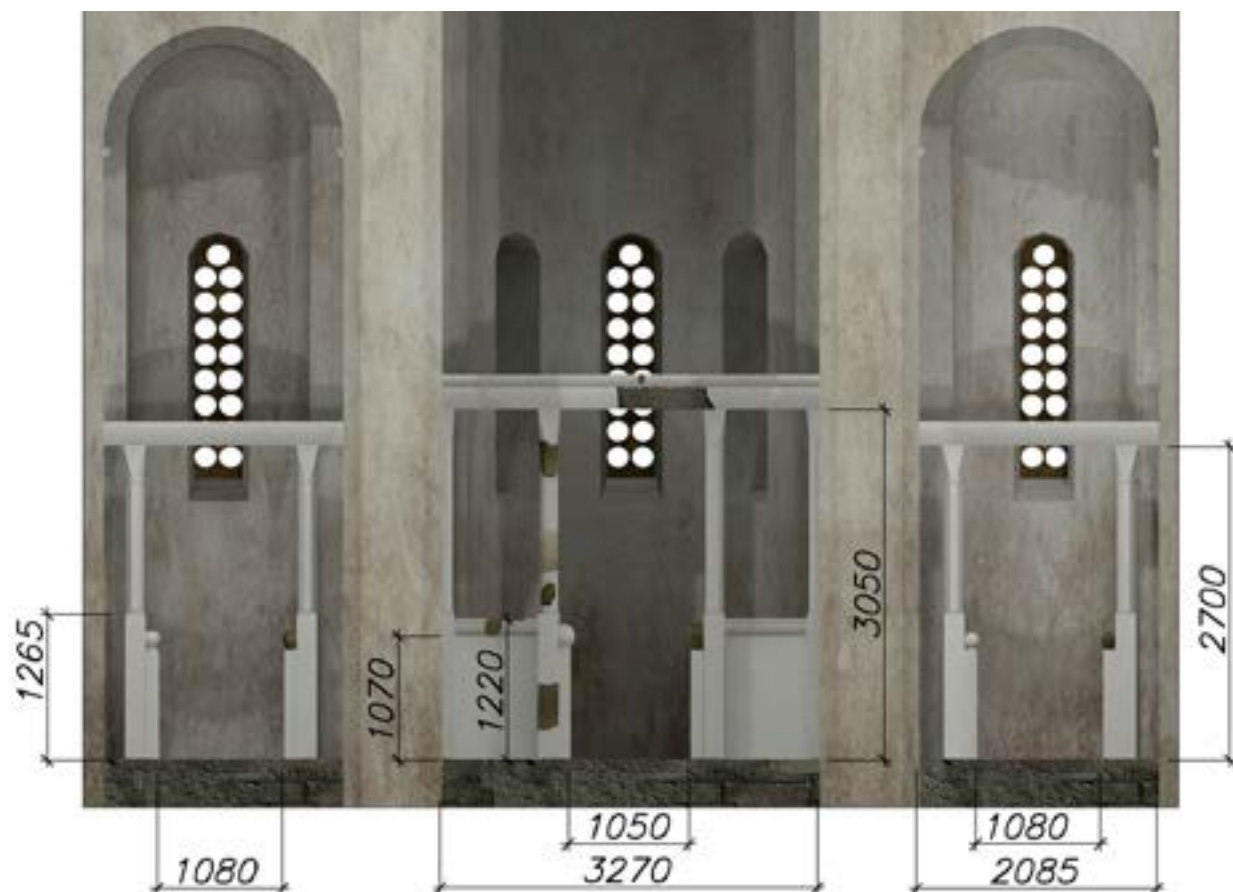
6. Трехмерная модель навершия, выполненная путем прямого 3-D моделирования по масштабированной проекции. К.А. Глазов

Fig. 6. 3D reconstruction of the finial based on a scaled projection. K.A. Glazov



7. Трехмерная модель фрагмента. К.А. Глазов, А. С. Кизилова

Fig. 7. Photogrammetric 3D model of the architectural fragment. K.A. Glazov, A.S. Kizilova



8. Трехмерная модель преграды церкви в селе Веселое. К.А. Глазов, Е.Ю. Ендольцева

Fig. 8. 3D reconstruction of the altar screen layout, church in Veseloye village. K.A. Glazov, E.Yu. Endoltseva



9. Трехмерная модель преграды церкви в селе Веселое, дополненный вариант. К.А. Глазов, Е.Ю. Ендольцева

Fig. 9. 3D reconstruction of the altar screen layout, church in Veseloye village (expanded version). K.A. Glazov, E.Yu. Endoltseva

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазов К.А., Аборнев И.В. 3-D реконструкция как элемент каталогизации объектов историко-культурного наследия (на примере храма у с. Веселое, Сочи) // Известия Субтропического научного центра Российской академии наук. 2024. Т. 4. № 4. С. 69–81.
2. Армарчук Е.А. Резной камень IX–XI вв. у с. Веселое // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Т. И. Макаровой. М., 2021. С. 34–61.
3. Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов В.В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // Российская археология. 2012. № 3. С. 78–90.
4. Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов В.В. Раскопки христианского храма у с. Веселое под Адлером в 2010–2011 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015. С. 318–320.
5. Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов В.В. Христианский храм в с. Веселое под Сочи // Институт археологии. Новые экспедиционные проекты. М., 2015. С. 76–77.
6. Армарчук Е.А. Деревянные изделия из раскопок храма у села Весёлое под Адлером // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М., 2018. С. 267–277.
7. Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв. М.: Индрик, 2015. 371 с.
8. Требелева Г.В., Глазов К.А., Сакания С.М., Кизилов А.С., Аборнев И.В., Юрков В.Г. 3-D реконструкция христианских храмов как способ исследования и сохранения историко-культурного наследия // Проблемы сохранения объектов культурного наследия и новейшие цифровые технологии: Сборник материалов круглого стола. Отв. ред. Е.Ю. Ендольцева. М.: ИВ РАН, 2025. С. 97–100.
9. Vanderheyde C. La sculpture byzantine du IX au XIV siècle. Contexte. Mise en oeuvre. Décors. Paris: Edition Picard, 2020. 363 p.
10. Schultz R.W., Barnsley S.H. The monastery of Saint Luke of Stiris in Phocis, and the dependent monastery of Saint Nicolas in the Fields, near Skripou, in Boeotia. London: Macmillan, 1901. 76 p.
11. Melvani N. The middle Byzantine sanctuary barriers of Mount Athos: Templon and iconostasis // ΔΑΣΚΑΛΑ ΑΠΟΔΟΣΗ ΤΙΜΗΣ ΣΤΗΝ ΟΜΟΤΙΜΗ ΚΑΘΗΓΗΤΡΙΑ ΜΑΡΗ ΠΑΝΑΓΙΩΤΙΔΗ-ΚΕΣΙΣΟΓΛΟΥ / ed. By Π. Πετρίδης, Β. Φωσκόλου, ΑΘΗΝΑ 2014. Ρ. 305–336.
12. Лазарев В.Н. Три фрагмента расписных эпистолиев и византийский темплон // Византийский временник. Т. 27 (52). 1967. С. 162–196.
13. Ендольцева Е.Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). Москва: ИВ РАН, 2020. 431 с.
14. Кацья А.К. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 72–76.
15. Vanderheyde C. The Carved Decoration of Middle and Late Byzantine Temples // Mitteilungen zur Spätantiken Archäologie und Byzantinischen Kunstgeschichte. 5. 2007. P. 77–113.
16. Iamanidzé N. Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles). Turnhout: Brepols, 2010. 304 p.

REFERENCES

1. Glazov KA., Abornev IV. 3-D reconstruction as an element of cataloging historical and cultural heritage sites (on the example of the church near the village of Veseloe, Sochi). *Proceedings of the Subtropical Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2024; 4(4): 69–81. (In Russ)
2. Armarchuk EA. Carved stone of the 9th–11th centuries near the village of Veseloe. *Medieval Arts and Crafts. To the 90th Anniversary of the Birth of T.I. Makarova*. Moscow, 2021: 34–61. (In Russ)
3. Armarchuk EA., Mimokhod R.A., Sedov V.V. The Christian church near the settlement of Veseloe: preliminary publication of the 2010 excavation results. *Russian Archaeology*. 2012; 3: 78–90. (In Russ)
4. Armarchuk EA., Mimokhod RA., Sedov V.V. Excavations of a Christian church near the village of Veseloe near Adler in 2010–2011. *Archaeological Discoveries of 2010–2013*. Moscow, 2015: 318–320. (In Russ)
5. Armarchuk EA., Mimokhod RA., Sedov V.V. Christian church in the village of Veseloe near Sochi. *Institute of Archaeology. New Expedition Projects*. Moscow, 2015: 76–77. (In Russ)
6. Armarchuk EA. Wooden artifacts from the excavations of the church near the village of Veseloe near Adler. *The Past Fate of the Native Land... To the Jubilee of A.E. Leontiev*. Moscow, 2018: 267–277. (In Russ)
7. Vinogradov AY., Beletsky DV. *Church architecture of Abkhazia in the era of the Abkhazian Kingdom. Late 8th–10th centuries*. Moscow: Indrik, 2015. (In Russ)
8. Trebeleva GV., Glazov KA., Sakania SM., Kizilov AS., Abornev IV., Yurkov VG. 3-D reconstruction of Christian churches as a way of research and preservation of historical and cultural heritage. *Problems of Preservation of Cultural Heritage Sites and the Newest Digital Technologies: Collection of Materials of the Round Table*, ed. by E.Yu. Endoltseva. Moscow: IV RAN, 2025: 97–100. (In Russ)
9. Vanderheyde C. *La sculpture byzantine du IXe au XIVe siècle. Contexte. Mise en œuvre. Décors*. Paris: Éditions Picard, 2020.
10. Schultz R.W., Barnsley S.H. *The monastery of Saint Luke of Stiris in Phocis, and the dependent monastery of Saint Nicolas in the Fields, near Skripou, in Boeotia*. London: Macmillan, 1901.
11. Melvani N. The middle Byzantine sanctuary barriers of Mount Athos: Templon and iconostasis. *Daskala: Tribute to Professor Emerita Mary Panayotidi-Kesisoglou*, ed. by P. Petridis, V. Foskolou. Athens, 2014: 305–336.
12. Lazarev VN. Three fragments of painted epistylia and the Byzantine templon. *Vizantiyskiy Vremennik*. 1967; 27(52): 162–196. (In Russ)
13. Endoltseva EYu. *Architectural sculpture of Abkhazia during the period of the Abkhazian Kingdom (8th–11th centuries)*. Moscow: IV RAN, 2020. (In Russ)
14. Katsia AK. Architectural monuments in the Tskvara Valley. *Materials on the Archaeology of Abkhazia*. Tbilisi, 1967: 72–76. (In Russ)
15. Vanderheyde C. The carved decoration of Middle and Late Byzantine temples. *Mitteilungen zur Spätantiken Archäologie und Byzantinischen Kunstgeschichte*. 2007; 5: 77–113.
16. Iamanidzé N. *Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VIe–XIIIe siècles)*. Turnhout: Brepols, 2010.

Поступила в редакцию 28.09.2025

Принята в печать 24.10.2025

Опубликована 30.06.2026

Received 28.09.2025

Accepted 24.10.2025

Published 30.06.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222342-356>

Исследовательская статья

Сергеев Алексей Юрьевич
младший научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
alexarchbot@yandex.ru

Куприянов Дмитрий Александрович
младший научный сотрудник
Институт географии РАН, Москва, Россия
dmitriykupriyanov1994@yandex.ru

РАСТИТЕЛЬНЫЕ МАКРООСТАТКИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗООГЕННЫХ ОТЛОЖЕНИЙ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ТОПЛИВА И ПИЩИ ПАСТУХОВ И ЖИВОТНЫХ

Аннотация. Изучение средневековых зоогенных (навозных) отложений дает ценную информацию не только о локальной растительности и ее динамике в течение столетий, но и о практиках скотоводства и землепользования в целом. Незаменимым источником информации являются разные типы растительных макроостатков (угли, семена, зерна, мякина и солома злаков), присутствующие в прослойках средневекового навоза, который хорошо сохраняется, в первую очередь, под скальными навесами. В данной статье рассмотрены разные аспекты питания пастухов и кормления животных, а также использования древесного топлива для 9 навесов, расположенных на разных высотах (880–2500 м над уровнем моря) в Кисловодской котловине и ближайших окрестностях. При помощи методов археоботаники и антракологии выявлено 9 видов зерновых и бобовых культур, а также 12 дикорастущих пищевых таксонов и 19 древесных таксонов. Показаны особенности их распределения в зависимости от места расположения навеса. В отношении основных сельскохозяйственных культур предпринята попытка связать эти виды с хронологией конкретного изученного горизонта, а также с характером использования того или иного вида злака в питании или фураже. Самыми распространенными видами оказались просо, пшеница, ячмень и рожь. Для пищевых дикоросов удалось показать как локальный их сбор, так и транспортировку с других высот. Распределение древесных таксонов в угольных спектрах свидетельствует о сборе в качестве топлива легкодоступных ресурсов, в первую очередь, приречных (береза, ива, ольха, тополь). Показано уменьшение доли широколиственных пород (дуб, орешник, граб, ясень) с высотой, а также отсутствие доступных в значимых количествах для пастухов хвойных пород.

Ключевые слова: скальные навесы; навозные отложения; Средневековье; археоботаника; антракология; культурные злаки; угли

Для цитирования: Сергеев А.Ю., Куприянов Д.А. Растительные макроостатки из средневековых зоогенных отложений: реконструкция топлива и пищи пастухов и животных // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. No 2. С. 342-356. doi.org/10.32653/CH222342-356

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222342-356>

Research paper

Aleksey Yu. Sergeev
Junior Researcher
Institute of Archaeology of RAS, Moscow, Russia
alexarchbot@yandex.ru

Dmitry A. Kupriyanov
Junior Researcher
Institute of Geography of RAS, Moscow, Russia
dmitriykupriyanov1994@yandex.ru

PLANT MACROREMAINS FROM MEDIEVAL ZOOGENIC DEPOSITS: RECONSTRUCTION FOR SHEPHERD AND ANIMAL DIET AND FUEL USE

Abstract. The study of medieval zoogenic (dung) deposits offers valuable insights into local vegetation dynamics, livestock farming practices, and land use over centuries. Among the most informative sources embedded within these deposits are plant macroremains – including charcoal, seeds, grains, chaff, and cereal straw – preserved with exceptional quality, particularly beneath rock shelters. This article investigates multiple dimensions of shepherd subsistence and animal husbandry, as well as patterns of wood fuel use, across nine shelters situated at varying altitudes (880–2500 m a.s.l.) within the Kislovodsk Basin and its immediate surroundings. Through integrated archaeobotanical and anthracological analysis, 9 species of grain and legume crops were identified alongside 12 wild food taxa and 19 woody taxa. The distribution of cultivated crops is examined in relation to shelter canopy position, and for the principal agricultural species, an attempt is made to correlate findings with the chronological sequence of individual stratigraphic horizons, as well as to distinguish between cereals used for human consumption and those serving as animal fodder. Millet, wheat, barley, and rye emerged as the most prevalent species. For wild food plants, evidence points to both local collection and deliberate transport from other altitudinal zones. The composition of charcoal spectra reflects opportunistic fuel procurement strategies focused on readily accessible resources, particularly riparian species such as birch, willow, alder, and poplar. A clear altitudinal gradient is demonstrated in the declining representation of broadleaf taxa (oak, hazel, hornbeam, and ash), while coniferous species appear to have been largely unavailable to shepherds in any meaningful quantity.

Keywords: rock shelters; dung deposits; Middle Ages; archaeobotany; anthracology; cultivated grain; charcoal

For citation: Sergeev A.Yu., Kupriyanov D.A. Plant macroremains from medieval zoogenic deposits: reconstruction of fuel and food for shepherds and animals. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 342-356. doi.org/10.32653/CH222342-356

Введение

Скальные навесы, гроты и отложения, накапливающиеся под ними, даже в археологической среде, не говоря уже о широкой общественности, обычно ассоциируются с памятниками каменного века. Для большей части человеческой истории это справедливо, однако в более поздние эпохи (вероятно, с неолита) их стали использовать не только как удобные укрытия для стоянок, но и для содержания скота. Еще тридцать лет назад найти работы, посвященные изучению навесов в аспекте древнего и средневекового скотоводства, было весьма непросто [1; 2]. Однако в первой четверти XXI в. эта тема получила развитие в связи с ростом интереса к ландшафтной археологии и осознанию научным сообществом значимости ресурсных зон поселений и информационного потенциала зоогенных отложений. Во многом продвижение в этом направлении стало возможным благодаря развитию новых методов – микроморфологии и микростратиграфии отложений, изотопным исследованиям, археохимии, археобиологии [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Если говорить о биологических направлениях, то важное место здесь занимают не только археозоология, но и археоботанические дисциплины. Применение антракологического, палинологического и фитолитного анализов постепенно входит в норму таких исследований и дает ценную информацию о локальной растительности прошлого, ее динамике, антропогенной нагрузке, и в целом – о практиках скотоводства и землепользования [5; 7; 10]. Много нового можно узнать и благодаря ботаническим макроостаткам в узком смысле этого слова – семенам и плодам, попадавшим под скальные навесы вместе с животными и людьми [9]. Однако, работ, объединяющих вместе скотоводство, ботанические макроостатки и навесы, по-прежнему мало. В отношении остатков диких травянистых растений, чаще всего, в подобных комплексах, представляющих различные места обитания – луга, пастбища, нарушенные почвенные покровы – обычно не возникает сомнений в их связи с копытными. А вот интерпретировать остатки зерновых культур, ягодных или плодовых растений, угли древесных сложнее – они могут попадать как с кормом, так и с пищей пастухов, с топливом для костров или намеренного выжигания навоза. Навесы предоставляют нам возможность получать информацию о хозяйстве древнего населения, которую не дают другие памятники – поселения, могильники, земледельческие террасы.

На Северном Кавказе скальные навесы практически не попадают в фокус зрения специалистов по средневековому скотоводству. В других регионах Старого Света подобные работы не редкость, но исследователей чаще интересуют отдаленные эпохи – неолит, бронзовый век – время зарождения и распространения отгонного скотоводства. Более поздние слои либо не изучаются, либо это происходит попутно (см. ссылки выше). Интерес к данным объектам возник у авторов в рамках более общей темы по изучению древнего и средневекового скотоводства в Кисловодской котловине [11; 12]. Начиная с 2015 г. целенаправленно проводился сбор проб из разрезов, заложенных в зоогенных отложениях, в этом и сопредельных регионах [13]. Уже в образцах самого первого изученного навеса – Гум-Баши – в прослойках горелого навоза присутствовали зерна культурных злаков и многочисленные древесные угли, что обозначило перспективность работы в данном направлении. На настоящий момент исследуются материалы из 11 скальных навесов, расположенных в разных высотных поясах, от 880 м до 2500 м н.у.м. (рис. 1), 9 из них проанализированы полностью (табл. 1).

Методика

Разрез закладывался по возможности ближе к середине навеса, где обычно мощность отложений максимальна, на удалении как от капельной линии, так и от дальней стены навеса. Отбор проб проводился из бортов, после зачистки профилей и в соответствии с выделенными слоями. По возможности выдерживался стандарт в объеме одной пробы грунта, равном 10 л, однако поскольку не все прослойки были достаточной толщины, то некоторые пробы имели меньший объем (см. табл. 1).

Археологических находок в зоогенных слоях, из которых были отобраны пробы, практически не встречалось (единственный фрагмент керамики – в нижней части отложения Гум-Баши [14, с. 208]),

поэтому в определении их возраста можно опираться лишь на радиоуглеродные даты, полученные по углям и зернам [13]. Материал для датирования отбирался из стратиграфических колонок или непосредственно из археоботанических образцов в лаборатории. Показательно, что все изученные объекты начали формироваться не ранее VII–VIII вв. н.э.¹. Количество проб на каждом памятнике зависело от мощности органогенных стратифицированных напластований (без учета современных однородных горизонтов и каменных завалов). На двух памятниках (Катыхинский и Уллу-Дорбунла) зафиксированные слои были настолько маломощными (10–20 см), что с них отобрано всего по одному образцу. В навесах с отложениями в 45–50 см отобрано по два образца, при этом в двух случаях в недатированных верхних горизонтах не обнаружено культурных и дикорастущих пищевых растений (Кичмалка², Гум-Баши), а в третьем (Подкумское 3) датированы оба изученных горизонта, нижний (XIV–XV вв.) и верхний (XVII – нач. XX в.). В навесе Джилы-Су (мощность 65 см) отобрано три образца, единственный образец с макроостатками пищевых видов относится к XVI–XVII вв. Аналогично и в самом раннем слое Малого (далее М.) Бермамыта (VII–VIII вв.) – остатки зерен культурных злаков не встречены, они происходят из двух образцов, имеющих более позднюю дату (VIII–IX вв.).

Самые мощные органогенные отложения зафиксированы в двух навесах – Зеленогорский 1 (163 см) и Шиджатмаз (220 см), и поэтому отсюда с разных глубин отобрано 4 и 5 образцов соответственно. Не все они датированы, поэтому динамика накопления слоев еще недостаточно ясна. Для Зеленогорского 1 на настоящий момент имеются даты двух нижних образцов (140–150 см – XV в., 100–110 см – руб. XVI–XVII вв.), а для Шиджатмаза – три даты (210–220 см – X–XII вв., 175–185 см – XI в., 90–100 см – руб. XVII–XVIII вв.).

Для извлечения растительных макроостатков (семена, плоды, уголь) из образцов применялся метод ручной флотации [15] на сите с ячейкой 0,5 мм и использованием речной воды. Всего из 9 навесов было промыто 23 пробы общим объемом 186,5 л. Для разбора полученных флотов и таксономических определений плодов и семян использовался микроскоп ADF S645, с увеличением $\times 7$ –40. Определения проводились при помощи атласов-определителей [16; 17; 18], названия таксонов давались по «Определителю сосудистых растений» [19]. При учете остатков культурных злаков и бобовых проводилась реконструкция фрагментированных зерен и семян до целых с целью установления минимально возможного их числа [20]. Древесные угли отбирались на всех памятниках за исключением Катыхинского. Антракологический анализ проводился по стандартной методике, включающей исследования анатомии карбонизированной древесины в трёх проекциях под отражённым светом с использованием микроскопа Микромед Полар-1 с увеличением 20–500х и атласов-определителей [21; 22]. Все определения древесных углей осуществлялись до родовой принадлежности за исключением углей, относящихся к трибе *Maleae* (яблоневые), из которых только в одном случае удалось выделить род *Sorbus* (рябина).

Результаты

Археоботанический анализ. Из 23 проб лишь 18 содержали либо остатки культурных злаков и бобовых, либо косточки и семена плодовых, ягодных и лесных растений, а часто – и те, и другие (табл. 1). Зерна и семена культурных растений найдены исключительно в карбонизированном состоянии, в восьми из девяти памятников, за исключением Уллу-Дорбунла (XVII – нач. XX вв.). Обнаружено не менее восьми видов злаков и одного бобового. Чаще других встречается просо обыкновенное *Panicum miliaceum* – оно присутствует в отложениях шести навесов. Определены три вида пшеницы, в основном, мягкая *Triticum aestivum* ssp. *aestivum*, но также и пленчатые виды – однозернянка *Tr. monococcum* и двузернянка *Tr. turgidum* ssp. *dicoccum*. В М. Бермамыте также зафиксированы зерна пшеницы неплохой сохранности, но по морфологическим признакам их сложно отнести к какому-то конкретному виду. Учитывая разнообразие пшеницы на Кавказе [23], нельзя исключать, что это редко встречающиеся в археологии виды/подвиды, либо ландрасы (стародавние сорта) мягкой пшеницы. Найдены и другие злаки – ячмень *Hordeum vulgare*, рожь *Secale cereale* и овес *Avena* sp. В навесе Кич-Малка

1 Здесь и далее приведены откалиброванные даты.

2 В навесе Кичмалка суммарная мощность горизонтов превышала 180 см, но среднюю часть занимал каменный завал, пробы отбирались над ним и под ним.

обнаружено единственное небольшое скопление зерен проса итальянского *Setaria italica* ssp. *italica* и только в навесе Шиджатмаз встречены остатки бобовых, из которых только одно семя определено как чечевица *Lens culinaris*. Наибольшим разнообразием культурных видов отличаются три навеса – Катыхинский, Шиджатмаз и М. Бермамыт. Остатки мякины и соломы присутствуют в восьми навесах, за редким исключением также в карбонизированном состоянии. Только в Гум-Баши зафиксировано несколько цветковых чешуй проса, сохранившихся в некарбонизированном виде. Мякина относится не менее, чем к шести видам злаков и обильнее всего представлена в Шиджатмазе. Средние концентрации макроостатков культурных растений (МКР) колеблются по памятникам от 0,3 ед./л до 24,2 ед./л слоя. Этот показатель не зависит от места и высоты расположения навеса, однако можно сказать, что подавляющее число МКР и наибольшее их разнообразие приурочено к временному интервалу VIII–XIII вв. (Шиджатмаз, Кич-Малка, Катыхинский и М. Бермамыт).

Плодовые, ягодные, бахчевые и лесные виды обнаружены в восьми навесах (кроме Катыхинского) и относятся не менее, чем к 12 видам (табл. 1). Половина из них встречена только на каком-то одном памятнике, но некоторые – яблоня/груша *Malus/Pyrus*, черника/брусника *Vaccinium* sp., терн(?) *Prunus* cf. *spinosa*, можжевельник обыкновенный *Juniperus communis* – сразу на нескольких. За исключением некарбонизированных семян бузины *Sambucus* cf. *nigra*, происходящих, преимущественно из одного образца из Зеленогорского 1, остальные виды сохраняются чаще всего в карбонизированном виде. Насыщенность слоя макроостатками этой категории в среднем намного скромнее по сравнению со злаками и бобовыми, так же как меньше и разброс между памятниками – всего 0,05–3,6 ед./л слоя.

Антракологический анализ зоогенных отложений показал значительную вариабельность ботанического состава углей изученных памятников. В общей сложности на основе 1663 определённых фрагментов из 22 проб выявлено 19 таксонов (табл. 2, рис. 2). Наименьшее разнообразие отмечено в образцах из Зеленогорского-1 (ива *Salix* sp. и лещина *Corylus* sp. приблизительно в равных пропорциях) и М. Бермамыта (берёза *Betula* sp. и единственный фрагмент рододендрона *Rhododendron* sp.). В этих нишах проанализировано четыре и три образца с разных глубин, соответственно. Различий между горизонтами не выявлено. Несколько более высокой степенью разнообразия характеризуется навес Гум-Баши – при самой обильной выборке в 913 фрагментов выявлено всего четыре таксона: сем. *Betulaceae*, включающее, в основном, берёзу *Betula* sp. и некоторое количество фрагментов ольхи *Alnus* sp., а также ива *Salix* sp., сосна *Pinus* sp. и липа *Tilia* sp.), состав которых не меняется по профилю. В образце из навеса Уллу-Дорбунла определено 14 фрагментов древесных углей, были идентифицированы клён *Acer* sp., тополь/осина *Populus* sp., лещина *Corylus* sp., берёза *Betula* sp., жимолость *Lonicera* sp. Из отложений Джилы-Су проанализировано три образца и выявлено шесть таксонов. Во всех образцах преобладает берёза: в пробе из средней части профиля (45–55 см) присутствует только берёза, в верхней (32–40 см) кроме нее отмечены фрагменты ольхи, сосны и можжевельника *Juniperus* sp., а в нижней (56–65 см) – ивы *Salix* sp. и рододендрона *Rhododendron* sp. Навес Кичмалка также характеризуется наличием семи определённых таксонов из единственного образца. В его отложениях также отмечено преобладание берёзы при меньшей части ивы, лещины, граба и сосны, а также облепихи *Hippophaë* sp. (табл. 2, рис. 1). Восемь таксонов идентифицировано в пяти образцах, отобранных под навесом Шиджатмаз. При общем преобладании берёзы отмечается довольно существенное содержание фрагментов ольхи и в незначительном количестве присутствуют фрагменты ивы, тополя/осины, лещины, граба *Carpinus* sp., а также хмелеграба *Ostrya* sp. и сосны *Pinus* sp. Наибольшее разнообразие отмечено в горизонте, расположенном на глубине 175–185 см, где отмечены все упомянутые таксоны. В ниже- и вышележащих горизонтах встречается по 1–2 таксона, за исключением самого верхнего образца (20–30 см), где разнообразие увеличивается до четырех древесных пород (граб, хмелеграб, берёза и сосна). Самым высоким разнообразием спектра древесных углей отличается памятник Подкумское 3, включающий 11 таксонов из двух образцов. В его слое наблюдается преобладание фрагментов ивы *Salix* sp. при существенной доле остатков древесины трибы яблоневые *Maleae*. К сожалению, размер и сохранность образцов не позволили определить фрагменты яблоневых до вида, однако исходя из их анатомических признаков наиболее вероятно, что они принадлежат к роду яблоня *Malus* sp. или ирга *Amelanchier* sp. Относительно небольшую долю в нём также составляют угли лещины, тополя или осины, ольхи, граба и можжевельника. И только в отложениях этого памятника встречаются угли рябины *Sorbus* sp., а также представители таких широколиственных пород как дуб *Quercus* sp., бук *Fagus* sp. и ясень *Fraxinus* sp. Наибольшим

разнообразием отличается нижний слой с глубины 57–70 см, где присутствуют 10 из 11 выявленных таксонов и отмечается преобладание яблоневого. Из общего спектра таксонов не встречаются в этом слое только фрагменты ольхи. В верхнем слое (22–32 см) идентифицировано всего четыре таксона: помимо ольхи, там обнаружены фрагменты ивы, которые доминируют в общем количестве, а также определены фрагменты лещины и яблоневых.

Обсуждение

Было бы интересно сопоставить полученные материалы с аналогичными находками из ближайших синхронных поселений. Антракологические данные для них, к сожалению, отсутствуют. Что же касается археоботанических коллекций из Кисловодской котловины, то основной блок изученных на данный момент памятников [24] относится к более раннему периоду (II в. до н.э. – VIII вв. н.э.). И, хотя прямое сопоставление здесь невозможно, характерно, что при обилии находок культурных злаков, отмечено практически полное отсутствие плодовых и лесных видов в этих коллекциях. Так, в 68 образцах из 21 поселения раннесредневекового времени обнаружено почти 10 тыс. макроостатков. Почти 6,5 тыс. (в среднем примерно 10 ед./л) из них – это остатки целых и фрагментированных зерен злаков, мякины, соломы, также есть и незначительное число семян бобовых и льна. Показательно, тем не менее, что состав злаков и бобовых более ранних памятников полностью совпадает с обнаруженными в навесах. Концентрации и разнообразие МКР в некоторых навесах находятся на уровне поселенческих материалов. А вот количество плодовых и лесных таксонов из поселенческих коллекций на этом фоне ничтожно мало – всего 9 находок из трех памятников. Таксономические определения получили только одна косточка кизила *Cornus mas*, шиповника *Rosa* sp. и пять фрагментов оснований хвои сосны *Pinus* sp.

Отметим, что обнаруженные культурные растения вряд ли были выращены в непосредственной близости от изученных навесов. В случае высокогорной зоны они находятся далеко от известных поселений и их земледельческих угодий, а в среднегорье и низкогорье навесы начали осваиваться позже прекращения жизни на близлежащих поселениях (Катыхинский, Зеленогорский 1, Кич-Малка, Подкумское 3, Уллу-Дорбунла, Шиджатмаз) [13].

Культурные злаки – это не только основа питания человека, они могут входить и в рацион домашних животных. И установить, для чего предназначались те или иные, найденные на археологических памятниках, зерновки в большинстве случаев не представляется возможным, ведь они сгорели до того, как стали пищей или кормом. Исключением стал навес Шиджатмаз, который предоставил нам редкую возможность для подобной интерпретации. Подавляющее число определимых зерен (25 из 36) из этой коллекции обнаружено в пробе из самого нижнего слоя X–XII в. (гл. -200/-220 см). Большая часть зерновок ячменя и ржи, а также единственная зерновка пленчатой пшеницы в нем имеют значительные утраты, причем произошли они до сгорания, об этом свидетельствует их внешний вид: плохая сохранность, «оплавленная» по краям поверхность. Вероятнее всего, эти зерна прошли через ЖКТ животных и попали в слой из сгоревшего навоза, причем ячмень изначально находился в неочищенном от чешуй состоянии. Здесь же зафиксировано и значительное число фрагментов мякины ячменя и ржи, а также пленчатых и голозерных пшениц – все это свидетельствует об использовании субпродуктов от обмолота злаков (либо не отсеянного и не отвеянного зерна) в качестве кормовой добавки. В этом же образце присутствуют многочисленные семена и части плодов 49 травянистых таксонов, в основном луговых и пастбищных (концентрация 124 ед./л слоя; для сравнения в верхних слоях – 1–4 ед./л). Такое их разнообразие и насыщенность свидетельствуют о составе корма посещавших навес животных. Скорее всего, в зооленном отложении Шиджатмаз присутствует навоз лошадей или ослов, потому что только их пищеварительная система пропускает такое количество остатков семян и зерен в неперевааренном виде [25]; наряду с луговыми растениями, съеденными при выпасе, они получали и зерно. Ответить на вопрос использовался ли навес в качестве загон для табунов лошадей или присутствие конского навоза связано с использованием этих животных пастухами в качестве верховых сложно. Существование на Кавказе практики подкормки лошадей зерном и мякиной в более раннюю эпоху показано при изучении сгоревшего навоза, обнаруженного в культурном слое Киевского городища II–IV вв. н.э. [26].

Конечно, нельзя исключать, что часть зерна культурных злаков, оказавшегося в Шиджатмазе, предназначалась для людей. Тем более что остальные образцы из более поздних отложений, отобранные выше, также содержали зерна, но при этом в них отсутствовала мякина, и они значительно уступали в числе и разнообразии луговых видов. И, кроме того, в трех из пяти образцов этого навеса найдены остатки плодовых – если дикие яблоки или груши животные могли достать с веток сами или подобрать под деревьями, то плоды черники, шиповника, терна вероятнее были принесены человеком для собственного потребления. Их могли есть в сыром виде или добавлять в напитки.

Присутствие просяных на большинстве памятников не удивляет, они дают самую распространенную и удобную крупу для использования при подвижном образе жизни, которым является пастушество. Цельнозерновые каши и похлебки могут быть приготовлены и из пленчатых видов пшеницы, ячменя, овса и чечевицы. Однако в нескольких навесах обнаружены и традиционные хлебные злаки – рожь и мягкая пшеница. Изредка они применяются в цельном виде в питании людей, но при этом собираются недозрелыми («зеленая рожь», «зеленая пшеница») [27, р. 167]. Во всех остальных случаях они требуют дополнительных стадий переработки – обдирки, дробления, разделения на фракции, перемола в муку. Для всех этих операций нужен дополнительный инструментарий, помещения и сооружения. Представляется нереальным вариант, при котором все эти активности могли быть связанными с навесами и гротами. Еще раз подчеркнем, что кормовое предназначение ржи и ячменя засвидетельствовано только в одном образце из Шиджатмаза, во всех остальных случаях пшеница и рожь не имеют следов навозного происхождения. Поэтому их присутствие в навесах, особенно на средних и больших высотах (М. Бермамыт и Шиджатмаз) пока можно интерпретировать двояко. Либо они являлись случайными (или намеренными?) примесями к другим видам пищевого или кормового зерна, либо в каких-то исключительных случаях все же доставлялись в навесы в качестве отдельного фуража, но сгорели до того, как были съедены, после чего попали в слой.

Рожь, пленчатые пшеницы (двузернянка и однозернянка), просо итальянское (могар), насколько можно судить, практически полностью исчезают на Северном Кавказе в Позднем Средневековье, по крайней мере, в изучаемом регионе первые этнографические источники этих злаков не застают [28, с. 77–95]. К сожалению, проверить это на поселенческих материалах нельзя из-за отсутствия в нашем распоряжении коллекций моложе XI–XIII вв., но выборки из навесов подтверждают эти изменения. В отложениях, начавших формироваться в XIV–XV вв. (Зеленогорский 1, Подкумское 3), а также в поздних горизонтах Шиджатмаза (после конца XVII в.) и верхнем слое Джилы-Су XVI–XVII вв., найдены только просо обыкновенное, мягкая пшеница, ячмень и овес.

Несмотря на то, что прямое сопоставление состава ягодных и плодовых видов между навесами и поселениями невозможно из-за хронологических несовпадений, все же отметим, что семена и плоды почти всех обнаруженных таксонов способны сохраняться в карбонизированном состоянии, а это значит, что принципиальная возможность для обнаружения этой категории используемых растений на поселенческих памятниках есть. Так с чем же может быть связано почти полное их отсутствие там при наличии и даже заметном разнообразии в отложениях под навесами? Во-первых, становится очевидным, что на протяжении Раннего Средневековья в районе Кисловодской котловины еще не было развито садоводство³. В ином случае семена и остатки косточек плодовых и ягодных видов появлялись бы в составе археоботанических коллекций из поселений намного чаще. Однако этого не наблюдается [24]. Зато образцы из навесов свидетельствуют о том, что люди, связанные со скотоводством, по всей видимости, имели больше доступа или времени для сбора этой категории растений в дикой природе. Насколько можно судить, на поселения собираемые растения попадали, но в малых количествах, что говорит об отсутствии целенаправленных массовых заготовок. Либо их отходы тщательно утилизировали за пределами изученных зон памятников (представляется маловероятным). Помимо того, что дикорастущие съедобные и лекарственные виды приносились под навесы пастухами, они могли поедались скотиной самостоятельно при выпасе и поступать с навозом. Однако маловероятно, что животные интересовались, например, колючими (шиповник, терн, можжевельник) или ядовитыми (рододендрон) кустарниками.

В отличие от культурных злаков для плодовых и лесных растений наблюдаются некоторые закономерности в высотном распределении. Так яблоня/груша, шиповник, терн, черника/брусника,

³ К сожалению, материалов из более поздних памятников X–XIII вв. у нас крайне мало (гор. Уллу-Дорбунла и пос. Красногорское XII в долине Кубани), однако и они не дали находок плодовых и ягодных растений

рододендрон, хмель, можжевельник встречены только на средних и верхних высотах. Тогда как земляника, бузина, лох и тыквенные – только в Зеленогорском 1 (880 м н.у.м.). Конечно, эта ситуация связана с высотной поясностью, что еще раз убеждает нас в том, что указанные виды являлись результатом местного собирательства – и, за некоторыми исключениями, в окрестностях памятников. В случае рододендрона и черники/брусники, семена которых обнаружены в Подкумском 3 и Уллу-Дорбунла, нет сомнений, что их плоды были принесены людьми из высокогорий, так как они растут значительно выше мест расположения указанных памятников [29, с. 90–91]. Отдельные экземпляры яблони/груши и терна, конечно, могли встречаться неподалеку от Шиджатмаза, но, скорее всего, были принесены пастухами снизу. И тем более это справедливо в отношении указанных видов для навесов М. Бермамыт и Джилы-Су, которые находятся еще выше [29, с. 141, 143].

Единственный фрагмент семени тыквенных (вероятно, арбуза) происходит из верхних горизонтов Зеленогорского 1 и нуждается в прямом датировании, так как вполне вероятно, что это современный интрузив. Однако он может относиться и к Новому времени, когда продукция бахчеводства уже, безусловно, была доступна местному населению.

Общий спектр идентифицированных фрагментов древесных углей отражает, в большей степени, локальный состав растительных сообществ на момент накопления зоогенных отложений. На нижних и средних высотах он, вероятно, искусственно редуцирован вследствие выбора пород в качестве источников топлива или же веточного корма для скота, а в высокогорье – более бедным составом растительности на верхней границе леса.

Наиболее часто встречающимися породами являются ива и берёза, широко распространённые в приречных местообитаниях, которые, вероятно, и служили основными источниками топлива. Присутствие других таксонов, тяготеющих к поймам (в первую очередь, ольха и тополь), также подтверждают это. Отмечается закономерное снижение доли широколиственных пород (лещина, бук, клён, граб, дуб) по мере увеличения высоты расположения навесов. Сопоставление с информацией о современном расположении верхних границ ареалов идентифицированных таксонов [29] показало, что есть лишь несколько исключений, где в составе отложений присутствуют фрагменты углей древесных растений, не характерных для высоты расположения навеса. Наиболее яркое несоответствие наблюдается в нише Гум-Баши, где отмечено значительное содержание углей липы – в настоящий момент лишь один вид этого дерева способен достигать 2000 м н.у.м., что как минимум на 100 м ниже расположения навеса [29, с. 114–115]. В норме же липа не поднимается выше среднего пояса.

Схожая картина выявлена для навеса Шиджатмаз, в отложениях которого отмечены фрагменты углей граба и хмелеграба, в настоящий момент обитающих, по крайней мере, на 50 м и 300 м ниже, соответственно. Также в слое органогенных отложений навеса Джилы-Су отмечены угли ольхи, которая сегодня произрастает на 400–500 м ниже. Является ли все это результатом иного расположения высотных поясов в прошлом или целенаправленного приноса древесины в качестве топлива с нижних высот, или современного антропогенного влияния на сокращение древостоя указанных видов, на данный момент сказать сложно. Смещение верхних границ ареалов указанных пород вполне могло происходить в связи с потеплением во время средневекового климатического оптимума (X–XIII вв.), хорошо выраженного на Кавказе [30; 31]. Именно в этот период (начиная с VIII–IX вв.) формируется нижняя часть отложения Гум-Баши (с фрагментами липы) и слой 175–185 см под навесом Шиджатмаз (начиная с X–XII вв.) с углями граба и хмелеграба. Однако последние немногочисленны и имеют небольшой вес в спектрах, что может быть связано все же со случайным разовым заносом снизу. Это же относится и к находкам ольхи в зоогенном отложении Джилы-Су. Тем более, что ольха встречена лишь в верхней части профиля (32–40 см), которая формировалась в XVI–XVII вв. А вот в отношении липы такого сказать нельзя, она имеет существенную долю в спектре Гум-Баши. Последнее может свидетельствовать о большей доступности этого ресурса для пастухов.

Второй момент, на который стоит обратить внимание, это низкая доля и разнообразие хвойных в спектрах. Они обнаружены в пяти навесах, и только в Гум-Баши сосна присутствует в заметном количестве. Это, вероятно, связано с местом расположения навесов – в основном в долинах рек, что обеспечивало более легкий доступ к воде и древесному топливу (ива, береза, ольха и тополь), в отличие от навеса Гум-Баши, который находится на одноименном перевале. Возможно, что в рассматриваемое время сосны произрастали ближе, чем другие породы, и были доступнее.

Угли плодовых деревьев массово встречаются только на Подкумском 3, где выявлены фрагменты яблоневого, и где также обнаружено одно семя яблони или груши. К сожалению, нельзя уточнить, к какому именно роду или виду относятся эти находки. Вероятно, наряду с их пищевым использованием, в качестве дров использовалась и мертвая древесина, что надежно свидетельствует о произрастании яблоневых поблизости от навеса. Также из ягодных культур присутствуют в незначительном количестве фрагменты древесины жимолости в слое Уллу-Дорбунла.

Состав древесных углей практически не коррелирует с находками семян и плодов древесных таксонов (за исключением упомянутых яблоневых). В данном контексте интересно рассмотреть использование лещины *Corylus* sp. Фрагменты ее древесины встречаются в слоях четырех памятников, расположенных ниже отметки 1750 м н.у.м., что соответствует современному распространению этого растения, но остатки скорлупы орехов не найдены, что говорит о её использовании не в качестве источника пищи, а в качестве топлива.

Заключение

В отсутствии материалов с поселенческих памятников данные, полученные при целенаправленном сборе образцов в многослойных зоогенных отложениях, при помощи археоботанического и антракологического анализов, дают качественно новую информацию об использовании людьми и животными растительных ресурсов. Несколько неожиданным выглядит присутствие остатков культурных растений под скальными навесами, зачастую достаточно удаленными от ближайших поселений, что свидетельствует об их целенаправленном завозе в течение довольно продолжительного времени. Доставка плодов и древесины некоторых пород под навесы в большинстве случаев отражает их локальный сбор, несмотря на несколько исключений. При этом даже сравнительно небольшой объем промытого грунта, отобранного из ограниченных по площади разрезов и зондажей, на ряде памятников дал богатый и представительный материал, что говорит о перспективности дальнейших работ по всестороннему изучению этих объектов с применением комплексного подхода.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 24-27-00368 «Реконструкция природной среды и хозяйственной деятельности на Центральном Кавказе в последние два тысячелетия по результатам археоботанического изучения зоогенных и болотных отложений».

Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation (RSF) grant No. 24-27-00368 “Reconstruction of the Natural Environment and Economic Activity in the Central Caucasus over the Last Two Millennia Based on the Results of Archaeobotanical Studies of Zoogenic and Mire Deposits.”

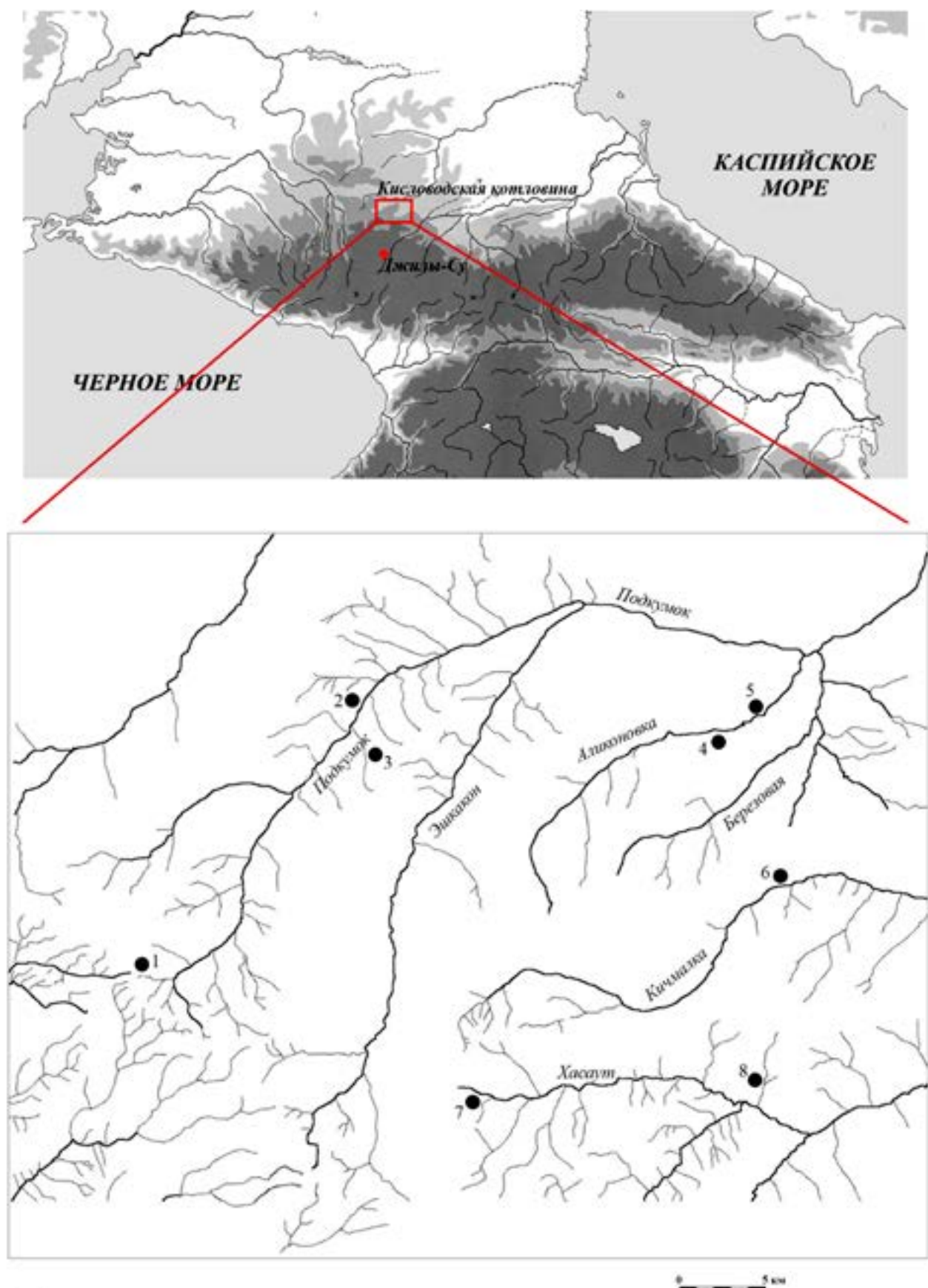


Рис. 1. Место расположения навесов:верху – Кисловодская котловина и навес Джи́лы-Су (красный кружок).
Внизу – Навесы в Кисловодской котловине: 1 – Гум-Баши, 2 – Подкумское-3, 3 – Уллу-Дорбунла, 4 – Катыхинский,
5 – Зеленогорский 1, 6 – Кич-Малка, 7 – Мал. Бермамыт, 8 – Шиджатмаз

Fig.1. Locations of rock shelters: top – Kislovodsk basin and Dzhily-Su shelter (red circle).
Bottom: 1 – Gum-Bashi, 2 – Podkumskoe-3, 3 – Ullu-Dorbunla, 4 – Katykhinskiy,
5 – Zelenogorskiy, 6 – Kich-Malka, 7 – Mal. Bermamyt, 8 – Shidzhatmaz

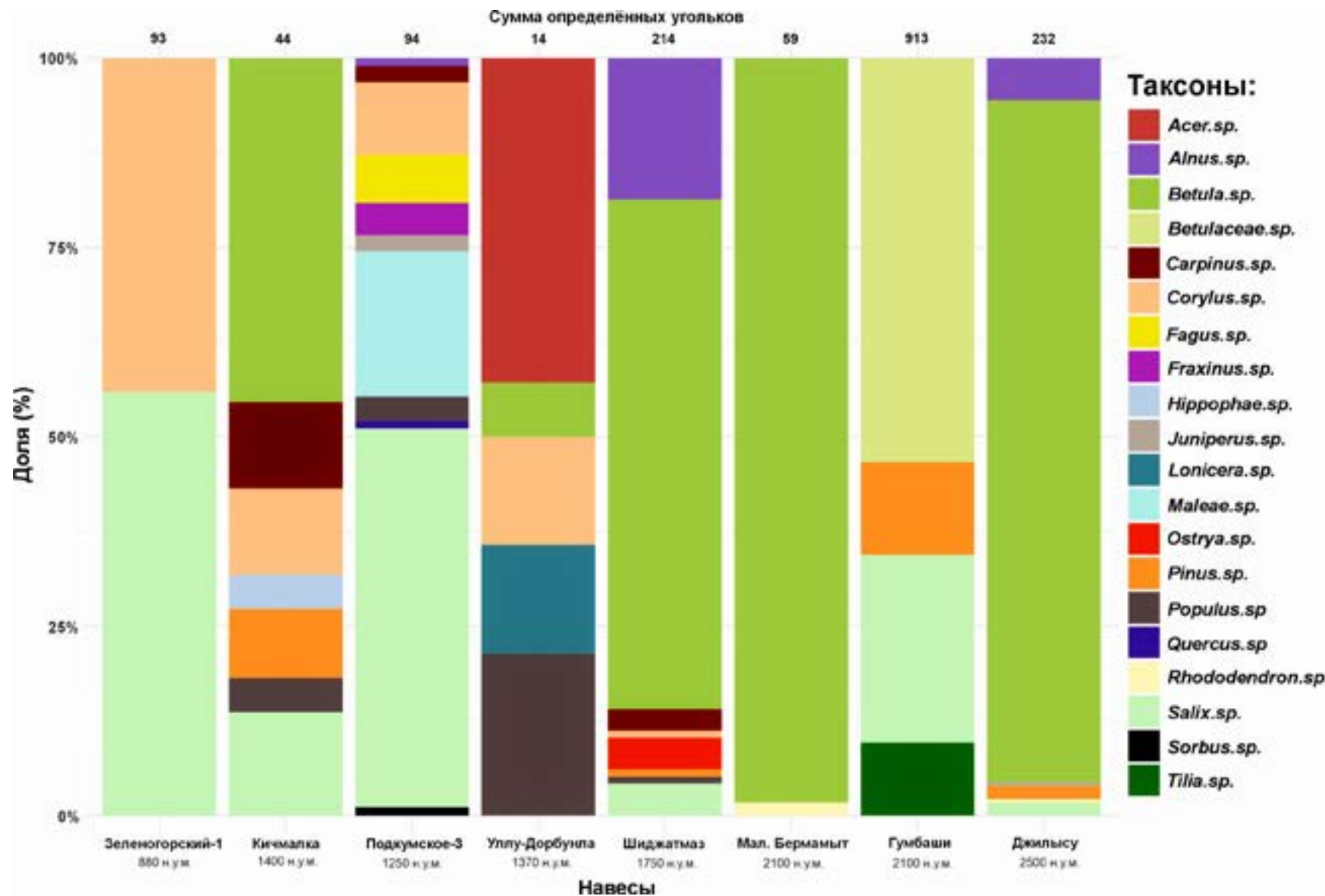


Рис. 2. Таксономические спектры древесных пород

Fig.2. Wood spectra

Таблица № 1. Таксономический состав культурных и дикорастущих пищевых растений, карбонизированные макроостатки (некарбонизированные)

Table No. 1. Crops and wild food taxa, carbonised macroremains (uncarbonised)

Название навеса	Зеленогорский 1	Катыхинский	Кичмалка	Подкумское 3	Уллу-Дорбунла	Шиджатмаз	Мал. Бермамыт	Гумбаши	Джилысу
Время начала формирования отложений, век	XV	X-XI	XI-XIII	XIV-XV	XVII-XX	X-XII	VII-VIII	VIII-IX	VII-VIII
Высота н.у.м.	880	950	1400	1250	1370	1750	2100	2100	2500
Количество образцов	4	1	2	2	1	5	3	2	3
Количество образцов, содержавших остатки культурных и дикорастущих пищевых растений	4	1	1	2	1	5	2	1	1
Объем промытого грунта, л	40	5	13	20	10	44	25	20	9,5
Культурные растения, зерна и семена									
Мягкая пшеница <i>Triticum aestivum</i>				1		5	4		
Однозернянка <i>Tr. monococcum</i>		4							
Двузернянка <i>Tr. turg.ssp.dicoccum</i>		1							
Одн/Двузерн <i>Tr. monococcum/dicoccum</i>		3					1		
Пшеница неопред. <i>Triticum</i> sp.						1	11		
Ячмень <i>Hordeum vulgare</i>		1				15	3		
Рожь <i>Secale cereale</i>		1				4	7		
Овес <i>Avena</i> sp.		2				3			1
Просо обыкновенное <i>Panicum miliaceum</i>	4	5	44	2		8		81	
Просо итальянское <i>Setaria it.ssp.italica</i>			252						
Просо об/итал <i>Panicum/Setaria</i>			15						
Чечевица <i>Lens culinaris</i>						1			
Культ злаки Cerealia, неопред. фр-ты		73				97	161		
Культ. бобовые Fabaceae, неопр. фр-ты						2			
всего	4	90	311	3		136	187	81	1
Мякина и солома									
<i>Triticum monococcum</i>						1			
<i>Triticum</i> sp., пленч.		18				30	1		
<i>Triticum aestivum</i>				1		3	3		
<i>Triticum</i> sp., голозер.						3			
<i>Hordeum vulgare</i>						15	3		
<i>Secale cereale</i>						28	5		
<i>Avena</i> sp.						1			1
<i>Panicum miliaceum</i>			4			1		5+(5)	
Неопред.						20	1		
солома, узлы	9	6		12		17			11
всего	9	24	4	13		119	13	5+(5)	12
Концентрация МКР ед./л.	0,3	22,8	24,2	0,8		5,8	8,0	4,5	1,4
Плодовые, ягодные, бахчевые, лесные									
Сем. Розовые Rosaceae						1			
Шиповник <i>Rosa</i> sp.						2			
Яблоня/Груша <i>Malus / Pyrus</i>			2	1		2	2		
Земляника <i>Fragaria</i> sp.	1								
Земл. лесная <i>Fragaria vesca</i>	1								
Терн? <i>Prunus</i> cf. <i>spinosa</i>					(1)	1			1
Черника/брусника <i>Vaccinium</i> sp.				3	1	1	(1)		4
?Рододендрон желтый cf. <i>Rododendron luteum</i>				20					
Лох <i>Elaeagnus</i> sp.	1								
Бузина черная? <i>Sambucus</i> cf. <i>nigrum</i>	2+(140)								
Хмель <i>Humulus lupulus</i>								1	
Сем. Тыквенные Cucurbitaceae	(1)								
Можжевельник обыкновенный <i>Juniperus communis</i> , побеги и хвоя				1		5			1
скорлупа					(1)				
всего	5+(141)		2	25	1+(2)	12	2+(1)	1	6
Концентрация ед./л	3,6		0,2	1,2	0,3	0,3	0,1	0,05	0,6

Таблица № 2. Таксономический состав древесных таксонов, фрагменты углей**Table No. 2. Wood taxa, charcoals fragments**

Название навеса	Зеленогорский 1	Кичмалка	Подкумское 3	Уллу-Дорбунла	Шиджатмаз	Мал. Бермамыт	Гумбаши	Джилысу
Время начала формирования отложений, век	XV	XI-XIII	XIV-XV	XVII-XX	X-XII	VII-VIII	VIII-IX	VII-VIII
Высота н.у.м.	880	1400	1250	1370	1750	2100	2100	2500
Количество образцов	4	2	2	1	5	3	2	3
Объем промытого грунта, л	40	13	20	10	44	25	20	9,5
Ива <i>Salix</i> sp.	52	6	47		9		226	4
Тополь/осина <i>Populus</i> sp.		2	3	3	2			
Берёзовые <i>Betulaceae</i>							487*	
Лещина <i>Corylus</i> sp.	41	5	9	2	2			
Ольха <i>Alnus</i> sp.			1		40			13
Берёза <i>Betula</i> sp.		20		1	144	58		209
Граб <i>Carpinus</i> sp.		5	2		6			
Хмелеграб <i>Ostrya</i> sp.					9			
Дуб <i>Quercus</i> sp.			1					
Бук <i>Fagus</i> sp.			6					
Липа <i>Tilia</i> sp.							88	
Ясень <i>Fraxinus</i> sp.			4					
Клён <i>Acer</i> sp.				6				
Яблоневые <i>Maleae</i>			18					
Рябина <i>Sorbus</i> sp.			1					
Облепиха <i>Hippophaë</i> sp.		2						
Жимолость <i>Lonicera</i> sp.				2				
Рододендрон <i>Rhododendron</i> sp.						1		1
Можжевельник <i>Juniperus</i> sp.			2					1
Сосна <i>Pinus</i> sp.		4			2		112	4

* - в определениях семейства берёзовые (*Betulaceae*) включены фрагменты преимущественно берёзы (*Betula* sp.) и в меньшем количестве ольхи (*Alnus* sp.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Brochier, E.J., Villa, P., Giacomarra, M., Tagliacozzo, A. Shepherds and sediments: geo-ethnoarchaeology of pastoral sites. *J. Anthropol. Archaeol.* 1992. 11, 47–102.
2. Князев А.В., Савинетский А.Б. Изучение отложений ископаемого помета копытных в Северной Осетии // Историческая экология диких и домашних копытных / Отв. ред. Л. Г. Динесман. М: Наука, 1992. С. 147–164.
3. Бабенко А.Н., Киселева Н.К., Плахт И., Розен С., Савинетский А.Б., Хасанов Б.Ф. Реконструкция растительного покрова центральной части пустыни Негев (Израиль) в голоцене по данным пыльцевого анализа зоогенного отложения Ацмаут // Экология. 2007. № 6. С. 417–426.
4. Shahack-Gross R. 2011. Herbivorous livestock dung: formation, taphonomy, methods for identification, and archaeological significance // *Journal of Archaeological Science*. 2011. Vol. 38. P. 205–218.
5. Polo-Díaz A., M. Alonso Eguíluz M., Ruiz M., Perez S., Mújika J., Albert R.M., Fernandez Eraso J. 2016. Management of residues and natural resources at San Cristobal: rock-shelter: Contribution to the characterisation of chalcolithic agropastoral groups in the Iberian Peninsula // *Quaternary International*. 2016. Vol. 414. P. 202–225.
6. Fuks, D., Dunseth, Z.C., 2021. Dung in the dumps: what we can learn from multi-proxy studies of archaeological dung pellets // *Veget Hist Archaeobot.* 2021. 30. Pp. 137–153.
7. Babenko A. Holocene Climatic Changes in the Negev Desert (Israel): Pollen and Stable Isotopes ($^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ and $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) Records from Atzmaut and Ramon I Zoogenic Deposits // *Quaternary*. 2024. Vol. 7(4). 45.
8. Delhon C., Martin L., Thiebault S. 2024. Neolithic shepherds and sheepfold caves in Southern France and adjacent areas: An overview from 40 years of bioarchaeological analyses // *Quaternary International*. 2024. Vol. 683–684. P. 61–75.
9. Elliott S., Matthews W. 2024. Dung detective! A multi-scalar, multi-method approach to identification and analysis of ancient faecal material // *Quaternary International*. 2024. Vol. 683–684. P. 162–181.
10. Exposito I., Allue E., Burguet-Coca A., Alonso N., Benito-Calvo A., Mora R., Gonzalez-Marcen P., Martinez-Moreno J., 2024. Forests and fields in the pre-pyrenean neolithic and early Bronze Age based on fumier archaeobotanical records // *Quaternary International*. 2024. Vol. 683–684. P. 76–91.
11. Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Коробов Д.С. Первые результаты изучения зоогенного отложения Гум-Баши (Карачаево-Черкесия) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и Средневековье. XXX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 2018. С. 290–292.
12. Коробов Д.С., Борисов А.В., Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Чернышева Е.В. Комплексное исследование каменных загонов в окрестностях Кисловодска // *Российская археология*. 2018. №2. С. 113–129.
13. Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю. Реконструкция отгонного скотоводства на Северном Кавказе по данным радиоуглеродного датирования зоогенных отложений: возможности и перспективы // КСИА. 2025. № 280. С. 442–456.
14. Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Т. 1. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 384 с.
15. Лебедева Е.Ю. Археоботаника: методы исследований и интерпретация результатов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 118–146.
1. Brochier E.J., Villa P., Giacomarra M., Tagliacozzo A. Shepherds and sediments: geo-ethnoarchaeology of pastoral sites. *Journal of Anthropological Archaeology*. 1992; 11: 47–102.
2. Knyazev A.V., Savinetsky A.B. The study of fossil ungulate dung deposits in North Ossetia. *Historical Ecology of Wild and Domestic Ungulates*, L.G. Dinesman (ed.). Moscow: Nauka, 1992: 147–164. (In Russ)
3. Babenko AN., Kiseleva NK., Plakht I., Rosen S., Savinetsky AB., Khasanov BF. Reconstruction of the Holocene vegetation cover in the central Negev Desert (Israel) based on pollen analysis of the Atzmaut zoogenic deposit. *Russian Journal of Ecology*. 2007; 38(6): 417–426. (In Russ)
4. Shahack-Gross R. Herbivorous livestock dung: formation, taphonomy, methods for identification, and archaeological significance. *Journal of Archaeological Science*. 2011; 38: 205–218.
5. Polo-Díaz A., Alonso Eguíluz M., Ruiz M., Perez S., Mújika J., Albert R.M., Fernández Eraso J. Management of residues and natural resources at San Cristóbal rock-shelter: contribution to the characterisation of Chalcolithic agropastoral groups in the Iberian Peninsula. *Quaternary International*. 2016; 414: 202–225. (In Russ)
6. Fuks D., Dunseth Z.C. Dung in the dumps: what we can learn from multi-proxy studies of archaeological dung pellets. *Vegetation History and Archaeobotany*. 2021; 30: 137–153.
7. Babenko A. Holocene climatic changes in the Negev Desert (Israel): Pollen and Stable Isotopes ($^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ and $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) Records from Atzmaut and Ramon I Zoogenic Deposits. *Quaternary*. 2024; 7(4): 45.
8. Delhon C., Martin L., Thiebault S. Neolithic shepherds and sheepfold caves in Southern France and adjacent areas: an overview from 40 years of bioarchaeological analyses. *Quaternary International*. 2024; 683–684: 61–75.
9. Elliott S., Matthews W. Dung detective! A multi-scalar, multi-method approach to identification and analysis of ancient faecal material. *Quaternary International*. 2024; 683–684: 162–181.
10. Expósito I., Allué E., Burguet-Coca A., Alonso N., Benito-Calvo A., Mora R., González-Marcén P., Martínez-Moreno J. Forests and fields in the pre-Pyrenean Neolithic and Early Bronze Age based on fumier archaeobotanical records. *Quaternary International*. 2024; 683–684: 76–91.
11. Babenko AN., Sergeev AYU., Korobov DS. First results of the study of the Gum-Bashi zoogenic deposit (Karachay-Cherkessia). *The Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. 30th Krupnov Readings. Materials of the International Scientific Conference*. Karachayevsk, 2018: 290–292. (In Russ)
12. Korobov DS., Borisov AV., Babenko AN., Sergeev AYU., Chernysheva EV. A comprehensive study of stone enclosures in the vicinity of Kislovodsk. *Russian Archaeology*. 2018; (2): 113–129. (In Russ)
13. Babenko AN., Sergeev AYU. Reconstruction of transhumance pastoralism in the North Caucasus based on radiocarbon dating of zoogenic deposits: opportunities and prospects. *Brief Communications of the Institute of Archaeology (KSIA)*. 2025; (280): 442–456. (In Russ)
14. Korobov DS. *The settlement system of the Alans in the Central Ciscaucasia in the 1st millennium AD (landscape archaeology of the Kislovodsk Basin)*. Vol. 1. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. (In Russ)
15. Lebedeva EYu. Archaeobotanical research methods and interpretation of results. *Interdisciplinary Integration in Archaeology (Based on Lectures for Postgraduate Students and Young Staff)*, E.N. Chernykh, T.N. Mishina (eds.). Moscow: IA RAN, 2016: 118–146. (In Russ)

16. Bojňanský V., Fargašová A. *Atlas of Seeds and Fruits of Central and East-European Flora. The Carpathian Mountains Region*. Springer, 2007.
17. Sabato D., Peña-Chocarro L. 2021. *Maris Nostri Novus Atlas Project. Seeds and fruits from the Mediterranean Basin*. Espana: Doce Calles ediciones, 2021. 452 p.
18. Cappers R., Neef R. *Handbook of Plant Palaeoecology*. Groningen: Barkhuis and GIA, 2021. 496 p.
19. Зернов А.С., Алексеев Ю.Е., Онипченко В.Г. *Определитель сосудистых растений Карачаево-Черкесской республики*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. 459 с.
20. Antolín F., Buxó R. 2011. Proposal for the systematic description and taphonomic study of carbonized cereal grain assemblages: a case study of an early Neolithic funerary context in the cave of Can Sadurní (Begues, Barcelona province, Spain) // *Vegetation History and Archaeobotany*, vol. 20. P. 53–66.
21. Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х. *Анатомия древесины растений России*. Берн: Хаупт, 2004. 456 с.
22. Akkemik Ü., Yaman, B. *Wood anatomy of Eastern Mediterranean species*. Kessel Publishing House, Remagen-Oberwinter, 2012.
23. Jorjadze M., Berishvili T., Shatberashvili E. 2014. The ancient wheats of Georgia and their traditional use in the southern part of the country // *Emirates Journal of Food and Agriculture*. Vol. 26 (2). P. 192–202.
24. Сергеев А.Ю., Коробов Д.С. Археоботанические комплексы Кисловодской котловины II в. до н.э. – XIII в. н.э. // *Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов* (отв. ред. В.И. Завьялов). ИА РАН. 2026. Вып. 6. С. 183–216. (в печати).
25. Anderson S., Ertug-Yaras F. *Fuel Fodder and Faeces: An Ethnographic and Botanical Study of Dung Fuel Use in Central Anatolia*. *Environmental Archaeology*. 1998. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 99–109.
26. Сергеев А.Ю., Бабенко А.Н., Куприянов Д.А., Коробов Д.С. Археологический навоз как источник данных о системе питания сельскохозяйственных животных на Северном Кавказе во II–IV вв. н.э. (по материалам Киевского городища) // *Российская археология*. 2022. № 4. С. 63–76.
27. Cappers R. *Digital Atlas of Traditional Food made from Cereals and Milk*. Groningen: Barkhuis & University of Groningen Library, 2018. 640 p.
28. Калоев Б.А. *Земледелие народов Северного Кавказа*. М.: Наука, 1981. 248 с.
29. Шильников Д.С. *Конспект флоры Карачаево-Черкесии*. Ставрополь: АГРУС, 2010. 384 с.
30. Solomina O., Bushueva I., Dolgova E., Jomelli V., Alexandrin M., Mikhalenko V., Matskovsky V. Glacier variations in the Northern Caucasus compared to climatic reconstructions over the past millennium // *Global and Planetary Change*. 2016. V. 140. P. 28–58.
31. Alexandrin M., Solomina O., Darin A. Variations of heat availability in the Western Caucasus in the past 1500 years inferred from a high-resolution record of bromine in the sediment of lake Karakel // *Quaternary International*. 2023. Vol. 664. P. 20–32.
16. Bojňanský V., Fargašová A. *Atlas of seeds and fruits of Central and East-European flora: the Carpathian Mountains region*. Springer, 2007.
17. Sabato D., Peña-Chocarro L. *Maris Nostri Novus Atlas Project. Seeds and fruits from the Mediterranean Basin*. España: Doce Calles ediciones, 2021.
18. Cappers R., Neef R. *Handbook of plant palaeoecology*. Groningen: Barkhuis and GIA, 2021.
19. Zernov AS., Alekseev YuE., Onipchenko VG. *Key to vascular plants of the Karachay-Cherkess Republic*. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2015. (In Russ)
20. Antolín F., Buxó R. Proposal for the systematic description and taphonomic study of carbonized cereal grain assemblages: a case study of an early Neolithic funerary context in the cave of Can Sadurní (Begues, Barcelona province, Spain). *Vegetation History and Archaeobotany*. 2011; 20: 53–66.
21. Benkova V.E., Schweingruber F.H. *Anatomy of Russian woods*. Berne: Haupt, 2004. (In Russ)
22. Akkemik Ü., Yaman B. *Wood anatomy of Eastern Mediterranean species*. Remagen-Oberwinter: Kessel Publishing House, 2012.
23. Jorjadze M., Berishvili T., Shatberashvili E. The ancient wheats of Georgia and their traditional use in the southern part of the country. *Emirates Journal of Food and Agriculture*. 2014; 26(2): 192–202.
24. Sergeev AY., Korobov DS. Archaeobotanical complexes of the Kislovodsk Basin from the 2nd century BC to the 13th century AD. *Analytical Studies of the Laboratory of Natural Science Methods. Issue 6*, V.I. Zavyalov (ed.). Moscow: IA RAN, 2026: 183–216. (In Russ)
25. Anderson S., Ertug-Yaras F. Fuel, fodder and faeces: an ethnographic and botanical study of dung fuel use in Central Anatolia. *Environmental Archaeology*. 1998; 1(1): 99–109.
26. Sergeev AY., Babenko AN., Kupriyanov DA., Korobov DS. Archaeological dung as a source of data on the diet of agricultural animals in the North Caucasus in the 2nd–4th centuries AD (based on materials from the Kievskoe hillfort). *Russian Archaeology*. 2022; (4): 63–76. (In Russ)
27. Cappers R. *Digital atlas of traditional food made from cereals and milk*. Groningen: Barkhuis & University of Groningen Library, 2018.
28. Kaloev BA. *Agriculture of the peoples of the North Caucasus*. Moscow: Nauka, 1981. (In Russ)
29. Shilnikov DS. *Checklist of the flora of Karachay-Cherkessia*. Stavropol: AGRUS, 2010. (In Russ)
30. Solomina O., Bushueva I., Dolgova E., Jomelli V., Alexandrin M., Mikhalenko V., Matskovsky V. Glacier variations in the Northern Caucasus compared to climatic reconstructions over the past millennium. *Global and Planetary Change*. 2016; 140: 28–58.
31. Alexandrin M., Solomina O., Darin A. Variations of heat availability in the Western Caucasus in the past 1500 years inferred from a high-resolution record of bromine in the sediment of lake Karakel. *Quaternary International*. 2023; 664: 20–32.

Поступила в редакцию 25.11.2025
 Принята в печать 09.12.2025
 Опубликовано 30.06.2026

Received 25.11.2025
 Accepted 09.12.2025
 Published 30.06.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222357-378>

Исследовательская статья

Маммаев Мисрихан Маммаевич
д. иск., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
misrichan37@mail.ru

СВЕТСКИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ИСЛАМСКОГО ИСКУССТВА ДАГЕСТАНА XIII–XV ВВ.

Аннотация. В статье описываются изготовленные в XIII–XV вв. в дагестанских селениях Кубачи и Калакорейш различные произведения декоративно-прикладного искусства: каменные архитектурные детали, представляющие собой оконные и дверные тимпаны и некогда украшавшие значимые общественные здания Кубачи (мечети, медресе, здание высшего органа местного самоуправления), литой бронзовый котел XIV в. (Кубачи), резные деревянные двери мечети и каменный надмогильный памятник в виде саркофага (Калакорейш). Основная часть их, за исключением одного тимпана и саркофагообразного надмогильного памятника, хранятся в Национальном музее Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи, Государственном Эрмитаже, Дагестанском музее изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой, Метрополитен-музее. Рассматриваемые памятники декорированы различными изобразительными сюжетами в сочетании с арабскими надписями (дверной тимпан и бронзовый котел из Кубачи) или их подражаниями – псевдонадписями (тимпан из Кубачи). Перечисленные памятники, как в аспекте их художественного анализа, так и их эпиграфики, изучали в XX–XXI вв. многие ученые (А.С. Башкиров, В.А. Крачковская, И.А. Орбели, А. Сальмони, Е.М. Шиллинг, Э.В. Кильчевская, Л.И. Лавров, Л.Т. Гюзальян, У. Шеррато, А.А. Иванов, П.М. Дебиров, А.Р. Шихсаидов, М.М. Маммаев). Публикация и описания их представлены в различных отечественных и зарубежных изданиях. В данной работе они объединены в группу памятников мусульманского искусства со светскими изобразительными сюжетами. Следует отметить, что в советский период, в годы доминирующего атеизма, их не рассматривали как произведения исламского искусства. В представленной статье они рассматриваются именно как произведения исламского искусства со светскими изобразительными сюжетами.

Ключевые слова: Дагестан, Кубачи, Калакорейш, исламское искусство, светские изобразительные сюжеты

Для цитирования: Маммаев М.М. Светские изобразительные сюжеты исламского искусства Дагестана XIII–XV вв. // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 2. С. 357–378. doi.org/10.32653/CH222357-378

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222357-378>

Research paper

Misrikhan M. Mammaev
Dr, Sci., Chief Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mmisrihan@mail.ru

SECLAR FIGURATIVE MOTIFS IN THE ISLAMIC ART OF 13TH–15TH CENTURY DAGESTAN

Abstract. This article discusses various works of decorative and applied art produced during the 13th to 15th centuries in the Dagestani settlements of Kubachi and Kala-Koreysh. These objects include carved stone architectural elements – specifically window and door tympanums that once adorned prominent public buildings in Kubachi (mosques, madrasas, and the municipal assembly building) – as well as a 14th-century cast bronze cauldron from Kubachi, and carved wooden mosque doors alongside a sarcophagus-shaped stone tombstone from Kala-Koreysh. With the exception of one tympanum and the tombstone, the majority of these artifacts are currently held in major collections, including the National Museum of the Republic of Dagestan named after A.A. Takho-Godi, the State Hermitage Museum, the Dagestan Museum of Fine Arts named after P.S. Gamzatova, and the Metropolitan Museum of Art. The monuments under discussion are decorated with various figurative and secular motifs combined either with legible Arabic inscriptions (as seen on a door tympanum and the bronze cauldron from Kubachi) or their imitations, known as pseudo-inscriptions (found on a Kubachi window tympanum). Throughout the 20th and 21st centuries, these objects have been extensively studied from both art-historical and epigraphic perspectives by numerous scholars, including A.S. Bashkirov, V.A. Krachkovskaya, I.A. Orbeli, A. Salmony, E.M. Schilling, E.V. Kilchevskaya, L.I. Lavrov, L.T. Gyuzalyan, U. Scerrato, A.A. Ivanov, P.M. Debirov, A.R. Shikhsaidov, and M.M. Mammaev, with their documentation published across various domestic and international venues. This paper consolidates these works into a distinct group of Islamic art featuring secular figurative imagery. It is worth noting that during the Soviet era, under dominant state atheism, these pieces were excluded from the category of religious art. This study positions them precisely as works of Islamic art that incorporate secular figurative narratives.

Keywords: Dagestan; Kubachi; Kala-Koreysh; Islamic art; secular figurative motifs

For citation: Mammaev M.M. Secular Figurative Motifs in The Islamic Art of 13th–15th Century Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 357-378. doi. [org/10.32653/CH222357-378](https://doi.org/10.32653/CH222357-378)

Жители широко известного дагестанского селения Кубачи относительно поздно по сравнению с жителями других населенных пунктов Дагестана приняли ислам. Как известно, датой окончательного принятия ими ислама считается 705 г. хиджры / 1305–1306 гг. Вместе с исламом в Кубачи проникли арабо-мусульманская культура и специфические формы искусства, характерные для стран мусульманского Востока. Это и соответствующая ремесленно-культурная производственная база в Кубачи, развившаяся в сохранении и обогащении ремесленных навыков и знаний, передававшихся из поколения в поколение, обусловили создание здесь в XIV–XV вв. уже в рамках исламской идеологической составляющей, когда зирихгеранцы-кубачинцы приняли ислам, создание большого количества выдающихся произведений мусульманского декоративно-прикладного искусства. Это, прежде всего, многочисленные памятники резьбы по камню, а также произведения художественной дерево- и металлообработки¹. Многие из них вошли в сокровищницу исламского искусства и хранятся в крупнейших музеях в России и зарубежом. Принятие ислама обусловило возведение зданий культовой архитектуры и учебных заведений – квартальных и пятничной (кубач. *Хвала мишит* – «Большая мечеть») мечетей, медресе, которые были украшены превосходно отделанными каменными рельефами и резным деревом. К тому же времени относится строительство, к сожалению, давно разрушившегося без присмотра здания дворцового типа *Хвала хьулбе* (в пер. с кубач. – «Большие дома»), которое принадлежало высшему органу местного самоуправления *Чине* (Совет старейшин) и было необычайно богато декорировано каменными рельефами с различными изобразительными сюжетами, а также арабскими надписями и растительным орнаментом.

По количеству дошедших до настоящего времени мусульманских произведений декоративно-прикладного искусства, созданных в XIV–XV вв. в с. Кубачи и во всем Дагестане, ведущее место занимают памятники камнерезного искусства. Это детали архитектурного декора с разнообразными сценами и сюжетами, с изображениями различных реальных и фантастических животных, с богатым и выразительным растительным орнаментом, с каллиграфически выполненными арабскими надписями. К категории памятников камнерезного искусства относятся также многочисленные (нами зафиксировано более 100) надмогильные стелы указанного времени, которые декорированы арабскими надписями в стиле «цветущего куфи», как правило, в органичном и, можно сказать, неотъемлемом сочетании с рельефным растительным орнаментом.

На каменных рельефах с большим художественным мастерством воспроизведены подвергнутые орнаментально-декоративной стилизации изображения львов, барсов, грифонов, драконов, единорогов, оленей, орлов, голубей и т.д., а также сцены борьбы и единоборства, охоты и звериного гона. Сюжеты и образы эти входили в репертуар «звериного стиля» Средневековья, который получил широкое распространение в архитектурном убранстве и декоре различных произведений декоративно-прикладного искусства мусульманских и христианских стран Азии и Европы, Востока и Запада. Проникнув на Кавказ, в том числе в Дагестан, они нашли в средневековом декоративно-прикладном искусстве Кубачи свои, порой оригинальные, художественно-стилистические особенности, структурно-композиционные построения и семантику.

Важной составной частью системы средневекового архитектурного декора и художественного оформления различных произведений декоративно-прикладного искусства, их неотъемлемой и показательной чертой, как известно, являлись растительный, геометрический, ленточный, эпиграфический и другие виды орнамента, отличающиеся многообразием своих форм, деталей и композиционных построений. Различные виды орнамента, прежде всего, растительный, нередко сопровождался в средневековом декоративно-прикладном искусстве и архитектуре Кубачи изобразительными сюжетами и сценами и органично вписанными в орнаментальный контекст витиеватыми, художественно выполненными арабскими надписями, которые несли не только информационную, но и декоративную нагрузку. Это наделяло выразительностью и подчеркивало красочность и статусность общественных архитектурных сооружений, приносило в произведения декоративно-прикладного искусства изысканность и эстетическое совершенство. В художественном наследии Кубачи эта восточная по своей сути и происхождению растительная орнаментика заняла важнейшее, ведущее место. Она продолжает свое существование, обогащаясь и развиваясь, в современном ювелирном искусстве кубачинцев.

¹ Отечественные исследователи, изучавшие перечисленные памятники средневекового искусства, в советский период не рассматривали их как произведения мусульманского искусства.

В средние века Кубачи возвысились и стали высокоразвитым центром ремесла и торговли благодаря изготовлению и продаже широкого круга изделий ремесленного производства – от оружия, защитного доспеха и до изделий художественного бронзолитейного производства – литых бронзовых котлов, медных светильников-*чирагов*. Есть основания предполагать и развитие здесь ювелирного искусства, изготовление различных украшений, которые до нас не дошли.

В рассматриваемое время в с. Кубачи работали приезжие или специально приглашенные из стран Ближнего Востока мастера – бронзолитейщики, специалисты архитектурно-декоративных работ, каллиграфы и орнаменталисты, которые вместе с местными мастерами создавали произведения декоративно-прикладного искусства высокого художественного качества.

Принятие ислама в Кубачи и включение его в ареал мусульманского искусства обусловило появление здесь в XIV–XV вв. профессиональных переписчиков рукописей – *катибов*, которые создавали рукописные копии популярных сочинений, поступавших в Дагестан из стран мусульманского Востока, авторами которых были знаменитые ученые и богословы, поэты и мыслители. В указанное время, как установлено А.Р. Шихсаидовым, сложилась зирихгеранская школа высокопрофессиональных каллиграфов – переписчиков арабских рукописей², удовлетворявших высоко возросший спрос на рукописные книги [41, с. 3; 42, с. 52].

Большого развития достигла в XIV–XV вв. в Кубачи арабская декоративная каллиграфия, которая была доведена до высокого совершенства, стала одним из видов художественного творчества мастеров средневекового Зирихгерана-Кубачи. Использование арабского письма для украшения различных произведений декоративно-прикладного искусства и архитектурных сооружений не только несло определенную религиозно-идеологическую нагрузку, но значительно расширило художественно-выразительные средства умельцев. Арабское письмо дагестанские мастера часто применяли в декоративных целях не только в XIV–XV вв., но и в последующие столетия и используют вплоть до современности.

У кубачинцев особым почитанием пользовалось арабское куфическое письмо, которое они называли *купе хамI* – «почерк куфи». Оно широко использовалось в декоративной отделке мусульманских надмогильных стел XIV–XVI вв. Отделанные арабскими надписями в стиле «цветущего куфи» на фоне изящного растительного орнамента многие стелы из Кубачи и соседнего аула Калакорейш (кубач. *Ур-цмуци*) можно без преувеличения отнести к шедеврам средневекового исламского камнерезного искусства.

Следует отметить, что в переводе на русский язык позднекуфических надписей средневековых кубачинских памятников резьбы по камню большая заслуга принадлежит крупному эпиграфисту, востоковеду-арабисту, проф. Амри Рзаевичу Шихсаидову (1928–2019). Не все эти памятники еще опубликованы.

В последние годы кубачинские каменные рельефы подробно изучены нами, показана принадлежность большинства из них исламскому искусству [1, с. 219–299]. Вместе с тем, не выясненным до конца остается вопрос о том, почему в художественной резьбе по камню и дереву селений Кубачи и Калакорейш в первые века их исламизации довольно широко бытовали светские изобразительные сюжеты, даже на тех рельефах, которые входили в конструкцию мусульманских культовых и учебных сооружений – кварталных мечетей и медресе и занимали в них важное визуальное место. Позднее, очевидно, начиная со второй половины XV – начала XVI в., когда ислам в Кубачи (а в Калакорейше несколько ранее) принял ортодоксальную форму, у многих изображений живых существ были отбиты головы, а у некоторых изображений, в том числе изображений львов и птиц на дверях мечети с. Калакорейш, шеи были «перерезаны» глубокой чертой. При реставрации кварталных мечетей Кубачи (в т.ч. женской мечети в нижнем квартале) рельефы с изобразительными сюжетами с отбитыми головами или с «перерезанными» глубокой чертой шеями были вставлены в кладку их стен. Среди рельефов, взятых из развалин старых зданий, были и такие, у которых полностью сохранились изображения.

Изображения оленей, львов, грифонов, птиц на каменных рельефах и литых бронзовых котлах из Кубачи, на надмогильном памятнике в виде каменного саркофага из Калакорейша, а также на створках резных дверей калакорейшской мечети можно уверенно отнести к произведениям светских изобразительных сюжетов исламского искусства³. Кратко опишем их.

2 Рукописи, переписанные в Кубачи, хранятся в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН.

3 Термин «светские изобразительные сюжеты исламского искусства» заимствован нами из работы известного востоковеда, директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского «Исторический контекст мусульманского искусства» (Во дворцах и в палатах исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2008. С. 6).

1. Рельефное изображение оленя, заключенного в крупный фигурный медальон в виде элемента растительного орнамента, высечено на тимпане⁴ двупроемного окна (102×66 см) XIV в. из с. Кубачи (рис. 1).

Рельеф этот впервые описал Р.Ф. Эркерт⁵ [2, с. 198]. Фотографию тимпана без описания позже опубликовали А.С. Башкиров [3, табл. 73], затем Э.В. Кильчевская [4, табл. IV, рис. 5]. Надпись на тимпане остается непереуведенной, несмотря на то, что ее изучали В.А. Крачковская [6, с. 352–353], Л.И. Лавров [7, с. 128, № 337] – мы полагаем, что это подражание арабскому письму.

Тимпан имеет полукруглую форму и сверху обрамлен арабской псевдонадписью, представляющей собой имитацию арабской вязи с крупными рельефными, декоративно трактованными «буквами». В центре тимпана расположен фигурный медальон, в котором в высоком рельефе изображен двигающийся влево олень, показанный в профиль, с подогнутыми передними конечностями и повернутой назад головой. Голова оленя преднамеренно отбита значительно позднее изготовления тимпана. У оленя сильно стилизованное крыло, отходящее от левой лопатки, тянущее вверх и оканчивающееся над спиной полутрилистником. Под центральным медальоном помещен небольшой рельефный полумедальон с растительным орнаментом – с центральным стволом и отходящими вверх, вправо и влево трилистниками.

Три составные части композиции, помещенные в полукруге тимпана – изображение животного в центральном медальоне, окаймляющий верх и бока тимпана эпиграфический орнамент и расположенное внизу в полумедальоне древо с трилистниками – органично соединены в единое целое и придают декору тимпана образность и картинность. При этом композиционным центром тимпана и по занимаемому месту, и по своим размерам выступает изображение оленя, на котором прежде всего концентрируется внимание зрителя.

Тимпан первоначально входил, вероятно, в конструкцию окна одной из квартальных мечетей, развалившейся в советское время без присмотра. Ныне он хранится в Национальном музее Республики Дагестан (НМРД). Подробно он описан нами в монографии «Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. ...» [1, с. 248–249, 526, рис. 215]. Данный тимпан датируется 1380-ми гг. Основанием для такой датировки послужили палеографические особенности представленного на нем эпиграфического орнамента, имитирующего арабскую надпись – изображенная псевдонадпись и отдельные, составляющие ее псевдолитеры близки в своих очертаниях к реальной арабской надписи на надмогильном памятнике из Кубачи, на котором имеется дата его изготовления – 787 г. хиджры / 1385–86 гг. [1, с. 499, рис. 149].

2. Сцена нападения льва на кабана (сцена терзания хищником – львом – копытного животного – кабана) высечена на тимпане (156×85 см) двупроемного окна из с. Кубачи (рис. 2), хранящемся ныне в Государственном Эрмитаже. Датируется тимпан первой половиной XIV в. Он привлекал внимание многих ученых. Эстамп с его декора снял акад. Б.А. Дорн, будучи в 1861 г. в с. Кубачи, но был опубликован значительно позже – в 1895 г. уже после смерти исследователя [8, отд., 1, табл. XVI, рис. 2]. Рисунок эстампа и фотографию тимпана издал А.С. Башкиров в 1931 г. [3, с. 52, рис. 16, табл. 7]. Его фотографию также публиковали Р.Ф. Эркерт в 1887 г. [2, S. 199], Э.В. Кильчевская в 1962 г. [4, с. 28–29, табл. III, рис. 7], И.А. Орбели в 1963 г. [9, табл. 64]. Изображение и краткое описание тимпана имеется и в книге Л.И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа» [7, с. 127–128, № 336, с. 288, рис. 336]. Следует отметить, что побывавший в 1882 г. в с. Кубачи акад. Д.Н. Анучин писал, что тимпан «находится над дверью одного дома, напротив... основания древней башни. Горельеф этот изображает льва, положившего лапу на голову свиньи... Мне удалось снять с него слепок (бумагой), по которому в Москве было воспроизведено в копии все изображение, вместе с окаймляющей его куфической надписью» [10, с. 412].

Надпись (или подражание арабской надписи?) на тимпане остается неразобранной. В.А. Крачковская, исходя из палеографических особенностей надписи, датировала тимпан XIII в. и считала, что надпись сделана на неизвестном языке [6, с. 352–353]. И.А. Орбели также полагал, что надпись сделана «на неизвестном языке арабскими буквами» и отметил, что тимпан украшен «... неприемлемым для ислама и, казалось бы, неприемлемым с начертаниями арабских букв изображением свиньи» [9, с. 349, табл. LV].

4 Колонки этого и других тимпанов (№№ 2, 5, 6 и т.д.) не сохранились.

5 Перевод на русский язык: Эркерт Р.Ф. Кавказ и его народы. Пер. с нем. Э. Дупенко (машинопись) // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. № 351).

3. К описанной выше сцене нападения льва на кабана близка другая сцена, высеченная на крупном каменном блоке, вставленном в кладку западной стены второго этажа жилого дома А. Шахаева в с. Кубачи (рис. 3). Блок неправильной четырехугольной формы. Он является, по-видимому, частью тимпана, разбившегося при разрушении стены пришедшего в аварийное состояние здания. На сохранившейся части представлены изображения льва и кабана, а остатки арабской псевдонадписи были, вероятно, специально отбиты, чтобы хорошо подогнать рельеф в стену жилого дома Шахаевых. Об этом свидетельствуют неровные края рельефа, а также сама композиция сцены нападения льва на кабана, почти повторяющая сцену на описанном выше тимпане с незначительными различиями в иконографии сюжета. Кроме того, когда в конце XIX в. строили дом Шахаевых, мусульмане считали, надо полагать, недопустимым изображение свиньи рядом с арабской надписью.

Еще две сцены нападения льва на кабана высечены на рельефах XV в. из Кубачи [1, с. 231].

Повторение несколько раз одного и того же сюжета – сцены нападения льва на кабана (сцены терзания хищником копытного животного) – свидетельствует о его популярности в средневековом камнерезном искусстве Кубачи, генетически восходящем к сюжетам сцен терзания в произведениях искусства стран Ближнего Востока [1, с. 233]. Сюжет этот, появившийся еще в глубокой древности, продолжал широко бытовать и в эпоху Средневековья, имея многочисленные варианты композиционного воплощения и художественно-стилистической трактовки [1, с. 233–234].

4. Сцена борьбы льва и единорога (рис. 4) высечена на тимпане (126×77 см) двупроемного окна из с. Кубачи [1, с. 232, 518, рис. 199], хранящемся в НМРД А.А. Тахо-Годи. На обрамляющем сверху тимпан полукруге представлены рельефные изображения различных животных, идущих (или бегущих) справа и слева к центру (звериный гон). Головы их отбиты намного позднее изготовления тимпана. Датируется тимпан началом XV в. Изображение средневековым мастером-камнерезом схватки льва и единорога может находить объяснение в опубликованной Киршей (Кириллом) Даниловым (1703–1776) «Голубиной книге» (кон. XV – нач. XVI в.) – памятнике русского устного народного творчества, в котором содержится пассаж о единоборстве «единорога-зверя всем зверям отца» и льва [46, с. 208–221]:

*А и ищет он сопровитника
А того ли люта льва-зверя;
Сошлись они со львом во чистом поле,
Начали оне, звери, драться:
Охота им царями быть.
Над всеми зверьями взять большину.
И дерутся оне о своей большине.
Единорог-зверь покоряется.
Покоряется он льву-зверю,
А и лев подписан – царем ему быть,
Царю быть над зверьями всеми.*

В контексте отмеченных ранее определенных параллелей в сюжетах, зооморфных образах, сюжетно-тематической общности каменных рельефов Зирихгерана-Кубачи и Владимиро-Суздальской Руси [1] привлечение памятника русского фольклора для толкования сцены на кубачинском рельефе вполне оправдано. Образ единорога и сюжеты, связанные с ним, «в эпоху Средневековья были распространены как в восточных, так и в европейских мифологических представлениях, в фольклоре, а также в различных видах искусства – в пластическом архитектурном декоре, в геральдике, книжной миниатюре, на гобеленах, оружии, воинских доспехах, и т.д.» [49, с. 322]. В Античности и в Средние века единорога считали реально существовавшим животным. Сцену, высеченную на тимпане – борьба льва и единорога, можно отнести к числу светских изобразительных сюжетов исламского искусства, если тимпан этот входил в конструкцию культового или учебного здания (мечети, медресе). Но мы не располагаем данными, в каком здании он находился первоначально.

5. Рельефные изображения двух борцов в схватке и рельефная персидская надпись в полукруге высечены на тимпане (133×82 см) двупроемного окна середины XIV в. из с. Кубачи (рис. 5).

Тимпан служил объектом изучения многих исследователей с начала 1930-х гг. [1, с. 304–306, рис. 251; 3, с. 15–16, табл. 10, 12–13; 4, с. 28–29, табл. III, 6; 5, с. 97, рис. 47–48; 6, с. 352–357, табл. I; 7,

с. 112–113, № 269; 13, с. 178, рис. 125; 14, с. 57–60; 16, с. 288, рис. 159]. Специальную статью о нем написал А.А. Иванов [14, с. 57–60]. Подробное описание его дано в нашей монографии «Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв.» [1, с. 304–306, рис. 251].

В конструкции какого здания первоначально находился тимпан неизвестно. А.С. Башкиров, первым опубликовавший тимпан, зафиксировал его в западной стене женской мечети (*Хьунналла мишит*) в нижнем квартале старой части Кубачи. Ныне тимпан с подпиравшими его тремя колонками (две боковые и центральная), отделанными растительным орнаментом, экспонируется в Дагестанском музее изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой.

На тимпане воспроизведена сцена единоборства двух молодых людей, композиция которой построена в соответствии с формой архитектурной детали. Положением тел, рук и ног мужчин передано напряженное состояние борющихся, момент их решительной схватки. В обрамляющем сверху тимпан полукруге расположена рельефная персидская надпись: «Да будет покровителем творец мира. Да будет покровителем...», в центре которой рельефно изображена голова быка в фас.

Надпись на тимпане В.А. Крачковская считала арабской и датировала рельеф XIII в. А.А. Иванов определил надпись как персидскую и датировал ее первой половиной XIV в. [14, с. 57–60].

Единоборство двух мужчин воспроизведено и на других кубачинских рельефах – деталях архитектурного декора [1, рис. 252; 67, табл. V]. Сюжет этот является одним из распространенных в средневековом камнерезном искусстве Кубачи, а описанный тимпан с двумя борцами и персидской надписью изготовлен в мусульманской среде.

6. Рельефное изображение конного всадника и эпиграфического орнамента (подражание арабской надписи) в полукруге представлены на тимпане (136×65 см) двупроемного окна из с. Кубачи (рис. 6). Тимпан ныне хранится в НМРД им А. Тахо-Годи. Его изучали Э.В. Кильчевская [5, с. 116, рис. 64], М.М. Маммаев [1, с. 311–312, рис. 257; 16, с. 99–100, рис. 164; 17, с. 56–67, рис. 6]. Датируется тимпан концом XIV или началом XV в. Изготовлен он из камня – песчаника твердой породы. Первоначально тимпан находился над входной дверью в медресе.

7. Изображение конного всадника, движущегося вправо (рис. 7), высечено на оконном тимпане (129,5×73 см) из Кубачи, хранящемся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке [41, p. 153–163, fig. 1; 42, p. 20]. Полукруг тимпана заполнен рельефным растительным орнаментом. Датируется тимпан концом XIV в. или началом XV в. Иконография фигуры коня, воспроизведенная на данном рельефе, значительно отличается от иконографии фигуры коня на тимпане № 6, описанного выше. Ясно, что эти два тимпана изготовлены в разное время, разными мастерами-камнерезами.

Точно также изображение конного всадника на описанном ниже тимпане можно отнести к сюжетам светского изобразительного исламского искусства, если тимпан первоначально входил в конструкцию культового здания. Но, к сожалению, нет данных о том, какое здание он первоначально украшал. Так что вопрос о принадлежности к светским изобразительным сюжетам воспроизведенных на тимпанах сцен борьбы льва и единорога и изображение конного всадника остается открытым.

8. Тимпан (144×76 см) из собрания НМРД им. Тахо-Годи (рис. 8). Им интересовались многие исследователи [1, с. 393, 455, рис. 45; 5, с. 126, с. 73; 7, с. 129, 288, № 339; 8, отдел II, табл. XVII, 3; 12, с. 108, рис. 1; 13, с. 183–184, рис. 133; 16, с. 293, рис. 168; 18, с. 115, рис. 39; 19, с. 307; 20, с. 321; 21, с. 82, рис. 1; 22, с. 202, рис. 205]. Но их внимание привлекали в основном арабские надписи на нем. Поэтому целесообразно дать его описание.

В правой, меньшей, части тимпана имеется косая трещина, идущая сверху вниз. В центре рельефа высечена арабская надпись, плотно заполняющая его полукруглое очертание. Нижний конец его имеет фигурное оформление, образующее слева и справа по три круглых медальона, в которых расположены рельефные арабские надписи (не переведенные). В обрамляющем тимпан сверху полукруге высечена орнаментальная композиция в виде ряда ритмично чередующихся восьми рельефных пятичастных пальметт, заключенных в круги. Последние соединены между собой узелками. Промежутки между пальметтами заняты небольшого размера полутрилистниками. На правом и левом концах орнаментальной полосы (бордюра) расположены сделанные в низком рельефе стилизованные изображения головок птиц с загнутыми вниз клювами.

На боковых нижних четырехугольных выступах тимпана находятся показанные в профиль и обращенные в разные стороны низкорельефные изображения львов. Головы их сбиты умышленно значительно позднее изготовления тимпана. Изображения эти трактованы декоративно: грива их отмечена

криволинейными параллельными ленточными полосками на шеях. На лопатки и бедра нанесены рельефные полупальметты. Хвосты, закинутаые на спины, оканчиваются полутрилистниками. Передняя лапа животных показана поднятой вверх.

Тимпан отделан на высоком художественном уровне. В его декоре гармонично сочетаются растительный орнамент, арабские надписи и изобразительные сюжеты, что придает памятнику камнерезного искусства высокие художественные качества. Тимпан является одним из ценных в научном плане рельефов – архитектурной деталью, на которой имеется точная дата его изготовления. Кроме того, тимпан позволяет уточнить время исламизации с. Кубачи. Арабскую надпись на тимпане первым из исследователей прочитал акад. Б.А. Дорн. Он писал: «Кубачинцы упорно защищались против ислама в общем вплоть до XIV столетия (старейшая достоверная арабская надпись в Кубачи от 807 г. хиджры / 1404–05 гг.) и не платили никакой дани» [20, S. 321]. В другой статье он высказался более конкретно относительно принятия кубачинцами ислама: «Надпись 807 г.х. / 1404–05 гг., находящаяся в школе... гласит, что эта школа была построена тогда, когда они (кубачинцы – М.М.) примкнули к религии Аллаха. Следовательно, по этому указанию они стали мусульманами в указанном году» [19, S. 307].

Трудности разбора и перевода арабского текста на тимпане, представляющего густую каллиграфическую вязь, обусловили то, что ученый допустил неточность, которая в свою очередь привела к тому, что впоследствии среди ученых утвердилось неверное мнение о принятии ислама кубачинцами в начале XV в. Эта ошибочная точка зрения нашла отражение в работах Р.Ф. Эркерта [2, S. 194–195], А.Н. Генко [23, с. 99], Е.М. Шиллинга [24, с. 12], Р.М. Магомедова [25, с. 272], А.Р. Шихсаидова [26, с. 26] и др. И только лишь в 1963 г. Л.И. Лавров издал полный и верный перевод этой надписи: «И построено это благородное медресе в дни поражения этой страны чумой в восемьсот седьмом году. Установления и устои жизни – религия Аллаха» [7, с. 129; 27, с. 284–285]. То есть в надписи на тимпане 807 г.х. / 1404–05 гг. сообщается не о принятии кубачинцами ислама в начале XV в., а о строительстве медресе. Следовательно, ислам в Кубачи достаточно прочно утвердился задолго до этой даты [18, с. 140]. И представленные на нижних боковых выступах изображения львов были нанесены в самом начале XV в., и они относятся к светским изобразительным сюжетам мусульманского искусства Дагестана.

9. Изображения двух грифонов, идущих навстречу друг другу, и арабская надпись представлены на бронзовом литом котле открытого типа, происходящем из Кубачи и датируемом XV в. (рис. 9).

В Средние века в с. Кубачи высокого уровня развития достигла художественная обработка металла, лучше всего представленная литыми бронзовыми котлами. Они также привлекали внимание многих ученых [1, с. 134–144, рис. 106–129; 28, с. 25–26; 29, с. 54–58; 4, табл. V, рис. 8–11; 5, с. 96, рис. 46, 56–60; 9, с. 347–361; 16, с. 48–51, рис. 71–79; 18, с. 120, рис. 44; 24, с. 66–71; 30, с. 37–42; 31, с. 51–53; 32, с. 24–25; 33, с. 687–696]. Здесь мы рассмотрим лишь один котел так называемого открытого типа. Его обстоятельно изучил А.А. Иванов [29, с. 54–58]. На котле, наряду с арабской надписью на горизонтальном выступе бортика, представлены изображения двух грифонов. Это обстоятельство позволяет отнести котел к группе исламских памятников, на которых воспроизведены светские изобразительные сюжеты.

Котел (h = 33 см, d устья = 61 см), долгое время хранившийся в Кубачи, был куплен в 1973 г. Государственным Эрмитажем у А.Г. Амировой. Он цельнолитой, с полусферическим туловом на трех ножках конической формы, горизонтально отогнутым бортом и двумя фигурными ручками на широких выступах борта (рис. 9). В четырех местах борта имеются широкие выступы, концы которых соединены тягами с трехлопастными медальонами на узких участках борта (сохранилась только одна тяга). По краям слива располагаются рельефные стилизованные изображения идущих навстречу друг другу двух грифонов. Узкие участки бортика украшены растительным орнаментом в виде волнистого стебля с попеременными отгибами трилистников влево и вправо, с плетенками. На горизонтальном выступе на противоположной сливу стороне на фоне волнистого стебля выюнка с трилистниками расположена арабская благопожелательная надпись из двух слов «Слава, благополучие» [29, с. 54].

А.А. Иванов датировал рассматриваемый котел с надписями и растительным декоративным фоном второй половиной XIV в. на основе близкого сходства с надписями на кубачинских надмогильных памятниках XIV в., также изображенных на фоне подобного волнистого выюнка [29, с. 57]. Он упоминает еще четыре аналогичных по форме, декору и надписи котла, которые были отлиты по одной и той же модели [29, с. 54].

Наряду с котлами открытого типа в Средние века в Кубачи бытовали и котлы так называемого закрытого типа, превосходно отделанные изобразительными сюжетами – изображениями стилизованных львов, барсов, грифонов, птиц, конных всадников и т.д. [1, с. 138–140, рис. 112–123]. В декоративной отделке котлов использованы растительный и ленточный виды орнамента.

10. Различные светские изобразительные сюжеты, орнамент, а также арабские надписи высечены на надгробии XIII в. в виде каменного саркофага (рис. 10) из с. Калакорейш со стрельчатым верхом. Изготовлен он из цельного блока камня – ракушечника. Длина его 2 м, высота 0,58 м, длина основания в виде плоского горизонтального выступа прямоугольной формы 2,10 м, ширина 0,72 м. Находится памятник на северо-западной окраине с. Калакорейш, с левой стороны дороги, ведущей в с. Кубачи, на небольшом покатом склоне. К сожалению, под воздействием атмосферных явлений саркофаг портится с каждым годом, выветриваются высеченные на нем изображения, орнамент и арабские надписи. Впервые саркофаг относительно подробно изучил А.С. Башкиров [34, с. 54–63, табл. VII, 2–3, табл. VIII]. Он датировал его «не позднее конца XII в.». Позднее саркофаг исследовала Э.В. Кильчевская [4, с. 21–23, табл., 7–9; 5, с. 53–57, рис. 21–23]. Она неверно датировала его VIII–X вв. Арабскую надпись на саркофаге она считала нанесенной значительно позднее его изготовления.

Вопроса датировки этого надмогильного памятника касались Л.И. Лавров [7, с. 77, 179], П.М. Дебиров [22, с. 34], А.Р. Шихсаидов [35, с. 129–132], которые относили его к XI–XII вв. Впоследствии А.Р. Шихсаидов пересмотрел датировку и отнес памятник к XIII – началу XIV в. [35, с. 130]. Саркофаг подробно описан нами и датирован XIII в. [1, с. 176–181]. Он оригинально украшен с трех сторон рельефными изображениями животных, птиц, а также орнаментальными композициями. В процессе изготовления на него была нанесена позднекуфическая арабская надпись.

Центральное поле продольной юго-западной стороны надмогильного камня занимает рельефная геральдическая композиция, изображающая двух львов по обе стороны и орла с распахнутыми крыльями (рис. 10). Львы изображены условно, они обращены головами, показанными в фас, к орлу, у каждого животного передняя лапа приподнята, хвосты закинута на спину. На туловище изображенного слева от орла льва расположена врезная позднекуфическая арабская надпись, которая имеет продолжение влево от фигуры льва и далее – на северо-восточной стороне саркофага (рис. 10б). Надпись переведена Л.И. Лавровым: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это Хасан б...?» [7, с. 77]. А.Р. Шихсаидов считал, что имя в надписи должно читаться, скорее, как Хайдар или Хайдан [35, с. 129].

Над изображениями львов и орла, вдоль грани стрельчатого верха саркофага, расположена многочастная фризовая композиция (рис. 10а, б), в центре которой изображены два сплетенных телами и обращенных друг к другу головами ушастых змея-дракона с раскрытыми пастьми, по бокам которых – два стилизованных животных, по-видимому, львы, с приподнятой лапой. Справа и слева от этой центральной композиции нанесен врезной геометрический орнамент из различных плетенок с отдельными растительными элементами.

В центре противоположной северо-восточной продольной стороны надмогильного камня (рис. 10в) изображен своеобразный рельефный переплетающийся узор, напоминающий перевернутую надпись «Аллах» и монограмму из арабских букв *алеф* и *лам*, имеющих определенный сакральный смысл. Выше, вдоль верхнего края этой стороны саркофага, располагается фриз из разнообразных рельефных геометрических и растительных плетенок, в том числе так называемые «узлы счастья» или бесконечные узлы. В конце фриза, с правой стороны, изображены два противостоящих в геральдической позе, обращенных друг к другу, но с повернутыми назад головами, стилизованных, стоящих в статичной позе животных-хищников с приподнятой передней лапой.

На торцевой стороне саркофага, имеющей форму стрельчатой подковообразной арки, высечена рельефная многофигурная композиция, построенная по принципу двусторонней относительной симметрии. Центральную ось композиции образует стилизованное изображение дерева с двумя, обращенными в разные стороны, ветвями-полупальметтами и с фигурной стрельчатой кроной-медальоном с монограммой из арабских букв (рис. 10г). По обе стороны древа, между ветвями и кроной, изображены летящие в разные стороны две птицы. У основания дерева, также по обе его стороны, расположены фигуры двух львов – тела их изображены в профиль, головы в фас, хвосты закинута на спины, передняя лапа у каждого льва приподнята.

Саркофагообразный памятник XIII в. из с. Калакорейш – оригинальный и единственный в своем роде среди подобных надмогильных камней [40, с. 13–22, рис. 3–6], украшенный изобразительными

сюжетами и орнаментом – памятник камнерезного искусства, изготовленный в мусульманской среде [1, с. 181].

Светские изобразительные сюжеты исламского искусства нашли своеобразное воплощение и в средневековой художественной резьбе по дереву Дагестана. Они воспроизведены на двух двустворчатых дверях XII–XIII вв. западного и восточного входов в северной стене мечети с. Калакорейш (рис. 11, 12). Изготовлены они из сплошных дубовых досок. Ныне двери хранятся в Национальном музее Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи. Их изучали акад. Б.А. Дорн [8, табл. XVI, № 7], проф. А.С. Башкиров [3, табл. 41–42; 37, с. 118–130, табл. X–XII]. Вскользь касались калакорейшских дверей Е.М. Шиллинг [24, с. 7–8, рис. 2] и А.Ф. Гольдштейн [39, с. 19, 21, рис. 18–б]. Подробно исследовали двери П.М. Дебиров [38, с. 40–44, рис. 52–55а] и М.М. Маммаев [1, с. 203–212, 509, рис. 182–183].

Декоративная отделка дверей восточного входа в калакорейшскую мечеть отличается отделки дверей западного входа. На передней стороне обеих створок восточных дверей (размеры их: высота 1,96 м, общая ширина 1,33 м, ширина левой створки 0,63 м, правой створки 0,62 м, толщина 0,06 м) в их центральной части расположены парные изображения львов (рис. 11). В середине правой створки – трехчастная геральдическая композиция рельефных изображений двух львов, обращенных мордами друг к другу, с приподнятыми по одной передними лапами. Между изображениями львов находится сердцевидная фигура с растительным орнаментом внутри [16, рис. 190, 192]. Львы изображены в профиль, головы их – в фас. Детали морд зверей стерлись. Крученые хвосты подняты вверх. Концы их завершаются изображениями крупных трилистников. Изображения львов находят аналогии в изображениях львов геральдических композиций каменных рельефов – деталей архитектурного декора из с. Кубачи. На это обратил внимание еще А.С. Башкиров [37, с. 126, рис. 6–8].

На левой створке восточных дверей, в ее средней части, в прямоугольной рамке помещены изображения двух львов. Они показаны крест-накрест, их морды обращены в противоположные стороны [16, рис. 191]. Животные показаны обобщенно, фигуры их вырезаны в одной плоскости путем выемки фона вокруг изображений. У изображения льва, обращенного вправо, детали морды повреждены вследствие того, что здесь выломался кусок дерева. У изображения льва, обращенного влево, они достаточно хорошо заметны: уши животного наострены, глаза отмечены точечными ямками, нос передан низкорельефным выступом, грива – орнаментальными завитками. Свободные промежутки между изображениями львов заняты мелким растительным орнаментом.

Как отмечалось, резьба описанных восточных дверей значительно отличается от резьбы западных дверей (рис. 12). Высота последних – 1,97 м, общая ширина 1,10 м, ширина правой створки 0,60 м, левой – 0,50 м, толщина около 0,06 м. Обе створки дверей покрыты сплошным ковром искусной резьбы декоративного панно, оживленного включением в орнаментальную композицию фигур птиц. Сетчатая орнаментальная композиция дверей отличается ясностью и четкостью построения. Ей присущи ритм, симметрия и пропорциональность. Все это придает рисунку створок живость и нарядность, а поверхности их – изысканно богатый вид.

Находящиеся в верхних частях створок изображения птиц в профиль размещены в геральдическую композицию по сторонам плетенок в виде «узлов благоденствия». Из-за сильной стилизации определить вид птиц трудно. По всей видимости, это павлины. У них пышные хвосты, опущенные вниз, изогнутые шеи и загнутые вниз клювы. На головах имеются кокошники, а на шеях – развешивающиеся и изогнутые соответственно контурам туловищ ленты. У каждой пары птиц одна из ножек приподнята и пересекается с соседней. На шеи птиц, как и на шеи львов на восточных дверях, сделаны врезные поперечные черты – своего рода знаки умерщвления. На туловище птиц (а также на срединной планке дверей), как на то обратил внимание М.С. Гаджиев, нанесены, вероятно, значительно позднее изготовления дверей, врезные знаки, представляющие собой лигатурное написание арабских букв *лам* и *алиф* (ل), которое имеет глубокий сакральный смысл, особенно в суфийской мистической семантике [47, с. 27–28].

Описанные выше двери мусульманского культового здания – Калакорейшской мечети – являются великолепными памятниками средневековой художественной резьбы по дереву, в декоративной отделке которых нашли оригинальное воплощение светские изобразительные сюжеты исламского искусства.

Светские изобразительные сюжеты исламского искусства – это не особые сюжеты, существенно отличающиеся от обычных сюжетов. Исламскими они названы ввиду того, что воспроизведены вместе

с арабскими и персидскими надписями или их подражаниями на рассмотренных и других памятниках исламского декоративно-прикладного искусства Кубачи, включающих детали архитектурного декора знаковых общественных зданий, образцы художественного бронзового литья и резьбы по дереву. Каменные рельефы украшали, вероятно, здания мусульманской культовой архитектуры. Однако рельефами с изобразительными сюжетами могли быть украшены и гражданские постройки, например, здание *Хвала хъулбе* дворцового типа, принадлежавшие, как отмечалось ранее, высшему органу местного самоуправления кубачинской общины – *Чине*. Такими же светскими сюжетами исламского искусства украшались и предметы бытового пользования – бронзовые котлы из Кубачи, художественная глазурованная керамика Дербента и т.д. Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что исламское искусство Кубачи и Калакорейша XIV–XV вв. под влиянием искусства мусульманского Востока включало в себя и светские изобразительные сюжеты, которые нередко имеют своеобразную, оригинальную трактовку, хотя и создавались в русле и во взаимосвязи с исламским изобразительным искусством, несмотря на существовавший категорический запрет изображения живых существ (см., напр.: Сахих аль-Бухари, 5950–5951 – [48]). Но здесь следует заметить, что, как нам представляется, на первом этапе распространения ислама в Кубачи в XIV – первой половине XV в. к такому запрету относились умеренно, что отражало в целом ситуацию на мусульманском Востоке. Обстоятельства изменились с распространением ислама в Зирихгеране-Кубачи «вглубь» в период со второй половины до конца XV в. В этой связи отметим, что именно на вторую половину – конец XV–XVII вв., особенно на XVII в., приходится широкое распространение в Дагестане трудов знаменитого исламского богослова и философа Абу Хамида Мухаммада ал-Газали (1059–1111), который будучи сторонником аниконизма, обосновывал запрет на изображение живых существ в религиозной сфере. Важно заметить, что переписка его трудов, прежде всего «Ихйа' улум ад-дин» («Возрождение наук о вере»), осуществлялась в том числе в Зирихгеране-Кубачи (рукописи 1468, 1510, 1638 гг.) и в близ расположенном селении Шири (рукописи 1495, 1497 гг.) [50].

В заключение отметим, что большое количество высокохудожественных произведений мусульманского искусства, созданных в XIII–XV вв. в селениях Кубачи, Калакорейш и др. – это историко-культурное наследие и национальное достояние Дагестана, демонстрирующее его весомый вклад в исламскую цивилизацию Средневековья.



Рис. 1. Тимпан двупроемного окна из сел. Кубачи с изображением оленя и с рельефной арабской псевдонадписью в полукруге. XIV в. Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 1. Tympanum of a double-light window from Kubachi village, featuring a stag and an Arabic pseudo-inscription in relief within the semi-circle. 14th century. A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan



Рис. 2. Тимпан двупроемного окна из сел. Кубачи с изображением сцены нападения льва на кабана и с арабской псевдонадписью в полукруге. Первая половина XIV в. ГЭ

Fig. 2. Tympanum of a double-light window from Kubachi village, depicting a lion attacking a boar, with an Arabic pseudo-inscription in the semi-circle. First half of the 14th century. State Hermitage Museum



Рис. 3. Рельеф-архитектурная деталь со сценой нападения льва на кабана в кладке стены западного фасада дома А. Шахаева в с. Кубачи. XIV в.

Fig. 3. Carved stone architectural element showing a lion attacking a boar, embedded in the masonry of the western facade wall of A. Shakhaev's house in Kubachi village. 14th century



Рис. 4. Каменный тимпан двупроемного окна из с. Кубачи со сценой борьбы льва (слева) и единорога. На обрамляющем сверху полукруге – изображения различных животных,двигающихся к центру. Начало XV в. Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 4. Stone tympanum of a double-light window from Kubachi village, depicting a combat scene between a lion (left) and a unicorn. The upper framing semi-circle features various animals moving toward the center. Early 15th century. A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan



Рис. 5. Тимпан двупроемного окна из сел. Кубачи с орнаментированными колонками (столбиками), со сценой борьбы двух мужчин и рельефной персидской надписью в полукруге «Да будет покровителем Творец мира, да будет покровителем...». Середина XIV в. ДМИИ им. П.С. Гамзатовой

Fig. 5. Tympanum of a double-light window from Kubachi village with ornamented colonnettes, featuring a combat scene between two men and a Persian inscription in relief within the semi-circle: "May the Creator of the world be the protector, may he be the protector...". Mid-14th century. P.S. Gamzatova Dagestan Museum of Fine Arts



Рис. 6. Тимпан двупроемного окна из с. Кубачи рельефным изображением конного всадника и эпиграфическим орнаментом в полукруге. Конец XIV – начало XV в. Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 6. Tympanum of a double-light window from Kubachi village, featuring a relief of a horseman and epigraphic ornamentation within the semi-circle. Late 14th – early 15th century. A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan



Рис. 7. Каменный тимпан двупроемного окна из с. Кубачи с изображением конного всадника и растительным орнаментом в полукруге. США. Метрополитен-музей в Нью-Йорке. Конец XIV – начало XV в. По: Salmony A., 1943

Fig. 7. Stone tympanum of a double-light window from Kubachi village, featuring a horseman and floral ornamentation within the semi-circle. Metropolitan Museum of Art, New York, USA. Late 14th – early 15th century. After Salmony A., 1943



Рис. 8. Тимпан двери с арабской надписью о строительстве в с. Кубачи медресе, с растительным орнаментом в полукруге и изображениями в профиль львов на нижних боковых выступах. 807 г. хиджры / 1404–1405 гг. Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 8. Door tympanum with an Arabic inscription commemorating the construction of a madrasa in Kubachi village, featuring floral ornamentation within the semi-circle and lions depicted in profile on the lower lateral projections. 807 AH / 1404–1405 AD. A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan named after



Рис. 9. Литой бронзовый котел с изображениями двух грифонов по сторонам слива и рельефной арабской надписью: а – общий вид котла; б – арабская надпись на широком выступе борта; в – изображение грифонов по сторонам слива, растительный орнамент на узких выступах борта. Вторая половина XIV в. ГЭ. По А.А. Иванову

Fig. 9. Cast bronze cauldron with representations of two griffins on either side of the spout and an Arabic inscription in relief: a – general view of the cauldron; b – Arabic inscription on the wide rim flange; c – representation of griffins flanking the spout and floral ornamentation on the narrow rim flanges. Second half of the 14th century. State Hermitage Museum. After A.A. Ivanov

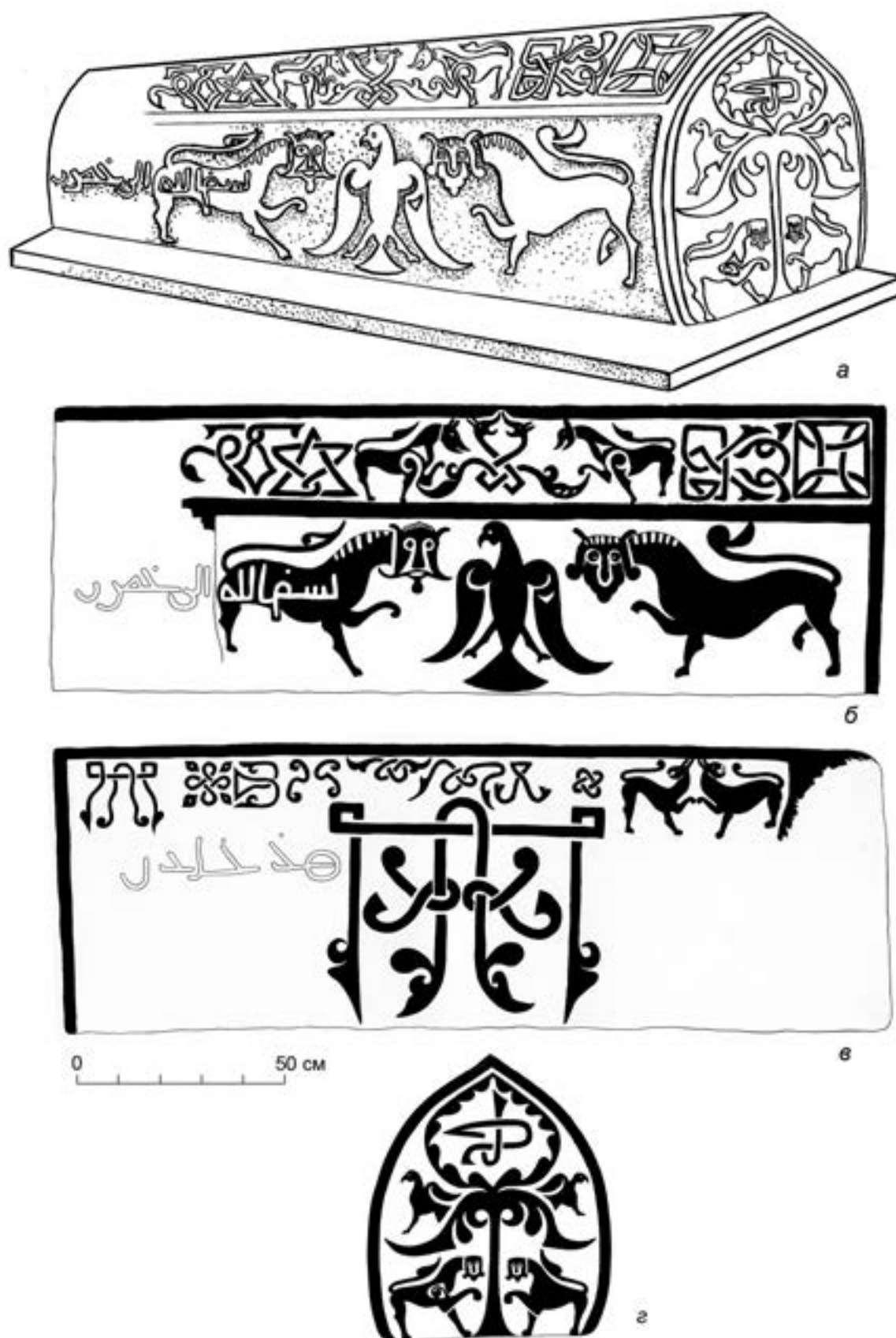


Рис. 10. Надмогильный памятник в виде каменного саркофага из с. Калакорейш (Уртцмуци). XIII в.

Fig. 10. Sarcophagus-shaped stone tombstone from Kala-Koreysh (Urtsmutsi) village. 13th century



Рис. 11. Резные деревянные двери восточного входа в мечеть с. Калакорейш (Уртсмутси).
Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 11. Carved wooden doors from the eastern entrance of the mosque in Kala-Koreysh (Urtsmutsi) village.
A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan

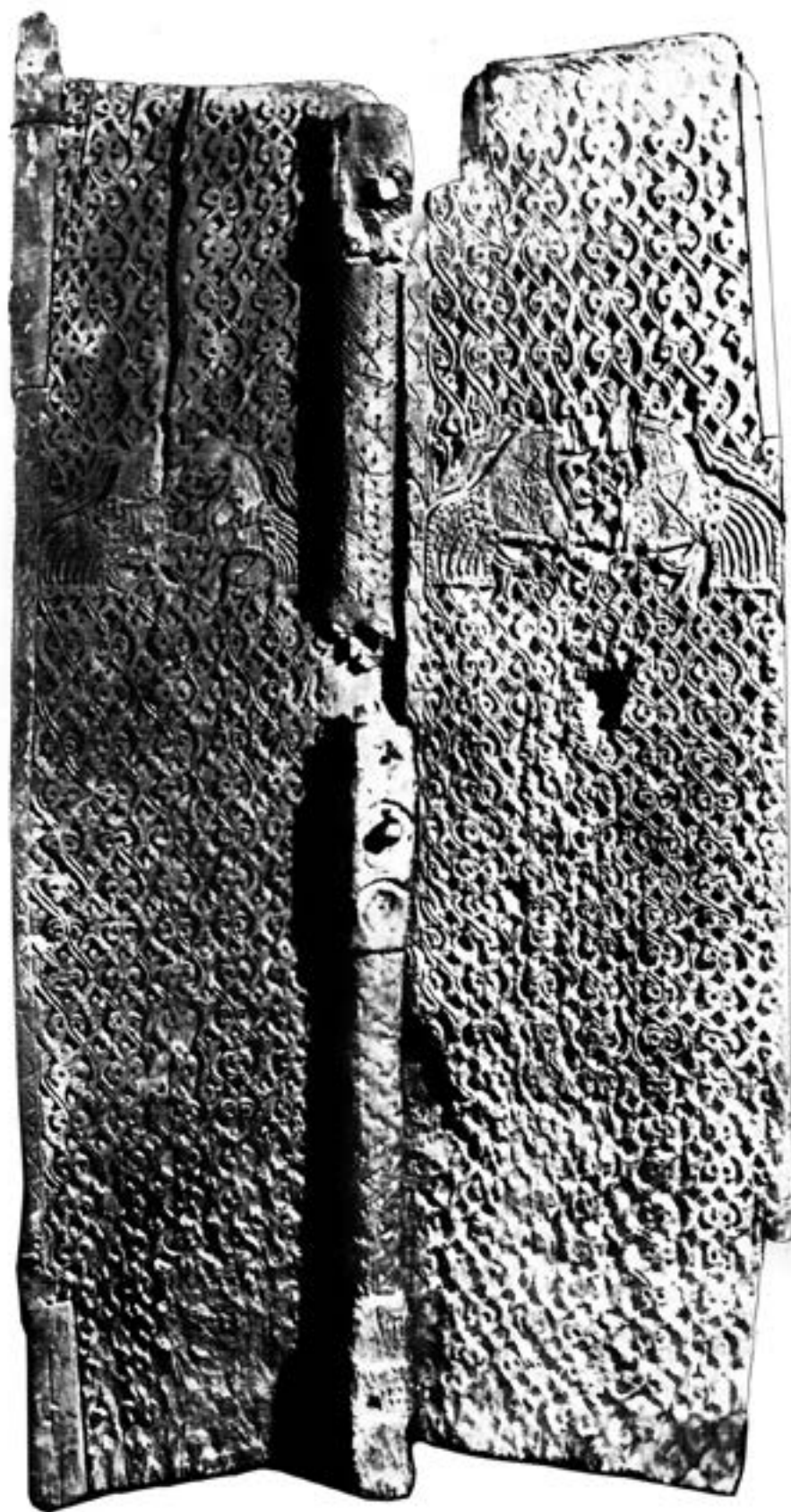


Рис. 12. Резные деревянные двери западного входа в мечеть с. Калакорейш (Уртцмуци). XIII в. Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 12. Carved wooden doors from the western entrance of the mosque in Kala-Koreysh (Urtsmutsi) village. 13th century. A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маммаев М.М. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Эпоха, 2014. – 592 с.
2. Erckert R.F. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig: P. Froberg, 1887. – vii, 385 p.
3. Башкиров А.С. Искусство Дагестана. Резные камни. М.: РАНИОН, 1931. – 118 с., 107 табл. илл.
4. Кильчевская Э.В. Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Госиздат местной промышленности и художественных промыслов РСФСР, 1962. – 82 с., XVI табл. илл.
5. Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. – 207 с., 124 илл.
6. Крачковская В.А. Из эпиграфических мотивов мечети в ауле Кубачи // Памяти академика Н.Я. Марра. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 352–353.
7. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X–XVII вв. Тексты, переводы, коммент. введ. и прилож. Л.И. Лаврова. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. – 300 с.
8. Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. Изд. Русского археологического общества с предисл. В. Розена. СПб., 1895. Отдел I. Табл. XVI, рис. 2.
9. Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Избранные труды. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1963. С. 347–361.
10. Анушин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. // ИРГО. Т. XX. Вып. 4. СПб., 1884. С. 357–449.
11. Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875. – 718 с.
12. Маммаев М.М. О влиянии ислама на средневековое изобразительное творчество народов Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Сб. статей. Махачкала: Издание Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1987. С. 101–127.
13. Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Альбом / сост. А.А. Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976. С. 164–207.
14. Иванов А.А. Новое чтение надписи на тимпане с борцами из селения Кубачи // Эпиграфика Востока. Вып. XXII. 1984. С. 57–60.
15. Иванов А.А. Персидские надписи из Кубачи // Rivista studi orientali. Vol. LIX (59). Fasc. I–IV. Roma, 1987. С. 219–221.
16. Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. – 348 с., 237 илл.
17. Маммаев М.М. Симметрия и асимметрия в формах и декоративной отделке мусульманских надмогильных памятников XIV–XV вв. из Кубачи // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 4(52). С. 54–73.
18. Маммаев М.М. Зирихгеран-Кубачи. Очерки по истории и культуре. Махачкала: Издание ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. – 250 с.
19. Dorn B. Auszäus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder // BAIS. T. XIX, 1874.
20. Dorn B. Die jetzigem Kubätschi // BAIS. T. XVIII, 1873.
21. Гюзальян Л.Т. Две строительные надписи из Кубачи // ЭВ. Вып. XVI, 1963. С. 82. Рис. 1.
22. Дебилов П.М. Резьба по камню в Дагестане. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. – 208 с.
23. Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды Института востоковедения. Вып. XXXVI. М., Л., 1941. С. 99.
24. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М., Л.: Издание АН СССР, 1949. – 224 с.
25. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1961. – 292 с.

REFERENCES

1. Mammaev MM. Art of Zirikhgeran Kubachi in the 13th–15th centuries and its place in the artistic cultures of East and West. Makhachkala: Epokha, 2014. (In Russ)
2. Erckert RF. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig: P. Froberg, 1887.
3. Bashkirov AS. Art of Dagestan. Carved stones. Moscow: RANION, 1931. (In Russ)
4. Kilchevskaya EV. Decorative art of the village of Kubachi. Moscow: Gosizdat mestnoy promyshlennosti i khudozhestvennykh promyslov RSFSR, 1962. (In Russ)
5. Kilchevskaya EV. From representational art to ornament. Moscow: Nauka, Vost. Lit. Publ., 1968. (In Russ)
6. Krachkovskaya VA. From the epigraphic motifs of the mosque in the village of Kubachi. In memory of Academician N.Ya. Marr. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1938, pp. 352–353. (In Russ)
7. Lavrov LI. Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the 10th–17th centuries. Texts, translations, commentary, introduction and appendix by L.I. Lavrov. Moscow: Nauka Publ., Vost. Lit. Publ., 1966. (In Russ)
8. Atlas to the journey of B.A. Dorn through the Caucasus and the southern coast of the Caspian Sea. Published by the Russian Archaeological Society with a preface by V. Rosen. St. Petersburg, 1895. Section I. Plate XVI, fig. 2. (In Russ)
9. Orbeli IA. Albanian reliefs and bronze cauldrons. Selected works. Yerevan: AN Arm. SSR Publ., 1963:347–361. (In Russ)
10. Anuchin DN. Report on a trip to Dagestan in the summer of 1882. Proceedings of the Russian Geographical Society. 1884; 20(4): 357–449. (In Russ)
11. Dorn BA. The Caspian. On the campaigns of the ancient Russians to Tabaristan, with additional information on other raids on the shores of the Caspian Sea. St. Petersburg, 1875. (In Russ)
12. Mammaev MM. On the influence of Islam on the medieval visual art of the peoples of Dagestan. Artistic culture of medieval Dagestan. Collected articles. Makhachkala: Izdanie Instituta istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1987: 101–127. (In Russ)
13. Ivanov AA. On the dating of Kubachi monuments. Art of Kubachi. Album, comp. by A.A. Ivanov. Leningrad: Khudozhnik RSFSR Publ., 1976:164–207. (In Russ)
14. Ivanov AA. A new reading of the inscription on the tympanum with wrestlers from the village of Kubachi. Epigraphics of the East. 1984; 22: 57–60. (In Russ)
15. Ivanov AA. Persian inscriptions from Kubachi. Rivista degli studi orientali. 1987; 59(1–4): 219–221. (In Russ)
16. Mammaev MM. Decorative and applied art of Dagestan. Origins and formation. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1987. (In Russ)
17. Mammaev MM. Symmetry and asymmetry in the forms and decorative finishing of Muslim funerary monuments of the 14th–15th centuries from Kubachi. Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. 2017; 52(4): 54–73. (In Russ)
18. Mammaev MM. Zirikhgeran Kubachi. Essays on history and culture. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2005. (In Russ)
19. Dorn B. Auszäus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder. BAIS. 1874; 19.
20. Dorn B. Die jetzigem Kubätschi. BAIS. 1873; 18.
21. Gyuzal'yan LT. Two building inscriptions from Kubachi. Epigraphics of the East. 1963; 16: 82. (In Russ)
22. Debrirov PM. Stone carving in Dagestan. Moscow: Nauka Publ., Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1966.
23. Genko AN. Arabic language and Caucasian studies. Proceedings of the Institute of Oriental Studies. 1941; 36: 99. (In Russ)
24. Shilling EM. The Kubachins and their culture. Historical and ethnographic studies. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1949. (In Russ)
25. Magomedov RM. History of Dagestan. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1961. (In Russ)

26. Шихсаидов А.Р. Когда и как насаждался в Дагестане ислам. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. – 75 с.
27. Лавров Л.И. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе // СМАЭ. Т. XXI, 1963. С. 284–285.
28. Гюзальян Л.Т. О дагестанских (кубачинских) котлах открытого типа // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1961 г. Л.: Издание Гос. Эрмитажа, 1962. С. 25–26.
29. Иванов А.А. Кубачинский бронзовый котел XIV в. // СГЭ. Вып. XLII. Л., 1977. С. 54–58.
30. Шихсаидов А.Р. Надписи рассказывают. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. – 118 с.
31. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. – 176 с.
32. Scerrato U. Oggetti metallici di età islamica in Afghanistan // Annali. V. XIV. Parte 2. Napoli, 1964, p. 687–696.
33. Scerrato U. Una caldaia iranica di bronzo Del Musée des Antiquités de Alger // Annali. Vol. XV. Napoli, 1965, pl. 229–236.
34. Башкиров А.С. Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. 1. М., 1926. С. 54–63. Табл. VII, 2–3, VIII.
35. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. – 464 с.
36. Шихсаидов А.Р. Новые эпиграфические памятники Дагестана // Вопросы истории Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издание ИИЯЛ Дагфилала АН СССР, 1974. С. 123–161.
37. Башкиров А.С. Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. II. М., 1928. С. 118–130. Табл. X–XII, 3, табл. 41–42.
38. Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982. – 240 с., 345 илл.
39. Гольдштейн А.Ф. Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. – 27 с.
40. Гаджиев М.С. Поселение Пирмешки и его некрополь // История, археология и этнография Кавказа, 2018. Т. 14. № 2. С. 10–22.
41. Шихсаидов А.Р. Судьба древних рукописей // Дагестанская правда. 1989. 5 апреля. С. 3.
42. Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2001. – 256 с.
43. Веймарн Б.В. Искусство Ирана и арабских стран VII–XVII веков. М.: Искусство, 1974. – 188 с., 88 л. илл.
44. Salmony A. Daghestan sculptures // Ars Islamica. The research seminary in Islamic Art, Institute of Fine arts, University of Michigan. Vol. X. 1943. P. 153–163.
45. The Metropolitan Museum of Art. Guide. New-York, 1992.
46. Древние русские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е дополн. изд. М.: Наука, 1977. – 488 с.
47. Гаджиев М.С. Баб ал-кйама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова. Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М.: Издательский дом Марджани, 2010. С. 20–37.
48. аль-Бухари М. Сахих аль-Бухари. [Свод хадисов имама аль-Бухари] (Мухтасар полный вариант). Перевод с арабского В.А. Нирша. М.: Умма, 2003.
49. Маммаев М.М. Фольклор и декоративно-прикладное искусство: некоторые аспекты взаимосвязи // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сборник докладов. Т. 2. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 320–331.
50. Халидов А.Б., Шихсаидов А.Р. Рукописи сочинений ал-Газали в Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 2. 2006. С. 36–65.
26. Shikhsaidov AR. When and how Islam was implanted in Dagestan. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1962. (In Russ)
27. Lavrov LI. New materials on Arabic epigraphy in the North Caucasus. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. 1963; 21: 284–285. (In Russ)
28. Gyuzal'yan LT. On Dagestani (Kubachi) open type cauldrons. Abstracts of the scientific session dedicated to the results of the work of the State Hermitage for 1961. Leningrad: Hermitage, 1962:25–26. (In Russ)
29. Ivanov AA. A Kubachi bronze cauldron of the 14th century. Reports of the State Hermitage. 1977; 42: 54–58. (In Russ)
30. Shikhsaidov AR. Inscriptions tell. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1969. (In Russ)
31. Shikhsaidov AR. Dagestan in the 10th–14th centuries. An essay on socio economic characteristics. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1975. (In Russ)
32. Scerrato U. Oggetti metallici di età islamica in Afghanistan. Annali. 1964; 14(2): 687–696.
33. Scerrato U. Una caldaia iranica di bronzo Del Musée des Antiquités de Alger. Annali. 1965; 15: pl. 229–236.
34. Bashkirov AS. A medieval monument of the Dagestani village of Kalakoreysh. Proceedings of SAI AI RANION. 1926; 1: 54–63. (In Russ)
35. Shikhsaidov AR. Epigraphic monuments of Dagestan of the 10th–17th centuries as a historical source. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ)
36. Shikhsaidov AR. New epigraphic monuments of Dagestan. Questions of the history of Dagestan. Issue 1. Makhachkala: Izdanie IYAL Dagfiala AN SSSR, 1974:123–161. (In Russ)
37. Bashkirov AS. Wooden doors of the Dagestani village of Kalakoreysh. Proceedings of SAI AI RANION. 1928; 2: 118–130. (In Russ)
38. Debirov PM. Wood carving in Dagestan. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ)
39. Gol'dshtein AF. Architectural monuments of Kaytag. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1969. (In Russ)
40. Gadzhiev MS. The settlement of Pirmeshki and its necropolis. History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus. 2018; 14(2): 10–22. (In Russ)
41. Shikhsaidov AR. The fate of ancient manuscripts. Dagestanskaya Pravda. 1989, April 5, p. 3. (In Russ)
42. Shikhsaidov AR., Tagirova NA., Gadzhieva DKh. The Arabic manuscript book in Dagestan. Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2001. (In Russ)
43. Veymarn BV. Art of Iran and the Arab countries of the 7th–17th centuries. Moscow: Iskustvo Publ., 1974. (In Russ)
44. Salmony A. Daghestan sculptures. Ars Islamica. 1943; 10: 153–163.
45. The Metropolitan Museum of Art. Guide. New York, 1992.
46. Ancient Russian poems collected by Kirsha Danilov, 2nd supplemented ed. Moscow: Nauka, 1977. (In Russ)
47. Gadzhiev MS. Bab al qiyama – a medieval Muslim cult site in Derbent. Dagestan and the Muslim East. Collected articles in honour of Professor A.R. Shikhsaidov, comp. and eds. A.K. Alikberov, V.O. Bobrovnikov. Moscow: Izdatel'skiy dom Mardzhani, 2010:20–37. (In Russ)
48. al Bukhari M. Sahih al Bukhari. [Collection of hadiths of Imam al Bukhari] (Mukhtasar, full version), translated from Arabic by V.A. Nirsha. Moscow: Umma Publ., 2003.
49. Mammaev MM. Folklore and decorative applied art: some aspects of interrelation. From congress to congress. Proceedings of the Second All Russian Congress of Folklorists. Collection of reports. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora, 2011:320–331.
50. Khalidov AB., Shikhsaidov AR. Manuscripts of al Ghazali's works in Dagestan. Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography. 2006; 2: 36–65.

Поступила в редакцию 27.06.2025

Принята в печать 02.08.2025

Опубликована 30.06.2026

Recieved 27.06.2025

Accepted 02.08.2025

Published 30.06.2026

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222379-390>

Research paper

Anahit Mkhitarian

Senior Researcher

Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts (Matenadaran), Yerevan, Armenia

anahitmekhtar@yahoo.comCOMMON MANIFESTATIONS RITES
OF PASSAGE AMONG THE ARMENIANS

Abstract. This study examines the structural, symbolic, and functional parallels and contrasts among the rites of baptism, marriage, and burial within Armenian religious and folk traditions. Particular attention is paid to the ritual objects utilized in these ceremonies and their significance within the social and spiritual life of both the individual and the community. The object of research comprises the primary transitional milestones of human life – birth, marriage, and death – which symbolize an individual's biological, social, and spiritual transitions between distinct states of being. Notably, these three pivotal life events employ a shared religious and ritual framework that clearly delineates a time-bound transition from one stage to the next, precisely aligning with the concept of a “rite of passage.” To comprehensively analyze these ceremonies within the Armenian tradition, this study employs a multidisciplinary methodology. Through historical analysis, the evolution of these rituals is traced by examining ancient texts– including the Bible and the works of Agathangelos, Grigor Tatevatsi, and Hovhannes Erznkatsi– alongside the Armenian Church's ritual collection, the Mashtots, thereby contextualizing their development across different religious and historical eras. Ritual analysis is utilized to investigate the symbolism of these transitional rites, revealing their historical and theological contexts and examining the underlying Christian doctrines of spiritual rebirth and purification, with reference to the religious texts that illuminate their symbolic meanings. Additionally, ethnographic observation provides insight into the cultural practices and customs associated with these rites, as well as the application and commonalities of related ceremonial objects (such as the narot, belts, garments, water, and stone), which convey concepts of sanctification, fertility, continuity, and universal order across various ceremonies. Finally, a comparative analysis identifies the shared elements and distinct variations across the three rites, highlighting their interconnectedness in marking life transitions.

Keywords: baptism; wedding; funeral; rite of passage; Armenian tradition; ritual practices; symbolic meanings; Christian theology; ethnography

For citation: Mkhitarian A. Common manifestations rites of passage among the Armenians. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2 P. 379-390. doi.org/10.32653/CH222379-390

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222379-390>

Исследовательская статья

Мхитарян Анаит Робертовна
 старший научный сотрудник
 Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран), Ереван, Армения
anahitmekhitar@yahoo.com

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ КРЕЩЕНИЯ И РИТУАЛОВ ПЕРЕХОДА СРЕДИ АРМЯН

Аннотация. В работе рассматриваются структурные, символические и функциональные параллели и различия обрядов крещения, венчания и погребения в армянской религиозной и народной традициях. Особое внимание уделяется символическим предметам, используемым в этих обрядах, и их значению в социальной и духовной жизни личности и общества. Объектом исследования являются основные переходные обряды человеческой жизни, символизирующие биологические, социальные и духовные переходы индивида из одного состояния в другое. Наше внимание привлекло явление, заключающееся в том, что во время трех важнейших событий человеческой жизни – крещения, венчания и погребения – применялся один и тот же религиозный и ритуальный принцип, который четко разграничивал временно обусловленный переход от одной фазы к другой, что именно и называется «переходным обрядом». В исследовании применена междисциплинарная методология для всестороннего анализа обрядов в армянской традиции как переходных ритуалов. Посредством исторического анализа мы проследили процесс развития этих обрядов, изучив древние источники, включая Библию, труды Агафангела, Григора Татеваци, Ованеса Ерзнкаци и других, а также ритуальный сборник армянской церкви «Маштоц» с целью размещения их в различных религиозных и исторических периодах. Посредством церковно-ритуального и источниковедческого анализа мы попытались рассмотреть символику переходных обрядов, через которую раскрылся историко-религиозный контекст ритуалов, были рассмотрены лежащие в основе этих обрядов христианские идеи, такие как духовное возрождение и очищение; ссылки на религиозные тексты освещают их символические значения. Этнографические наблюдения дали возможность изучить связанные с этими обрядами армянские народные обычаи и традиции, а также применение и общность связанных с ними ритуальных и обрядовых предметов (например, нарот, пояс, одежда, вода, камень и др.), которые в различных церемониях несут идеи освящения, плодородия, преемственности и всеобщего порядка. Посредством сравнительного анализа выявлены общности трех обрядов, подчеркивающие их взаимосвязанность в период переходов жизненных фаз.

Ключевые слова: крещение; свадьба; погребение; ритуалы перехода; армянская традиция; обрядовая практика; символика; христианское богословие; этнография

Для цитирования: Мхитарян А.Р. Общие черты крещения и ритуалов перехода среди армян // История, археология и этнография Кавказа. 2026. 22. No 2. С. 379-390. doi.org/10.32653/CH222379-390

Introduction

The concept of the “rite of passage” has been extensively addressed by numerous scholars from a variety of theoretical perspectives. The purpose of this study is to identify and compare the rites of passage within traditional Armenian culture that accompany the fundamental phases of human existence – birth, maturity, marriage, and death – thereby confirming an individual’s transition to a new status. These rites not only shape the individual’s spiritual and social identity but also reaffirm the continuity of society, the cosmos, and the divine order.

The study examines a comparative analysis of the religious ceremonies and rite of passage of the Armenian Apostolic Church (baptism, wedding, and funeral) and their spatial and temporal patterns. Rites of passage, which are important sacraments of the Christian church, are considered major events not only for the family and society but for the entire cosmos. After the corresponding rites, when entering a new world and passing through a path of trials and preparations, both the baptized, the married, and the deceased acquire a new status.

These rites, consisting of preparatory and primary ceremonies, are performed in consecrated spaces and require the active participation of the clergy, relatives, and community members. Characterized by a “home-church-home” movement structure, these rites of passage embody the cyclical nature of return and transformation.

Following the ceremonies of baptism, marriage, and burial, a distinct transitional period was required to complete the passage from one state of being to another. Following these primary transitional rites, related ceremonies continued for an additional three or seven days, and subsequently for forty days. This transition was realized through specialized ritual procedures and customs developed over time, such as symbolic changes of clothing performed before, during, and after the ceremony – a practice that also extended to the relatives of the central initiate.

The article examines ritual songs, dances, toasts, blessings, and forms of mutual assistance that strengthen the collective nature of the rite of passage. The role of the most respected individuals in traditional Armenian families – the *knqahayr* (godfather) and *kavor* (sponsor) – has also been emphasized.

The research has been conducted through comprehensive analysis of professional literature as well as manuscript sources (manuscript materials are being introduced into circulation for the first time) with the aim of comparing and supplementing existing scholarly works, which has made it possible to deepen understanding of the theological, historical, ethnographic, and cultural contexts of these rites. This comprehensive approach has enabled demonstration of Christian influence on the aforementioned rituals, emphasising their enduring significance in Armenian society.

The relevance of the article lies in its revelation of the viability of these ceremonies in our times: they continue to serve as value systems that connect the individual to society, the church, and cosmic order.

Human life encompasses a sequence of successive transitions from one age-related stage to another (birth, maturity, marriage, and death), which are accompanied by spiritual and secular ceremonial practices. Both birth (baptism), marriage (wedding), and death (funeral) are transitional rites¹ [1, p. 151; see also 2, p. 123–236], between which ritual actions demonstrate notable similarities. Rites of passage are ceremonies that accompany an individual’s social, spiritual, and age-related transition from one status to another. This is particularly evident in birth, marriage, and death, which represent significant events not only in the individual’s life but also for the entire society and the cosmos. To establish and confirm these transitions, specific customs of social recognition emerge– such as *achkalusank* (congratulatory visits for good news) and *seghanberel* (bringing celebratory food) – which, while bearing a socio-domestic character, are intrinsically related to transitional periods. Furthermore, a new designation is assigned to the initiate during these milestones: a new Christian name is bestowed upon the one being baptized by the priest, distinct titles are given to the couple getting married (bride and groom, newlyweds, or “king and queen”), and specific terms are used to refer to the deceased (the late or the departed).

¹ Van Gennep classifies rites of passage into the following types: *separation*, when the individual is detached from their former status; *liminal* or *intermediate*, when the individual has not yet acquired a new status but no longer possesses the old one, and this is often accompanied by trials, prohibitions, and symbolic actions; and the third type – *incorporation* or *integration*, by which the individual’s new status is established, marking the individual’s return to the community as a bearer of a new role.

These rites consisted of preparatory and primary ceremonies, which were performed in specially prepared locations with the mandatory presence of clergy, relatives, friends, and specific groups of people.

Baptism, wedding, and funeral are important sacraments of the Christian Church, performed both in church and at home usually before sunset, and their spatial transitions occur almost identically:

- a) During baptism: home – church – home
- b) During wedding: home – church – home (groom's home)
- c) During funeral: home – church – home (cemetery).

After the corresponding rites, when entering a new world, the baptized, the married, and the deceased receive a new status, similar to the rite of consecration (initiation).

During baptism, a transition occurs from one world to another. Baptism carries the mystery of funeral and resurrection: the threefold immersion in the baptismal font symbolizes Christ's burial, while lifting from the font represents the resurrection: "And our baptism holds the mystery of burial and resurrection; the threefold immersion signifies the three-day burial, while emerging from the font signifies the resurrection" [Եւ մկրտութիւնս մեր՝ թաղման եւ զյարութեան ունի խորհուրդ. Երեք անգամ ընկղմելն՝ զերեքօրեայ թաղումն նշանակել, եւ հանելն յաւազանէն՝ զյարութիւն] [3, p. 145]. Through this ceremony, the old self, born with Adam's sin and not yet baptized, is symbolically buried, and a new person is reborn. This signifies that through Baptism, an individual receives a spiritual birth, becoming a "new person" born from the baptismal font, while the font itself is perceived as the "womb of the church"²: "I placed my hope in You from my mother's womb, You are my God... Just as through birth we come from the darkness of the womb to the light of life, so through baptism we come from the darkness of ignorance to the light of knowledge" [Ի Քեզ անկայ ես յարգանդէ յորովայնէ մօր իմոյ, դու ես Աստուած իմ: ...Որպէս ծննդեամբ ի խաւարէ արգանդի ի լոյս կենցաղոյս գամբ, այսպէս մկրտութեամբն՝ ի խաւարէ անգիտութեանն ի լոյս գիտութեան գամբ] [4, p. 149]. According to the Christian worldview, baptism represents the cleansing of humanity from original Adamic sin (cf. Acts 2:38, 22:16, Col. 2:12–14) and the mystery of spiritual rebirth [see 3, p. 308].

According to the medieval Armenian theologian and scholar Hovhannes Erznkatsi (c. 1230–1293) anyone who wished to be baptized had to undergo a long path of preparation and trials: becoming familiar with the principles of Christian life, Christ's doctrine, and all the details of living a Christian life.³ Becoming a member of the Christian Church required two fundamental stages: preparation and baptism.

Before marriage, both girls and boys had to undergo the same path of trials and preparation, spending considerable time in a specially designated space [1, p. 198; 5, p. 38; 6, pp. 48, 98; 7, pp. 291–296; 8, pp. 86–142], after which they were considered ready for matrimony. During the wedding, through a series of consecutive ritual ceremonies, the bride and groom were integrated into the marital order, thereby entering a "new world",⁴ – that of married life.

It is evident that the deceased also undergoes this trial, which can be regarded as the struggle of the soul and body prior to death. After the funeral rite, the deceased is reborn as a new person through resurrection, as death is perceived as a transition from one world to another. It is a ritual boundary between two worlds – the living and the dead – where the boundaries of death and life, of birth, become intertwined. Generally, ritual systems are connected to mythical pasts, as ritual contains mythical thinking and carry a symbolic meaning [9, p. 32].

Baptism, wedding, and funeral rites required a specific transitional period for moving from one state to another. Baptism was primarily performed on the eighth day after the child's birth. This practice was related to the tradition of the Old Testament. In this tradition, the children of the chosen Hebrew people underwent circumcision on the eighth day, which was a sign of the covenant (see Exodus 4:24–26). Christians also linked their "covenant" to the eighth day after Christ's birth⁵ [10, p. 27; 11, p. 400], and they would remove the myrrh three (sometimes seven or eight) days after Baptism [12, p. 271; 13, p. 181].

In ancient times, the duration of the nuptial repast was seven days (in later periods, it was reduced to three days). The *narot* (traditional wedding binding cord), which the priest would tie around the bride and groom's

² According to medieval Christian interpretation, Christ is allegorically perceived as the "bridegroom," the church as the "bride," and the baptismal font as the "womb" from which a person is born anew.

³ Ibid., p. 237.

⁴ This is precisely the transitional rite of consecration.

⁵ According to certain primary sources, in early centuries, baptism was also performed at adult age. See: Venice Mekhitarist Library, manuscript no. 457, *Mashtots* (Ritual Book), 9th or 10th century, «Կանոն Մկրտութեան [և Կնունք տալոյ] յորժամ քրիստոնէս(ո) աննեն» ["Canon of Baptism [and Chrismation] when they make someone Christian,"], folio 76a.

baptisms during the wedding ceremony (and could be tied around the neck or right hand), was required to remain in place for seven days. It was only on the eighth day that the binding was removed through the “Պսակ վերացուցանելոյ – The removal of the wedding crown from the baptism” ceremony⁶ [14, p. 81]. During this period, the spouses were considered to be in marital seclusion and were not permitted to enter the marital bed, reverently preserving the bride’s sacred virginal innocence, for it is said: “After eight days, the priest commands them to unite physically – for the seven gifts of the Spirit and the seven sacraments of the church, they must maintain the marriage bed with immaculate purity. And again: seven are the days of creation; the number seven must be kept immaculate” [...Յետ ութն ատուրն հրամայէ քահանայն զուգաւորիլ նոցա մարմնով՝ վասն եօթն շնորհաց հոգւոյն՝ եւ եօթն խորհրդոյ եկեղեցւոյ պարտ է անարատ սրբութեամբ պահել զանկողինն: Եւ դարձեալ՝ եօթն են ատուրք արարչութեանն. պարտ է պահել եօթն թիւն անարատ] [3, p. 203].

The sequence of funeral ceremonies lasted three days (until the deceased was consigned to the earth), followed by the seventh and fortieth days. After these transitional rites, the ceremonies continued for an additional three or seven days, and subsequently for forty days.

Concepts concerning life and death have played a profound role in the ritual and mythical traditions of diverse cultural societies throughout history [15, p. 101]. Over centuries, certain perceptions and beliefs have formed in human worldviews regarding death, funeral rites, and ancestral remembrance, according to which another, new world exists after death. This transition was performed through a specific ritual procedure and customs developed over time, such as a special manner of removing the deceased from the house, placing weapons, horses, servants, household and work tools, provisions, clothing, and other items with them [16, p. 442–443; 17, p. 94]. Specific ritual ceremonies were performed for the deceased’s soul’s peace – memorial services, commemorative meals, seventh-day, fortieth-day, annual, and other remembrances.

The Symbolism of Ritual Objects

Objects used during transitional rites even share commonalities: new clothing, shoes, belt, cross, and narot. “The narot is a cord of green, red, and white silk threads twisted together, which is tied around the child’s neck during baptism, and around the bride and groom’s necks during the wedding ceremony” [18, p. 501; 19, p. 405; 14, p. 32; 20, p.25].⁷ Drawing from Christian perceptions, Grigor Tatevatsi explains: “The colors of the narot, red and white, symbolize the blood and water that flowed from Christ’s life-giving side, through which the holy Church was united and crowned” [Նաթուին գոյնք որակացն կարմիր և սպիտակ՝ արեանն և ջրոյն ունին զխորհուրդ բոխեալ՝ ի կենարար կողէն Զրիստոսի, որով միացեալ պսակեցաւ եկեղեցի սուրբ] [3, p.203].

And as during the wedding, so too during baptism, the ceremony of the “crown-lifting ritual” (“Պսակ վերացուցանելոյ”) was performed: “And eight days later, the priest removes the narot from the baptized person and reads a prayer for the baptized” [14, p. 37].

The presence of the *narot* is also seen in the Armenian epic *Daredevils of Sassoun*, during a funeral ritual: “David woke his uncle and asked:

– What is that green-red flame descending from the top of the mountain?

Hovan knew that Mher’s grave was there,

And light was radiating from the grave”

[Դավիթ հրողբոր վե՛ր հանեց, ասաց.

– Էնա լեռի գլոյս ի՞նչ կանաչ-կարմիր բոց կ’իջնի:

Հովան գիտն, որ Մհերի գերեզմանն է,

Ու լուս կ’էլնի գերեզմանից] [21, p. 191].

The narot was particularly employed in the context of a young deceased individual. As noted, “For a young deceased person, a belt and shoulder strap were fashioned from the same fabric during the

6 This is the *Tagveratsor* Crown Removal ceremony. Both the crown and the *narot* (ribbon) should remain on the groom and bride’s heads for several days (up to three days, or seven-eight days) according to the custom of the particular ethnographic region. After one or several days, the priest would remove the crown from the newlyweds’ heads, only after which they would have the right to enter the bridal chamber. This ceremony was performed both in church and at home. As a church ritual, it is called “Canon of Removing the Crown (*Կանոն Պսակ վերացուցանելոյ*).”

7 In earlier periods, the *narot* was red and green: “Then [the priest] dresses the newly-baptized in new garments, and crowns [them] with a cross-marked *narot*, and covers over everything with white garment, and gives red and green candles into [their] hand” (here the reference is to the baptized child).

shrouding process. In the case of a wealthy deceased person, the coffin would be draped with a red or green cloth" [22, p. 244].

According to Agathangelos' testimony, for the burial of the Hripsimian virgins, colorful narots were brought for shrouding: "And the king, along with the princes, brought fragrant oils, precious incense, and multicolored fabrics (narots) for the shrouds..." [Իսկ թագաւորն եւ արքայազունքն ամենայն... բերին իւրս անուշունս եւ խունկս ազնիւս, եւ զգունագոյն նարաւոսս պատանաց...] [23, p. 1666].

In folk beliefs, the narot was imbued with magical potency [24, p. 1264], a significance evident in the rituals of baptism, marriage, and funeral alike. "Undoubtedly, the narot is believed to possess the magical power of binding and unlocking fortune (untying knots), which, on a societal level, is associated with generational succession, the continuity and sanctification of human social functions, and, on a physical-physiological level, with the fertility and reproduction of the human sexes" [25, p. 39].

In the ritual collection *Mashtots*,⁸ as well as in other literary sources, mention is also made of the belt, which was utilized during both baptism and crowning ceremonies. The belt held ritual significance in the pre-Christian era, with the bride's belt being linked to fertility. However, the belt was tied not only around the bride's waist but also the groom's. During the medieval period (XIII–IX cc.), each belt carried its own symbolism, meaning, and purpose. Belts were further endowed with diverse interpretations and functions [26, p. 177; 27, p. 47; 28, p. 194; 29, p. 159; 30, p. 126; 31, p. 210–219; 32, p. 16–21]: "This is the first belt of Christianity, which the priest ties around the baptized person's waist over white clothing after baptism. As a rule, it was woven with red and white colors" [Առաջին գաւտի քրիստոնէականն է, որ յետ կնքոյն յաւազանն զգեցուցանէ քահանայն սպիտակ հանդերձ եւ ածէ գաւտի ընդ մէջն, զնարաւուն՝ մանեալ կարմիր եւ սպիտակ] [33, p. 410].

There were certain other objects of ritual worship that also had significant importance in these rituals, such as stone, water, and soil [34, p. 310; 35, p. 88].

In Armenian reality, the worship of stones has existed since ancient times. During ritual ceremonies (wedding and baptism), foundation stones were used, which were previously consecrated small altar stones or cornerstone foundations of the sanctuary [36, p. 379]. Rectangular foundation stones, considered sacred, were placed in special locations where people would make pilgrimages to worship, and ritual ceremonies were performed around them [37, p. 189]. In places where there were no churches, monasteries, or chapels, or where they were not consecrated and functioning, wedding and baptism ceremonies were performed – and continue to be performed to this day – near the foundation stone [38, p. 155]. In the funeral ritual, stone manifestations include the gravestone, tombstone, and *khachkar* (cross-stone).

Water, as an element of purification, has important ritual significance in three different phases of human life: at birth – baptism, at maturation – wedding, and at death – funeral rituals.

In the Armenian church, baptism is performed with triple immersion in the name of the Father, the Son, and the Holy Spirit [39, p. 11]. A similar ceremony was also performed during wedding rites. The newlyweds were bathed, meaning they were fully immersed in water to be purified from sins, so they could enter a new life and "Groom-Bath" ceremony the priest poured three bowls of water over the groom, saying:

"...To renew the old self, the Savior comes today to baptize,

To renew our corrupted nature with water,

And in return grant us an incorruptible garment"

[... Չիին մարդն նորոգելով՝ Փրկիչն ի մկրտութիւն զայ ալսօր,

Չի զապականեալ զբնութիւն զջրով, նորս գործեացէ՝

Անսպախան զգետն փոխարէն տալով մեզ]⁹.

That is, through ritual, divine law symbolizes the creation of the world, which has existed from the beginning and is meant to continue.

This symbolic concept of consecration is manifested both in religious literature and in miniature paintings, where we often see Christ killing the dragon serpent, primarily in rivers and waters: this is a manifestation of dragon-fighting, the prototype of which dates back to the mythical past. This idea has been expressed in epics, fairy tales and myths, as well as in wedding [40, p. 226–231] and baptism rituals: "The concept of baptism –

8 "... And then ties the cloth (piece) around their neck: Put, O Lord, strength upon this one's neck and cleanse from the pollution of all kinds of sins, by the grace of our Lord Jesus Christ. *For the waist:* May the arch of faith gird the waist of this one's heart and mind and extinguish impure thoughts in them, and may the power of your grace grant..." See: Վենետիկի Մխիթարեան մատենադարան [Venice Mekhitarist Library], manuscript 711, Mashtots, 14th or 15th century, folio 16a. (In Arm)

9 Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts (henceforth MM), manuscript 8406, Mashtots manuscript, written in *Kafa* and later copied in *Nakhijevan*, 17th–18th centuries, fol. 4a. (In Arm)

Christ's descent into the waters of death to purify them from corruption and to anoint the waters – is apparently the Christian interpretation of the general symbolism of consecration: descending into the kingdom of death for the purpose of subsequent rebirth" [41, p. 363].

Through the ritual of consecration, a person is purified by water first through baptism, then through wedding, and finally after death during funeral [42, p. 415].¹⁰ One dies and is resurrected as a new person in Christ: "Just as the body of the deceased is buried in the soil and the soul becomes invisible, so too the baptized person is immersed in the pool of water, that is, the entire body is submerged and covered... The baptized dies with Christ, and by being immersed in water three times, emerges from the water in an immortal manner through the mystery of Christ's resurrection" [Որպես մարմին մեռելոյն ծածկի հողովն եւ հոգին աներեւոյթանայ: Այսպէս եւ մկրտեալն ծածկի ջրով. ա՛յն է, որ զբոլոր մարմինն թանայ եւ ծածկէ... Մկրտեալն մեռանի ընդ Քրիստոսի, եւ երիցս ընկղմեալ ի ջուրն՝ ելանէ ի ջրոյն անմահապէս յարութեամբն Քրիստոսի] [3, p. 146–147].

Purification is realized first through water, and subsequently through the anointing of oils (fragrant resin, myrrh). After baptism, the priest anoints the forehead, eyes, ears, nose, mouth, hands (palms), heart, back, and feet of the baptized person with myrrh, and while applying it to each part, recites the corresponding formula [20, p. 16].

According to Christian ideology, if through baptism we become members of the Church, then through chrismation we become "soldiers of Christ" who must fight against evil; that is, this mission is bestowed upon the baptized person through chrismation: "Through baptism we are born into the church as children of God, and through being sealed, we become soldiers of Christ against the enemy – Satan. First we seal the forehead, so that we may arm ourselves without fear, and then we arm all members." [Մկրտութեամբն ծնանիմք ի յեկեղեցիս որպէս որդիս Աստուծոյ, եւ դրոշմելովն՝ լինիմք զինուոր Քրիստոսի ընդդէմ թշնամոյն սատանայի: Եւ նախ ճակատն դրոշմեմք, զի առանց երկիւղի զինեցին, եւ ապա զբոլոր անդամսն սպառազինեցուք] [3, p. 151].

During the wedding ceremony in church, the priest blesses¹¹ [19, p. 862] the bride and groom with a cross in a special ceremony, and then blesses their garments [38, p. 84–94]. In the wedding, the ring serves as a seal – a pledge and symbol of love that "shows one and the whole (crown-shaped, spherical) and the perfect love of the bride and groom..." [ցուցանէ զմին եւ զբոլոր (պսակաձեւ, գնդաձեւ) եւ զկատարեալ սէրն հարսին եւ փեսային...] [3, p. 198]. That is, love should be perfect and complete, like the universe.

During funeral, the grave is also sealed: "And the priest makes the sign of the cross over (blesses) the grave" [Եւ տեառնազրէ քահանայն զգերեզմանն] [17, p. 232]. Thus, the baptized, the wedded, and the deceased are all sealed and marked with various sacraments.

Changing of Clothes in Ceremonies

During these ritual ceremonies, not only are people bathed and cleansed with water, but also, after removing the old garments, they are dressed in new ones.

During baptism, the child is undressed, and the priest through prayer attempts to remove the oldness of sins from the baptized and renew them with new life: "Lord, make this one worthy of great grace. Strip away the oldness of sins from this one and renew with new life, and fill with the power of the Holy Spirit to be adopted into the life of Your Christ..." [Տէ՛ր, արա՛ զսա՛յ արժանի մեծի շնորհաց: Մերկեա՛ ի սմանէ զինութիւն մեղաց եւ նորոգեա՛ ի կեանս նորս, եւ լցո՛՛ զաւրութեամբ հոգոյդ սրբոյ որդեգրութիւն կենաց Քրիստոսի քոյ...] [20, p. 15].¹²

We see a similar ceremony in the wedding rite, when the bride and groom, removing their old clothes and putting on new ones, become new people (king and queen) and enter a new world – the state of marriage [6, p. 48, 98]: "May the Lord God remove from you the old person with their deeds... God dresses the new person, which is created by God in righteousness, truth and holiness" [Հանցէ՛ ի քէն Տէր Աստուած մեր զհին

¹⁰ During burial as well, they bathe the deceased, cleanse the body, and then cover it with soil – bury it. "Թաղել" means: 1. to immerse in soil, 2. to submerge, to immerse deeply.

¹¹ In Mashtots manuscripts, it also appears as «*տէառնազրէ*» – ["tearnagre"]. «*Տէառնազրէ*» – ["Tearnagrel"] means "to seal, to mark with a cross".

¹² See also Venice Mekhitarist Library, manuscript No. 457, Mashtots I, 9th or 10th century, «*Կանոն Մկրտութեան [եւ Կնունք տալոյ] յորժամ քրիստոնեայն առնեն*» ["Canon of Baptism [and Chrismation] when they make someone Christian"], p. 73b. «...Մերկացուցանելն ի զգետնէ՛՛ զմերկութիւնն Աղամայ ցուցանէ. եւ սա մերկանայ զհին մարդն Աղամ եւ զգեւնո՛ւ զնորն Աղամ՝ զՔրիստոս»:

մարդն գործովք իւրովք: ...Աստուած զգեցուցանէ նոր մարդն, որ ըստ Աստուծոյ հաստատեալ է արդարութեամբ եւ ճշմարտութեամբ եւ սրբութեամբ¹³.

Both the baptized and the wedded wear new and white garments: “The use of white in the three most important phases of human life (baptism-christening, marriage, death), when the idea of spiritual purity and innocence becomes primary, is related to the necessity of emphasizing this circumstance, which conditions the perception of white as a ritually pure color” [32, p. 36].

Ghevond Alishan mentions that in ancient times (11th-12th centuries) people also wore white during mourning;¹⁴ wearing black was characteristic of common people, while white was for kings and nobles: “Among signs of mourning, blackness is common to almost all nations, but whiteness is notable in our nation, though not for everyone, but for the great ones or kings and priests, for whom wearing white was also distinctive... It seems that their royal and sacred rank was considered exempt from the black of mourning; for this reason, coffins and funeral accessories and attendants were dressed in white. This custom was preserved in the Armenian royal court even during the times of the last dynasty (the Rubenians)” [16, p. 442–443; 17, p. 94].

During these ceremonies (both prior to and following the ceremony), especially during weddings and funerals, a change of clothing took place (relatives also changed their clothes).

The Role of the Godfather and the Kavor in the Ceremonies

In traditional Armenian families, the godfather (*kavor*) has played (and continues to play) a very important role: he was considered the most respected individual and was invited with a special invitation (accompanied by gifts and *dhol-zurna* music) to participate in and perform the ceremony. If the child was a newborn, the godfather was responsible for the child’s religious upbringing and was accountable to society on the child’s behalf: “...The godfather instructs and nourishes him [the baptized] with words and dresses him [in clothes]. ... And whether the baptized is a child or an elderly, a godfather is needed, as he is the tongue and mediator to the priest” [...Կնքահայրն խրատէ եւ կերակրէ զնա բանիւ եւ զգեցուցանէ զնա: ...Եւ թէ մկրտեալն փոքր լիցի եւ թէ մեծ՝ պիտոյ է կնքահայր, զի լեզու եւ միջնորդ է նա առ քահանայն] [3, p. 145].

As evidenced by facts and analyses, the best man (*kavor*), while performing the most important religious role during marriage, also fulfills the function of a priest [43, p. 105; 44, p. 151]. The best man’s full rights regarding the bride have also left traces in the baptism ritual [29, p. 245], and he subsequently became the “spiritual” father of the baptized child – the godfather. That is, the best man participates in both the marriage and the child’s baptism (as godfather), and this has led to confusion, since according to studies, in some ethnographic regions, the functions of the best man and the godfather have even been identified as the same, although they are different [45, p. 222; 46, p. 332; 47, p. 421].

The Symbolism of Songs and Dances in Ceremonies

These transitional consecration rituals were accompanied by ritual songs and dances, which were performed to mark the passage from one age phase to another, to establish ties between two families, to protect the bride and groom from evil forces, and to ensure their fertility, offspring, life, and prosperity. There were also farewell, commemoration, death, and grave dirges and dances.

During baptism, of course, relatively fewer ritual songs were performed. In early times, after completing the sacrament of baptism in church, the priest would sing hymns and ring bells on the way from the church to the baptized person’s home [48, p. 141], which had the meaning of repelling evil.

Meanwhile, the entire wedding ceremony was accompanied by songs¹⁵ (in church, the priest conducts the ceremony accompanied by hymns) and dances. When applying henna to the bride’s hands, dressing her, and braiding her hair, songs praising the bride were sung, and similarly in all ceremonies (when praising the

13 MM, manuscript 841, Collection, 18th century, p. 1a. Also: MM, manuscript 5087, Collection, *Ktuts* Monastery, 1694, p. 310b. (In Arm)

14 White color was also considered a sign of mourning among the Eastern Slavs. See: Zelenin D. K., *East Slavic ethnography*, Moscow, 1991, pp. 345–354.

15 In the church, the priest leads the ceremony by singing hymns.

“king” (groom), decorating the “king’s” tree, and so on). Farewell and separation songs were also sung (“House threshold, don’t tremble,” “Farewell to the bride” (“Շեմքի՛կ, մի՛ ժաժա”, “Հրաժեշտ հայրսի”)). The girl bid farewell to her paternal home’s hearth with a special ceremony [49, p. 255–256; 12, p. 253]: she would kneel and kiss the *tonir* (oven) of her father’s house. When the girl left her paternal home, clothing, necessary household items, and other belongings were sent with her.¹⁶

The deceased was also accompanied to the other world with ritual farewell songs – dirges and dances – with ritual-magical thought, word, and action. The comprehensive archaic trinity of thought-word-deed is present both in the these ancient rituals [50, p. 27], as well as in spiritual and secular songs.

During the wedding ceremony, they praised the bride and groom, while during burial, they praised the deceased with laments, describing their lived life and glorifying their completed journey:

“Alas!, a thousand times alas for our falcon David,

Ah, still our falcon David.

Alas, a thousand times alas for the young deer,

Who has gone from our house of Sassoun”

[Ափսո՛ւ, հազա՛ր ափսոս մեր թառլան Դաւիթ,

Ա՛խ, հալա մեր թառլա՛ն Դաւիթ.

Ափսո՛ւ, հազա՛ր ափսոս եղնիկն ջահել,

Որ գնաց մեր Սասնայ տնէն] [51, p. 262].

Ritual ceremonies were also expressed through dances characterized by specific gestures and movements. Death, funeral, mourning, and commemorative dances simultaneously ensured the processes of ritual purification of the world [52, p. 64]: “...After Nerses’s death, when they were weeping for the dead, with trumpet and pandyr [string instrument] and lamentations, performing mourning dances with hopping movements, men and women facing each other and clapping with profane and unworthy dances, they would send off the deceased” [...Յետ մահուան Ներսէսի յօրժամ գնեռեալսն լային, փողով ու փանդոք եւ վնօք զկօծսն պարուցն կաքաւելով, արք եւ կանայք պղծութեամբ ճիւղաղութեամբ պարուք դէմ ընդ դէմ հարկանելով եւ կամ ծափս հարկանելով, գնեռեալսն յուղարկէին] [53, p.24].

Meanwhile, through wedding dances (bride’s dance, dance with candles, groom’s dance, path dance, etc.), they attempted to ensure the happiness, good fortune, healthy offspring, and prosperity of the married couple.

Before and after these rituals, and during the ceremonies themselves, there were certain customs (including prohibited ones). During the wedding and funeral ceremonies, neighbors and relatives supported materially (giving gifts or money, which constituted forms of mutual assistance) to cover expenses, and physically – helping with household and other domestic tasks.¹⁷

Special words of tribute and toasts were spoken during ceremonies, and at baptism and wedding ceremonies, blessings were also offered (“May God protect the newborn child, strengthen them,” “May God keep them with father and mother,” “May the Lord protect them, may the priest wed them,” “May you sprout, bloom, bear fruit, and grow old on the same pillow,” “May you sit at the table with seven sons,” “Green sun and red days to our king and queen,” etc [Նորամանուկիդ աստված պահէ, զորացնէ», «Աստված հորով-մորով պահէ», «Տերը պահէ, տերտերը պսակէ», «Ծլէ՛ք, ծաղկէ՛ք, բա՛ր տաք, մի բարձի ծերանաք», «Եօթը որդով սեղան նստէք», «Մեր թագւորին ու թագուհուն կանաչ արեւ, կարմիր օրեր»)] [54, p. 224] as well as congratulatory wishes intended to ward off evil and invite goodness and happiness. During baptism, they would offer the following blessings: “May you be with your father, may you be with your mother, may you have red (happy) days. May your life be long, may you be obedient to your father and mother” [Հօրաւ ըլես, մօրաւ ըլես, կարմիր օրաւ ըլես. ումրդ էրկան ըլի, քու հօրն ու մօրը հնազանդ ըլես] [49, p. 279]. Even the blessings were even differentiated: for a boy child, they would say: “May you be a deep reader, may fire spark from your pen, may you have the fear of God and earn your bread with ease” [Խորունկ կարդացող ըլլաս, գրէդ կրակ ցաթէ, Աստուծոյ երկիւղն ունենաս՝ եւ հացդ դիւրութեամբ վաստակիս] [55, p. 254]. And if the child was a girl, they would say: “May you swim in gold and pearls, may you remain white and pure like cotton, may you know how to earn your bread” [Ոսկիներու եւ մարգարիտներու մէջ լողաս, բամբակի պէս սպիտակ ու մաքուր մնաս, հացդ մատակարարել գիտնաս].

Along with the similarities between these ceremonies, there were also differences. For example, while wearing jewelry was mandatory at weddings, at funerals the deceased’s wife would remove all her jewelry and cut

16 As already mentioned, this was also done in the Funeral ceremony.

17 During the seven-day mourning period of the funeral ceremony, it was forbidden in the deceased’s home to bathe, do laundry, light a fire, prepare food, etc.

her hair. Conversely, according to Armenian custom, men would not shave until the seventh day or fortieth day after the death. During the wedding ceremony, however, there was a consecration ritual of shaving the groom – *pesa-trash* [8, p. 86–142; 56, p. 285–291], which was considered a variant of a sacrificial ritual: “It is very likely that this custom is a remnant of the ritual by which people, sacrificing their hair to the spirit of the deceased, express their love and submission to it... The ceremonial shaving of the king during marriage, which is quite common among us, Armenians, should also be considered a remnant of a sacrifice to some deity” [57, p. 33–34].

Although during the transition period between religious systems some forms of ritual ceremonies change, such as the ritual ceremonies symbolizing the transitional periods of human life (baptism, wedding, funeral), the essence and purpose of the ritual remain unchanged – to fulfill and renew the creation of the universe through ritual ceremony, which has existed from the beginning and is meant to continue [58, p. 7–60; 9, p. 32; 59, p. 115–120].

Conclusion

Based on manuscript sources, the ecclesiastical *Mashtots* ritual book, the works of Armenian medieval theologians, and ethnographic sources, it has been concluded that baptism, wedding, and funeral rites constitute a complete symbolic system. They embody mythological thinking and possess symbolic meaning: each ceremony restores the beginning of primordial creation.

The article is also valuable in that the study of rites of passage is presented not only as a historico-ethnographic phenomenon but also as a living cultural system. It demonstrates how pre-Christian perceptions have been transformed within Christian ritual while preserving their symbolic and social functions.

REFERENCES

1. van Gennep A. *Rites of passage. A systematic study of rituals*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1999. (In Russ)
2. Gabriele Winkler. *Das Armenische Initiationsrituale*. Rome, 1982.
3. Grigor Tatevatsi. *Book of sermons, known as the “Summer Volume”*, 1998. (In Russ)
4. Bagdasaryan E. *Hovhannes Yernkatsi and his didactic prose*. Yerevan, 1977. (In Russ)
5. Eliade M. *Secret societies. Rites of initiation and consecration*. Moscow: Helios Publ., 2002. (In Russ)
6. Propp V.Ya. *Historical roots of the fairy tale*. Leningrad, 1946. (In Russ)
7. Vardanyan LM. Survivals of the institution of initiation among Armenians. *Historical-Philological Journal*. 1967; 4: 291–296. (In Russ)
8. Vardanyan LM. Traditions of male age groups among Armenians (late 19th – early 20th centuries). *Armenian Ethnography and Folklore*. 1981; 12: 86–142. (In Russ)
9. Turner V. *Symbol and ritual*. Moscow, 1983. (In Russ)
10. Dzhemdzhemyan OS. The ceremony of baptism in the *Mashtots* books. *Bazmavep*. 1971; 1–2: 27. (In Russ)
11. Khacuni OV. *Meals and feasts in ancient Armenia*. Venice – San Lazzaro, 1912. (In Arm)
12. Lalayan E. Javakhk. *Ethnographic Journal*. 1895; I.
13. Lalayan E. Mush-Taron. *Ethnographic Journal*. 1916; XXVI. (In Arm)
14. *Mashtots of the Armenian Church, published according to the rules of our holy fathers, collated with numerous ancient copies – about fifty – as well as with a manuscript written with an iron pen, in the monastery of St. Lazarus*. Venice, 1831. (In Arm)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геннеп А. ван, Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999.
2. Gabriele Winkler. *Das Armenische Initiationsrituale*. Roma, 1982.
3. Григор Татевацци. Книга проповедей, который известна под названием «Летний том». 1998.
4. Багдасарян Эд. Ованнес Ерзнкаци его дидактическая проза. Ереван, 1977.
5. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.: Гелиос, 2002.
6. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград, 1946.
7. Варданын Л.М. Пережитки института инициаций у армян // Историко-филологический журнал. Ереван, 1967. № 4. С. 291–296.
8. Варданын Л.М. Традиции мужских возрастных групп у армян (конец XIX – начало XX вв.) // Армянская этнография и фольклор. Ереван, 1981. № 12. С. 86–142.
9. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
10. О. Джемджемьян С. Церемония крещения в книгах Маштоца // Журнал "Базмавеп". 1971, № 1–2. С. 27.
11. О. Хацун В. Трапезы и пиры в Древней Армении. Венеция – Сан-Лаззаро, 1912 (на арм. языке).
12. Лалаян Е. Джавахк // Этнографический журнал. Шуши, 1895. Кн. I.
13. Лалаян Е. Муш-Тарон // Этнографический журнал. Тифлис, 1916. Кн. XXVI. (на арм. языке)
14. Маштоц Армянской церкви, изданный в соответствии с правилами наших святых отцов, сверенный с многочисленными древними копиями – около пятидесяти – а также с рукописью, написанной железным пером, в монастыре Св. Лазаря. Венеция, 1831. (на арм. языке)

15. Baiburin A. *Ritual in traditional culture*. Saint Petersburg, 1993. (In Russ)
16. Gevond Alishan. *Ancient faith or pagan religion of the Armenians*. Venice, St. Lazarus, 1910. (In Russ)
17. Tagavaryan N. *Ancient Armenian beliefs*. Constantinople, 1909. (In Arm)
18. *Armenian words and expressions*, ed.: Amatuni S. Vagharshapat, 1912. (In Russ)
19. *New dictionary of the Armenian language*. Yerevan, 1981. Vol. 2. (In Russ)
20. *Book called the Great Mashtots, which mainly collects the rites and canons of the ceremonies of the Holy Armenian Church, transmitted by the ancestors and arranged by our holy translators and graciously enlightened great vardapets*. Constantinople, 1807. (In Arm)
21. David of Sasun. *Armenian national epic*, 2nd ed. Yerevan, 1961. (In Arm)
22. Lalayan E. Sisian. *Ethnographic Journal*. 1898; 3(1). (In Russ)
23. Agathangelos. *History of the Armenians, Armenian Classical Authors (Matenagirk Hayots)*. Vol. II, 5th century. Antelias-Lebanon, 2003. (In Arm)
24. Hovhannes (John) Mandakuni. Sermons. No. 26. "Scripture on magical incantations and illegal divination", *Armenian Classical Authors (Matenagirk Hayots)*. Vol. I, 5th century. Antelias-Lebanon, 2003. (In Arm)
25. Mushegyan A. Cathedral of Narot and etymology. *Armenian folk culture (Republican scientific conference, IX. Abstracts of papers)*. Yerevan, 1997. (In Arm)
26. Kajberuni. Armenian customs. *Ethnographic Journal*. 1901; 7-8.
27. Lisitsyan S. Armenians of Nagorno-Karabakh. *Armenian Ethnography and Folklore*. 1982; 12(20). (In Russ)
28. Lisitsyan S. *Armenians of Zangezur*. Yerevan, 1969. (In Russ)
29. Samvelyan Kh. *Culture of Ancient Armenia*. Vol. 1. Yerevan, 1931. (In Arm)
30. Temurchyan V. Armenians of Gamirka. *Armenian Ethnography and Folklore*. 1970. (In Russ)
31. Harutyunyan S. *Armenian mythology (Myth of the ritual belt)*. Beirut, 2000.
32. Stepanyan A. Ornamental patterns of Armenian national costume. *Armenian Ethnography and Folklore*. 2007; 22. (In Arm)
33. Hovhannes Yerznkatsi. *Works. Vol. I. Speeches and sermons*. Yerevan, 2013. (In Arm)
34. *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia*. Vol. II. Moscow, 1982. (In Russ)
35. Lalayan E. Province of Nor-Bayazet or Gegharkunik. *Ethnographic Journal*. 1908; 17(1). (In Arm)
36. *Main catalogue of Armenian manuscripts of St. James*. Vol. 7. Jerusalem, 1974. (In Arm)
37. Ormanyan M. *Ritual dictionary*. (In Arm)
38. Mkhitarian A. *Marriage and wedding rites among Armenians based on manuscript sources of the 5th–18th centuries*. Yerevan, 2018. (In Arm)
39. Poladyan D. *Sacraments of the Holy Armenian Apostolic Church*. Beirut, 1957. (In Arm)
40. Mkhitarian A. Reflection of dragon-fighting in wedding ritual. *Vishap at the intersection of fairy tale and reality*. Yerevan, 2019. (In Russ)
41. Abramyan L. Christ as a serpent-fighter: church tradition and the artist's memory. *Vishap at the intersection of fairy tale and reality*. Yerevan, 2019. (In Russ)
42. Agayan E. *Explanatory dictionary of the modern Armenian language*. Vol. I. Yerevan, 1976. (In Arm)
43. Ipekyan G. Kawor. *Ethnographic Journal*. 1913; 24. (In Arm)
15. Байбури А. Ритуал в традиционной культуре. Санкт-Петербург, 1993.
16. Гевонд Алишан. Древняя вера или языческая религия армян. Венеция, Св. Лазарь, 1910.
17. Тагаварян Н. Древнеармянские верования. Константинополь, 1909 (на арм. языке).
18. Армянские слова и выражения, ред.: Аматауни С. Вагаршапат, 1912.
19. Новый словарь армянского языка. Ереван, 1981. Т. 2.
20. Книга, называемая Великий Маштоц, где в основном собраны обряды и каноны церемоний Святой Армянской церкви, переданные предками и упорядоченные нашими святыми переводчиками и благодатно просвещенными великими вардапетами, Константинополь, 1807 (на арм. языке).
21. Давид Сасунский // Армянский народный эпос / 2-е изд. Ереван, 1961. (на арм. языке)
22. Лалаян Е. Сириан // Этнографический журнал. Кн. 3. Тифлис, 1898. № 1.
23. Агатагелос. История армян, Армянские классические авторы (Матенагирк Айоц). Т. II, V век. Антелиас-Ливан, 2003 (на арм. языке).
24. Ованес (Иоанн) Мандакун. Проповеди. № 26. "Писание о магических заклинаниях и незаконном гадании", Армянские классические авторы (Матенагирк Айоц). Т. I, V век. Антелиас-Ливан, 2003 (на арм. языке).
25. Мушегян А., Собор Нарота и этимология // Армянская народная культура (Республиканская научная конференция, IX. Основы докладов). Ереван, 1997. (на арм. языке)
26. Каджберуни. Армянские обычаи // Этнографический журнал. Т. 7-8. Тифлис, 1901.
27. Лисицян С. Армяне Нагорного Карабаха // Армянская этнография и фольклор. Ереван, 1982. Т. 12. № 20.
28. Лисицян С. Армяне Зангезура. Ереван, 1969.
29. Самвелян Х. Культура Древней Армении. Т. 1. Ереван, 1931. (на арм. языке)
30. Темурчян В. Армяне Гамирка // Армянская этнография и фольклор. Т. А. Ереван, 1970.
31. Арутюнян С. Армянская мифология (Миф о ритуальном поясе). Бейрут, 2000.
32. Степанян А. Орнаментальные узоры армянского национального костюма // Армянская этнография и фольклор. Т. 22. Ереван, 2007. (на арм. языке)
33. Ованес Ерзнкаци. Сочинения. Т. I. Речи и проповеди. Ереван, 2013. (на арм. языке)
34. Мифы народов мира // Энциклопедия. Т. II. М., 1982.
35. Лалаян Е. Провинция Нор-Баязет или Гегаркуник // Этнографический журнал. Т. XVII. Тифлис, 1908. № 1. (на арм. языке)
36. Главный каталог армянских рукописей Св. Иакова. Т. 7. Иерусалим, 1974. (на арм. языке)
37. Орманиян М. Ритуальный словарь. (на арм. языке)
38. Мхитарян А. Бракосочетание и свадебный обряд у армян на основе рукописных источников V-XVIII веков. Ереван, 2018. (на арм. языке)
39. Поладян Д. Таинства Святой Армянской Апостольской церкви. Бейрут, 1957. (на арм. языке)
40. Мхитарян А. Отражение драконоборства в свадебном ритуале // Вишاپ на стыке сказки и реальности. Ереван, 2019.
41. Абрамян Л. Христос как змееборец: церковная традиция и память художника // Вишاپ на стыке сказки и реальности. Ереван, 2019.
42. Агаян Э. Толковый словарь современного армянского языка. Т. I. Ереван, 1976 (на арм. языке).
43. Ипекий Г. Кавор // Этнографический журнал. Кн. XXIV. Тбилиси, 1913. (на арм. языке)
44. Бдоян В. Сельскохозяйственная культура в Армении. Ереван, 1972. (на арм. языке)

44. Bdoyan V. *Agricultural culture in Armenia*. Yerevan, 1972. (In Arm)
45. Lalayan E. Province of Borchalu. *Ethnographic Journal*. 1902; 9. (In Russ)
46. Yerznkyants Gr. Wedding in Lori. *Ethnographic Journal*. 1898; 3(1).
47. Stepanyan G. *Yerznka*. Yerevan, 2005. (In Russ)
48. Lalayan E. Vayots Dzor. *Ethnographic Journal*. 1906; 13(1) (In Arm)
49. Lalayan E. Province of Gandzak. *Ethnographic Journal*. 1900; 6. (In Russ)
50. Abramyan L.A. *Primitive festival and mythology*. Yerevan, 1983. (In Russ)
51. David of Sasun. *Armenian national epic*. Yerevan, 1939. (In Arm)
52. Khachatryan Zh. *Ritual dance in the context of Armenian beliefs*. Yerevan, 2014. (In Russ)
53. мPavstos Buzand. *History of Armenia*. Venice, 1914. (In Arm)
54. Harutyunyan S. *The genre of curse and blessing in Armenian folklore*. Yerevan, 1975. (In Arm)
55. *Akn and the people of Akna, collected and compiled by A. Kechean, edited by M. Parsamyan*. Paris, 1952. (In Arm)
56. Shagoyan G. *Seven days, seven nights: A panorama of the Armenian wedding*. Yerevan, 2011. (In Arm)
57. *Ritual practices among Armenians*, comp. by E. Lalayan after Spencer. Book I. Tiflis, 1913. (In Arm)
58. Toporov V.N. On ritual. Introduction to the problem. *Archaic ritual in folklore and early literary monuments*. Moscow: Nauka Publ., 1988: 7-60. (In Russ)
59. Madyukova S.A. Rites of the life cycle: on the socio-philosophical content of the concept. *Bulletin of Novosibirsk State University. Ser.: Philosophy*. 2008; 6(3): 115–120. (In Russ)
45. Лалаян Е. Провинция Борчалу // Этнографический журнал. Тбилиси, 1902. Кн. IX.
46. Ерзнкянц Гр. Свадьба в Лори // Этнографический журнал. Тбилиси, 1898. Кн. III. № 1.
47. Степанян Г. Ерзнка. Ереван, 2005.
48. Лалаян Е. Вайоц Дзор // Этнографический журнал. Кн. XIII. Тбилиси, 1906. № 1. (на арм. языке).
49. Лалаян Е. Провинция Гандзак // Этнографический журнал. Тбилиси, 1900. Кн. VI.
50. Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.
51. Давид Сасунский. Армянский народный эпос. Ереван, 1939. (на арм. языке)
52. Хачатрян Ж. Ритуальный танец в контексте армянских верований. Ереван, 2014.
53. Павстос Бузанд. История Армении. Венеция, 1914. (на арм. языке)
54. Арутюнян С. Жанр проклятия и благословения в армянском фольклоре. Ереван, 1975. (на арм. языке)
55. Акн и народ Акна, собранное и составленное А. Ке-чаном, отредактированное М. Парсамяном. Париж, 1952. (на арм. языке)
56. Шагоян Г. Семь дней, семь ночей: Панорама армянской свадьбы. Ереван, 2011. (на арм. языке)
57. Ритуальные порядки среди армян/ сост. Е. Лалаяном по Спенсеру. Кн. I. Тифлис, 1913. (на арм. языке)
58. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 7-60.
59. Мадюкова С.А. Обряды жизненного цикла: о социально-философском содержании концепта // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2008. Т. 6. №. 3. С. 115-120.

Поступила в редакцию 21.06.2025

Принята в печать 08.10.2025

Опубликована 30.06.2026

Recieved 21.06.2025

Accepted 08.10.2025

Published 30.06.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222391-407>

Исследовательская статья

Петросян Эмма Хачатуровна
д.и.н., старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии Академии наук, Ереван, Армения
emma.petrosyan.34@mail.ru

МИСТЕРИЯ МУХАРРАМ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РИСУНКАХ В. ХОДЖАБЕКЯНА И В. ВЕРЕЩАГИНА

Аннотация. Цель статьи – реконструкция мистерии / траурного ритуала Мухаррам в свете визуальной и вербальной антропологии. Ареал исследования охватывает традиции, сложившиеся в XIX в. в среде шиитов Тифлисской, Бакинской губерний и Персии. В работе мы ставим задачу провести сравнительный анализ сложившихся региональных традиций на основе данных этнографии и изобразительного искусства. Записи Мухаррама, опубликованные С. Марр, И. Бертельсом, Е. Березиным, М. Горьким, В. Верещагиным, а также рисунки В. Ходжабекяна и В. Верещагина показывают, что версии траурных мистерий *tāziyā* разных регионов взаимно дополняют друг друга. Сравнение вербальных текстов выявило распорядок ритуала – чтение, процессии, бичевание, плачи и театрализованные представления – *tāziyā*. Визуальный текст процессий указывает на национальный состав музыкантов, мизансцен персонажей, участие борцов и акробатов. В ритуале Дня Ашуры мы отмечаем наличие трех исполнительских площадок – крытое помещение, процессия и расположение ее у берега реки. Вербальные и визуальные данные указывают на разные региональные приемы оформления образа Али как льва. Отличительная особенность ритуала Ашуры – большое количество вариантов текстов мистерий *tāziyā*, хотя в основе сюжета лежит оплакивание гибели Хусейна (Шахсей-Вахсей). В статье рассматриваются четыре рисунка армянского художника В. Ходжабекяна, запечатлевшего два момента мистерии Мухаррам в Тифлисе в 1880 г., и три рисунка В. Верещагина, запечатлевших мистирию Мухаррам в Шуши. Сопоставляя рисунки В. Ходжабекяна и В. Верещагина с учетом вербальных текстов, мы рассматриваем версии сценария траурной церемонии Мухаррама и делаем вывод об относительной секуляризации в разных странах мистерии в наши дни.

Ключевые слова: Мухаррам; мистерии; процессии; Ходжабекян; Верещагин; вербальные и визуальные тексты; ковчег

Для цитирования: Петросян Э.Х. Мистерия Мухаррам и ее отражение в рисунках В. Ходжабекяна и В. Верещагина // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. No 2. С. 391-407. doi.org/10.32653/CH222391-407

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222391-407>

Research paper

Emma Kh. Petrosyan
Dr. Sci., Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography of the NAS RA, Yerevan, Armenia
emma.petrosyan.34@mail.ru

THE MUHARRAM MYSTERY AS REFLECTED IN THE DRAWINGS OF V. KHODJABEKYAN AND V. VERESHCHAGIN

Abstract. This article reconstructs the 19th-century Shiite mourning rituals and passion plays (*ta'ziyeh*) of Muharram through the analytical lenses of visual and verbal anthropology. Geographically focusing on the regional traditions that evolved within the Tiflis and Baku provinces of the Russian Empire as well as Persia, this study utilizes ethnographic accounts and fine arts data to conduct a comparative analysis of these practices. By examining textual descriptions published by S. Marr, I. Bertels, E. Berezina, and M. Gorky alongside sketches and paintings by V. Vereshchagin and V. Khodjabekyan, the authors demonstrate how disparate regional variations of the Muharram mysteries complement one another. Textual analysis decodes the structured ritual itinerary, mapping out chronological stages such as elegiac readings, mourning processions, flagellation rituals, lamentations, and formal *ta'ziyeh* theatrical performances. Concurrently, the visual documentation captures the multi-ethnic composition of the participating musicians, complex character mise-en-scènes, and the unexpected integration of wrestlers and acrobats into public processions. The study identifies three primary performative topographies utilized during the Ashura rituals: enclosed spaces, mobile street processions, and ritualized spaces along riverbanks. Furthermore, both verbal and visual data reveal distinct regional iconographic techniques used to represent the Imam Ali as a symbolic lion. A defining characteristic of these Ashura rituals is the vast proliferation of variant *ta'ziyeh* scripts, all bound by the foundational narrative commemorating the martyrdom of Imam Hussein (Shahsei-Vahsei). Specifically, this article analyzes four drawings by the Armenian artist V. Khodjabekyan documenting two distinct moments of the Muharram mystery in Tiflis (1880), alongside three works by V. Vereshchagin capturing the rituals in Shusha. Correlating these visual datasets with contemporary written narratives allows the authors to reconstruct historical performance scenarios, ultimately offering conclusions regarding the trajectory of secularization within these traditional religious mysteries in the modern era.

Keywords: Muharram; mysteries; processions; Khodjabekyan; Vereshchagin; verbal and visual texts; ark

For citation: Petrosyan E.Kh. Mystery of Mukharram and its reflection in pictures of V. Khodzhabekyan and V. Vereshchagin. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 391-407. doi.org/10.32653/CH222391-407

Введение

В Тбилиси у Нижне-Майданского моста, недалеко от бывшего Шейтан-базара, Майдана и минеральных бань, была расположена Большая шиитская Джума-мечеть с минаретом. Там ежегодно в месяце мухаррам шииты отмечали мистерию Мухаррам в память о мученической смерти святых имама Али и его сыновей Хасана и Хусейна, убитых в бою при Кербеле. Как утверждали многие жители Тбилиси, она называлась Шахсей-Вахсей, хотя это был скорбный возглас, в котором слились слова: «Шах(ид) Хасан, вах Хусейн!». Траурные церемонии в первые 10 дней месяца мухаррам состояли из чтений религиозных текстов и поминальных ритуалов / мистерий о событиях VII в. из жизни халифа Али и Хусейна¹. Они продолжались уже менее напряженно до конца следующего месяца сафар.

До нас дошло 6 карандашных рисунков армянского художника Вано Ходжабекяна мистерии Мухаррам в Тифлисе, запечатлевших траурную процессию и театрализованное шествие в День Ашуры.

В Армянском музее Москвы и культуры наций в виртуальной экспозиции опубликован большой рисунок В.В. Верещагина «Религиозная процессия на празднике² Мухаррам в Шуше»³. В то же время в книге В.В. Верещагина «Очерки, наброски, воспоминания» в разделе «Из путешествия по Закавказскому краю» описан Мухаррам в Шуши и помещено 3 карандашных рисунка: «Персиянин», «Режущийся (Добровольный мученик)» и «Молодой имам, убитый»⁴. Он приводит описание поминального ритуала, по которому можно характеризовать местный вариант мистерии. На материале данных Тифлисской, Бакинской губерний и Персии прослеживаются местные версии ритуала и мистерий. Карандашные рисунки Вано Ходжабекяна и Василия Верещагина Мухаррама в XIX в. в Закавказье являются ценными визуальными и вербальными документами для этнографов и искусствоведов.

Историческая версия мистерии Мухаррам

Все, кто публиковали мистерию Мухаррам, приводят историческую основу траурного ритуала, без которого трудно понять содержание мистерий и функции персонажей в многочисленных и многочисленных процессиях. Мы кратко продолжим эту традицию.

В основе ритуально-мифологического представления шиитов – обряда оплакивания и траура, справлявшегося с 1 по 10 число месяца мухаррам, лежат следующие события в Персии. Со смертью пророка Мухаммеда в общине началась борьба за должность халифа. После ряда смены правлений и убийств в среде мусульман произошёл политический и религиозный раскол, и сформировались две партии: шииты и сунниты. Шииты – это те, кто после смерти Мухаммеда считали его двоюродного брата Али единственным наследником. В 656 г. халифом был провозглашён Али, но в 660/661 г. он был убит. Похоронили его в Неджефе, который с того времени стал культовым центром шиитов.

Сыновья Али (внуки Мухаммеда) Хасан и Хусейн продолжили борьбу за власть, которую захватил один из представителей враждующей династии Омейядов. Старший сын Хасан отрёкся от власти и, по преданию, был отравлен в 669 г. Младший сын продолжал борьбу за престол. По зову жителей, Хусейн с отрядом направился в Эль-Куфу принимать власть. Но его лагерь у местечка Кербела окружила армия правящего тогда халифа Язида. В битве войско Хусейна было разбито, а он в 680 г. на десятый день мухаррама – Ашуру был убит.

Хусейна похоронили в Кербеле. Позднее над могилой возвели мечеть, а с официальным введением шиизма в XVI в. в Иране в качестве государственной религии, день его гибели стал днём национально-го траура. Исторические события в соответствии с фольклорным жанром постепенно стали преданием,

1 Сведения об оплакивании шиитских святых восходят к VII–VIII вв., к арабским хроникам [1, с. 313].

2 В месяц мухаррам в День Ашуры и предшествующие 9 дней проводят траурные мероприятия (поминальная мистерия). Они не могут быть названы «Праздником». Это ошибочная оценка. В современной литературе используют термин мистерия.

3 Апресян А.Р. Шуша. На перекрестке цивилизаций, 2016, 14 февраля. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2016/2/14/-vasilii-vereshagin-na-kavkaze>

4 Лебедев А.К. составил «Перечень произведений В.В. Верещагина, хранящихся в музеях СССР», где упоминается «Процессия религиозных фанатиков в Шуше». 1866 г. [2, рис. 2]. Место хранения картины – Государственная Третьяковская Галерея. Согласно перечню, в интернете представлены работы В. Верещагина, но ни одна из работ, рассматриваемая в нашей статье не упоминается. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_картин_Василия_Верещагина

обросли новыми сюжетами, которые легли в основу многодневных религиозных церемоний и театрально-зрелищных мистерий – *tāzīyē*⁵.

Литературные источники о мистерии Мухаррам

О ритуалах на Мухаррам в разных странах Востока и Европы имеется довольно много публикаций. Наиболее ранние сведения об обряде оплакивания шиитских святых, как мы приводили выше, относятся к VII–VIII вв. Упоминания и записи европейских путешественников известны с XV в. вплоть до наших дней.

Шиитский Иран – классическая страна, где широко отмечали Мухаррам. Приведем подробное описание турецкого дипломата Эвлия Челеби, который проживал в Тебризе с 1646 по 1648 гг. «Каждый год десятого числа месяца мухаррама /256/ аяны и эшрафы, высокопоставленные и низкие собираются и располагаются на площади Чоган со своими палатками и шатрами и три дня и три ночи ведут между собою сокровенные беседы в память душ шехидов, павших на равнине Кербела – варят 100000 котлов ашур и раздают ее и богатым, и бедным. Они это считают поминками по шехидам Кербелы. На той же площади присутствующим раздают сладкий шербет, из бурдюков наливают воду в пиалы, повторяя: «Возлюбим Хусейна из Кербелы!». Все заливаются плачем, поворачиваясь то в ту, то в другую сторону. Раздача воды и еды считается поминальной пищей. Поэтому многие высокопоставленные люди, взвалив на плечо бурдюки, тоже разносят воду в память Кербелы и Хусейна.

На площади хан устанавливает разукрашенный шатер и навес, и вся знать Тебриза собирается там. Весь день читают молитвы в память убитого Хусейна. Когда произносятся слова: «Проклятый Шимр убил бедного хазрата имама Хусейна», из-за занавеса выносят к месту собрания белоснежный муляж, [изображающий] его голову и тело... «Аллах велик!» – исторгается мощный крик. Там же собираются мужчины, которые решили пролить кровь во имя любви к Хусейну. Они острыми кинжалами наносят себе раны на груди и на руках и пускают кровь в память Хасана и Хусейна. Затем муляж имама Хусейна с площади убирают, и с тысячами молитв завершается ритуал, [воссоздающий] убийство Хусейна. Ашур продолжается три дня и три ночи и сопровождается душевными беседами и трапезами» [3, с. 99].

Будучи очевидцами Мухаррама в Исфагане и Тегеране в 1925–1926 гг., супруги Ю.Н. Марр⁶ и С.М. Марр описали и проанализировали поминальные церемонии. С.М. Марр также привела данные многих писателей, этнографов и историков о ритуале [1, с. 313–361].

А. Крымский опубликовал обширную библиографию описаний Мухаррама на Кавказе⁷. «Наши закавказские шииты (в Шуше, Шемахе, Кубе, Эривани, Дербенте и пр.) отличаются большим фанатизмом в праздновании Мухаррама⁸, чем жители самой Персии, и потому набожные персы приезжают на эти дни из Ирана в Закавказье. Днем разыгрываются мистерии, ночью ходят процессии с факелами: участвующие в них неистово воют, потрясают оружием, бьют себя кулаками в грудь и кинжалами в голову, которую предварительно обривают»⁹.

Назовём несколько авторов, которые упоминают поминальную мистерию Мухаррам в Закавказье. Таковы рассказы о Шахсей-Вахсее А.М. Горького и К.Н. Смирнова, путевые заметки Н. Истомина, Р. Халилова, И. Евлахова, очерк и рисунки художника В. Верещагина и др. Краткое описание Мухаррама приводят Ю.Д. Анчабадзе и Н.Г. Волкова [4, с. 237–237].

По Т.А. Путинцевой, мистерии – *tāzīyē* – имеют три цикла: первый – битва при Кербеле, женитьба Али на дочери Мухаммеда Фатиме; второй – детство Хусейна и предсказание о его насильственной гибели; третий – Кербела после битвы [5, с. 43].

5 Написание персидских терминов приводим в транскрипции С. Марр.

6 Георгий (Юрий) Николаевич Марр – сын выдающегося ученого Н.Я. Марра.

7 Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/069/69064.htm> Ад. Берже, «О народных праздниках шиитов» («Кавк. Календ.» на 1856 г.); Н. М. (Асальский), «Письма русского из Персии» (СПб., 1884, т. I); «Из записок старожила» («Кавк.», 1852, № 69); И. Евлахов, «Имам Гуссейн» («Кавк.», 1857, №№ 74 и 75); Севрюгин, «Имамы Хасан и Гуссейн» («Кавк.», 1861, № 19); Н. Истомин, «Путевые записки» («Кавк.», 1861, №№ 41 и 42); статья о М. в Шуше, в «Русском Вестн.» (1866, т. 65); Н. Дубровин, «История войны на Кавказе» (СПб., 1871, т. 1, кн. II, стр. 334 – 345); «Описание путешествия Ф. Котова в Персидское царство, 1623–24» (в XV кн. «Временника»).

8 См. комментарий № 2.

9 Крымский А. Мохаррам. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/069/69064.htm>

По Е.Э. Бертельсу, сюжетом *māziyē* могло стать все, что относилось к истории Али и его дома. Он приводит содержание некоторых пьес-мистерий, а также перечисляет заголовки *māziyē* из большого рукописного сборника Парижской Национальной Библиотеки [6, с. 25–29, 37–61]. Подробное описание Мухаррама, будучи в Табризе и Тегеране, приводит И. Березин [7, с. 297–347].

Понять рисунки В. Ходжабекяна и В. Верещагина нам поможет подробное описание С.М. Марр традиционного распорядка Мухаррама [1, с. 321–334]. Первые девять дней состоят из собраний с чтением молитв, в беседах, поста и рассказами о жизни Али и его сыновей – роузехани. Их организуют во дворах мечетей, медресе, в палатках и на дому. Они сопровождаются скорбными возгласами и плачами. Одновременно начинают ходить по городу траурные процессии – *dāste*.

Основные события обряда приурочены к вечеру девятого числа мухаррама, когда начинается подготовка к мистериям о страданиях и смерти Хусейна – *tāziyē*-йе *shābi*. Обычно их устраивает частное лицо, например, богатый купец за свой счет. Десятый день – Ашкура – день гибели Хусейна, когда совершается кровавый обряд *gāmehzani* – сечение головы мечем или топором [1, с. 321].

В первой половине XX в. *dāste* были трёх типов – поющие и бьющие себя камнями по обнаженной груди – *grudoboytsy*; бьющие себя по спине цепями – *tshebboytsy* и бьющие себя плашмя по голове острием саблями или мечами. Последние держались друг за друга за пояс, составляли круг или полукруги, ритмично двигаясь в траурном танце. В их составе были также музыканты и знаменосцы. Покой процессии сопровождалась плясками с прыжками и вращениями. В шествиях принимало участие большинство населения города или села.

Рисунки процессий на Мухаррам художника Вано Ходжабекяна

Тифлис истари был толерантным городом с многонациональным населением. К 90-м годам XIX в. здесь сложились четыре крупные конфессиональные общины: православная, армяно-григорианская, католическая и мусульманская. Конфессиональные общины отмечали праздники не только в своих культовых центрах, но и на улицах. Обычно это были театрализованные процессии с музыкантами, танцорами и ряжеными Празднества сопровождались состязаниями борцов, представлениями канатоходцев, шутов, завершались перемирием соперников и совместной трапезой.

Художника-самоучку конца XIX – нач. XX в. Вано Ходжабекяна можно назвать летописцем старого Тифлиса. Он оставил потомкам в художественных сценках неоценимое этно-иконографическое наследие. Считается, что сохранилось 250 карандашных рисунков, хотя их больше, поскольку Ходжабекян часто их дарил. Тема рисунков разнообразна, но большинство из них передают быт и праздники многонационального города. Это свадебный и похоронный циклы, состязания, пиршества, портреты-композиции горожан, празднование Масленицы-Кейноба в армянских и грузинских кварталах, которые значительно отличались от шиитских обрядов [8, рис. 1].

Из рассматриваемых в статье четырех рисунков В. Ходжабекяна мистерии Мухаррам шиитского населения Тифлиса два находятся в собрании Национальной галереи Армении в Ереване. Это варианты одного и того же рисунка, которые автор каталога В. Бадалян назвала Шахсей-Вахсей. На них изображена процессия – *dāste* [9, №30, №31, рис. 2, 3]. Другие два рисунка хранятся в Тбилиси в Музее истории Тбилиси (он же караван-сарай Арцруни) в папке № 45 [10, №144, №162, рис. 4, 5]. Из четырех рисунков только один имеет подпись «Персидский праздник Байрам. Тифлис, 1880»¹⁰. В каталоге М.А. Айвазян и др. [10] указаны 3 рисунка, но я в 1986 г. в Тбилиси в папке № 45, озаглавленной Вано Ходжабеков, видела еще одну¹¹. В ней собраны все имеющиеся в собрании музея рисунки художника, но без инвентарных номеров и без комментариев¹².

Рассмотрим карандашные рисунки, на которых изображены варианты *dāste* в первые девять дней Мухаррама. На всех трех рисунках постоянные персонажи: городские музыканты, борец-пехливан,

¹⁰ Подпись на рисунке на русском языке: «Персидский праздник Байрам, Тифлис, 1880 г.» сделана не Ходжабекяном. В мусульманском календаре термин байрам встречается в сочетании Новруз байрам, Ураза байрам и Курбан байрам, но не с Мухаррамом. Не исключено, что дата 1880 г. поставлена кем-то из владельцев рисунка, который был очевидцем, но не мусульманином [10, № 144].

¹¹ Итого, сохранилось 6 рисунков мистерии Мухаррам. С согласия администрации Музея мной в 1986 г. были заказаны фотографу музея А. Мамулову копии рисунков.

¹² Это замечание относится к 1986 году. Современное состояние содержания папки мне не известно

знаменосец и участники процессии. Впереди *дӑсте* – традиционное трио восточных музыкантов: барабанщик и два музыканта [9, №31, рис. 2]. Возглавляет процессию барабанщик (*дхолчи*). За ним следуют музыканты на духовых инструментах – зурне, как бы поддерживая ритм. Это, вероятно, ремесленники из гильдии музыкантов в неприметной одежде с ткаными поясами и в головных уборах типа картуз.

Вариант вышеприведенного рисунка представлен на другом рисунке [9, №30, рис. 3]. Отличия в следующем: игрок на зурне справа, как принято, исполняет основную мелодию. Он изображён во властной осанке, с зурной, направленной вперёд для усиления звучания и впечатления на окружающих. А музыкант слева, партия которого поддерживать основной тон (вторя), наклонил зурну, как бы подчёркивая свое подчинённое положение. Этим Ходжабекян указал на статус всех трех музыкантов.

На рисунке изображен второй вариант национальной городской одежды. Музыканты в черкеске с серебряным поясом и в дорогой войлочной конусообразной шапке. Видимо, последние были более высокооплачиваемыми. По национальному составу трио можно заключить, что отношение музыкантов-христиан с мусульманами в процессии довольно толерантные.

За музыкантами, приплясывая, движется борец-жонглёр (пехливан) с обнажённым торсом, в коротких штанах на босу ногу. В руках у него по тяжёлой деревянной палице вроде кеглей. Борец, высоко поднял их над головой, размахивает то одной, то другой, разводит руки в стороны, откидывается назад. Видимо, он также крутил и подбрасывал булавы. Конечно, многое зависело от его мастерства¹³. Во всех случаях, пехливан – самая колоритная и талантливо выписанная художником фигура.

В Тифлисе по разному поводу выступали фокусники, канатоходцы и танцоры. Приведем названия нескольких рисунков В. Ходжабекяна, которые подписаны: «Кулачный бой», «Кавказская борьба», «Канатный плясун», «Праздник в Мцхета», «Шушамбари», «Новогодний праздник в Тифлисе», «Кейноба» и др.

В Тегеране в 1842 и в 1843 годах в первые десять дней месяца мухаррам и вплоть до конца следующего месяца сафар участвовали борцы, канатоходцы, акробаты на ходулях, жонглеры, играющие дрекольями и фокусники [7, с. 302–306].

Вернемся к рисункам процессий: за борцом-жонглёром изображен знаменосец – *сейиз-мухаррами* с траурным ритуальным флагом. На одном рисунке на навершии знамени – полумесяц, на двух других – шарик с копьём.

За знаменосцем рядами следуют идущие друг за другом старцы. В двух вариантах рисунка они шествуют с чувством собственного достоинства, а в другом – склонились в горе. Создаётся впечатление, что Ходжабекян хотел передать участников разных сословий и разное психологическое отношение к трагическому фону события: сгорбленные бедняки в одной картине и напыщенные богачи – в двух других.

Все участники *дӑсте* в скромной одежде, в высоких шапках-колпаках. То, что у большинства руки в карманах, указывает на их непричастность к самоистязанию. Возможно, это представители одного из цехов города, которые движутся к базарной площади к месту сбора бичующихся.

В. Ходжабекян подчеркнул сословную и национальную разницу участников процессии. Музыканты в мягких кожаных сапожках, какие носили горожане среднего сословия – *кинто*¹⁴. Властной осанкой первого мужчины в процессии художник подчеркнул его социальный статус. Обратим внимание на обувь – это закрытые туфли *гиве*, в то время как остальные персонажи в простых туфлях без задника – *ка́фи*.

Художник запечатлел траурную театрализованную процессию, напоминающую *та́зийэ* по составу персонажей [10, № 162, рис. 5]. Она имеет определенный сюжет, который разыгрывался на десятый день мухаррама – Ашура как мистерия «Страсти по Хусейну».

Ритуал Ашуры имеет обширную библиографию. Мы, в основном, пользуемся описаниями С. Марр, И. Березина, Е. Бертельса, М. Горького и Верещагина с целью реконструкции сюжета та́зийэ, разыгрываемого по ходу процессии, имевшей место, видимо, в 80-ые годы в Тифлисе.

Карандашный рисунок Ходжабекяна хотя невелик (21*34 см.), но талантливо и красочно, в динамике передаёт одну из центральных сцен ритуала – процессию с бутафорским львом на носилках. Слева и справа большое количество зрителей. Часть из них расположилась на балконах верхних этажей

¹³ Описание выступления в Нухи борца с палицей опубликовано в газете «Кавказ», 1846, №12, в статье «Увеселение татар» без подписи.

¹⁴ Ныне такие сапоги надевают танцоры при исполнении грузинских и северокавказских танцев.

зданий. По улице движется многолюдная процессия построившихся в ряд полукругом и плотно обнявшихся за талию мужчин. Поскольку они одеты и обуты, то это не рубящиеся.

Процессию возглавляет знаменосец с траурным флагом. Основная особенность процессии – большое количество знамен. Они четырехугольные, без бахромы и треугольные, без каких-либо изображений на них. Знамена отличаются навершиями: полумесяц или раскрытая ладонь – *pāndže* (пятерня, отрубленная рука Али). Древко знамен длинные и видны издалека.

Знамя в ритуале Ашуры, как вообще знамена в традиции многих народов, связываются с символической мировой дерева, как медиатора между небом и землей, а также ритуального столба, «чтобы небо не упало на землю». Роль знамени в период, когда рушилось космическое равновесие в связи с гибелью героя средней зоны – в данном случае обожествленного Али, было особенно важным, так как нужно было предотвратить хаос.

За знаменосцем слева и справа, открывая дорогу лошади, идут музыканты. Это не тифлисское приглашенное трио, а персы, бьющие в большой барабан и металлические тарелки. Ритмо-шумовое сопровождение руководит скоростью движения *dāste*, а печально склоненная голова барабанщика с высоко поднятой колотушкой как бы передает последующий гулкий траурный звук инструмента.

В центре процессии – белая лошадь Хусейна Зольджанах, покрытая темной попоной. К её крупу привязаны два голубя. По шиитскому народному толкованию, голуби купают свои головы в крови Хусейна. Им также приписывается роль охраняющих труп Хусейна от насекомых [1, с. 347]. Слева и справа от коня – босоногие плакальщики (мужчины в шароварах) в накиннутых на головы длинных тёмных покрывалах. Они в скорби протянули руки к Зольджанах и к бутафорскому льву. Коня ведёт важная персона, опоясанная явно дорогим шерстяным поясом с ковровым орнаментом.

В процессии высоко с постаментом на носилках несут плакальщика-«льва». Он есть сам Али или Али-Хейдар (Лев). В *tāziyā* «Мученичество Хурра ибн-Язида» Аббас, брат Хусейна, называет его «Львом Господним» [5, с. 51]. Али-Хейдар в скорбной позе склонился над маленькой куклой, которую держит на руках. По всей вероятности, он оплакивает сына Хусейна.

О ряжении во льва на Мухаррам упоминает также С.М. Марр: «В Исфагане мы наблюдали появление «льва» в *dāste*, которое представляло победоносное шествие Шимра. «Лев» ехал на извозчике» [1, с. 346]. Е.Э. Бертельс тоже видел в Персии, как «на огромных носилках несли очень грубо сделанное чучело льва, у ног которого лежали груды мелко нарубленной соломы. В чучеле сидел маленький мальчишка и приводил его в движение: время от времени «лев» неуклюжим движением загребал горсть соломенной резки и сыпал ее себе на голову¹⁵ [6, с. 34].

Еще один обычай ряжения в ритуале Мохаррама – изготовление чучела Омара – соломенного человека с луком и стрелами – убийцы Али, Хусейна и его приближенных. Чучело сажали на осла, процессией водили по городу, проклинали, оскорбляли, побивали камнями, грязью и в конце концов поджигали и бросали в воду [1, с. 349, 363].

Обряд, называвшийся *Оумар (Омар) кушшон*, персы справляли вплоть до 1979 г. Полевой материал записан М.А. Арефом. Жители села Хосровбейг изготавливали чучело человечка, называя его Оумар, насаживали на шест, носили по селу, прислоняли к стене домов. За неделю до месяца *раби ул-аввал* чучело ставили у умывальника или на крышу. В день обряда его спускали, проклиная поджигали, и развевали пепел по ветру. В некоторых селах был обычай сохранять старое покрывало осла, чтобы сжечь его во время обряда вместо чучела Омара. Иногда жгли старую одежду, веник и всякое тряпье [11, с. 8].

Вернемся к Вану Ходжабекяну. На рисунке в процессии конные и пешие. Справа на коне – враги Хусейна – предводитель войска Езидов халиф Ибн-Саад и надменный Шимр, убийца Хусейна. Шимр высоко поднял руку, указывая на Хусейна и как бы выкрикивая: «Йа сайид-е шуһадо!» (О, глава мучеников!) [7, с. 307; 1, с. 333].

Художник передает кульминационный момент мистерии на Ашура – траурную процессию и оплакивание Хусейна. Таково документально-визуальное отображение мистерии, разыгрывавшейся на Майдане у Джума-мечети в 80-ые годы XIX в. в Тифлисе.

Мухаррам или, как в Тифлисе называли, Шахсей-Вахсей, видел в 1898 г. писатель Максим Горький. Перескажем его описание, которое показывает, что бытовал также другой вариант ритуала.

15 В похоронном обряде армян посыпание головы землей (равносильно соломе) означает выражение горя.

Сбор участников процессии – персов, татар, айсоров, вооруженных кинжалами, начинался за околотком Авлабара. Несколько дней они там бились, рубились, кричали, плакали. В день Ашуры вечером, минуя жилые кварталы, с пением, шумом и воем, с факелами и знаменами в руках, процессия шиитов спускалась в город. Они переходили мост, миновали Джума-мечеть и в большом тенистом саду у берега Куры начинали церемонию с пения заупокойных гимнов, которые прерывались возгласами в честь Али и Хусейна. Потом снова продолжались бичевания, удары шашек по голове.

Кончив петь и истязаться, все строились по четверо в ряд в длинную, змеевидную группу и образовали в середине её широкий интервал. Через несколько минут из дома, скрытого среди зелени сада, выходили восемь бородатых персов. Они несли красивые бархатные носилки с четырехскатной крышей и открытыми стенками. В носилках сидела маленькая девочка, окутанная в белое покрывало с закованными цепями руками. Она изображала пленную Айшу, жену Мухаммеда, которая должна была плакать, но она смеялась.

Готовился триумф Али. Он появлялся на коне, одетый во все красное, с кривой саблей, в блестящем шлеме, с опущенным забралом, так как нельзя смертному видеть лица Али. Его встречали ликующим воем: «Али-и-и!».

Али становился перед носилками своей пленницы, и процессия со знаменем двигалась в то место, где в течение трёх дней бились и будут долго пировать¹⁶. Так завершался Мухаррам в Тифлисе, где героем дня был не Хусейн, а Али.

В Исфагане был несколько иной конец, в котором участвовали персонажи, известные по рисунку Ходжабеяна. Воины Шимра убивали Аббаса. «Появлялся Хусейн с мечом и разгонял всех, а затем, держа меч, обращался к публике: «Роузе кончилось, уходите» [1, с. 338].

Итак, в карандашных рисунках, выполненных на небольших листках бумаги, художник Вано Ходжабекян документально отразил два момента мистерии Мухаррам, что подтверждается вышеприведенными нами параллелями из реальных шиитских ритуалов в Персии. Ценность визуального материала в том, что зафиксированы мизансцены процессий, пол и возраст участников, национальная одежда, музыкальные инструменты, бутафория, сакральные предметы, общий траурный настрой мистерии, который должен был преобладать во все дни мухаррама.

Визуальное и вербальное описание Мухаррама В.В. Верещагиным

Выдающийся русский художник В.В. Верещагин, путешествуя по разным странам, создал большое количество картин, имеющих наряду с художественным мастерством, документальную и визуальную ценность. В 1863 г. он посетил Тифлис. В следующем году он едет в Париж и поступает в школу французского художника Жана-Леона-Жерома. В поездке в 1864 г. в Закавказье он сделал этнографические зарисовки быта армян и татар.

А в 1865 г. Верещагин совершает вторую поездку по Закавказью, где проводит около двух месяцев. Результатом этого путешествия стало большое количество рисунков, дневниковые записи, в которых он подробно описал обычаи и быт народов, населяющих Закавказье. В том же году он едет в Шуши, чтобы увидеть, как справляют мистирию Мухаррам. Возвратившись в Париж, художник, на основе своих кавказских зарисовок и наблюдений, создаёт в 1866 г. прекрасную, необыкновенно тонкую и изумительную работу «Процессия религиозных фанатиков в Шуше». 1866 г. [2, рис. 2]. В 1883 г. Верещагин издаёт «Очерки, наброски, воспоминания», в которой публикует впечатления о поездке в Закавказье и рисунки в разделе «Религиозное празднество мусульман-шиитов» [12, с. 119–125].

Для этнографа бесценно подробное описание В. Верещагиным поминального ритуала Мухаррам в Шуши. Свои впечатления Верещагин начинает со строк: «Въезжая в город вечером, я увидел огромное зарево. Вся площадь была запружена народом, шумящим, беснующимся и просто глазающим. В руках людей были нефтяные факелы. Партиями в сто человек, вытянувшимися в линию, татары бешено прыгали по площади с дикими возгласами. Каждый держался за кушак своего соседа, а в правой

¹⁶ Горький М. Праздник шиитов // Нижегородский листок, 1898. 28 июня. С. 2; 5 июля. С. 2. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://nnov.ngounb.ru/node/19921>

держал высоко над головою толстую палку, которую с каждым прыжком потрясал. Таких партий было три. Впереди процессии шли мальчики, наряжённые в тряпье и вывороченные шкуры. Они скакали, кривлялись и били в турецкие барабаны и медные тарелки под общий такт криков и пляски» [12, с. 120]. В процессии также участвовали акробаты на ходулях. Муллы-распорядители поощряли словами и жестами прыгающих, бранились, а главный распорядитель, скакал взад и вперед в толпе, размахивая шашкою, и ругался.

Основной ритуал продолжался 10 дней, но Верещагин, видимо, прибыл в Шуши в последний день – на Ашуру. В то же время он упоминает, что «в продолжение девяти дней татары ходят процессиями по городу, поют разные жалобные гимны и бьют себя в грудь под такт общего напева, а к вечеру сходятся на площади партии прыгающих и беснуются до поздней ночи» [12, с. 121].

*Распорядок представления мистерии *täziyë**

Согласно установившейся традиции, *täziyë* должны были разыгрываться в последний День Ашуры, но для облегчения актеров и зрителей, представление давалось отдельными сюжетами в продолжении девяти дней и, особенно торжественно, на десятый день.

В. Верещагин, С. Марр и И. Березин отмечали, что обычно представления давались последовательно на трех площадках: в крытом помещении или во дворе; по ходу театрализованной процессии от площади и далее за городом, желательно у реки, которая символизировала Евфрат, где произошла битва двух родов.

В центре помещения или во дворе, битком заполненном зрителями, сооружали открытый со всех сторон невысокий помост. Кулисами служило пространство под помостом или сбоку помоста. Главный распорядитель представлений выполнял роль режиссера – рассаживал актеров полукругом на «сцене». Он же заведовал костюмами. Актеры держали в руках маленькую тетрадку, по которой читали свою роль. Все женские роли исполнялись мужчинами, закутанными в платки и шали до самых глаз [12, с. 121; 6, с. 2–22; 1, с. 335].

Приведём последовательность сцен мистерии в Тегеране в 1843 г., на которой присутствовал И. Березин. По ходу разворачивающегося сюжета помост окружали глумящиеся *синезйан*-ы. Солист пел, а после каждого напева хор *синезйан*-ов неистово бил себя в грудь и кричал: «Вай Хусейн, вай Хусейн!». После появлялись бьющие себя камнями *сйнгзйан*-ы. Один из *замбукчи*, верблюжий погонщик, поднимался на помост и начинал петь. Остальные перепрыгивали с ноги на ногу, кружились, били себя камнями по голове, груди, бедрам и пели. После них появлялись играющие позолоченными дрекольями, которые через затылок катали их по рукам. Последними приходили фокусники *хоккабаз*-ы. Тем всё и кончалось [7, с. 303–306].

Вернёмся к записям В. Верещагина. После представления на площади *täziyë* участники процессии шли за город. Туда же заранее стекались зрители, которые рассаживались на лугу в круг в ожидании приближающейся процессии. Режущиеся усаживались впереди других, по внутренней линии круга, за ними остальной народ, позади всех конные. Начиналось последнее действие кровавой драмы, когда-то разыгранной на берегах Евфрата, и с ним плач и вопли зрителей [12, с. 122]. В. Верещагин не упоминает, была ли река у луга символом Евфрата или нет, но в Тифлисе участники собирались в саду у Куры.

Приведём кратко описание Верещагиным процессии, движущейся от площади к лугу, охарактеризуем их поведение и сравним с функциями персонажей на картине «Религиозная процессия мусульман в Шуше» и двумя рисунками, опубликованными в его книге.

«Протяжные крики «Гусейн! Гусейн!» дали знать о приближении процессии, которая вскоре и показалась. Впереди тихо двигались режущиеся: несколько сот человек шли в две шеренги, держась левою рукою один за другого; в правой у каждого по шашке, обращенной острием к лицу. Кожа на головах была иссечена, и кровь лилась из ран ручьями. В общей шеренге в голове шествия шли малолетние режущиеся тоже с залитой кровью простынями. Между рядами режущихся шли главные герои дня, желающие уподобиться своими страданиями Хусейну – полунагие фанатики, израненные воткнутыми в тело разными острыми предметами» [12, с. 123].

На рисунке «Процессия религиозных фанатиков в Шуше» на Мухаррам 1866 г. мизансцена процессии *дәсте* иная, чем в описании Верещагина и на рисунке Ходжабекияна [рис. 6]. Впереди процессии, а не между рядами, идут полунагие рубящиеся фанатики – двое мужчин и мальчик, обреченно опустивший голову. По замыслу Верещагина, добровольные мученики должны были быть видны для зрителей картины. Рубящиеся мужчины в шароварах, босые, с обнаженным торсом. Они уже прошли тяжелую стадию всевозможных самоистязаний на площади. В остальном, изображенные на рисунке мужчины и их описание Верещагиным соответствуют друг другу. В руках у режущих орудие истязания – шашки. К груди и к спине привязаны по два кинжала, на которые накинута медная цепочка или железные цепи. Кожа на голове, лоб и скулы до ушей проткнуты тонкими деревянными палочками и замочками. Такие же замочки и небольшие складные зеркальца нанизаны проволочными крючками по рукам, на груди и на животе. Всюду по телу натканы железные и деревянные, длинные и короткие палочки.

Рисунок одного из рубящихся художник отдельно поместил в книге, озаглавив «Режущийся (Добровольный мученик)» [12, с. 123, рис. 7]. Это мужчина с выбритой головой и обнаженной грудью. Он также, как и мужчины в процессии, держит шашку в правой руке вертикально. К груди и к спине привязаны кинжалы. Все тело утыкано сакральными предметами, как на рисунке у участников, идущих во главе процессии. Визуальная и документальная идентичность персонажей позволяет представить, как в реальности совершался ритуал истязания в Шуши.

Следующий ряд участников представлен на картине девятью режущимися. Они в длинных белых одеяниях. Как объясняет Верещагин, это простыни, которые обвязывают вокруг шеи, чтобы кровь не проникала на платье. Все изображены с высоко поднятой правой рукой с шашкой, типичной для режущихся. На выбритых головах следы от ран, а простыни залиты кровью: они уже совершили обряд сечения головы.

Верещагин отразил традиционную ритуальную мизансцену: на площади много зрителей и участников, давших обет истязания. Справа несколько мужчин в распахнутой верхней одежде и правой рукой на груди. Согласно ритуалу, они должны ударять себя в грудь, в такт общего крика, передавая причастность к страданию Хусейна. Это гудибийцы-*синезан*-ы, но не полуобнаженные, как в Иране.

Справа в толпе всадники, в центре композиции молла и сопричастные к процессии. Обязательный символ ритуала – множество траурных знамен. Некоторые всадники, видимо, наводят порядок в толпе, а другие символизируют войнство, как и знаменосцы, изображенные Ходжабекияном.

Ещё один рисунок сравним с описанием Верещагина. Он помещен в тексте книги за подписью: «Молодой имам, убитый» [12, с. 123, рис. 8]. На рисунке рядом с четырехугольной остроконечной палаткой, на матрасе на спине лежит явно мертвый юноша, накрытый шалью и прикрепленными к ней сакральными предметами. Кто он?

Верещагин, будучи очевидцем, писал, что в процессии на носилках несли четырехугольный остроконечный ковчежец. Поперек носилок лежал человек в богатом платье – убитый молодой имам. Толпы народа поддерживали носилки, каждый считал за счастье прикоснуться к ним. Стоны и вопли поднимались такие, что заглушали и прерывали ход действия [12, с. 121, 124].

Перескажем текст того же сюжета представления *tāziyā*, на которую в Табризе в 1843 г. был приглашен И. Березин и подробно описал ее. Племянник Хусейна Касим уговорил дядю отпустить его на битву с Езидом. Но мать Касима, чтобы удержать сына, решила его женить. Дочь Хусейна Зейнаб нашла для него невесту Фатиму и перед тем как отправить Касима на верную смерть, сыграли свадьбу. Участники процессии несли приданое и угощения. Свадьба с музыкантами была похожа на траурную процессию. Все оплакивали Касима. Сам Касим с невестой тоже рыдал. Представление заканчивалось тем, что Хусейн в отчаянии закрывал черным занавесом брачный балдахин, в котором сидела одинокая Фатима [7, с. 320–324].

Рассмотрим, что несли на носилках в разных странах.

С. Марр поясняет, что на носилках несут труп Касима, племянника Хусейна – куклу в светлосером *габа* (род кафтана); головы нет, торчит окровавленный обрубок. Касим был убит в брачную ночь. Согласно С. Марр, в Иране каждый квартал в своем *дәсте* нес свое знамя, свой ковчег, труп, пронизанный стрелами, все это было покрыто голубой кисей [1, с. 333, 345].

М. Горький упоминал, что в Тифлисе несли красивые бархатные носилки с четырехскатной крышей с открытыми стенками и сидящей в нем пленницей.

В Шуши несли еще одни носилки – с имамом Хусейном: чучело без головы, в богатом платье; на месте шеи были вставлены несколько коровьих позвонков. Грудь убитого была утыкана стрелами, и к ней привязаны два живых голубя. На носилках стоял на коленях мальчик в окровавленном белом саване. Он держался руками за голову и поминутно припадал к ногам убитого Хусейна. Толпы народа с рыданием следовали за этою святою ношей [12, с. 124].

Е. Бертельс видел в персидских городах много процессий с разными персонажами. Так, шел водонос с бурдюком, за ним несли носилки в форме саркофага, называемые гробницей Хусейна (Кабр-и Хусейн). Они были украшены драгоценными камнями и шелками, на саркофаге укреплен тюрбан, изображающий головной убор имама [6, с. 33].

Если суммировать приведенные выше описания носилок, то можно сделать вывод, что в Шуши на носилках несли гробницу Хусейна с лежащим рядом мертвым Касимом. С точки зрения визуальной антропологии рисунок Верещагина – образец наглядного варианта оформления ковчега / саркофага.

Продолжая описание процессии, Верещагин упоминал дервиша с цепями на шее и веревкой с камнем, военачальника халифа в шлеме и кольчуге. В его правой руке был красивый топорик, которым он совершал избиение имамов. За ним вели лошадь Хусейна в золотой сбруе и богато расшитом седле. Седло и вся лошадь были утыканы стрелами.

Муллы и актеры ехали в костюмах и в полном вооружении. Женщины и мужчины, конные и пешие шли за процессией густой толпой. Двери, окна, балконы домов и городская стена были усеяны народом.

Описание процессии В. Верещагиным сравнимо с рисунком В. Ходжабекяна на Ашуру: музыканты, акробаты-борцы, лошадь Хусейна, рыдающие женщины, голуби, воинство, толпа сочувствующих, зрители на балконе и в соседних домах. Можно сделать вывод, что организация мистерии в Тифлисе и Шуши имела много общего, хотя вместо саркофага Хусейна в Тифлисе несли на носилках чучело льва Али. Различие в том, что в процессии на Ашуру в Тифлисе главным персонажем, был Али, о чем свидетельствует также статья М. Горького.

Вернемся к завершению Мухаррама в Шуши. Мы упоминали, что процессия направлялась за город. На лугу устраивалось еще одно представление. Содержанием последней мистерии была битва молодого имама с врагами. Для большей торжественности в этот день приглашались русские полковые музыканты. За недостатком актеров роль убийц имамов играли донские казаки. Молодой имам всех их обращал в бегство. Казаки, представлявшие воинов Езида, должны были отступить. С окончанием представления оканчивались и все церемонии мистерии.

Приведенные нами описания в литературе мистерии Мохаррам в наши дни подверглись секуляризации. «Эта религиозная традиция смешалась с культурой. У шиитов разных народов проведение траурных мероприятий может немного отличаться. В Дагестане, в основном, в Дербенте и селении Мискинджа совершается оплакивание, побивание себя в грудь, проходит шествие под траурными знаменами. В Дербенте, в Джума-мечети происходит кульминация этих событий. Чтецы читают траурные оды на азербайджанском языке. Имам произносит проповедь. А вечером, верующие собираются и вспоминают события, связанные с пленением и убийством семьи Хусейна... В Дербенте, по улицам, ведущим к Джума-мечети, в течение этих 10 дней стоят шатры, где раздается еда, чай. Это тоже считается одним из благих дел»¹⁷. Отметим, что историческая реконструкция битвы в память о павших последователях Али постепенно приобретает более толерантные формы выражения.

Вместо заключения: как сложилась судьба ритуала Мухаррам

По свидетельству Верещагина: «До последних годов эти ночные собрания были запрещены правительством, потому что они часто вели к кровопролитиям, и вот в чем дело: в каждом татарском городе непременно есть партии, происхождение которых теряется в далеком прошлом: они сами не разъясняют себе как следует причину недоразумений между собою и перемешивают неурядицы своей истории с современными житейскими дразгами и интригами дня» [12, с. 122].

17 Традиции Дня Ашура в мусульманском мире. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://kavtoday.ru/article/6314>

А. Крымский отмечал: «Русское правительство в последнее время принимает в Закавказье решительные меры против такого изуверства»¹⁸.

С. Марр писала, что мистерия Мухаррам имеет строго разработанный ритуал, но время внесло свои коррективы в сторону её секуляризации.

Проведение в Тбилиси в годы советской власти шиитских обрядов тоже было запрещено, хотя по свидетельству информантов, их справляли ещё в 20–40 гг. XX в. А в 1947 г. студент Тбилисской Академии художеств Григорий Абрамян (мой дядя) был исключен из Академии за то, что представил в качестве дипломной работы фрагмент из Шахсей-Вахсея, изобразив процессию бичующихся персов. К сожалению, прекрасная Джума-мечеть в 1951 г. была разрушена, а мистерия ещё ранее запрещена.

«В 80-е годы XX в. мусульмане разных регионов Советского Союза вдруг заговорили о своих «исламах». Как в кулинарной книге, замеслякали названия «ислам по-казахски», «ислам по-татарски», «ислам по-дагестански», «ислам по-горски» и т.д.» [13, с. 8]. Это значит, Мухаррам продолжал отмечаться с национальными, а может и региональными, коррективами.

В 2004 и 2005 годах в Нардаране (Азербайджан) проводили Ашуру. «Верующие в центре площади рядами образовали две группы. Одна состояла из детей и подростков от 12 до 16 лет. Мужчины били себя цепями, ритмически нанося удары под песнопения и крики толпы. Время от времени участники церемонии впадали в неистовство, выкрикивая отчаяние от невозможности прийти на помощь Хусейну, и проклятия по адресу его убийц. Женщины исполняли траурные плачи-*мерсийе* по Хусейну и погибшим мученикам-шахидам. Одни в толпе подпевали им, другие ударяли себя в грудь, ритмически выкрикивая «Шах Хусейн! Йа Хусейн!» [14, с. 80–81].

Очень интересное воспоминание информанта – жительницы Нагорного Карабаха, опубликовала этнограф Нона Шахназарян: «Март 1953-го. Женя: «Когда Сталин умер, не знаю, что-то страшное творилось! Все искренне думали, что пришел конец света, все страшное творилось! Я помню этот день: армяне плакали, но как азербайджанцы плакали – это забыть невозможно.

Собрались они из окрестных сел: Амиранлара, Муганлу, Ходжавенда, Гарадаглу на крыльце перед почтой и громко плакали в голос. Женщины царапали в кровь свои лица, щеки и надрывно кричали: «Ша-а-ах-сей, Ва-а-ах-сей!» Мужчины стояли поодаль и кричали: «Ха-а-асан, Ху-у-усан!» и в отчаянии руками отбивали себе ляжки и колени. Вокруг висели красные советские флаги, прошитые вдоль по ширине черными лентами. Мужчины все с черными повязками на руке. Как тут было не плакать, как было не убиваться!» [15, с. 133].

Просмотр интернет-ресурса по поводу проведения Мухаррама в наши дни в Дагестане и в регионах постсоветского пространства показал типичную ситуацию: мужчины, в основном молодежь, выстраиваются в колонны. Идущий во главе, нараспев читает скорбные строки на азербайджанском языке. Остальные подпевают ему и в такт ударяют себя ладонью в грудь – так шииты выражают скорбь по имаму Хусейну. Некоторые ударяют себя небольшой плёткой, состоящей из металлических цепей в одной деревянной рукоятке...

Уже несколько лет по призыву Совета кази Духовного Управления мусульман Кавказа верующие, вместо самобичевания и самоистязания, принимают участие в кампании по сдаче крови больным талассемией. Для этой цели в течение дня в мечетях функционируют передвижные пункты переливания крови, организованные совместно с Министерством здравоохранения Азербайджана¹⁹.

Можно сделать вывод, что историческое событие «Поражение в Кербеле» не только не забыто, но как трагедия, стала одной из этнических характеристик мусульман-шиитов.

18 Крымский А. Мохаррам. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/069/69064.htm>

19 <https://www.calend.ru/holidays/o/o/555/50/>



Рис. 1. Масленичное представление Кейноба в Тифлисе [8, рис. 29]

Fig. 1. The Keinoba Shrovetide (Maslenitsa) performance in Tiflis [8, fig. 29]

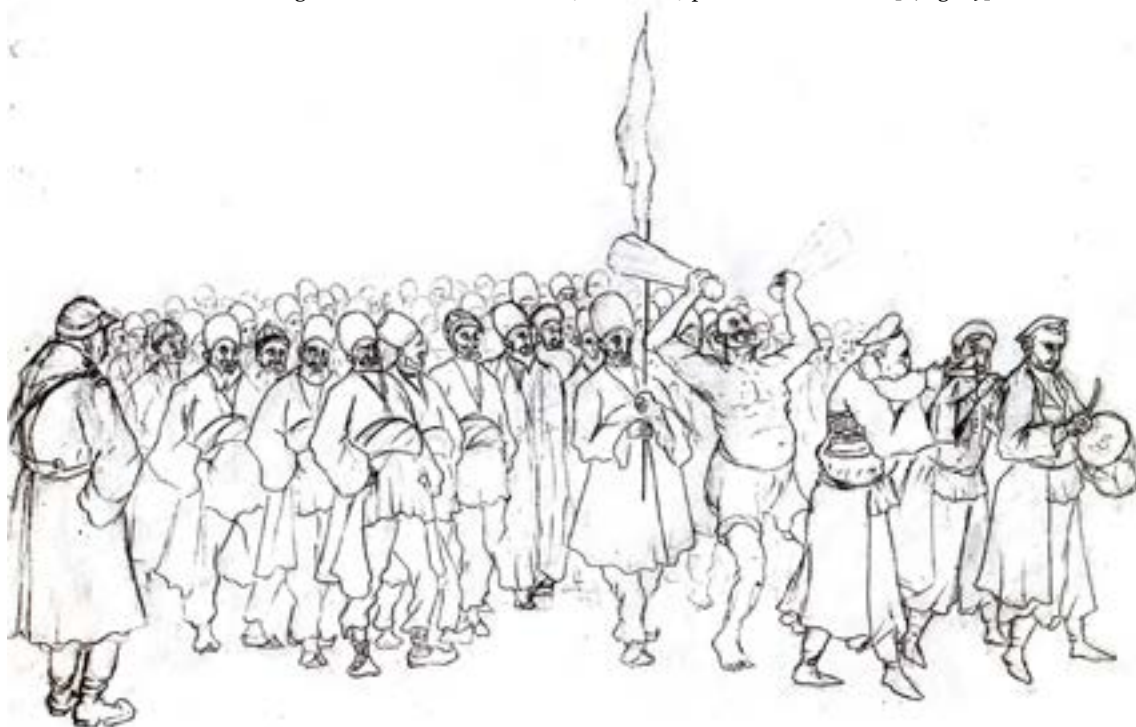


Рис. 2. Процессия на Шахсей-Вахсей – дăсте. Тифлисские музыканты в картузах [9, рис. 31].

Fig. 2. A Shahsei-Vahsei (daste) procession. Tiflis musicians wearing peaked caps (kartuz) [9, fig. 31]



Рис. 3. Процессия на Шахсей-Вахсей – дәсте. Музыканты в войлочных шапках и в черкесках [9, рис. 30]

Fig. 3. A Shahsei-Vahsei (daste) procession. Musicians wearing felt hats and cherkeskas [9, fig. 30]



Рис. 4. Процессия на Мухаррам – дәсте. Впереди знаменосец, за ним борец-пехлеван и городские музыканты [10, № 144].
Хранится в Музее истории Тбилиси (он же караван-сарай Арцруни), папка № 45

Fig. 4. A Muharram (daste) procession. Led by a standard-bearer, followed by a pehlevan wrestler and town musicians [10, No. 144].
Held in the Tbilisi History Museum (also known as the Artsruni Caravanserai), folder No. 45



Рис. 5. Процессия из мистерии – та́зийэ с бутафорским львом на носилках. [10, № 162].
Хранится в Музее истории Тбилиси (он же караван-сарай Арцруни), папка № 45

Fig. 5. A procession from a mystery play (ta'ziyeh) featuring a prop lion on a litter [10, No. 162]. Held in the Tbilisi History Museum (also known as the Artsruni Caravanserai), folder No. 45



Рис. 6. «Процессия религиозных фанатиков в Шуше». 1866 г. Хранится в Государственной Третьяковской Галерее. [2, рис. 2]

Fig. 6. "Procession of Religious Fanatics in Shusha." 1866. Held in the State Tretyakov Gallery [2, fig. 2]



Рис. 7. Режущийся (Добровольный мученик). [12, с. 123]

Fig. 7. A Self-Flaggelator (A Voluntary Martyr) [12, p. 123]



Рис. 8. Молодой имам, убитый. [12, с. 123]

Fig. 8. A Young Imam, Slain [12, p. 123]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марр С.М. Мохаррам. Шиитские мистерии как пережиток древних Переднеазиатских культов // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1970. С. 313–361.
2. Лебедев А.К. В.В. Верещагин. Москва-Ленинград: Искусство, 1939. – 80 с.
3. Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М.: Наука, 1983. – 249 с.
4. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. М.: Наука, 1990. – 271 с.
5. Путинцева Т.А. Тысяча и один год арабского театра. М., 1977. – 312 с.
6. Бертельс Е. Э. Персидский театр. Восточный театр. Вып. 4, Ленинград: Академия, 1924. – 93 с.
7. Березин И. Путешествие по Северной Персии. Казань: Типография Губернского правления университетской, 1852. – 465 с.
8. Рухадзе Дж. Грузинский народный праздник. Тбилиси: «Сабчота Сакартвело», 1966. 83 с. (На груз.)
9. Бадалян В. Загадка Вано Ходжабеяна. Альбом-каталог. Ереван: «Edit Print», 2005. 145 с.
10. Айвазян А., Бадалян И.С., Карапетян Г.С. Вано Ходжабеян (Альбом-каталог). Ереван: Государственная галерея Армении, Полиграф-комбинат, 1972. 27 с.
11. Ареф М.А. Народные театрализованные обряды региона Комиджан Ирана. Автореферат (на правах рукописи). Ереван: Институт археологии и этнографии АН Армении, 2008. 25 с. (На арм.).
12. Верещагин В.В. Повести. Очерки. Воспоминания, рассказы // Из путешествий по Закавказскому краю, Религиозное празднество мусульман- шиитов. М.: Советская Россия, 1990. С. 119–125.
13. Бобровников В.О. Этнография ислама на Кавказе // Этнографическое обозрение. № 2. 2006. С. 3–9.
14. Балджи Б. Судьбы шиизма в постсоветском Азербайджане 81 // Этнографическое обозрение. № 2. 2006. С. 75–87.
15. Шахназарова Н. Femina Sovietika, или Рутинка выживания по-кавказски // Вестник Европы, Москва: издательский центр «Вестник Евразии». 2005. № 4 (30). С. 119–160.

REFERENCES

1. Marr SM. Muharram. Shiite mysteries as a survival of ancient Near Eastern cults. *Traditional Culture of the Peoples of Near and Middle Asia*. Moscow: Nauka, 1970: 313-361. (In Russ)
2. Lebedev AK. V.V. Vereshchagin. Moscow-Leningrad: Iskusstvo, 1939. (In Russ)
3. Evliya Çelebi. *The Book of Travels. (Extracts from the work of the 17th-century Turkish traveler). Issue 3. Lands of Transcaucasia and adjacent regions of Asia Minor and Iran*. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)
4. Anchabadze YuD., Volkova NG. *Old Tbilisi*. Moscow: Nauka, 1990. (In Russ)
5. Putintseva TA. *A thousand and one years of Arabic theater*. Moscow, 1977. (In Russ)
6. Bertels EE. *Persian theater. Eastern theater. Issue 4*. Leningrad: Akademiya, 1924.
7. Berezin I. *A journey through Northern Persia*. Kazan: Tipografiya Gubernskogo pravleniya universitetskay, 1852. (In Russ)
8. Rukhadze J. *Georgian folk holiday*. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1966. (In Georgian)
9. Badalyan V. *The riddle of Vano Khojabekyan. Album-catalog*. Yerevan: Edit Print, 2005. (In Russ)
9. Ayvazyan A., Badalyan I.S., Karapetyan G.S. *Vano Khojabekyan (Album-catalog)*. Yerevan: State Gallery of Armenia, Poligraf-kombinat, 1972. (In Russ)
10. Aref MA. *Folk theatrical rituals of the Komijan region of Iran*. Author's abstract of PhD thesis. Yerevan: Institute of Archaeology and Ethnography of the NAS of Armenia, 2008. (In Arm)
11. Vereshchagin VV. Novellas. Essays. Memoirs, stories. *From travels in the Transcaucasian region, Religious celebration of Shiite Muslims*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1990:119-125. (In Russ)
12. Bobrovnikov VO. *Ethnography of Islam in the Caucasus. Etnograficheskoe Obozrenie*. 2006; (2): 3-9. (In Russ)
13. Balci B. The fates of Shiism in post-Soviet Azerbaijan. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2006; (2): 75-87. (In Russ)
14. Shakhnazarova N. Femina Sovietica, or the routine of survival Caucasian style. *Vestnik Evropy*. Moscow: Publishing Center "Vestnik Evrazii", 2005; 30(4): 119-160. (In Russ)

Поступила в редакцию 25.07.2025

Принята в печать 06.11.2025

Опубликована 30.06.2026

Recieved 25.07.2025

Accepted 06.11.2025

Published 30.06.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222408-418>

Исследовательская статья

Головнева Елена Валентиновна
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
golovneva.elena@gmail.com

(АНТИ)РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ БЫТОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ГРУЗИИ В 1920-1930-е гг.

В статье рассматривается проблема визуализации бытовой религиозности в Грузии в контексте проведения Союзом воинствующих безбожников антирелигиозной кампании в 1920–1930-х гг. Отмечается, что в условиях сохранения довольно высокого уровня религиозности среди местного населения в Закавказье в целом, в Грузии – в частности, в период «культурной революции», пропагандистами были разработаны основные инструменты агитационной визуальной политики. К их числу относилось составление в ходе этнографических экспедиций в Закавказье религиозно-бытовых карт, сбор вещественных материалов, подготовка фотоколлекций по кавказским религиозным культам и их экспонирование в антирелигиозных музеях, производство и создание антирелигиозных фильмов. В качестве исследовательских примеров визуализации бытовой религиозности в Закавказье рассматриваются материалы, полученные во время антирелигиозной этнографической экспедиции в Грузии в 1931 г., а также малоизвестный отечественным исследователям немой антирелигиозный фильм «Угубзиара» Давида Рондели (1930, Госкинпром Грузии). Методические указания к этому фильму свидетельствуют о том, что антирелигиозное кино 1920–1930-х гг. активно использовалось для пропаганды естественно-научных и медицинских взглядов. Задачей визуальной атеистической работы являлось нарушение «сакральной» неприкосновенности религиозных образов – с целью их «разоблачения». Делается вывод о том, что такие источники, как религиозно-бытовые карты, экспедиционные фотографии и кинодокументы, созданные на локальном материале, представляют собой ценный визуально-антропологический материал. С одной стороны, они исторически выступали средством демонстрации абсурдности религии, с другой, – показывали реальную картину многообразия уникальных религиозных практик Закавказья в государстве «воинствующего безбожия».

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда в СССР; бытовая религиозность; визуальная агитация; антирелигиозный кинематограф; антирелигиозный музей; грузинский кинематограф; Грузия; Д. Рондели

Для цитирования: Головнева Е.В. (Анти)религиозная пропаганда и визуализация бытовой религиозности в Грузии в 1920-1930-е гг. // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 2. С. 408-418. doi.org/10.32653/CH222408-418

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222408-418>

Research paper

Elena V. Golovneva
Dr. Sci., Professor, Leading Researcher
Saint Petersburg State University, Russia
golovneva.elena@gmail.com

ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA AND THE VISUALIZATION OF EVERYDAY RELIGIOSITY IN GEORGIA IN THE 1920S AND 1930s

Abstract. The article examines the visualization of everyday religiosity in Georgia within the framework of the aggressive anti-religious campaigns orchestrated by the Union of Militant Atheists during the 1920s and 1930s. Given the resiliently high level of religious devotion among the local populations of Transcaucasia, and Georgia in particular, Soviet propagandists during the “Cultural Revolution” were forced to develop highly specialized tools for agitational visual policy. These strategies included the compilation of “religious-everyday maps” during regional ethnographic expeditions, the curation of photographic collections documenting Caucasian religious cults for display in anti-religious museums, and the production of targeted anti-religious cinema. As primary case studies of this visual strategy, the article analyzes field materials recovered from a 1931 anti-religious ethnographic expedition to Georgia, alongside David Rondeli’s silent film *Ugubziara* (1930, State Film Industry of Georgia) – a work largely overlooked in contemporary research. The instructional and methodological guidelines accompanying this film demonstrate that early Soviet anti-religious cinema was systematically leveraged to disseminate natural-scientific education and public health/medical views. The ultimate objective of this visual atheist campaign was to systematically dismantle and violate the perceived sanctity of local religious imagery through deliberate “exposure.” The author concludes that these state-produced sources – religious-everyday maps, expeditionary photographs, and archival film documents derived from local materials – constitute highly valuable visual anthropological data. While they were historically engineered to demonstrate the ostensible absurdity of religious belief, they ironically preserved a vivid, realistic, and highly granular record of the diverse and unique religious practices of the Transcaucasia under the pressures of “militant atheism.”

Keywords: anti-religious propaganda in the USSR; religiosity; visual agitation; anti-religious cinema; anti-religious museum; Georgian cinema; Georgia; David Rondeli

For citation: Golovneva E.V. Anti-religious propaganda and the visualization of everyday religiosity in Georgia in the 1920s and 1930s. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 404-414. doi.org/10.32653/CH222408-418

Введение

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР, в контексте реализации антирелигиозной кампании¹, делались первые попытки систематизации истории религии, проводились опыты полевых социологических и этнографических исследований реальной религиозности населения СССР. Образование в 1920 г. отдела агитации (агитпропотдел) ЦК РКП(б), совместно с Главполитпросветом, нацеленных на проведение антирелигиозной и естественно-научной пропаганды среди широких масс населения, привело к тому, что в различных регионах и областях страны в этот период большое место отводилось развитию визуальной агитационной работы. Она происходила в тесной привязке к политическому проекту СССР: факты из жизни религии в молодом советском государстве собирались и систематизировались на эмпирическом уровне, а на идеологическом уровне они интерпретировались в русле концепции о «реакционной сущности» и «отмирании» религии [1, с. 96]. Антирелигиозную кампанию в стране курировал Центральный совет Союза воинствующих безбожников (ЦС СВБ), который вел, среди прочего, научно-теоретическую работу по исследованию состояния религиозных групп. Примеры реализации визуальной атеистической пропаганды в 1920–1930-е гг. публиковались в антирелигиозных периодических изданиях – «Антирелигиозник» (1926–1941) и «Безбожник» (1925–1941)².

В том числе, большую активность в организации антирелигиозной работы, построенной на научных основаниях и визуализации религиозных материалов, в период «культурной революции» проявляли ленинградские исследователи. Они являлись представителями так называемой антропологической школы, для которой был характерен последовательный эволюционизм и утверждение ключевого значения анимизма в истории религии [3]. В частности, в 1928 г. один из основателей Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, руководитель Ленинградского областного совета СВБ, Н.М. Маторин организовал исследовательскую группу (секцию) по изучению бытовой религиозности. Задачей секции, как указывалось в положении о ней, являлось «изучение синкретических культов», а также подготовка «Систематического указания вероучений (религий) и антирелигиозных группировок» [4]. Необходимыми формами деятельности в этом направлении Н.М. Маторин считал работу в поле и архивах, составление сводной картотеки по религиозным верованиям народов СССР и картографирование объектов синкретического культа в различных областях страны (Северо-Запад, Центральный Черноземный округ, Кавказ, Дальний Восток и др.) [4].

Отдельные аспекты деятельности научной группы Н.М. Маторина, формирование архивных документов, собирание артефактов, посвященных религиозности в различных регионах СССР, как и вопросы их экспонирования в антирелигиозных музеях, уже рассматривались в работах современных исследователей – М.М. Шахнович, Т.В. Чумаковой, Е.А. Терюковой, Е.А. Михайловой и др. Опций отображения религиозной тематики в кинематографии в 1920–1930-х гг. эпизодически касались современники «культурной революции»: ученые – В.Г. Богораз, А.Н. Терской, Н.М. Маторин и антирелигиозники-пропагандисты – Л.Д. Троцкий, Е.М. Ярославский, Н.Я. Шагурин, И.Я. Элиашевич, М.Н. Кефала и др. Однако, учитывая то, что материалы маторинской группы до сих пор остаются малоизученной темой [см.: 5], как и сведения о корреляции опытов ученых и кинематографистов в области изучения религии в период антирелигиозной кампании, целью данной работы является анализ форм реализации советской антирелигиозной визуальной пропаганды в 1920–1930-х гг. на одном из направлений научно-исследовательской работы, предпринятой учеными секции под руководством Н.М. Маторина, а именно – в Грузии. Внимание к этому региону объясняется тем, что Грузия в первой трети XX в. представляла собой территорию, на которой проживало чрезвычайно смешанное в этнокультурном отношении население (грузины, греки, армяне, русские, персы, евреи и др.), присутствовал «религиозный синкретизм» (синтез древних языческих верований с христианством и исламом)

1 Официальный старт антирелигиозной кампании в СССР в 1920–1930-х гг. был дан декретом Совета народных комиссаров от 2 февраля (20 января) 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви.

2 В планах ЦС СВБ на 1932 г., публикуемых в журнале «Антирелигиозник», в частности, отмечалась необходимость развешивания деятельности по нескольким направлениям. Это – усиление научно-исследовательской работы по изучению степени религиозности отдельных слоев населения; анализ процессов отмирания религий; проведение массовых мероприятий по разоблачению классовой сущности религии [2].

и сохранялась бытовая религиозность³. Обращение к данному локальному материалу в современных реалиях продиктовано также необходимостью осмыслить историческую роль и значение религиозного фактора в культуре Кавказского региона.

Предлагается рассмотреть конкретные контексты (научно-исследовательский, кинематографический), в которых появлялись религиозно-бытовые карты⁴, фото- и киноизображения атеистической направленности, созданные на территории Закавказья (именно – в Грузии) в эпоху «социалистической реконструкции», а также методические указания по их распространению. В качестве исследовательских кейсов рассматривается практика фотофиксации религиозных групп региона, осуществленная во время антирелигиозной этнографической экспедиции в Грузии в 1931 г., и малоизвестный отечественным исследователям немой антирелигиозный фильм «Угубзиара» (1930). При анализе данной картины предлагается использовать комплексную методологию, соединяющую визуально-антропологические и историко-культурологические методы. Историко-культурологический подход позволяет реконструировать конкретные опыты тематических разработок ученых, музейных деятелей и кинематографистов в культурно-идеологическом контексте изучаемого исторического периода, визуально-антропологический – отобрать релевантные теме визуальные материалы. Изучение научно-теоретических и кинематографических опытов антирелигиозной пропаганды 1920–1930-х гг. на материале Закавказья позволяет, как представляется, объяснить, почему и как визуальные образы о религиозных культах использовались в печатной продукции, в официальных антирелигиозных музеях и кинематографе, как формировались представления об (анти)религиозности народов⁵ различных регионов СССР у советского населения в период «культурной революции».

Антирелигиозные экспедиции на Кавказ в 1920–1930-е гг.

В начале 1930-х гг. под руководством Н.М. Маторина учащиеся антирелигиозного отделения Ленинградского историко-лингвистического университета, совместно с сотрудниками Института по изучению народов СССР, Госакадемии материальной культуры работали несколькими отрядами (средства были отпущены ЦС СВБ и Академией наук СССР), изучая состояние религиозности в ряде районов СССР, в том числе – Грузии (В.В. Бардавелидзе-Ломиа и С.И. Макалатия) [8], где сохранялись в это время элементы бытовой религиозности (космогонические воззрения, почитаемые места, знахарство и др.).⁶ Антирелигиозная экспедиция целенаправленно проводила исследование производственных культов, осуществляла сбор тематических коллекций для Центрального антирелигиозного музея (ЦАМ), а также систематизировала материалы для религиозно-бытовой карты. В ходе экспедиции были обследованы районы горной Тушетии, Хевсурии, Пшавии, Мегрелии, Верхней и Южной Сванетии, Лечхум и Рачи [8].

Этнограф В.В. Бардавелидзе-Ломиа (1899–1970) [10] свою работу в районах Верхней и Нижней Сванетии проводила совместно с комплексной экспедицией музея Грузии. Экспедиция собрала исключительно богатый материал по местным культам: были выявлены культы Ламарии (божества плодородия, покровительницы женщин), природа охотничьих божеств, культ камня, детально изучены обряды, относящиеся к засухе. Было установлено резкое деление в Сванетии праздников на женские и мужские, изучен новогодний праздник у сванов и его вариации у лечхумцев и рачинцев. Было собрано также большое количество экспонатов для ЦАМа, а полученный материал был подготовлен к опубликованию.

3 Понятие «бытовой религиозности» используется в данном случае в значении особой разновидности верований и практик, разделяемой некоторой группой людей и существующей на неофициальном уровне [6]. Такой тип религиозности определяет проблемы, с которыми сталкиваются члены религиозной общности, и предлагает решения, могущие, при соблюдении целого ряда условий, решить эту проблему [7].

4 Составлением религиозно-бытовых карт занималась Комиссия по составлению религиозно-бытовой карты, созданная Н.М. Маториным в 1929 г.

5 Формулировка «(анти)религиозность» в данном случае, на наш взгляд, позволяет подчеркнуть дихотомию, определяющую характер предмета исследования и исходящую из реалий сохранения религиозности в повседневной жизни большинством населения страны при внешнем (официальном) провозглашении антирелигиозного курса.

6 Сценарист В.Б. Шкловский писал в 1930 г., что грузины – это приблизительные христиане. Этим они не увлекаются. Церковь внутри имеет площадь всего несколько метров и вверх метра два-три. В нее может войти только священник, а прихожане собираются вокруг. [9, с. 19]

Важное место в данной экспедиционной работе имела также подготовка религиозно-бытовой карты Сванетии В.В. Бардавелидзе-Ломиа. Для составления карты исследователями было зарегистрировано 604 культовых пункта и 302 культурных очага, ведущих борьбу с суевериями и религиозностью сванов. «Качественный анализ собранного материала, – как отмечала в своем отчете В.В. Ломиа, – выявил, что религиозность в широкой массе обследованных районов еще очень сильна, особенно в Сванетии. Правда, христианство, можно сказать без преувеличения, потеряло всякое значение у этих народов, но зато сильнее выявились в определенных группах населения элементы язычества... Например, материал показал совершенно нетерпимое положение в Латальском обществе Верхней Сванетии, где культовых мест – 92, а культурных очагов всего – 4» [8]. Карта по Сванетии, составленная В.В. Бардавелидзе-Ломиа, экспонировалась в Музее Грузии в Тифлисе [4, с. 107].

Примечательно, что данные, полученные В.В. Бардавелидзе о состоянии бытовой религиозности в кавказском регионе, в целом, согласуются с материалами экспедиции 1927 г., работавшей в Грузии (Хевсуретия), под руководством этнографа-востоковеда В.А. Гурко-Кряжина. В газете «Безбожник» сообщалось: «Хевсуры поклоняются священным рощам, верят в духов, куда входят и христианские божества (Христос, Петр, Павел, Георгий, Мария и др.), наряду с этим у них есть древне-персидские крылатые духи» [11]. О сохранении религиозных традиций – древних верований, обрядов, суеверий, – особенно в горных районах Кавказа, сообщал и известный этнограф Е.М. Шиллинг, проводивший в 1930-е гг. экспедиционную работу в кавказском регионе и собравший значительный вещевой и визуальный материал, связанный с народной обрядовой практикой и мусульманским религиозным культом [12].

Экспедиционная фотография и кинопропаганда

Основными формами презентации этнографических полевых материалов, по мнению Н.М. Маторина, должны были стать печатные работы и экспозиции музеев [13, с. 164]. Но фактически сразу, в рамках проведения антирелигиозной экспедиционной работы, как на Кавказе, так и во многих других регионах, эффективным инструментом иллюстрации состояния религиозности в СССР стала фотофиксация религиозных культов. Антирелигиозник Ю. Коган отмечал в 1931 г.: «Фото – основной экспонат отделов безбожного движения. Необходимо, чтобы при помощи фото музеи показали во всем объеме грандиозную работу безбожников на фронте социалистического строительства...» [14, с. 72]. В периодических изданиях агитационной направленности («Безбожник» и «Антирелигиозник») сделанные в экспедиционных условиях фотоснимки использовались и как средство наглядного изучения религиозных верований, и как средство дискредитации религии, широко развернувшейся в этот период, в том числе, в рамках музейно-выставочной деятельности⁷.

Визуальные материалы с этнографическими и религиозными сюжетами в том числе послужили основой для формирования нового типа институции в 1920–1930-х гг. – антирелигиозного музея, сочетающего в себе просветительские и научно-исследовательские функции⁸. Прежде всего, интересна в этом плане деятельность Музея истории религии АН СССР в Ленинграде, изначально являвшегося подразделением Академии наук, в котором развитие религии изучалось на научных основаниях, системно и комплексно, с привлечением большого количества этнографического и религиозного визуального материала.

Так, Антирелигиозная выставка 1930 г., устроенная МИР АН СССР под руководством известного этнографа-североведа В.Г. Богораза [15], содержала около 500 фотографий, репрезентативно показывающих как мировые религии, так и этнографические сюжеты и разнообразие экзотических верований [16]. В ходе экспедиционных работ были сформированы фотоархивы: фотоколлекция «Атеизм» – о работе СББ, которая охватывала разнообразные религиозные группы, и фотоколлекция

⁷ К примеру, большой резонанс в рамках антирелигиозной кампании получила практика фотосъемки и публикация фотографий вскрытия мощей в различных городах СССР. Сейчас в ГМИР хранится фотоколлекция «Религия», которая содержит около 100 снимков, документирующих вскрытие мощей.

⁸ Наиболее крупными музеями в 1930-е гг. были Центральный антирелигиозный музей в Москве и Музей истории религии АН СССР в Ленинграде [15].

«Происхождение религий»⁹, включавшая в себя 61 фотографию, в том числе, фотоснимки по религиозным культам Грузии [16]. И хотя комплектование фотоколлекций в МИР АН СССР происходило в силу стечения обстоятельств, за счет личных связей его первых директоров – В.Г. Богораза и Ю.П. Францева, тем не менее, фотографические снимки, рисунки, диапозитивы, изображавшие большое разнообразие культов и верований в СССР, выступали иллюстративным материалом для организации антирелигиозных выставок и позволяли в дальнейшем анализировать материал для подготовки научных публикаций. Визуальный «калейдоскоп» религиозных различий, собранный в ходе экспедиционной работы, с одной стороны, рассматривался как инструмент демонстрации абсурдности религии, с другой, – показывал обывателю реальную картину многообразия форм верований в государстве «воинствующего безбожия»¹⁰.

В начале 1930-х гг. была высказана, среди прочего, и идея «кинофикации» антирелигиозного музея, с перспективой показа этнографических (с целью просвещения) и антирелигиозных фильмов (в качестве массовой работы с посетителями) на площадке МИР АН СССР [17]. При разработке киноорганизациями тематических планов по созданию просветительских агитационных фильмов, звучал призыв выбирать для съемки те темы, которые позволяют решить актуальные вопросы культурной революции и тот материал, который поддается в той или иной степени экранизации [18]. О необходимости создания эффективной антирелигиозной фильма, построенной на локальном этнографическом материале и имеющей политическую заостренность, говорили в это время, как кинематографисты, так и пропагандисты [19, с. 11].

Между тем, фото- и кинофиксация религиозных культов на территории Закавказья в 1920–1930-х гг. осуществлялась довольно активно, как научными сотрудниками профильных организаций, так и профессиональными кинематографистами, искавшими в эти годы «экзотическую натуру» для постановки и пытавшимися создать на экране «нашу собственную восточную экзотику, нашу собственную «ориентальную» фильму» [20, с. 162]. Например, в 1927 г. сценарист С.М. Третьяков в ходе работы над сценарием совершил экспедицию в Верхнюю Сванетию, а известный режиссер М.К. Калатозов в это же время работал там же над хроникальными съемками края. Итогом их сотворчества стал документальный фильм «Соль Сванетии» (1930) [21]. Проблема борьбы народа горной Пшавии за приобщение к новому быту и борьбе со жрецами и старейшинами нашла отражение и в фильме С. Долидзе «В стране обвалов» (1931), в первых кадрах которого, под портретом исполнителя одной из ролей шел титр: «Убит за участие в киноэкспедиции» [22, с. 51].

Отметим, что грузинская национальная кинематография в этот период считалась одной из самых продуктивных среди кинофабрик Союза, а мастера кино формировали в молодом искусстве свой особый творческий метод, основанный на идеях авангардного искусства. Так, в 1925 г. по инициативе сотрудничавших между собой С. Долидзе и С. Третьякова на студии «Грузия-фильм» возник сектор кинохроники, в рамках которого снимались короткометражные фильмы о быте и нравах горских племен – пшавов, хевсуров, тушинцев [22]. Из кавказских студий (Госкинопром Грузии, «Арменкино» и Азербайджанское фотокиноуправление), грузинский кинематограф лидировал по количеству картин (с 1923 по 1927 год вышли 33 полнометражных фильма), на студии работали «звезды» русского дореволюционного экрана (Иван Перестияни, Амо Бек-Назаров), а картины Госкинопрома Грузии являлись одними из самых прибыльных в прокате [20, с. 163]. Примечательно, что именно на национальном «грузинском» материале планировалось создать мультипликационный фильм, где заграничному Микки Маусу противопоставлялся молодой грузин, родом из Мегрелии, – Чичико или Чикол [23, с. 3].

В этом контексте, не случайно, что в составленном агитатором М.Н. Кефала в 1932 г. для журнала «Антирелигиозник» списке антирелигиозных фильмов самая многочисленная часть кинокартин была посвящена именно религиозным культам Кавказа и Центральной Азии. Упоминались такие антирелигиозные фильмы, как: «Айна», «Гость из Мекки», «Гюлли», «Дочь святого», «Джалма», «Земля жаждет», «Закон гор», «Именем бога», «Из-под сводов мечети», «Комета», «Намус», «Под властью адата», «Третья жена муллы», «Угубзиара», «Чадра», «Именем бога (шахсей-вахсей)» [24].

⁹ В настоящее время хранится в фотофонде ГМИР.

¹⁰ В фотоколлекции «Происхождение религии» из фонда ГМИР, в частности, присутствуют фотоснимки 1935 года, относящиеся к теме «Хевсуры-Кавказ» («Хевсурская экспедиция ЦАМ»).

Фильм «Угубзиара» (1930) Давида Рондели



Давид Рондели

Непосредственно с визуальной репрезентацией феномена бытовой религиозности в Закавказье в списке, составленном М. Кефалой в 1932 г., оказался связан немой художественный фильм «Угубзиара» (Госкинопром Грузии, 1930) режиссера Давида Рондели¹¹. Это социальная драма, созданная по сценарию Г. Мдивани и Д. Рондели и рассказывающая о борьбе сельской общественности со знахарством, стала первой заявкой молодого режиссера в кинематографии, созданной на национальном материале (рис. 1).

Характерно, что немая картина «Угубзиара» («Скачки», «К здоровью») не получила должного внимания со стороны исследователей, занимавшихся изучением раннего грузинского кино. Однако именно этот фильм оказался включенным в антирелигиозный дискурс, развернувшийся на страницах периодической печати в начале 1930-х гг., и содержал в себе основные его особенности. Фильм «Угубзиара» представляет исследовательский интерес еще и потому, что, в соответствии с характерными для периода «культурной революции» левовскими принципами в кинематографе, придающими особое значение фактическому материалу, эта картина основывалась

на непосредственном знании бытовой культуры Кавказа и включала в себя этнографические сюжеты¹².

Так, в фильме демонстрировались национальные обычаи абхазов – скачки, обряд поминовения по умершему (сцены с многочисленными родственниками, плакальщицами, чучела, изображающего покойника, жертвенным быком в траурной попоне), врачевание народными методами и т.п. Кроме того, съемка фильма проводилась при непосредственном научном консультировании. Д. Рондели говорил о своей работе над фильмом: «Приехал в Абхазию, меня очень тепло приняли Н. Лакоба и С. Чанба¹³. Они были поклонниками тогда еще молодого киноискусства. Моей творческой работе они оказывали огромную помощь» [26].

По сюжету действие картины происходит в одной из глухих деревушек Абхазии в 1920-х гг.¹⁴, где сохраняются суеверия и религиозные предрассудки, а главным персонажем фильма в духе времени является «кулак-знахарь».

В фильме рассказывается о том, как бедняк Кондратий, случайно ранив на охоте своего сына-комсомольца, обращается к местному знахарю Джото. Результатом знахарских манипуляций является смерть сына. В ответ на это комсомольская организация проводит через сельсовет постановление о запрещении Джото заниматься знахарством и о необходимости постройки больницы. Для пополнения денежного фонда, с целью открытия больницы, в селе организовываются общественные скачки с призами. Первый приз в триста рублей выигрывает комсомолец-активист, жертвующий выигрыш в строительный фонд, который заставляет Джото, выигравшего второй приз в двести рублей, сделать то же самое. Джото, несмотря на постановление сельсовета, продолжает заниматься знахарством и одновременно ведет среди крестьян агитацию против организованной в бывшем княжеском доме больницы. Между тем, в семье комсомольца, умершего от раны, выполняют древний языческий обряд «поминок по умершему». В день поминок сын знахаря Джото падает с лошади и опасно ранит себя кинжалом в живот. Джото везет его в больницу, где врач спасает юношу. Выходящего из больницы Джото встречают смехом собравшиеся там крестьяне.

Картина «Угубзиара» содержала смелые кинематографические решения. Так, в центре фильма Д. Рондели оказывается интересно снятый эпизод конного состязания, в котором комсомольцы села

11 Давид Рондели (Цагарейшвили) – советский режиссер и сценарист, с 1923 г. являлся корреспондентом газет в Кутаиси и Тбилиси, в 1926–1928 гг. – был главным редактором журнала «Пролетарская литература», с 1928 г. – возглавлял сценарный отдел Госкинопрома Грузии. В 1924 г. с группой активистов (Н. Шенгелая, Г. Мдивани) работал в журнале «Динамит», пропагандировавшем идеи революции.

12 Съемочные группы, снимающие этнографические фильмы, появились в Абхазии в 1925 г.

13 Н. Лакоба и С. Чанба являлись членами Ученого совета Абхазского научного сообщества. АбНО поддерживал научные связи с 175 научными учреждениями СССР [25].

14 Абхазия в этот период на договорных началах входила в состав Грузинской ССР и Закавказскую советскую федерацию РСФСР.

соревнуются со знахарем Джото и его сыном. Крупные и общие планы скачек, лица болельщиков, drobные движения ног лошадей, отдельные детали реакции из толпы болельщиков, в которой собрались и друзья, и враги Джото, динамичный монтаж – придавали данному эпизоду большое эмоциональное звучание. В картине монтировались сюжеты старых обычаев с законами новой жизни, давалась постепенная психологическая разработка характера центрального персонажа фильма – знахаря Джото [22, с. 50–51].

Фильм встретил неоднозначную реакцию со стороны критиков. Основное замечание к картине заключалось в недостаточно сильном выявлении автором классовых позиций и их верного изображения на экране. В журнале «Рабочий и театр» отмечалось, что картина имеет невысокий художественный уровень, но все же верно передает некоторые смыслы: «знахарь показан, как хитрый и сильный враг, умело пользующийся темнотой населения и ловко играющий на ней», «показана дифференциация абхазской деревни и ведется борьба со старыми и новыми традициями» [27]. В методическом пособии по использованию этой картины в целях антирелигиозной пропаганды говорилось, что для фильма характерна пассивность сельсовета в борьбе со знахарством, примиренческий конец фильма [28], но в то же время отмечалось богатство материала, который дает фильм для санитарной и политико-просветительской работы.

Характерно, что в период «культурной революции» комментаторы и критики антирелигиозных фильмов уделяли внимание даже не самим картинам, а соответствующей политработе и «культурному окружению» в их показе. Как отмечал антирелигиозник Н. Шагурин: «Работа антирелигиозной передвижки – это работа *политическая*, работник передвижки несет двойную ответственность перед лицом трудящихся – и как агитатор, и как киноработник» [29, с. 17]. В связи с этим, предлагалось развернуть интенсивную коммуникацию со зрителем антирелигиозного кино – вести беседу как до просмотра фильма, так и после него [30, с. 51]. В своей брошюре к серии киноплёночных диапозитивов активист Н.Г. Шатилов прямо призывал вырабатывать у кинозрителя представление о религиозных группах как мощной контрреволюционной силе [31, с. 14].

Методические указания к фильму «Угубзиара» наглядно показывают, что антирелигиозное кино 1920–1930-х гг. активно использовалось для пропаганды естественно-научных и медицинских взглядов¹⁵, для организации работы в повышении образовательного уровня деревенского зрителя. В этом отношении антирелигиозный фильм, по мнению пропагандистов, сам должен был представлять собой своеобразного «доктора», избавляющего советское общество от болезни. Для демонстрации фильма «Угубзиара» предлагали провести следующие мероприятия: связаться с врачом и договориться о выступлении его в театре, клубе или избе-читальне; собрать местный материал по знахарству, о состоянии здравоохранения [28, с. 19–20].

Пропагандист М.Н. Кефала, выступавшая на страницах журнала «Антирелигиозник» с кино-докладами и, как правило, критиковавшая авторов фильмов за неумение/нежелание показывать классовую сущность религии, также отмечала: «Фильма «Угубзиара» (скачки), ставящая несомненно актуальную в антирелигиозном отношении тему, имеет, однако, ряд существенных недостатков. Одним из основных является нечеткость показа классовой роли знахарства в условиях социалистической перестройки коллективизирующейся деревни [32, с. 39]. М. Кефала предлагала методические указания для докладчиков, сопровождающих показ фильма «Угубзиара», которые включали в себя использование таких тем докладов, как: «Религия и знахарство», «Происхождение знахарства и его классовая роль», «Знахарство, болезни, старый и новый быт». Во время доклада иллюстративный материал фильма планировалось давать в компаративном ключе – как для освещения сходных явлений в других религиях, так и для сравнения социальной роли христианского священника (муллы, раввина, ламы) и знахаря. М. Кефала специально подчеркивала: «Необходимо указать, что между действиями попа, махающего кадилом, «заклинающего вредителей», «лечащего» от любой болезни молебнами о здравии

¹⁵ Об отношении к врачам и врачеванию в горных районах Грузии в начале 1930-х гг. писал В.Б. Шкловский: «Хирурги лечат хорошо. Их приглашают в качестве ассистентов советские врачи... они имеют представление о таких сравнительно сложных вещах, как расположение двигательных центров на коре головного мозга. Так, когда после ранения больной теряет речь, то врач вскрывает не только место ранения, но и место, которое, очевидно, заражено, судя по характеру заболеваний. Врачу платят дорого. Техника врачевания состоит в том, что ране не дают преждевременно зажить, ее растравляют травами, чтобы заживление шло со дна раны» [9, с. 29].

и «елеосвящением», знахарем и шаманом, «прогоняющим» грозовую тучу или болезнь ударами в бубен, – нет, по существу, никакой разницы» [32, с. 38–39].

Контекст использования фильма «Угубзиара» как «киноагитки» наглядно демонстрирует, что роль агитатора-антирелигиозника (по сравнению с научным консультантом фильма и кинематографистами) в интерпретации антирелигиозных кинокартин оказывалась ведущей в 1920–1930-е гг. По замечанию К.М. Антонова, антирелигиозник, как ученый, выстраивал дискурс и соответствующий этому дискурсу объект, как эксперт – выстраивал отношения власти с объектом дискурса, как «пропагандист» – обращался к широкой аудитории, у которой нет иной возможности получить о «религии» сведения, претендующие на достоверность [33, с. 74–75].

Заключение

Итак, одной из ключевых задач развертывания антирелигиозной пропаганды в СССР в 1920–1930-е гг. был поиск возможных форм визуализации религий (нарушения «сакральной» неприкосновенности религиозных образов – с целью их «разоблачения») – с помощью религиозного картографирования (в религиозоведческих исследованиях), создания фотоколлекций с этнографическими и религиозными сюжетами в ходе экспедиционной научно-исследовательской деятельности, организации музейно-выставочной работы в антирелигиозных музеях и кинематографической репрезентации (в заданном идеологическом ключе) различных конфессий СССР. Каждая из этих визуальных практик отвечала за свой участок «безбожной работы» и производила соответствующие ему совокупности высказываний.

Практика проведения научных исследований в Закавказье в начале 1930-х гг., осуществленная силами академических учреждений (включая экспедицию 1931 г. в Грузию), обозначила довольно высокий уровень сохранения бытовой религиозности среди населения и соответственно сложности распространения антирелигиозных пропагандистских идей в регионе. Инструментами визуальной политики в Грузии в рамках антирелигиозной кампании в этот период стали: составление исследователями религиозно-бытовой карты (В.В. Бардавелидзе-Ломиа), подготовка для ЦАМ фотоколлекции по религиозным культам, экспонирование собранных вещественных и визуальных материалов в антирелигиозных музеях, производство и создание антирелигиозных фильмов. В совокупности эти источники представляют собой ценный визуально-антропологический материал, выявляющий многообразие уникальных религиозных практик в Грузии в раннесоветский период.

Одним из ярких примеров кинопропаганды против бытовой религиозности (знахарства) является немой художественный фильм Д. Рондели «Угубзиара» (1931, Госкинопром Грузии). Обращение к этому фильму в настоящее время позволяет обозначить общие черты развития феномена (анти)религиозного фильма 1920–1930-х гг. в рамках атеистической пропаганды в целом. К ним можно отнести: присутствие на экране, помимо разоблачительного контекста, верной этнографической информации, которая демонстрирует реальную картину сохранения вариативных форм бытовой религиозности в государстве «воинствующего безбожия» и коррелирует с результатами научных экспедиционных исследований, предпринятых этнографами и религиоведами в 1920–1930-х гг. в различные регионы СССР; необходимость развития методики демонстрации антирелигиозных картин и дополнительных средств работы со зрителем (выставка, доклад, диспут, лекция); подчеркивание в оценке антирелигиозной картины не художественного, а преимущественно агитационного потенциала; включение антирелигиозных кинематографических сюжетов в развитие медицинского и естественно-научного знания.

Финансирование. Исследование осуществлялось при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта No 25-28-00277 «“Визуальный атлас конфессий”: (анти) религиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-е гг.» (2025–2026).

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of Project No. 25-28-00277, titled “Visual Atlas of Confessions”: (Anti-) Religious Propaganda in the USSR in the 1920s–1930s (2025–2026).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов М.Ю. Религиоведение в России: проблема самоидентификации // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2009. №1. С. 90–106.
2. План работы Центрального совета СБВ на 1932 год // Антирелигиозник. 1932. №2. С. 58–63.
3. Невский А.А. Работа группы по изучению истории культов государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 169–171.
4. Невский А.А. Секция по изучению религиозных верований народов СССР при Музее истории религии Академии Наук // Советская этнография. 1934. №3. С. 106–107.
5. Головнева Е.В. Научные поиски в советской кинематографии 1920–1930-х гг. (метод параллельной засъемки Анатолия Терского) // Наука телевидения. 2022. Т. 18. №4. С. 151–170. DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18.4-151-170
6. McGuire M.B. Lived religion: faith and practice in everyday life. Oxford: Oxford University Press, 2007. – 290 p.
7. Orsi R. Everyday Miracles: The Study of Lived Religion // Lived Religion in America: Toward a History of Practice / ed. by D. Hall. Princeton: Princeton University Press, 1997. Pp. 3–21.
8. Дунаевский Л. Антирелигиозные экспедиции НИО ЦС СБВ в 1931 г. // Антирелигиозник. 1932. №11–12. С. 30–39.
9. Шкловский В.Б. Горная Грузия. Пшавия. Хевсуретия. Мухевия. М., 1930.
10. Рухадзе Д.А. Вера Варденовна Бардавелидзе // Этнографическое обозрение. 2000. №6. С. 118–122.
11. Салим. Забытый народ (О хевсурах и их жрецах) // Безбожник. 1929. №8 (апрель). С. 16–17.
12. Терюкова Е.А., Алферова Н.В., Рунге К. Е.М. Шиллинг как исследователь религиозных верований народов Кавказа: по материалам документальных и вещевых коллекций из собрания государственного музея истории религии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 3. С. 528–540. DOI: 10.21638/spbu17.2019.312
13. Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Идеология и наука: изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб: Наука, 2016. – 365 с.
14. Коган Ю. Практические задачи музейно-антирелигиозной работы // Антирелигиозник. 1931. № 6. С. 66–72.
15. Тан-Богораз В.Г. От собора к Музею истории религий // Антирелигиозник. 1936. №1. С. 14–15.
16. Михайлова Е.А. Выставочный проект Музея антропологии и этнографии «Антирелигиозная выставка в Государственном Эрмитаже» и его создатель В.Г. Богораз // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 90–95.
17. Шахнович М.И. История религии и атеизма // Советский музей. 1939. № 3. С. 36–40.
18. Тематический план Совкино // Кино. 1929. № 40 (316). С. 6.
19. Ярославский Е.М. Искусство на службе у религии и искусство безбожное // Антирелигиозник. 1929. № 2. С. 7–13.
20. Юсупова Г. Кассовые феномены кинематографа 1920-х гг. и легенда о «новом зрителе» // Киноведческие записки. 2013. 102/103. С. 151–167.
21. Головнев И.А. Визуализация этничности в советском кино: «Соль Сванетии» Михаила Калатозова // Уральский исторический вестник. 2020. № 3 (68). С. 35–44. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-35-44
22. Церетели К. Юность экрана. Очерки истории грузинского немого кино. Тбилиси, 1965. – 150 с.
23. Муджира Л. Создадим национальную мультипликацию // Кино. 1934. №46 (октябрь). С. 4.
24. Кефала М. Список антирелигиозных фильмов // Антирелигиозник. 1932. №1. С. 45–46.

REFERENCES

1. Smirnov M.Yu. Religious studies in Russia: the problem of self-identification. *Moscow State University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2009; 1: 90-106. (In Russ)
2. Work plan of the Central Council of the SVB for 1932. *Antireligioznik*. 1932; 2: 58-63. (In Russ)
3. Nevsky AA. Work of the group for the study of the history of cults of the State Academy for the History of Material Culture (GAIMK). *Soviet Ethnography*. 1931; 1-2: 169-171. (In Russ)
4. Nevsky AA. Section for the study of religious beliefs of the peoples of the USSR at the Museum of the History of Religion of the Academy of Sciences. *Soviet Ethnography*. 1934; 3: 106-107. (In Russ)
5. Golovneva EV. Scientific research in Soviet cinematography of the 1920s–1930s (Anatoly Tersky's parallel filming method). *The Science of Television*. 2022; 18(4): 151–170. DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18.4-151-170. (In Russ)
6. McGuire M.B. *Lived religion: faith and practice in everyday life*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
7. Orsi R. Everyday miracles: the study of lived religion. *Lived Religion in America: Toward a History of Practice*, D. Hall (ed.). Princeton: Princeton University Press, 1997, pp. 3–21.
8. Dunaevsky L. Antireligious expeditions of the NIO TsS SVB in 1931. *Antireligioznik*. 1932; 11-12: 30-39. (In Russ)
9. Shklovsky VB. *Mountainous Georgia. Pshavia. Khevsuretia. Mtkhevia*. Moscow, 1930. (In Russ)
10. Rukhadze DA. Vera Vardenovna Bardavelidze. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2000; (6): 118-122. (In Russ)
11. Salim. A forgotten people (On the Khevsur people and their priests). *Bezbozhnik*. 1929; 8: 16-17. (In Russ)
12. Teryukova EA., Alferova NV., Runge K. E.M. Shilling as a researcher of religious beliefs of the peoples of the Caucasus: based on documentary and material collections from the State Museum of the History of Religion. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2019; 35(3): 528-540. DOI: 10.21638/spbu17.2019.312. (In Russ)
13. Shakhnovich MM., Chumakova T.V. *Ideology and science: the study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR*. St. Petersburg: Nauka, 2016. (In Russ)
14. Kogan Yu. Practical tasks of museum antireligious work. *Antireligioznik*. 1931; 6: 66-72. (In Russ)
15. Tan-Bogoraz V.G. From the cathedral to the Museum of the History of Religions. *Antireligioznik*. 1936; 1: 14-15. (In Russ)
16. Mikhailova EA. The exhibition project of the Museum of Anthropology and Ethnography “Antireligious exhibition at the State Hermitage” and its creator V.G. Bogoraz. *Radlov Collection: Scientific Research and Museum Projects of the MAE RAS in 2010*. St. Petersburg: MAE RAS, 2011:90-95. (In Russ)
17. Shakhnovich MI. History of religion and atheism. *Soviet Museum*. 1939; 3: 36-40. (In Russ)
18. Thematic plan of Sovkino. *Kino*. 1929; 316(40): 6. (In Russ)
19. Yaroslavsky EM. Art in the service of religion and godless art. *Antireligioznik*. 1929; (2): 7-13. (In Russ)
20. Yusupova G. Box-office phenomena of 1920s cinema and the legend of the “new spectator”. *Kinovedcheskie Zapiski*. 2013; 102/103: 151-167. (In Russ)
21. Golovnev IA. Visualization of ethnicity in Soviet cinema: “Salt for Svanetia” by Mikhail Kalatozov. *Ural Historical Journal*. 2020; 68(3): 35-44. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-35-44. (In Russ)
22. Tsereteli K. *Youth of the screen. Essays on the history of Georgian silent cinema*. Tbilisi, 1965. (In Russ)
23. Mudzhira L. Let's create a national animation. *Kino*. 1934; 46: 4. (In Russ)
24. Kefala M. List of antireligious films. *Antireligioznik*. 1932; 1: 45-46. (In Russ)

25. Ермоленко Л.П., Зозуля И.В., Колесникова М.Е. Абхазское научное сообщество в 1920-е гг.: история создания и деятельности // *Диалог со временем*. 2022. № 79. С. 74–87.

26. Аджинджал А. Первые шаги кино в Абхазии // *Советская Абхазия*. 1969. 26 августа. С. 3.

27. Угубзиара // *Рабочий и театр*. 1931. № 19. С. 3.

28. Нестеренко. Угубзиара: Кино-либретто и методические указания к беседе. М.: Союзкино, 1931. 23 с.

29. Шагури Н. Безбожное кино в деревне. М.: Театино-печат, 1930.

30. Шестакова М. Массовые формы антирелигиозной работы летом // *Антирелигиозник*. 1931. №3. С. 48–52.

31. Шатилов Н.Г. Кто такие братья во Христе. М.: Союзкино, 1931.

32. Антонов К.М. От дореволюционной науки о религии к советскому религиоведению: трансформация системы научно-исследовательских программ и формирование «советской» формации дискурса о религии // *Вестник ПСТГУ. Богословие. Философия*. 2013. Вып. 6 (50). С. 67–97.

25. Ermolenko LP., Zozulya IV., Kolesnikova ME. Abkhazian scientific community in the 1920s: history of creation and activities. *Dialogue with Time*. 2022; 79: 74–87. (In Russ)

26. Adzhindzhal A. The first steps of cinema in Abkhazia. *Sovetskaya Abkhazia*. August 26, 1969, p. 3. (In Russ)

27. Ugubziara. *Rabochiy i Teatr*. 1931; No. 19: 3. (In Russ)

28. Nesterenko. *Ugubziara: film libretto and methodological guidelines for discussion*. Moscow: Soyuzkino, 1931. (In Russ)

29. Shagurin N. *Godless cinema in the village*. Moscow: Teatinopechat, 1930. (In Russ)

30. Shestakova M. Mass forms of antireligious work in summer. *Antireligioznik*. 1931; 3: 48–52. (In Russ)

31. Shatilov N.G. *Who are the brothers in Christ*. Moscow: Soyuzkino, 1931. (In Russ)

32. Antonov KM. From pre-revolutionary science of religion to Soviet religious studies: transformation of the system of research programs and formation of the “Soviet” formation of discourse on religion. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Subsidia*. 2013; 50(6): 67–97. (In Russ)

Поступила в редакцию 06.06.2025

Принята в печать 02.12.2025

Опубликована 30.06.2026

Received 06.06.2025

Accepted 02.12.2025

Published 30.06.2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222419-430>

Исследовательская статья

Атаев Борис Махачевич
д.филол.н., главный научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
bm_ataev@mail.ru

Ибрагимова Мариза Оглановна
д. филол.н., ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mariza71@mail.ru

Магомедханов Магомедхан Магомедович
д.и.н., заведующий отделом этнографии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mkhan@yandex.ru

СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ ДЛЯ МИНОРИТАРНЫХ ДАГЕСТАНСКИХ ЭТНОСОВ: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ VS ВОЗМОЖНОСТЬ (ИСТОРИКО-СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье исследуются некоторые аспекты создания письменности для миноритарных народов Дагестана с ранее бесписьменной культурой, приводятся аргументы «за» и «против», анализируется соотношение существующих ресурсов с целесообразностью реализации этой задачи. В качестве объекта исследования выступают четырнадцать языков, объединяемые термином «бесписьменные языки Дагестана» с числом носителей от 635 до 21 тыс. человек: андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, тиндинский, хваршинский, цезский, чамалинский. В исследовании подробно охарактеризован предыдущий опыт в этой области, описаны основные этапы создания письменности для литературно-письменных дагестанских языков на основе аджама, латыни и кириллицы. При освещении проблем создания письменности определены и систематизированы основные подходы к реализации данной задачи на современном этапе. Обозначено, что в некоторых сферах бесписьменные языки отчасти выполняют функции письменных, в качестве аргументов приведены примеры создания словарей, научных грамматик, учебных пособий, сборников художественной литературы и фольклора, издания газет. В сложившихся условиях речь идет не столько о пионерском проекте создания письменности, а о практическом внедрении уже используемых алфавитов для миноритарных этносов. При этом признано, что социально-культурные ожидания от создания письменности не всегда оправдываются в полной мере, т.к. повышение статуса народа, реализовавшего конституционное право, расширение возможности для популяризации языка не избавляют от проблем глобализации и унификации культур и языков, не гарантируют их сохранение и развитие. Признавая языковые сдвиги порождением миграции, урбанизации, авторы статьи призывают обратить внимание на сохранение самобытной языковой среды, отражающей ландшафтные, культурные, религиозные реалии миноритарных народов, полагая, что язык поможет сохранить не принятие письменности (которая *de facto* уже существует), а обеспечение материальной и социокультурной привлекательности регионов традиционного проживания этносов.

Ключевые слова: миноритарные этносы Дагестана, проблемы создания письменности, витальность бесписьменных языков

Для цитирования: Атаев Б.М., Ибрагимова М.О., Магомедханов М.М. Создание письменности для миноритарных дагестанских этносов: целесообразность vs возможность (историко-социолингвистический аспект) // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. No 2. С. 419-430. doi.org/10.32653/CH222419-430

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222419-430>

Research paper

Boris M. Ataev
 Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher
 G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Art
 Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
bm_ataev@mail.ru

Mariza O. Ibragimova
 Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher
 G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Art
 Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
mariza71@mail.ru

Magomedkhan M. Magomedkhanov
 Dr. Sci., Head of the Ethnography Department
 Institute of History, Archaeology, and Ethnography
 Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
mkhan@yandex.ru

SCRIPT DEVELOPMENT FOR MINORITY ETHNICITIES OF DAGESTAN: FEASIBILITY VS. POSSIBILITY (HISTORICAL AND SOCIOLINGUISTIC ASPECT)

Abstract. This article explores some challenges and methodologies of developing writing systems for the minority peoples of Dagestan who historically possessed unwritten cultures. Analyzing the interplay between available sociolinguistic resources and programmatic progress, the research focuses on the fourteen “unwritten languages of Dagestan” (including Andi, Archi, Akhvakh, Bagvalin, Bezhta, Botlikh, Ginukh, Godoberi, Gunzib, Karata, Tindin, Khvarshi, Tsez, and Chamal), whose speech communities range from 21,000 to 635,000 speakers. The study thoroughly reviews historical precedents, tracing the major stages of script development for literary Dagestani languages across the Arabic-based Ajam, Latin, and Cyrillic alphabets. By addressing contemporary graphic and orthographic challenges, this paper systematizes the primary modern approaches to script implementation. It notes that even without formal literary status, these languages have partially assumed written functions through the compilation of dictionaries, academic grammars, textbooks, folklore collections, and local newspaper publications. Consequently, current efforts represent less of a pioneering enterprise and more of a practical standardization of existing alphabets for minority ethnic groups. The authors acknowledge that the socio-cultural expectations of codification are rarely fully met; while implementing constitutional language rights expands opportunities for popularization, it cannot entirely counteract the pressures of globalization, linguistic homogenization, or shifting demographics. Given the linguistic attrition caused by migration and urbanization, the authors emphasize the urgent need to preserve these distinct linguistic ecosystems. Ultimately, they argue that maintaining these languages safeguards a unique cultural landscape and enhances the socio-cultural and material vitality of the ethnic groups’ traditional regions.

Keywords: minor ethnicities of Dagestan; challenges of writing system development; written language vitality

For citation: Ataev B.M., Ibragimova M.O., Magomedkhanov M.M. Script development for minority ethnicities of Dagestan: feasibility vs. possibility (historical and sociolinguistic aspect). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 419-430. doi.org/10.32653/CH222419-430

Введение

Право каждого этноса на собственную письменность, закрепленное в ст. 10 п. 2, главы II Закона РФ «О языках народов Российской Федерации», констатирующей, что «Каждый народ Российской Федерации, не имеющий своей письменности, обладает правом создавать письменность на родном языке. Государство обеспечивает для этого необходимые условия»¹, не реализовано в отношении четырнадцати дагестанских языков, не имеющих до настоящего времени официальной письменности: андийского (число назвавших родным в 2020 г. – 21 150 чел.), арчинского (1 712 чел.), ахвахского (7 521 чел.), багвалинского (2 297 чел.), бежтинского (8 138 чел.), ботлихского (5 073 чел.), гинухского (635 чел.), годоберинского (3 021 чел.), гунзибского (3 466 чел.), каратинского (9 549 чел.), тиндинского (4 457 чел.), хваршинского (3 296 чел.), цезского (17 574) и чамалинского (5 171 чел.)². Федеральным законом гарантируется создание условий для разработки алфавитов для миноритарных этносов и вовлечения их в реализацию государственных программ по сохранению, изучению и развитию языков.

Эти четырнадцать языков, объединяемые термином «бесписьменные языки Дагестана», в некоторых сферах отчасти выполняют функции письменных языков, что будет освещено далее в статье. Их носители для письма используют графические знаки литературного аварского языка, в ряде случаев – других дагестанских языков. Некоторые уже имеют стихийно выработанную систему письма, другие находятся на стадии ее разработки. Это объективный процесс, который нельзя остановить волей или произволом чиновников, и надо предполагать, что в будущем может возникнуть проблема «узаконивания» практически созданных и внедренных алфавитов для миноритарных этносов.

Начало письменной фиксации дагестанских языков можно связать с появлением агванского письма, разработанного в Кавказской Албании, включавшей и некоторые территории нынешнего Дагестана. По мнению кавказоведа А.Г. Шанидзе, «расцветом албанской письменности надо считать V–VIII вв., когда албаны во всех областях политической и культурной жизни Кавказа принимали деятельное участие вместе с грузинами и армянами. Письменность эта продолжала еще долго существовать, и после покорения страны арабами» [1, с. 4]. Фонетическое богатство албанского языка (более пятидесяти знаков-обозначений) служило подтверждением его составления на базе одного из дагестанских языков (удинского или собственно албанского).

Следующий период письменной фиксации дагестанских языков был связан с проникновением в Дагестан христианской религии, одним из проявлений которой являлось распространение грузинской письменности, в особенности в регионе, населенном преимущественно аварцами. «История письменности у аварцев, – пишет в этой связи Ш.И. Микаилов, – игнорирующая гипотезу существования у них грузинской письменности, будет, по меньшей мере, дефектна» [2, с. 28].

Однако процесс христианизации характеризовался параллельным проникновением ислама в Дагестан. Борьба разных идеологий длилась долго, велась с попеременным успехом, и после утверждения ислама процесс распространения грузинской письменности был полностью остановлен в связи с появлением письменности, основанной на арабской графике. Многочисленные рукописи и эпиграфические памятники, представленные в Дагестане, показывают, что попытки приспособления арабографического письма к особенностям фонетики дагестанских языков предпринимались еще в XIII–XIV вв.

По словам М.-С.Д. Саидова, «самые ранние записи аварских слов арабскими буквами мы встречаем в завещании аварского феодала Андуника, сына Ибрагима, своему племяннику и наследнику Булач-Нуцалу, написанном известным арабистом Алимизой из Анди в 1485 г. Завещание, написанное на арабском языке, содержит шестнадцать аварских слов. Таким образом, перед нами письменный памятник XV века» [3, с. 124]. Отсутствующие в арабском алфавите эквиваленты аварских букв заменены «близкими по произношению к аварским» без использования диакритических знаков.

Однако арабская система письма не могла отразить все особенности языков Дагестана. Как известно, в фонетических системах дагестанских языков представлено более 40 звуков, тогда как в арабском языке – 28. Письменность на аджаме относительно активно функционировала до конца 20-х гг. XX века.

¹ Закон о языках народов Российской Федерации. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/. Дата обращения: 10.09.2025.

² Всероссийская перепись населения 2020 года. Том. 5. Национальный состав и владение языками. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul. Дата обращения: 10.09.2025.

Следует упомянуть и о предпринятых П.К. Усларом в 1861 г. попытках создания азбук, букварей, хрестоматий и учебных пособий для некоторых кавказских языков. При этом он предлагал взять за основу русский алфавит, приспособленный для горских языков, названный им «кавказским» [4]. Однако этот проект просуществовал недолго и к началу 1900-х годов был полностью забыт.

В августе 1928 г. в Дагестане был введен латинизированный алфавит, а в 1937 г. республиканскими властями было принято решение о введении алфавита на кириллической основе, реализованное в 1938 г. путем утверждения разработанных Правительственной комиссией ДАССР новых проектов алфавитов для дагестанских языков. При создании алфавитов были использованы буквы ь (мягкий знак) и ь (твёрдый знак) для обозначения букв, передающих специфические звуки. Кроме того, в составе некоторых диграфов был использован знак «І» (кавказская палочка), отсутствующий в русском алфавите.

Процесс перехода на алфавит, основанный на системе графических знаков русского языка, осуществлялся безболезненно, чего нельзя сказать о предшествующем этапе перехода от арабского к латинизированному алфавиту. Несомненно, этому способствовал и накопленный опыт смены графических основ, осуществленной десятилетие назад.

Следующий этап в создании письменности связан с тремя малочисленными этносами – агулами, рутулами и цахурами, для которых в 1990 г. постановлением Совета Министров ДАССР были утверждены алфавиты на базе кириллицы. Это событие является свидетельством позитивных перемен в национальном самосознании носителей новописьменных языков, реализовавших право на статус письменных языков.

Необходимо отметить интересную историю цахурского письма: в 1934 г. А.Н. Генко составил алфавит на основе латиницы, который функционировал до 1938 г. и использовался в начальном обучении. Для этой цели были изданы восемь учебников. В процессе перехода алфавитов дагестанских языков на кириллицу цахурский язык не участвовал, в результате чего изучение родного языка в школе было возобновлено в 1990 г. В Азербайджанской Республике с 1996 г. функционирует цахурский алфавит на основе латиницы и издан «Букварь». За треть века на этих языках изданы учебники для начальной школы; издаются республиканские общественно-политические газеты, регулярно транслируются теле- и радиопередачи.

Таким образом, в становлении и развитии графических систем дагестанских литературных языков можно выделить три наиболее важных этапа, имеющих разную степень значимости и охвата языков: 1) письменность на основе аджама (с XIII в. до 30-х годов XX в.); 2) письменность на основе латиницы (1928-1938 гг.); 3) письменность на основе кириллицы (1938 г. и 1990 г.).

История изучения вопроса

Аспектам возникновения и создания письменности для дагестанских языков посвящены научные труды отечественных лингвистов: М.-С.Д. Саидова «Из истории возникновения письменности у народов Дагестана» [3], М.М. Гаджиева «Вопросы письменности дагестанских языков» [5], А.А. Исаева «О формировании и развитии письменности народов Дагестана» [6], З.А. Магомедовой «Письменность в Дагестане: из истории развития» [7] и др.

Наиболее существенными научными разработками по исследуемой теме являются статьи М.Е. Алексеева «О некоторых аспектах создания алфавитов бесписьменных языков народов России» [8], М.Е. Алексеева и Р.Н. Раджабова «Предпосылки создания цезской письменности» [9], Б.М. Атаева, М.О. Ибрагимовой «Прогнозирование сценариев развития бесписьменных дагестанских языков в многоязычном регионе» [10], А.С. Хорошкиной «О создании письменности для двух бесписьменных дагестанских языков» [11] и некоторые статьи обобщающего характера: Т.Б. Агранат «Создание письменности как последний шанс для ревитализации языка» [12], М.А. Колесник, М.Г. Смолина «Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов» [13] и др.

Авторы этих научных исследований приходят к неоднозначным выводам. Так, М.Е. Алексеев полагает, что «в основе письменности андо-цезских народов должна лежать аварская система письма, причем не только потому, что она изучается в школе, но и потому, что она достаточно близка к ним и хорошо отражает их фонологические особенности», и предостерегает от постановки во главу угла

факторов «экономической целесообразности, что, мы имели возможность не раз убедиться, приводит к потере духовных ценностей и, в конечном счете, к экономическим потерям тоже» [8, с. 254].

Интересным и перспективным кажется мнение лингвиста о допустимости и «разумности» диалектных вариантов письменности, «а при возможности единые системы письма с диалектными разновидностями, учитываемыми в единых букварях». [8, с. 257]. Некоторые проблемы, обозначенные в статье М.Е. Алексеева и связанные с размышлениями о вводе латинских букв или практическом применении арабской графики, потеряли актуальность после принятия пункта 6 статьи 3 Закона о языках Российской Федерации, введенного Федеральным законом от 11.12.2002³.

Характеризуя опыт разработки алфавитов для двух одноаульных языков – арчинского и хиналугского – М.А. Колесник и М.Г. Смолина приходят к выводам: 1) о влиянии письменности, взятой за основу (в данном случае – аварской и азербайджанской соответственно), на вновь создаваемую, 2) о наличии разницы в требованиях к алфавитным системам, обусловленным различиями в письменных традициях окружающих языковых сообществ [13].

Т.Б. Агранат, описывая стадию отсутствия возможности передачи языка в естественной среде, отмечает: «И тогда последняя надежда на сохранение и ревитализацию языка возлагается на его преподавание, для успешности которого необходимо создать адекватные учебники и, конечно, письменность, если язык бесписьменный» [12].

Прогнозируя сценарии развития бесписьменных дагестанских языков, Б.М. Атаев и М.О. Ибрагимова отмечают, что этносам, обеспокоенным угрозой исчезновения родного языка, больше следует ратовать за создание необходимых условий для сохранения и развития исторических ареалов их компактного проживания [10, с. 39].

Основная часть

На сегодняшний день как в некоторой степени условный и не совсем корректный можно квалифицировать термин «бесписьменные» применительно к андо-цезским и арчинскому языкам.

Говорить о полном отсутствии письменности не позволяет ряд обстоятельств:

- подготовлены и изданы национально-русские словари на двенадцати андо-цезских языках (кроме андийского); на основе одного из говоров гагатлинского Х.С. Салимовым составлен андийско-русский словарь [14];

- существует несколько словарей и грамматических очерков арчинского языка, составленных в разные годы (1908, 1977, 2007), предпринимались попытки создания алфавита для арчинцев А.М. Дирром [15], А.Е. Кибриком, С.В. Кодзасовым, И.П. Оловянниковой и Д.С. Самедовым [16], Суррейской морфологической группой [17], в России и за рубежом (в переводе на русский и английский языки) изданы оригинальные тексты XVIII–XIX вв., написанные арчинскими шейхами и алимами на аварском, арабском и арчинском языках [18; 19];

- изданы научные грамматики на всех андо-цезских языках, в том числе – иностранными учеными: в 1995 г. в Голландии Хельмой ван ден Берг на английском языке была опубликована большая грамматика гунзибского языка с текстами и гунзибско-английским словарем, содержащим около 2000 слов [20];

- на андийском языке имеются рукописные тексты песен, плачей, а также большой текст мавлида (на гагатлинском диалекте) в поэтическом жанре, сочиненный и записанный на аджаме Маххулафом Гагатлинским еще в XIX в.; материалы собственно андийского языка мы находим также и в двухтомном труде известного ориенталиста Ю. Клапрота [21], который содержит параллельные переводы слов и фраз на андийском и аварском языках, записанные в ходе его экспедиции 1807–1808 гг. и изданные в Берлине на немецком языке. Здесь же надо отметить и грамматический очерк андийского языка А.М. Дирра с богатым текстовым материалом, изданный более ста лет назад [22]; в 1949 г. Л.И. Жирковым изданы «Ахвахские сказки» [23];

- в последние годы исследователями-носителями языка изданы учебные пособия, сборники фольклора на некоторых андийских языках, в том числе «Ахвахский фольклор. Ашвалги маче-кици» И.А. Абдулаевой [24]; учебное пособие «Говорим на каратинском языке / Kikirliljel'yl g'oda»

3 <https://base.garant.ru/185305/> Дата обращения: 15.10.2025.

Р.Ш. Халидовой [25] и др. Создание такого рода пособий и на остальных андийских языках стало бы важным фактором сохранения языка, самобытной региональной культуры и фольклора, укрепления самосознания, и осознания той роли, которую они органично занимают в составе аварского народа и в родственном кругу других народов Дагестана;

- большая работа проделана в области цезских языков, в частности, М.Е. Алексеевым составлен экспериментальный вариант учебника «Алипи. Букварь цезского языка», изданный Институтом национальных проблем образования министерства образования РФ в 1993 г. [26];

- на андийский, бежтинский и цезский языки переведены и изданы библейские тексты (Евангелие от Луки, Книга Притчей Соломоновых, Евангелие от Иоанна и др.);

- на некоторых андо-цезских языках выпускаются газеты, сборники стихов и фольклора, ведется активная переписка. Так, с 1993 г. издается газета «Дидойские вести», в которой часть материалов публикуется на цезском (дидойском) языке посредством знаков аварского алфавита; газета «Андийцы», являющаяся рупором одноименной общественной организации, печатает на нерегулярной основе материалы на андийском и русском языках; общественно-политическая газета «Ашвадо» («Ахвахцы») публикует материалы на русском, ахвахском и аварском языках;

- серьезную лепту в дело сохранения и популяризации родных бесписьменных языков вносят и религиозные деятели, читающие проповеди, печатающие толкования и переводы религиозных текстов;

- языковые активисты создают в социальных сетях группы по сохранению и популяризации языков, по обсуждению законов о языках, произведений, проблем составления словарей разного типа, трактовки слов, терминов, паремий. Общение в группах – посты и комментарии к ним, порой дискуссионного характера – осуществляется на родных языках.

И это далеко не полный перечень достижений в области миноритарных дагестанских языков.

Рано или поздно, но обязательно возникнет вопрос о практическом внедрении письменности для носителей миноритарных языков. На наш взгляд, нельзя противиться тому факту, что названные этносы, имеющие свой обособленный язык, стараются писать и пишут на родном языке, используя при этом знаки аварского алфавита. Тот факт, что андо-цезские этносы остаются бесписьменными, повлиял на придание аварскому статусу языка обучения в начальной школе с 30-х гг. XX в. М.М. Магомедханов квалифицирует продуктивное использование авароязычной письменности андо-цезскими народами как показатель их особой культурной идентичности с аварцами [27].

У арчинцев несколько раз менялся язык обучения: с 30-х гг. прошлого века обучение в арчинской начальной школе осуществлялось на лакском языке, а с 40-х гг. XX века обучение перевели на аварский язык, который на сегодняшний день преподается как учебный предмет. В настоящее время у всех бесписьменных народов языком обучения является русский.

Опыт создания алфавитов для новописьменных (агульского, рутульского и цахурского) языков свидетельствует о допустимости и возможности этого процесса и для других «малых» народов, т.к. прецедент уже создан, пути решения многих проблем найдены, этапы реализации статуса письменных языков разработаны.

В современном обществе все этносы, безусловно, должны иметь, если не равные возможности, то хотя бы равные права. Более того, представители многочисленного народа просто обязаны стараться защитить и сохранить исчезающие языки малочисленных этносов, положение которых вызывает серьезную озабоченность. Здесь следует заметить, что андо-цезские и арчинский языки в настоящее время сохраняют неплохие перспективы к сохранению и дальнейшему функционированию: достаточно указать в связи с этим лишь на один показатель – дети дошкольного возраста здесь владеют практически лишь родным языком, приобщаясь к двуязычию только со школьных лет.

Общественно-культурный уровень малых народов, по мнению их представителей, в частности – языковых активистов, позволяет говорить об их готовности к принятию письменности. В лингвистическом аспекте проблема создания письменности решаема, реализацию ее в экономическом аспекте должны предварять решения, принимаемые на общественно-политическом уровне.

Для создания учебной литературы, принятия и внедрения орфографических норм, составления и издания разного рода словарей, республиканских газет, трансляции теле- и радиопередач на новописьменных языках, подготовки квалифицированных кадров нужна серьезная материально-техническая база. В этом контексте возникает вопрос о целесообразности создания письменности для одно-аульных языков – гинухского, гунзибского, годоберинского, арчинского и др.

Немаловажное значение имеет и готовность языкового сообщества к процессу принятия письменности, ее активному использованию в разных сферах. Представители миноритарных народов, ратующие за придание языку статуса письменного, не всегда реально представляют количественный состав и последовательность мероприятий, сопровождающих этот процесс.

«Известный тезис о том, что любой из языков народов мира, в том числе бесписьменный, имеет потенциальные возможности развития до наивысших социально-коммуникативных и социально-культурных уровней, не следует понимать буквально. Существуют еще и демографические, экономические, социолингвистические и другие реалии, которые не всем и не всегда удается приводить в соответствие с привлекательными теоретическими моделями или виртуальными схемами управления этноязыковыми процессами. Иными словами, вне социологического и макро-культурного контекста, попытки оживить функционально депрессивные языки или наделить языки ранее не свойственными им функциями, вряд ли окажутся эффективными и перспективными»⁴.

Вопросы, которыми задаются лингвисты, этнографы и политики, касаются наличия практической целесообразности для создания письменности. В данном случае важно прогнозировать сферы ее употребления и те лакуны в общественных функциях, которые предстоит заполнить в перспективе. Не следует обольщаться перспективой масштабных положительных последствий этого процесса и забывать узкие рамки функционирования этих языков.

Одной из главных причин необходимости создания письменности исследователями признана необходимость фиксации исконного лексического фонда, который может быть утрачен в условиях конкуренции с более развитыми языками, но факт наличия у большей части миноритарных языков словарей, грамматик, фольклорных сборников отчасти нейтрализует этот довод. При этом нельзя забывать, что механическая фиксация словарного фонда не способна заменить образцы живой речи, отражающей культурную, ментальную, языковую картины мира малых народов.

При создании алфавитов специалисты, как правило, опираются на базовый диалект, с выбором которого согласны не все носители языка. Унификация и стандартизация лексики и грамматики языка на базе одного из идиомов негативно сказывается на реализации диалектного разнообразия. Кроме того, создание письменности для четырнадцати миноритарных этносов может породить и конфликтный очаг со стороны носителей дистантных диалектов (к примеру, кубачинского и кайтагского идиомов даргинского языка), добивающихся придания им статуса языков.

Прошлый опыт позволяет констатировать, что социально-культурные ожидания от создания письменности также не всегда оправдываются в полной мере. Да, народы реализовывают свои конституционные права, повышают статус, расширяют возможности для популяризации языка, при этом письменность сама по себе не гарантирует сохранение и развитие языка, не избавляет от проблем глобализации и унификации культур и языков.

Заключение

Для создания письменности для миноритарных этносов на современном этапе нет серьезных преград – имеется относительно недавний (1990 г.) положительный опыт официального утверждения письменности для трех ранее бесписьменных малочисленных народов – агулов, рутулов, цахуров, следуя которому можно поступательно решать возникающие теоретические и практические задачи.

Языковые активисты, представляющие миноритарные этносы, собственными силами или привлекая специалистов, не дожидаясь придания официального статуса письменности, на основе алфавитов более статусных языков (в частности – аварского) фиксируют фольклорные тексты, поэзию и т.д., а в некоторых случаях – и обычную речь с целью сохранения языка во всех его проявлениях. Меценаты, общественные деятели, не имеющие возможности помочь интеллектуально, финансируют издание печатной продукции.

Нужно понимать, что принятие алфавита не гарантирует установление письменных традиций, это обусловлено не волей этноса, а исторически сложившейся ситуацией, в рамках которой описываемые

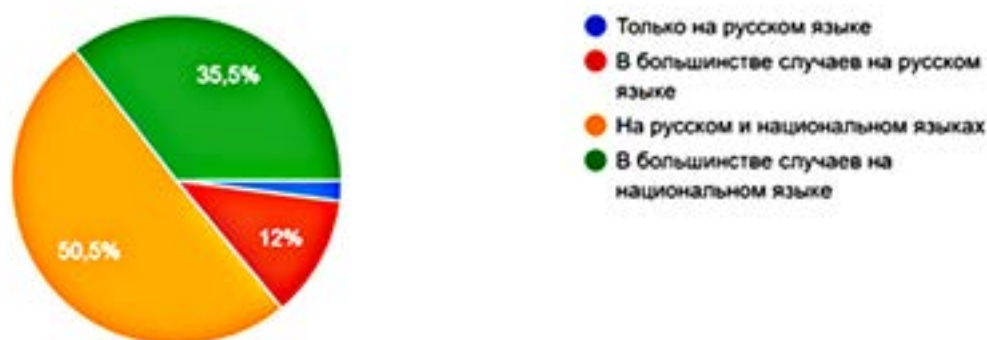
4 В 1990-е гг. в Дагестане национальные (этнические) движения и «фронты» делали громкие декларации и «программные заявления» о бедственном положении национальных языков и т.д., но конечный социолингвистический эффект этой политической шумихи оказался, в конечном итоге, нулевым.

миноритарные народы использовали аварский в качестве языка межнационального общения в аваро-андо-цезском ареале и учебного предмета в школах. В современный период эти функции постепенно переходят к русскому языку, как и функция языка повседневного общения.

Согласно статистическим данным, собранным А.Н. Биткеевой, Б.М. Атаевым и С.В. Кириленко в рамках международного проекта РФФИ «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)» в 2021 г. в Республике Дагестан у двухсот информантов в возрасте от 18 до 25 лет, в сельской местности в повседневной жизни половина респондентов общается в большинстве случаев на русском и национальном языках, чуть более трети – на национальном языке, а 12 % опрошенных назвали предпочтительным языком русский.

В повседневной жизни Вы общаетесь:

200 ответов



Создание письменности способно в некоторой мере восстановить правовой баланс, стабилизировать языковую ситуацию в многоязычном ареале и активизировать фиксацию самобытной лексики миноритарных народов. Что касается способов консолидированного принятия решения о создании письменности: вероятно, следует ориентироваться на мнение большей части носителей языка.

Тот факт, что языковой вопрос в Республике Дагестан не урегулирован на законодательном уровне (не принят «Закон о языках Дагестана»), служит еще одной препоной для решения проблемы сохранения языков и причиной социальных конфликтов.

Опыт прошлых лет показывает, что проблемы исчезновения языков невозможно решить принятием законодательных актов: утверждением алфавитов, увеличением часов на преподавание в школах и т.д. Но нельзя отрицать того факта, что миноритарные этносы нуждаются в повышенном внимании и специальных мерах по сохранению культуры, языка и идентичности в целом. К такого рода мерам относится создание благоприятных условий для компактного проживания народностей на своих исконных территориях, что позволит сохранить самобытную языковую среду, отражающую ландшафтные, культурные, религиозные реалии миноритарных этносов. Языковой сдвиг происходит в основном в переселенческих селах, а в местах традиционного проживания носителей дагестанских языков эти процессы встречаются гораздо реже.

Глобализация, без сомнения, затронет все народы и сузит круг их языковых и культурных функций, снизит численность носителей, качество и уровень владения языком, но не вытеснит окончательно родной язык этноса, проживающего веками компактно на определенной территории.

На фоне необходимых экономических вливаний в проект обеспечения в перспективе материальной и социокультурной привлекательности регионов, в которых проживают миноритарные этносы, уже кажутся не столь существенными материальные затраты на создание письменности, включающие в том числе и интеллектуальную составляющую по созданию учебной литературы и лексикографических источников, сбору, систематизации фактического материала.

Придание статуса письменности для языка – это путь к возрождению культуры этноса. Главное на этом пути – пробуждение этнического самосознания, социальная востребованность знания языка, умения писать на нем, создание экономических и социальных условий, способствующих сохранению языков и культур миноритарных этносов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20170, <https://rscf.ru/project/25-28-20170/>

Funding. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 25-28-20170, <https://rscf.ru/project/25-28-20170/>

"Алип"

Алипол.
"АА-МР"

1	2	3	4	5	6	7	8	9
А	Б	В	Г	ГІ*	Гъ	Гь	ГЫ ¹	Д
(а, аһи)	(би)	(ви)	(ги)	(гін)	(гън)	(гьн)	(гыгън)	(дн)
10	11	12	13	14	15	16	17	18
Е**	Ж	Жь ¹	ЖЫ ³	З	И	Й	К	КІ
(йе, йа)	(жн)	(жън)	(жыжън)	(зн)	(ин)	(йн)	(кн)	(кін)
19	20	21	22	23	24	25	26	27
Къ	Кь	КЫ ¹	Л	ЛІ ¹	Ль ¹	Ль ²	ЛЫ ¹	М
(кън)	(кьн)	(кыкын)	(лн)	(лӀ)	(лън)	(лън)	(лыгън)	(мн)
28	29	30	31	32	33	34	35	36
Н	О	П	ПІ ¹	Р	С	Т	ТІ	У
(нн)	(о)	(пн)	(пін)	(рн)	(сн)	(тн)	(тін)	(ун)
37	38	39	40	41	42	43	44	45
Ф*	Х	ХІ*	Хъ	Хь	Ц	ЦІ	ЦЫ ¹⁰	Ч
(фн)	(хн)	(хін)	(хън)	(хьн)	(цн)	(цін)	(цыцін)	(чн)
46	47	48	49	50	51	52	53	54
ЧІ	ЧЫ ¹⁰	Ш	Щ	Ъ	Ь	І	Э	Ю
(чин)	(чычин)	(шн)	(щн)	(бешия анжж)	(лъуна анжж)	(бешия мизъур)	(э)	(йу)
55								

Рис. 1. Букварь андийского языка Р.М. Ибрагимова

Fig. 1. The Andi language primer by R.M. Ibragimov



Рис. 2 Обложка книги М.Ш. Халилова «Язык, фольклор и этнография бежинцев»

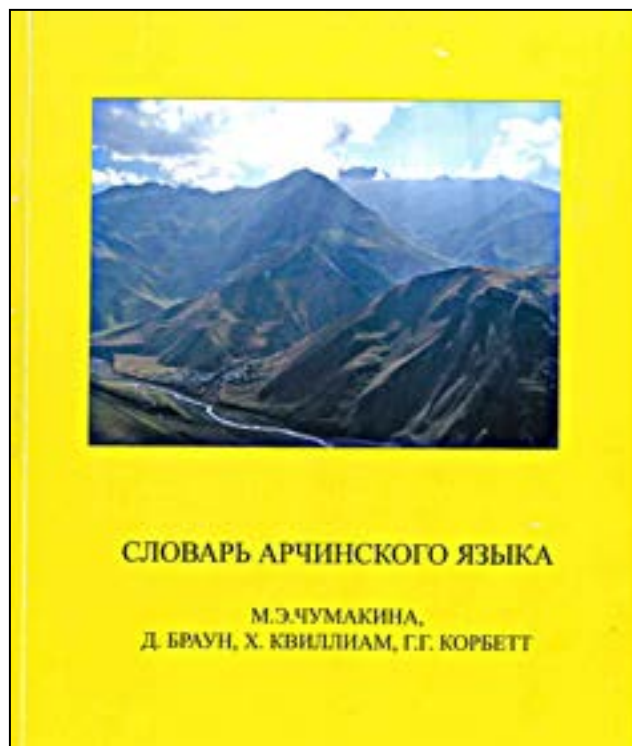


Рис. 3 Обложка «Словаря арчинского языка»

Fig. 2. Cover of the book «Language, Folklore, and Ethnography of the Bezhtins» by M.Sh. Khalilov.

Fig. 3. Cover of the «Archi language dictionary»



Рис. 4 Страница из «Букваря цезского языка»

Fig. 4. A page from the «Tsez language primer»



Рис. 5 Цезский алфавит, созданный М.Е. Алексеевым

Fig. 5. The Tsez alphabet created by M.E. Alekseev

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шанидзе А.Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки // Изв. ИЯИМК Груз. филиала АН СССР. 1938. Т. IV. С. 1–68.
2. Микаилов Ш.И. К вопросу о путях образования и развития аварского литературного языка // Языки Дагестана. Вып. II. Махачкала: Дагучпедгиз, 1954. С. 3–55.
3. Саидов М.-С.Д. Из истории возникновения письменности у народов Дагестана // Языки Дагестана. Вып. III. Махачкала: Дагучпедгиз, 1976. С. 121–133.
4. Услар П.К. О составлении азбук кавказских языков // Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887. С. 45–60.
5. Гаджиев М.М. Вопросы письменности дагестанских языков // Языки Дагестана. Вып. II. Махачкала: Дагучпедгиз, 1954. С. 56–83.
6. Исаев А.А. О формировании и развитии письменности народов Дагестана // Социологический сборник. Вып. 1. Махачкала, 1970. С. 173–232.

REFERENCES

1. Shanidze AG. The newly discovered alphabet of the Caucasian Albanians and its significance for science. *Bulletins of the Institute of Language, History and Material Culture of the Georgian Branch of the USSR AS*. 1938; 4: 1-68. (In Russ)
2. Mikailov Sh.I. On the paths of formation and development of the Avar literary language. *Languages of Dagestan*. 1954; 2: 3-55. (In Russ)
3. Saidov M.-S.D. From the history of the emergence of written language among the peoples of Dagestan. *Languages of Dagestan*. 1976; 3: 121-133. (In Russ)
4. Uslar PK. On the compilation of alphabets for Caucasian languages. *Ethnography of the Caucasus. Linguistics. I. The Abkhaz Language*. Tiflis, 1887:45-60. (In Russ)
5. Gadzhiev MM. Questions of the written language of Dagestani languages. *Languages of Dagestan*. 1954; 2: 56-83. (In Russ)
6. Isaev AA. On the formation and development of the written language of the peoples of Dagestan. *Sociological Collection*. 1970; 1: 173-232. (In Russ)

7. Магомедова З.А. Письменность в Дагестане: из истории развития // АСТА HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и общественным наукам. 2018. № 1. С. 69–71.
8. Алексеев М.Е. О некоторых аспектах создания алфавитов бесписьменных языков народов России // Res linguistica. М.: Academia, 2000. С. 248–259.
9. Алексеев М.Е., Раджабов Р.Н. Предпосылки создания цезской письменности // Caucasian Perspectives / G.Hewitt (ed.). Unterschleissheim. München: Lincom Europa, 1992. P. 372–376.
10. Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Прогнозирование сценариев развития бесписьменных дагестанских языков в многоязычном регионе // Социолингвистика. 2021. № 3 (7). С. 26–40.
11. Хорошкина А.С. О создании письменности для двух бесписьменных дагестанских языков // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 4. С. 98–107.
12. Агранат Т.Б. Создание письменности как последний шанс для ревитализации языка // Язык как он есть: Сборник статей к 60-летию Андрея Александровича Кибрика. М.: Буки Веди, 2023. С. 301–306.
13. Колесник М.А., Смолина М.Г. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 4. С. 41–53.
14. Салимов Х.С. Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. 420 с.
15. Дирр А.М. Арчинский язык: Грамматический очерк, тексты, сборник арчинских слов с русским к нему указателем. Тифлис, 1908.
16. Арчинский язык: Тексты и словари / Сост. А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловянникова, Д.Е. Самедов; Под общ. ред. В.А. Звегинцева; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 392 с.
17. Чумакина М.Э., Браун Д., Квиллиам Х., Корбетт Г.Г. Словарь арчинского языка (арчинско-русско-английский). Махачкала: Деловой мир, 2007. 410 с.
18. Магомедханов М.М. Образцы письменности арчинцев // Антропологический форум. 2009. № S11. С. 1–47.
19. Magomedkhanov M.M. Six unpublished works in the archi arabic and avar languages // Written Culture in Daghestan. Edited by Moshe Gammer. Sastamala, 2015. P. 81–120.
20. Berg H. van den. A grammar of Hunzib: (with texts and lexicon) / Helma van den Berg. München; Newcastle: Lincom Europa, 1995. 366 p.
21. Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, untermommen in den Jahren 1807 u 1808 ... Halle und Berlin. I Bd. 1812, II Bd. 1814.
22. Дирр А.М. Краткий грамматический очерк андийского языка с текстами, сборником андийских слов и русским к нему указателем // СМОМПК. Вып. 36. Отд. IV. Тифлис, 1906. 200 с.
23. Жирков Л.И. Ахвахские сказки. В кн. Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. II. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.
24. Абдулаева И.А. Ахвахский фольклор. Ашвалги маче-кици. Тбилиси, 2022. 332 с.
25. Халидова Р.Ш. Говорим на каратинском языке / Кикирлелгыл гьода. Махачкала: Издательство «Лотос», 2021. 240 с.
26. Алексеев М.Е. Алипби. Букварь цезского языка. М., 1993. 45 с.
27. Магомедханов М.М. Дагестанцы: грани идентичностей (этноязыковой и социально-культурный аспекты) // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 138–148.
7. Magomedova Z.A. Written language in Dagestan: from the history of development. ACTA HISTORICA: Works on History, Archaeology, Ethnography and Social Studies. 2018; 1: 69–71. (In Russ)
8. Alekseev M.E. On some aspects of creating alphabets for unwritten languages of the peoples of Russia. Res Linguistica. Moscow: Academia, 2000:248–259. (In Russ)
9. Alekseev M.E., Radzhabov R.N. Prerequisites for the creation of Tsez written language. Caucasian Perspectives, G. Hewitt (ed.). Unterschleissheim, München: Lincom Europa, 1992: 372–376. (In Russ)
10. Ataev B.M., Ibragimova M.O. Forecasting development scenarios for unwritten Dagestani languages in a multilingual region. Sociolinguistics. 2021; 7(3): 26–40. (In Russ)
11. Khoroshkina A.S. On the creation of a written language for two unwritten Dagestani languages. Moscow University Philology Bulletin. 2012; 4: 98–107. (In Russ)
12. Agranat T.B. Creating a written language as a last chance for language revitalization. Language as It Is: Collection of Articles for the 60th Birthday of Andrey Aleksandrovich Kibrik. Moscow: Buki Vedi, 2023: 301–306. (In Russ)
13. Kolesnik M.A., Smolina M.G. Domestic practices of preserving the cultural heritage of unwritten peoples. Siberian Anthropological Journal. 2018; 2(4): 41–53. (In Russ)
14. Salimov Kh.S. The Gagatli dialect of the Andi language. Makhachkala: IHLL DSC RAS, 2010. (In Russ)
15. Dirr A.M. The Archi language: a grammatical sketch, texts, and a collection of Archi words with a Russian index. Tiflis, 1908. (In Russ)
16. The Archi language: texts and dictionaries, comp. by A.E. Kibrik, S.V. Kodzasov, I.P. Olovyanikova, D.E. Samedov; ed. by V.A. Zvegintsev. Moscow: MSU Publ., 1977. (In Russ)
17. Chumakina M.E., Brown D., Quilliam H., Corbett G.G. Dictionary of the Archi language (Archi-Russian-English). Makhachkala: Delovoy Mir, 2007. (In Russ)
18. Magomedkhanov M.M. Samples of Archi written language. Anthropological Forum. 2009; 11: 1–47. (In Russ)
19. Magomedkhanov M.M. Six unpublished works in the Archi Arabic and Avar languages. Written Culture in Daghestan, ed. by M. Gammer. Sastamala, 2015:81–120. (In Russ)
20. Berg H. van den. A grammar of Hunzib: (with texts and lexicon). München, Newcastle: Lincom Europa, 1995.
21. Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, untermommen in den Jahren 1807 u 1808. Halle und Berlin, 1812–1814. 2 vols.
22. Dirr A.M. A brief grammatical sketch of the Andi language with texts, a collection of Andi words, and a Russian index. Collection of Materials for the Description of Places and Tribes of the Caucasus (SMOMPK). 1906; 36(4). (In Russ)
23. Zhirkov L.I. Akhvakh fairy tales. Languages of the North Caucasus and Dagestan. Vol. II. Moscow-Leningrad: USSR AS Publ., 1949. (In Russ)
24. Abdulaeva I.A. Akhvakh folklore. Ashvalli mache-kitsi. Tbilisi, 2022. (In Russ)
25. Khalidova R.Sh. We speak Karata / Kikfirlililil gloda. Makhachkala: Lotos Publ., 2021. (In Russ)
26. Alekseev M.E. Alipbi. ABC book of the Tsez language. Moscow, 1993. (In Russ)
27. Magomedkhanov M.M. Dagestanis: borders of identities (ethno-linguistic and socio-cultural aspects). Ethnographic Review. 2009; 6: 138–148. (In Russ)

Поступила в редакцию 10.11.2025
 Принята в печать 22.12.2025
 Опубликована 30.06.2026

Recieved 10.11.2025
 Accepted 22.12.2025
 Published 30.06.2026

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222431-453>



Исследовательская статья

Гаджиев Муртазали Серажутдинович
Доктор ист. наук, проф., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
murgadj@rambler.ru

Абдулаев Абдула Магомедович
Научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
realhigh87@mail.ru

Будайчиев Арсен Лахманович
Научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
arseneihae@yandex.ru

Таймазов Артур Исрапилович
Канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
taymazov_artur@mail.ru

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ КРЕПОСТИ АРКАБАШ

Аннотация. В 2024 г. рамках проекта по строительству и реконструкции автомобильной дороги «Кавказ» были проведены спасательные раскопки крепости Аркабаш, расположенной в одноименном урочище к югу от города Хасавюрт на возвышенной подошве восточных отрогов хребта Салатау. Крепость Аркабаш была выявлена во второй половине 1970-х гг. и отнесена к раннесредневековому времени. Осмотр памятника в 2009 г. установил, что крепость имела подквадратную форму размерами 70×70 м, с закругленными углами, была окружена заплывшим рвом, высота вала доходила до 2,5 м. Вал и культурный слой крепости были противозаконно уничтожены в 2013 г. Полная зачистка территории крепости на уровне материковой поверхности не выявила остатков культурного слоя, пятен хозяйственных ям или иных объектов. Учитывая сохранность памятника, отсутствие культурных слоев и вала, основное внимание было сконцентрировано на исследовании окружавшего крепость рва по всем четырем сторонам. Всего было заложено 6 разрезов рва: по два – на восточной и западной сторонах, по одному – на южной и северной. Во всех разрезах наблюдалось сходное заполнение – средней плотности серый, темно-серый суглинок с карбонатными новообразованиями. Глубина рва на разных участках колебалась от 0,85 м до 2,0 м, ширина – от 5,9 м до 12 м. В заполнении рва выявлен только 21 фрагмент керамической посуды. Находки фрагментов сероглиняной лощеной керамики с плотным тестом без заметных примесей позволяет предварительно датировать памятник албано-сарматским периодом (рубежом эр – первыми веками н.э.).

Ключевые слова: Дагестан; спасательные раскопки; крепость Аркабаш; фортификация; ров; сарматский период

Для цитирования: Гаджиев М.С., Абдулаев А.М., Будайчиев А.Л., Таймазов А.И.
Спасательные раскопки крепости Аркабаш // История, археология и этнография Кавказа. 2026.
22. No 2. С. 431-453. doi.org/10.32653/CH222431-453

EXPEDITIONS

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222431-453>

Research paper

Murtazali S. Gadzhiev
 Dr. Sci., Prof., Chief Researcher
 Institute of History, Archaeology and Ethnography
 Dagestan Federal Research Centre, RAS, Makhachkala, Russia
murgadj@rambler.ru

Abdula M. Abdulaev
 Researcher
 Institute of History, Archaeology and Ethnography
 Dagestan Federal Research Centre, RAS, Makhachkala, Russia
realhigh87@mail.ru

Arsen L. Budaichiev
 Researcher
 Institute of History, Archaeology and Ethnography
 Dagestan Federal Research Centre, RAS, Makhachkala, Russia
arseneihae@yandex.ru

Artur I. Taymazov
 Cand. Sci., Senior Researcher
 Institute of History, Archaeology and Ethnography
 Dagestan Federal Research Centre, RAS, Makhachkala, Russia
taymazov_artur@mail.ru

RESQUE EXCAVATIONS AT THE ARKABASH FORTRESS

Abstract. In 2024, rescue excavations were conducted at the Arkabash Fortress as part of the Caucasus Highway construction and reconstruction project. The site is situated in the eponymous tract south of Khasavyurt, on the elevated foothills of the eastern spurs of the Salatau Range. Originally discovered in the late 1970s and initially dated to the early medieval period, a 2009 survey recorded the fortress as a subsquare structure measuring 70 × 70 m with rounded corners, enclosed by a flooded moat and a rampart up to 2.5 m high. However, both the rampart and the cultural layer were illegally destroyed in 2013. A complete clearing of the fortress territory down to the subsoil revealed no surviving remnants of the cultural layer, utility pits, or other archaeological features. Given this severe state of degradation, research focused primarily on investigating the ditch surrounding the fortress. Six stratigraphic trenches were excavated across the defensive ditch: two each on the eastern and western flanks, and one each on the southern and northern sections. All trenches exhibited a uniform stratigraphic fill consisting of medium-density gray and dark-gray loam with carbonate inclusions. The ditch depth varied from 0.85 to 2.0 m, while its width ranged from 5.9 to 12 m. The ditch fill yielded only 21 fragments of ceramic vessels. Among these, fragments of dense, well-burnished gray-ware pottery with no visible inclusions allow for a tentative redating of the monument to the Albanian-Sarmatian period (the turn of the era to the first centuries AD).

Keywords: Dagestan; rescue excavations; Arkabash Fortress; fortification; ditch; Sarmatian period

For citation: Gadzhiev M.S., Abdulaev A.M., Budaichiev A.L., Taymazov A.I. Rescue excavations of Arkabash fortress. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2 P. 431-453. doi.org/10.32653/CH222431-453

Крепость Аркабаш

Объект культурного наследия федерального значения под названием «Аркабаш-крепость» с датировкой «Раннее Средневековье» был принят на государственную охрану согласно Постановлению Правительства РД № 11 «О внесении дополнений в перечень памятников истории и культуры республиканского значения, подлежащих государственной охране» от 28.01.1997 г. (рис. 2–4) и зарегистрирован в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации под № 051440795800006, учетный № 05-35419.

Памятник был выявлен М.Г. Магомедовым во второй половине 1970-х гг., когда руководимая им Северо-Дагестанская археологическая экспедиция Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР проводила раскопки Андрейаульского городища и одноименного курганного могильника [1, с. 136–137; 2, с. 108–109; 3, с. 128; 4, с. 115–116] и одновременно проводила разведки в окрестностях этих памятников, расположенных в Хасавюртовском районе. Результаты исследований 1970-х гг. были обобщены в монографии М.Г. Магомедова, в которой приведена краткая информация о крепости Аркабаш. Согласно данным исследователя, она является памятником Приморского Дагестана хазарского времени, «расположена в 3 км к югу от г. Хасавюрта в урочище под названием Аркабаш. Она имеет округлую форму диаметром около 50 м. Рельефно сохранившиеся валы на высоту до 3–4 м возвышают крепость над окружающим урочищем. Склоны валов густо поросли травой, а поверхность её и вся округа засеяны зерновыми, поэтому произвести исследование крепости практически невозможно. Тем не менее конфигурация крепости, а также характер защитных сооружений позволяют отнести её к числу аналогичных раннесредневековых памятников Приморского Дагестана» [5, с. 201, № 19]. Аналогичная информация приведена в «Археологической карте Дагестана» [6, с. 119, № 82].

Памятник назван по наименованию урочища Аркабаш, которое, учитывая его морфологию, можно переводить с тюркского как «верхушка склона» (*арка* – «хребет, склон»; *баш* – «верх, вершина, верхушка, макушка» [7, с. 174; 8, с. 86]). На некоторых дореволюционных картах, например, на «Плане земли казенного участка “Аркабаш”», составленной Остроумовым¹ – памятник фигурирует под названием «К. Герменчик», т.е. «курган Герменчик». При этом заметим, что распространенный топоним переводится с тюркского, как «маленькая крепость, крепостица» (*гермен/кермен* + уменьшительный суффикс *чик*). На этой же карте обводящие с двух сторон памятник балки – западная и восточная – носят соответственно наименования Сухая и Воровская.

Остатки крепости Аркабаш находятся ныне за южной окраиной г. Хасавюрт, что обусловлено резким территориальным ростом города, в 230 м к востоку от автомобильной дороги Хасавюрт – Дылым, на высоте ок. 285 м над уровнем моря (рис. 1). Памятник расположен на относительно ровной горизонтальной возвышенной территории на границе Низменного и Предгорного Дагестана у основания северо-восточных отрогов хребта Салатау на Хасавюртовской наклонной равнине (рис. 2, 3), имеющей общий уклон с ЮЗ на СВ. С крепости Аркабаш на значительное расстояние просматривается часть Приморской равнины (рис. 3а). С востока и запада памятника расположены две сухие балки, частично покрытые мелким лесом и кустарником. В северном и восточном направлении следует постепенное понижение к равнине (в сторону г. Хасавюрт) (рис. 3), в южную сторону (в сторону передовых горных отрогов) – плавное повышение.

Крепость имела квадратный план, размерами 70×70 м, с закругленными углами, без башен на углах и линии вала (рис. 2, 3). Как отмечалось выше, по данным М.Г. Магомедова, поросший травой вал крепости возвышался в 1970-х гг. на 3–4 м «..., а поверхность её и вся округа засеяны зерновыми, поэтому произвести исследование крепости практически невозможно» [5, с. 201]. На топографической карте 1954 г., исправленной по аэроснимкам и обследований на месте в 1992 г. крепость обозначена в виде кружка с обводящим валом с обозначением его высоты в 3 м (рис. 1а). На топографической карте съемок 1959 г. с обновлением 1973 г. (рис. 1б) крепость Аркабаш показана в виде немного неправильного квадрата с валом с обозначением его высоты в 2,5 м и высоты внутри памятника 1,0 м над окружающей местностью, т.е. внутренняя территория памятника, очевидно, имела культурный слой толщиной ок. 1,5 м.

¹ План земли казенного участка «Аркабаш» // Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи. Фонд 49. Инв. № 6147.

По данным осмотра остатков крепости сотрудниками Управления охраны памятников Министерства культуры РД в 2009 г., вал имел сохранность до 2,5 м. В 2012 г. было зафиксировано состояние памятника и высота сохранявшегося еще вала до 1,5–2 м. На космоснимке Google Earth с датой съемки 20.07.2011 г. еще виден вал, покрытый растительностью, а территория внутри и в округе крепости имеет следы распахки (рис. 2а). На космоснимках Google Earth, датированных 2013 г. и последующими годами (рис. 2б, 3) вал уже отсутствует, хотя территория памятника, фактически сравненная с окружающей территорией, выделяется следами работы техники и светло-коричневым плотным лёссовым грунтом, представляющим собой рассеянные остатки снесенных вала, на фоне окружающего серозема. На этих же космоснимках, начиная с 2013 г., вся территория урочища поделена на прямоугольники размерами ок. 25,5×5,5 м (14 соток), с разделяющими их грунтовыми дорогами, представляющие собой участки землеотводов под индивидуальные приусадебные участки. В результате этих межеваний, судя по космоснимкам и визуальным наблюдениям, и были противозаконно уничтожены в 2013 г. вал крепости и его культурный слой. Очевидно, что грунт от вала, представляющий собой светло-коричневый материковый лёсс, пошел на изготовление саманного кирпича, из которого строились частные домостроения, активно возводившиеся севернее и северо-западнее памятника. Таким образом, памятник фактически был уничтожен в результате антропогенного воздействия. Отметим, что землеотводы осуществлялись без уведомления и без согласования с республиканским уполномоченным органом охраны памятников истории и культуры в нарушение федерального и республиканского законодательства об охране памятников истории и культуры.

Обратим внимание на то, что на ряде фотографий 2010-х гг. (рис. 2а) и более отчетливо на фотографиях 2020-х гг. (рис. 2б, 3) остатки крепости, представляющей подквадратное, чуть возвышающееся (до 0,5 м) светло-коричневое пятно, выделяющееся на окружающем фоне, обводит зеленоватый пояс, фиксирующий остатки полностью заплывшего бывшего рва, окружавшего крепость, и характер заполнения которого благоприятствовал росту травяного покрова. Ширина это рва, обводящего памятник, составляет, судя по фотоснимкам, 5–6 м.

Прежде чем заложить раскоп, территория памятника была осмотрена и было зафиксировано ее почти полное разрушение. Поверхность памятника была сильно повреждена, имела рытвины, следы работы экскаватора, усеяна кусками лёссовой глины от уничтоженного вала. Среди кусков лёсса не обнаружено фрагментов сырцовых кирпичей, что, очевидно, указывает на то, что вал не представлял остатки сырцовых оборонительных стен и возводился насыпкой лёссового грунта, полученного при создании рва. На поверхности памятника были обнаружены невыразительные фрагменты стенок бурой, серо-бурой, коричневой (с серой прослойкой в изломе, с песком в тесте), сероглиняной (рис. 4, 1–5) и столовой и тарной средневековой (или Нового времени) красноглиняной керамики (рис. 4, 7–12). Особо отметим находку в кв. ж-9 фрагмента чашечки курительной, т.наз. турецкой, трубы XVIII – сер. XIX в. (рис. 4, 6).

Раскоп 1

Раскоп 1, размерами 128×84 м (с квадратами размерами 4×4 м), был заложен в соответствии с конфигурацией памятника, с небольшим отклонением к востоку и включил в себя, согласно Техническому заданию, центральную и южную части крепости, в том числе обводящий ров, на площади примерно 2/3 (76×52 м) памятника, и прилегающую с юга и запада территорию (рис. 5а).

На объекте были оставлены две взаимно перпендикулярно пересекающиеся контрольные бровки (рис. 5а) шириной 1 м каждая, проходящие почти через центр памятника: бровка 1, продольная, по оси восток-запад, протяженностью 128 м; бровка 2, поперечная, по оси север-юг, протяженностью 84 м. Учитывая практически полное уничтожение объекта, бровки ставили с целью проследить сохранившуюся стратиграфию, уровень залегания материка. Вдоль бровок на соответствующих участках вскрывались и отложения опоясывающего заплывшего рва. Также была произведена прирезка 1, представлявшая собой траншею шириной 1 м и длиной 26 м с целью изучения стратиграфии северного участка памятника за пределами раскопа и рва, окаймлявшего крепость с северной стороны.

Раскопочные работы производились на четырех участках, разграниченных контрольными бровками: юго-восточном, юго-западном, северо-западном и северо-восточном. В результате вскрытия территории крепости и ее полной зачистки в площади раскопа на уровне материкового светло-коричневого,

местами темно-коричневого плотного лёссового грунта, снятого на глубину 1–2 пластов (на отдельных участках до 3–4 пластов), не были выявлены остатки культурного слоя, пятна хозяйственных ям, землянок или иных объектов. Но были зафиксированы и зачищены пятна рва, окружавшего крепость по периметру (рис. 6а).

При зачистке на юго-восточном участке в верхней части материкового лёсса, отложение которого относится к позднеплейстоценовому (ательскому) горизонту (ок. 68–48 тыс. л.н. до 11700–10300 л.н.) и, возможно, представляющего собой горизонт погребенной почвы – аналог трубчевской палеопочвы Восточно-Европейской платформы (ок. 16500 л.н., эпизод потепления Ласко), были обнаружены отходы кремневого производства: кремневый отщеп, первичный, с протяженной ударной площадкой и с рельефным бугорком (рис. 5б, 1), найденный в кв. у-9, пласт 1; дистальный обломок кремневого отщепа (рис. 5б, 2), найденный в кв. у-7, пласт; кремневая чешуйка (рис. 5б, 3), найденная в кв. у-8, пласт 3 (–0,55–0,6 м). Кроме того, в кв. х-5, пласт 1, в слое серого суглинка был найден фрагмент керамического сосуда коричнево-серого цвета (коричневая поверхность с серой подкладкой), с обильной примесью шамота в тесте, с налепом (?) (рис. 5б, 4), вероятно, относящегося к среднему бронзовому веку.

Учитывая сохранность памятника, отсутствие разрушенных в 2013 г. культурных слоев и вала, основное внимание было сконцентрировано на исследовании окружавшего крепость рва по всем четырём сторонам крепости (рис. 6). Всего было заложено 6 разрезов рва: по два – на восточной и западной сторонах, по одному – на южной и северной. Серые полосы рва, окаймлявшего по периметру крепость, выделялись на фоне светло-коричневого материка (рис. 6а).

Разрез 1 рва осуществлен на восточном участке крепости, вдоль северного борта раскопа в кв. а-1, а-2, а-3. Здесь же был вскрыт участок рва на площади 32 кв. м (4×8 м) (рис. 6б, в, 7), который выявил следующую стратиграфическую картину (рис. 7в):

- слой 1 – серый, темно-серый гумусированный, средней плотности суглинок, толщиной 22–30 см, представляющий слой пахоты, в котором изредка встречался современный мусор;

- слой 2 – светлый серый, серо-коричневый, средней плотности мелкозернистый суглинок с включениями карбонатов, осветленный в нижней части, толщиной 68–84 см, плавно переходящий в материк, постепенно утончающийся и исчезающий в западном и восточном направлениях, фиксируя края рва; в верхней части слоя (кв. б-2, пласт 2) найдена грифельная кость МРС с надрезом в верхней утолщенной части и обломанным заостренным нижним концом, возможно, представляющая проколку; слой представляет заполнение рва, образовавшееся после его сооружения;

- материк – светло-коричневый лёсс.

Прослеженная глубина рва с пологими откосами, плавно опускающимися ко дну, достигает макс. 84 см от верха его заполнения, ширина – ок. 8 м. При этом реальная ширина его составляла, с учетом не вскрывавшегося кв. а-1, около 9,0 м. Западный борт рва на данном участке относительно пологий. Никаких находок на данном участке не обнаружено.

Разрез 2 рва также осуществлен на восточном участке крепости, но по обе стороны контрольной бровки 1 в кв. д-1, д-2, д-3 (рис. 8). Здесь тоже наблюдался пахотный гумусированный слой 1, но меньшей мощности (до 10–15 см) вследствие его уничтожения при дорожных работах. Ниже его залегал серый, темно-серый карбонизированный суглинок (слой 2), заполнявший ров. В результате вскрытия участка рва с пологими, слегка наклонными откосами, обходившего территорию крепости с восточной стороны, установлена его ширина, составлявшая ок. 9,0 м при максимальной глубине 104–115 см по центру рва от верха его заполнения.

Разрез 3 рва осуществлен на западном участке крепости, вдоль северного борта раскопа в кв. а-21, а-22, а-23 (рис. 9). Здесь под слоем пахоты (слой 1), толщиной до макс. 26–28 см, следовал аналогичный слой 2, представлявший серый, серо-коричневый в нижней части, средней плотности мелкозернистый суглинок с включениями карбонатов. Толщина слоя 2 в центральной части рва составляет макс. 90–95 см, фиксируя максимальную глубину рва, которая постепенно уменьшается в западном и восточном направлениях. Ширина рва с пологими бортами, с постепенным понижением к центру рва, составила ок. 8,6 м. Из придонной части заполнения рва в кв. а-22, пласт 6, происходит два фрагмента стенок (рис. 11, 1, 2) сосуда со светло-серой (по шкале RAL 7048) лощеной поверхностью и с темно-серым тестом с примесью песчинок. Сосуды (кувшины) с подобными тестом, лощеной поверхностью характерны для керамических изделий албано-сарматского времени.

Разрез 4 рва также осуществлен на восточном участке крепости, по обе стороны контрольной бровки 1 в кв. д-21, д-22, д-23. Здесь наблюдалась в целом аналогичная стратиграфическая картина (рис. 10): под слоем пахоты (слой 1), толщиной макс. 46–50 см, залегал аналогичный слой 2, достигающий в центральной части рва толщины 124–126 см. Борта рва здесь не столь пологие, но плавно опускающиеся ко дну. Прослеженная ширина рва на данном западном участке составляет 7,8–8,0 м. В заполнении рва в кв. д-22, д-23 найдено несколько фрагментов стенок керамических сосудов. В средней части заполнения рва, в пласте 6 найдено 12 фрагментов, в том числе:

- фрагмент стенки коричневоглиняного сосуда с незначительной примесью кварцевого песка в тесте (рис. 11, 3);
- два фрагмента стенок светло-коричневого сосуда с пояском из врезных прямых линий (рис. 11, 4, 5);
- фрагмент стенки светло-коричневого сосуда (рис. 11, 6);
- шесть фрагментов светло-коричневых сосудов хорошего обжига, с плотным тестом и незначительной примесью песка (рис. 101, 10–12, 14, 16);
- фрагмент сосуда с серым тестом и коричневой наружной поверхностью, с примесью шамота в тесте (рис. 101, 13);
- фрагмент невыделенного венчика и горловины коричневого сосуда с серым изломом и примесью шамота в тесте (рис. 15, 7).

Из придонной части рва в кв. д-22, пласты 7, 8 происходит 6 фрагментов сосудов, в том числе:

- фрагмент стенки серо-коричневого сосуда с грубым тестом и примесью шамота (рис. 11, 7);
- два фрагмента стенок кухонного сосуда (горшка) с серо-черным тестом серо-коричневой заглаженной поверхностью и примесью кварцевого песка и (рис. 11, 8, 9);
- два фрагмента стенки сероглиняного сосуда со светло-серой (по шкале RAL 7048) лощеной поверхностью (рис. 11, 1, 2), аналогичного найденным в придонной части в кв. а-22;
- фрагмент стенки сероглиняного лощеного сосуда с плотным тестом без заметных примесей (рис. 11, 16).

Разрез 5 рва был осуществлен на южном участке крепости, по обе стороны контрольной бровки 2 на границе кв. о-14, о-15, п-14, п-15 (рис. 12). Почти на всем протяжении траншей практически сразу за тонким слоем травяного покрова следовал материковый лёсс. Выделявшееся на фоне светло-коричневого материка серое пятно рва, окаймлявшего крепость с южной стороны, было перекрыто перемещенным материковым грунтом, что явилось следствием современного разрушения валов крепости, сооруженных из этого грунта. Вскрытие заполнения рва (рис. 12), представлявшего собой средней плотности серый, темно-серый суглинок с карбонатными включениями, выявило его параметры на данном участке: ширина по верху 5,9 м, глубина по центру 1,75–1,8 м от верха его заполнения. Следует обратить внимание, что в отличие от других участков, где был вскрыт ров, имевший плавные наклонные откосы, на данном участке он имеет более развитый характер: его южный (наружный) откос (контрэскарп) – наклонный, относительно крутой (ок. 45°), противоположный северный (внутренний) откос имеет вертикальный эскарп высотой 1,15–1,4 м (рис. 12), что соответствует правилам фортификационного строительства. Дно рва ровное, горизонтальное, шириной 2,6–3,2 м. Заметим, что южная сторона крепости – это напольная, не обращенная в сторону приморской равнины. В средней части заполнения рва, в пласте 5 обнаружены два лошадиных зуба, в пласте 7 – несколько обломков ребер, трубчатой кости МРС и кость заплюсны КРС. Также в средней части заполнения рва, в пласте 7, найден фрагмент отогнутого венчика красно-коричневого цвета горшка с обильной примесью шамота в тесте и декорированным ногтевыми вдавлениями валиком под венчиком (рис. 11, 18).

Прирезка 1 с разрезом 6 рва (рис. 13, 14), заложенная с целью изучения стратиграфии северного участка памятника (не входящего в зону строительных работ) и рва, окаймлявшего крепость с северной стороны, представляла собой траншею шириной 1 м, длиной 36 м, была проложена в северном направлении, перпендикулярно к северному борту раскопа от границы кв. а-13 и кв. а-14. Следует отметить, что южная часть прирезки (кв. а, б, с, д, е, ф, г, h) нарушена при современном (2013 г.) уничтожении северного участка вала крепости, северный участок прирезки (кв. i, j, k, l, m, n, o, p, q, r) также нарушен поздними (до 2013 г.) земляными сельскохозяйственными работами (глубокая пахота).

Уже при снятии пласта 1 за тонким слоем гумуса в южной части прирезки следовал светло-коричневый плотный лёссовый материковый грунт, в некоторых местах имеющий следы современных

перекопов, в т.ч. с использованием экскаватора. В северной части прирезки, где наблюдалась легкая западина рва, верхние слои (слои 3, 4) представляли соответственно серо-коричневый и серый легкий суглинок с включениями современных твердых бытовых отходов (рис. 13б, 14). В месте слабой западины ниже слоев 3, 4 залегало собственно заполнение рва (рис. 13б, 14): *слой 5* – темно-серый, почти черный, мелкозернистый суглинок, с карбонатными включениями, линзовидной конфигурации, толщиной до $\text{max. } 38\text{--}45\text{ см}$. Южный откос вскрывавшегося участка рва был накрыт *слоем 6*, представлявшим серо-коричневый легкий суглинок с карбонатными включениями, напоминающий смесь материкового грунта с темно-серым заполнением. В результате осуществленного разреза рва были определены его параметры: ширина составила ок. 12 м при глубине по центру $\text{max. до } 2,0\text{ м}$ от верхнего уровня заполнения. При этом северный (наружный) откос рва имеет пологий характер, тогда как у южного (внутреннего) откоса сначала также наблюдается плавное понижение, затем переходящее в достаточно крутой (ок. 45°) эскарп высотой ок. 1,0 м. Не исключено, что наблюдавшийся на данном участке описанный слой 6 (рис. 14б) представлял собой материковый выкид, выполнявший роль внутреннего бруствера.

Заключение

Таким образом, в результате произведенных раскопок, установлены размеры памятника, наличие рва, окружавшего крепость Аркабаш, его параметры и характер (рис. 15). Очевидно, что уничтоженный в 2013 г. вал крепости формировался за счет материкового лёссового грунта, извлеченного из создаваемого рва. Обращает внимание неразвитый характер укрепления, не имевшего башен (в виде выступов) ни на углах, ни на линии вала, сырцовых кирпичей, каменного фундамента/цоколя, что косвенно, вероятно, может указывать на более раннюю (нежели средневековый период) хронологию памятника. Отсутствие следов бытовой или иной деятельности на территории крепости (кострищ, стационарных очагов, пятен хозяйственных ям, землянок и т.п.), возможно, указывает на его, с одной стороны, кратковременное существование, с другой, отражает характер памятника, представлявшего своего рода наблюдательное, эпизодическое использовавшееся укрепление, с которого открывался широкий обзор Приморской низменности.

Точная датировка памятника не определена и нуждается в дальнейшем изучении. Из средней и придонной части заполнения рвов получена серия фрагментов керамической посуды архаичного облика, среди которой присутствовали в том числе фрагменты хронологически показательной сероглиняной керамики с лощеной поверхностью, которая характерна для керамических изделий албано-сарматского времени Дагестана – последних веков до н.э. – первых веков н.э. Эта дата может предварительно определять время возникновения и функционирования крепости Аркабаш.

Обращает внимание отсутствие на близлежащей территории, окружающей крепость со всех сторон, курганных насыпей – ближайшие из них расположены на расстоянии 1,3–3 км. Тогда как курганные могильники (Хасавюртовские, Андрейаульский), представляющие, по сути, одно огромное курганное поле, расположены в большом количестве к северу, западу и юго-западу от известного Андрейаульского городища и составляют его некрополь. Отметим также, что на расстоянии 2,1 км к востоку от крепости Аркабаш расположен крупный (высотой 10 м) курган Аюку-тубе² (рис. 1), а в 4 км почти в том же направлении (рис. 1А) расположено известное Андрейаульское городище, выступавшее центральным памятником раннегородского типа этой зоны, и недавно открытое Акташское городище последних веков до н.э. [9, с. 135–137]. Не исключено, что крепость Аркабаш была хронологически, пространственно и стратегически связана с Андрейаульским городищем, верхняя дата которого не выходит за рамки V в. н.э. Возможно, будущие исследования сохранившегося северного участка (около 1350 кв. м) крепости Аркабаш позволят уточнить датировку памятника.

² Курган носит имя Аюки (Аюка, Аюку) (1642–1724) – первого калмыцкого хана (1690–1724), 5-тысячная конница которого принимала участие в Персидском походе 1722 г. императора Петра I и действовала, в частности, в окрестностях близ расположенного сел. Эндери (бывш. Андрейаул). Можно полагать, что на вершине кургана располагалась ставка хана Аюки, что и отразилось в народной памяти в топониме.

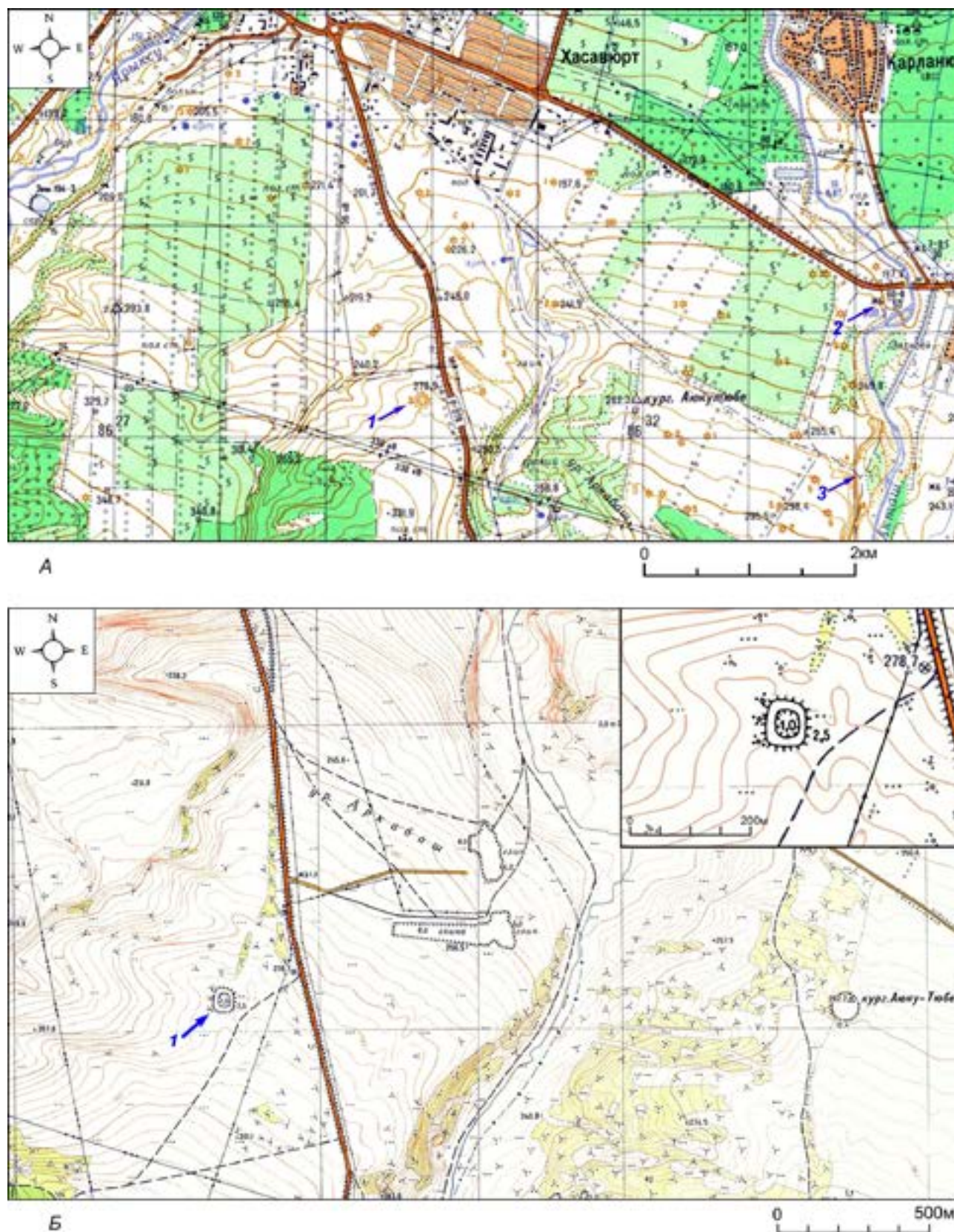


Рис. 1. Крепость Аркабаш. А – фрагмент карты Хасавюрта и его окрестностей (составлена в 1954 г., исправлена в 1992 г.) с указанием местоположения крепости Аркабаш (1), Акташского городища (Акташ-кордон) (2) и Андрейаульского городища (3); Б – фрагмент карты 1959 г. (обновлена в 1979 г.) с указанием местоположения крепости Аркабаш (1)

Fig. 1. Arkabash Fortress. A – fragment of a map of Khasavyurt and its surroundings (comp. in 1954, rev. in 1992) indicating the locations of Arkabash Fortress (1), the Aktash hillfort (Aktash-Kordon) (2), and the Andreyayul hillfort (3); B – fragment of a 1959 map (updated in 1979) indicating the location of Arkabash Fortress (1)



Рис. 2. Крепость Аркабаш. Космоснимки (по Google Earth): а – дата съемки 20.07.2011 г.; б – дата съемки 25.10.2013 г.

Fig. 2. Arkabash Fortress. Satellite imagery (via Google Earth): a – captured on July 20, 2011; b – captured on October 25, 2013



а



б

Рис. 3. Крепость Аркабаш: а – вид с ЮВВ; б – вид с ЮЮЗ. Дата съемки: 10.03.2023 г.

Fig. 3. Arkabash Fortress: a – view from the SE-E; b – view from the SS-W. Capture date: March 10, 2023



Рис. 4. Крепость Аркабаш. Подъемная керамика
Fig. 4. Arkabash Fortress. Surface-collected pottery

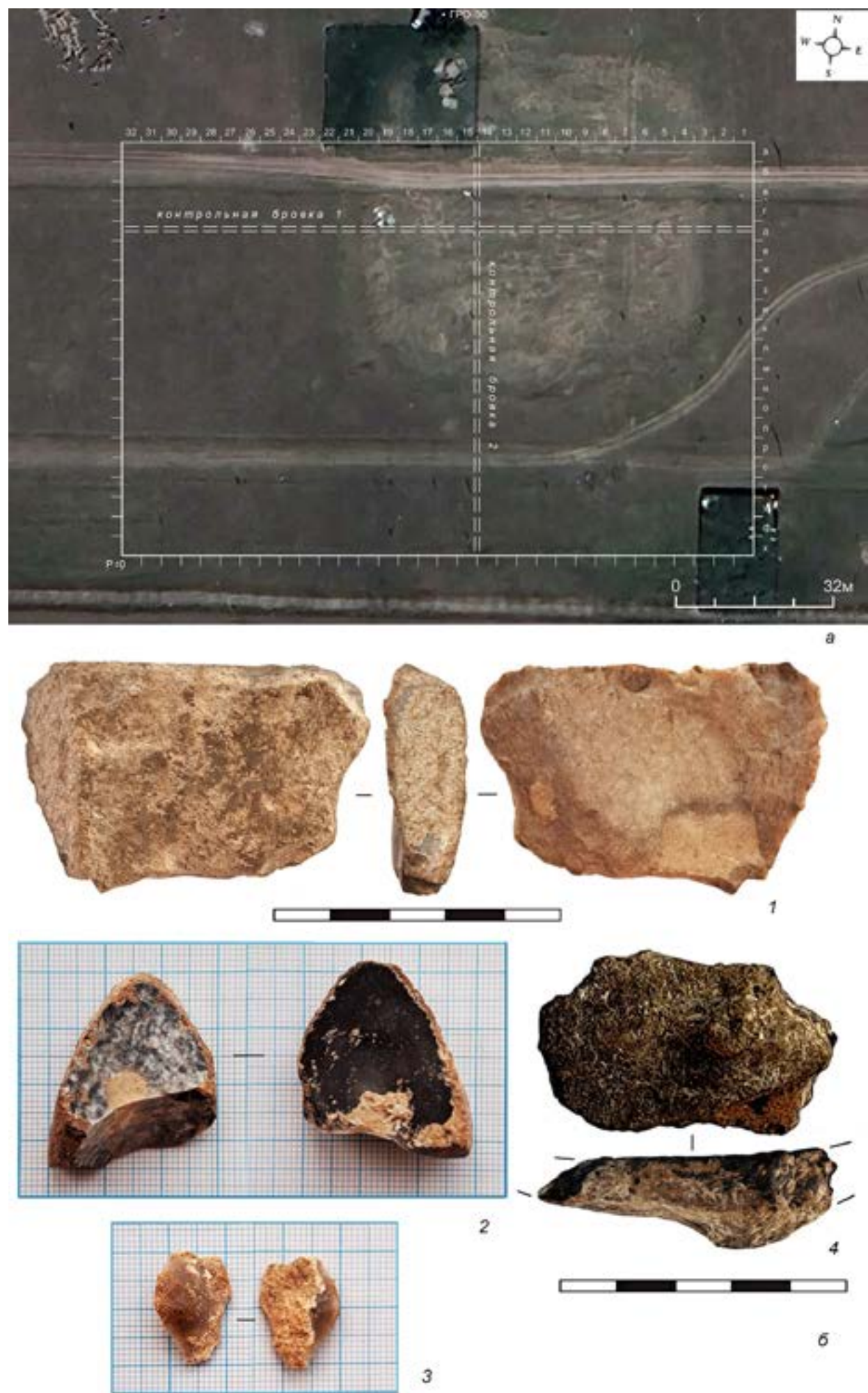


Рис. 5. Крепость Аркабаш. План раскопа на космоснимке (а) и находки отходов кремневого производства (б) при зачистке верхней части материкового лёсса

Fig. 5. Arkabash Fortress. Excavation plan overlaid on satellite imagery (a) and flint debitage finds (b) uncovered during the clearing of the upper subsoil loess layer



Рис. 6. Крепость Аркабаш. Раскоп с обозначением разрезов 1-6 (P1-P6) и контрольных бровок (а – вид с юга) и разреза 1 (б – вид с востока, в – вид с запада)

Fig. 6. Arkabash Fortress. Excavation area showing trenches 1–6 (T1–T6) and control baulks (а – view from the south), and trench 1 (b – view from the east, c – view from the west)



Рис. 7. Крепость Аркабаш. Разрез 1

Fig. 7. Arkabash Fortress. Trench 1

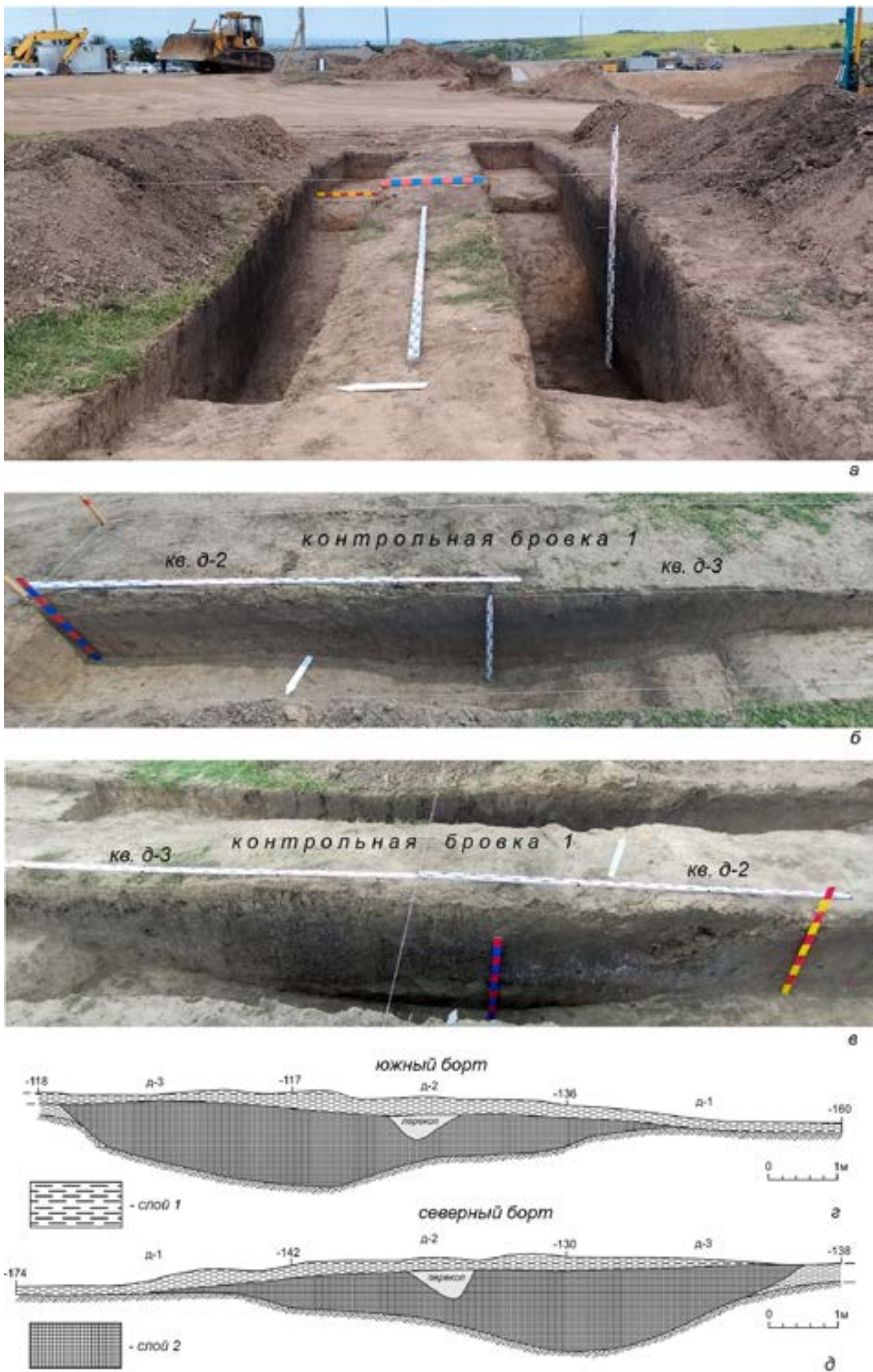


Рис. 8. Крепость Аркабаш. Разрез 2

Fig. 8. Arkabash Fortress. Trench 2

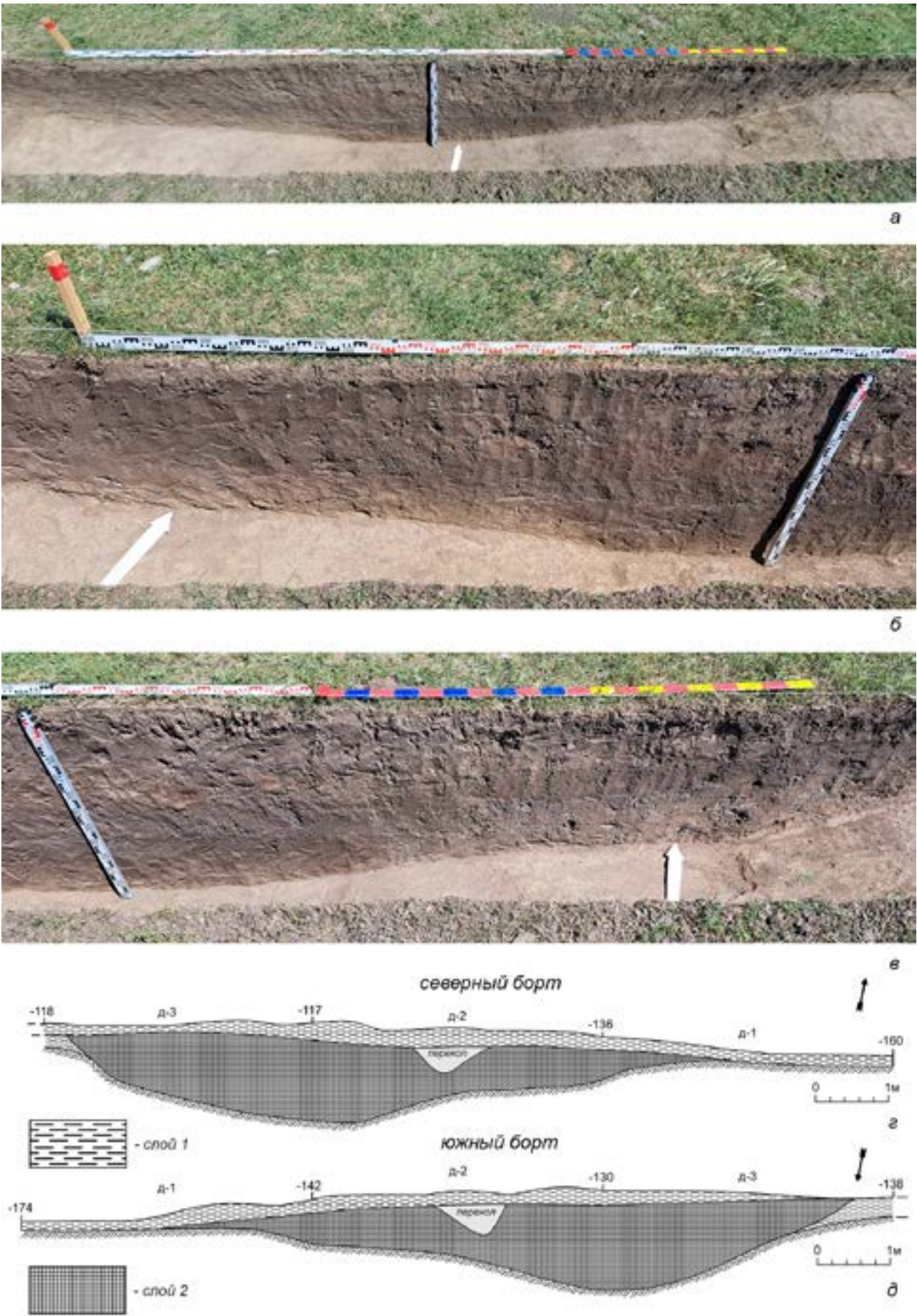


Рис. 9. Крепость Аркабаш. Разрез 3
Fig. 9. Arkabash Fortress. Trench 3

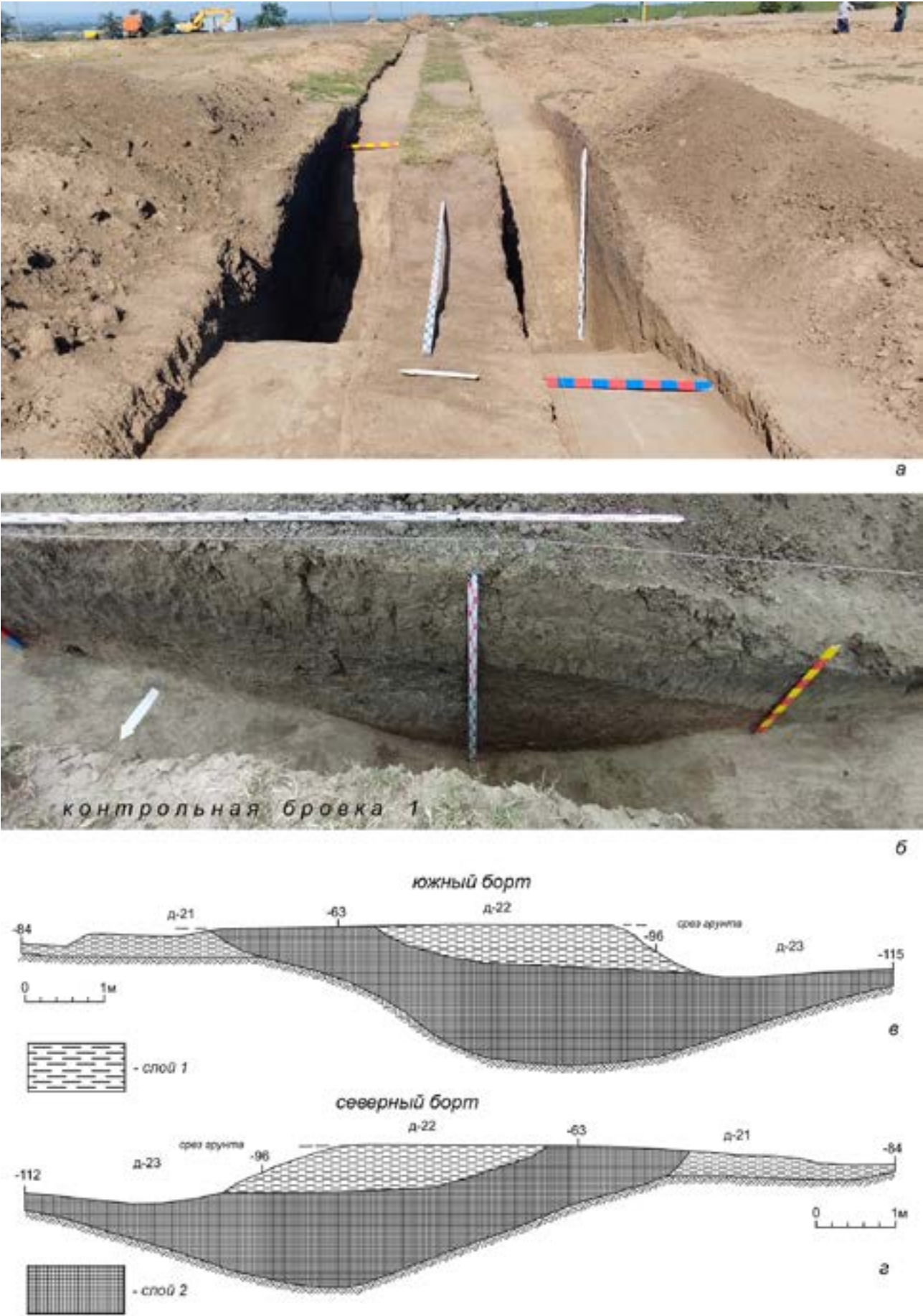


Рис. 10. Крепость Аркабаш. Разрез 4
Fig. 10. Arkabash Fortress. Trench 4

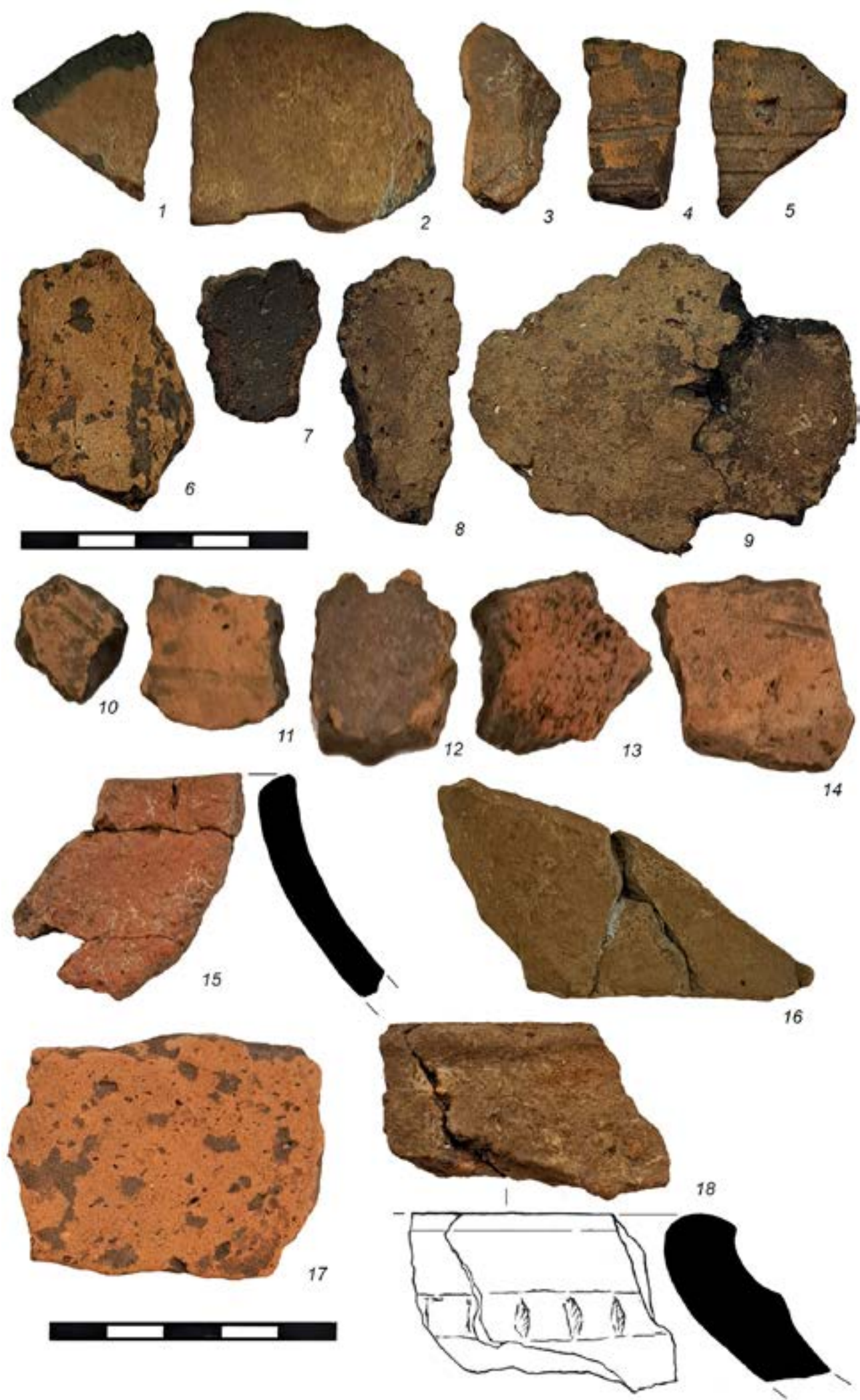


Рис. 11. Крепость Аркабаш. Разрез 4. Керамика из заполнения рва
Fig. 11. Arkabash Fortress. Trench 4. Pottery from the ditch fill



Рис. 12. Крепость Аркабаш. Разрез 5

Fig. 12. Arkabash Fortress. Trench 5



Рис. 13. Крепость Аркабаш. Разрез 6: а – вид с севера; б – вид с юга; в – профиль рва, восточный борт

Fig. 13. Arkabash Fortress. Trench 6: a – view from the north; b – view from the south; c – ditch profile, eastern section

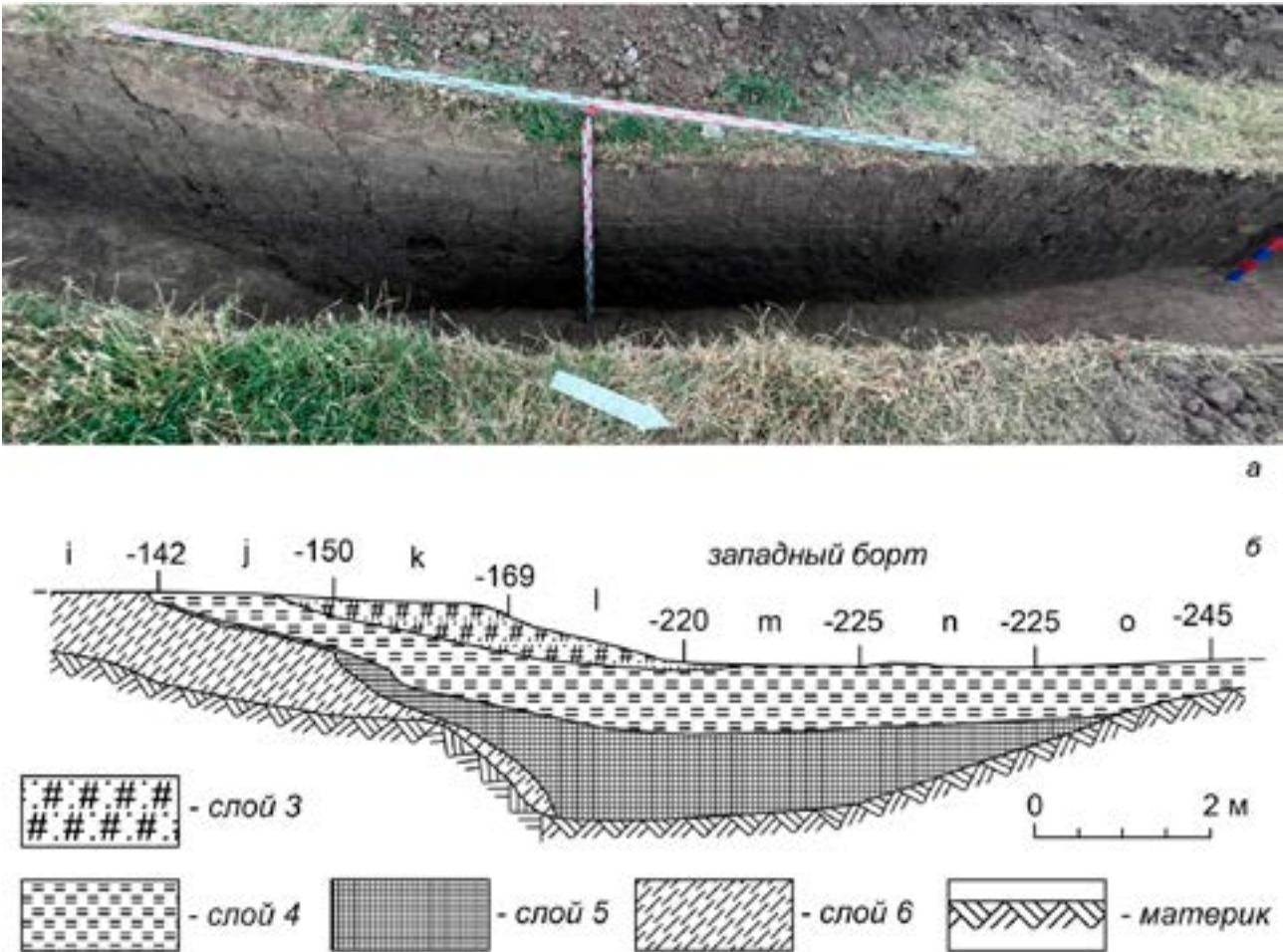


Рис. 14. Крепость Аркабаш. Разрез 6. Профиль рва, западный борт

Fig. 14. Arkabash Fortress. Trench 6. Ditch profile, western section



а



б

Рис. 15. Крепость Аркабаш. Вид с ЮВ

Fig. 15. Arkabash Fortress. View from the SE

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магомедов М.Г., Гмыря Л.Б. Работы на Андрейаульском городище // АО 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 136–137.
2. Магомедов М.Г., Абрамова М.П., Гмыря Л.Б. Исследования Андрейаульского городища // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 108–109.
3. Магомедов М.Г., Гмыря Л.Б. Итоги раскопок Андрейаульского городища // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 128.
4. Магомедов М.Г. Раскопки Андрейаульского городища // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 115–116.
5. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата: по материалам археологических исследований и письменным данным. М.: Наука, 1983. 225 с., илл.
6. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. 325 с., илл.
7. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
8. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
9. Гаджиев М.С., Будаичев А.Л., Абдулаев А.М., Таймазов А.И., Хазамов Д.А. Исследования Акташского городища // Археологические исследования Северного Кавказа в XIX – начале XXI века: традиции и инновации. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIV Крупновские чтения», посвященной 145-летию Пятого археологического съезда в Тифлисе. Владикавказ: ВНИЦ РАН, 2026. С. 135–137.

Поступила в редакцию 13.05.2026
Принята в печать 16.06.2026
Опубликована 30.06.2026

REFERENCES

1. Magomedov MG., Gmyrya LB. Works at the Andreyaul settlement. *Archaeological Discoveries of 1975*. Moscow: Nauka, 1976: 136-137. (In Russ)
2. Magomedov M.G., Abramova M.P., Gmyrya L.B. Studies of the Andreyaul settlement. *Archaeological Discoveries of 1976*. Moscow: Nauka, 1977: 108-109. (In Russ)
3. Magomedov MG., Gmyrya LB. Results of the excavations of the Andreyaul settlement. *Archaeological Discoveries of 1977*. Moscow: Nauka, 1978:128. (In Russ)
4. Magomedov MG. Excavations of the Andreyaul settlement. *Archaeological Discoveries of 1979*. Moscow: Nauka Publ., 1980:115-116. (In Russ)
5. Magomedov MG. *Formation of the Khazar Khaganate: based on archaeological research and written sources*. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)
6. Abakarov AI., Davudov OM. *Archaeological map of Dagestan*. Moscow: Nauka Publ., 1993. (In Russ)
7. Sevortyan EV. *Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems with vowels*. Moscow: Nauka, 1974. (In Russ)
8. Sevortyan EV. *Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems with the letter "B"*. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ)
9. Gadzhiev MS., Budaichiev AL., Abdulaev AM., Taymazov AI., Khazamov DA. Studies of the Aktash settlement. *Archaeological research of the North Caucasus in the 19th – early 21st century: traditions and innovations. Proceedings of the International Scientific Conference on the Archaeology of the North Caucasus "XXXIV Krupnov Readings", dedicated to the 145th anniversary of the Fifth Archaeological Congress in Tiflis*. Vladikavkaz: VNTs RAS Publ., 2026:135-137. (In Russ)

Recieved 13.05.2026
Accepted 16.06.2026
Published 30.06.2026

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капанова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 28.06.2026. Формат 60х84 $\frac{1}{8}$
Гарнитура Georgia